МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: История и право

Научный журнал

Том 11 № 5 / 2021

Proceedings
of the Southwest State University
Series: History and Law

Scientific Journal

Vol. 11 № 5 / 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право

(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовносоного процесса, криминалистики, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Исторические науки и археология: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Юридические науки: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Политология: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Региональный открытый социальный институт (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Глухова Александра Викторовна, д-р полит. наук, профессор, Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор**,** Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Курбанов Рашад Афатович, д-р юрид. наук, профессор, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Марковичева Елена Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Москва, Россия)

Молокова Маргарита Александровна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Устинович Елена Степановна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Чубаров Вадим Витальевич, д-р юрид. наук, профессор, Торгово-промышленная палата Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции:
305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Юго-Западный государственный университет, 2021

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44296 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 22.10.2021.
Дата выхода в свет 29.10.2021. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 32,9.
Тираж 1000 экз. Заказ 55.

Proceedings of the Southwest State University
Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctorial or candidate thesis in the following areas:

Historical Studies and Archaeology: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Juridical Studies: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Political Studies: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Kursk, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Aleksandra V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor, Voronezh State University (Kursk, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Chairman of the Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Rashad A. Kurbanov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena V. Markovicheva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Margarita A. Molokova, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Vadim V. Chubarov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94
Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/

© Southwest State University, 2021

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94
Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

16+

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

Sent to the printer 22.10.2021.
Release 29.10.2021. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 32,9.
Circulation 1000 copies. Order 55.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО 10

Оригинальные статьи

Третье поколение прав человека и вопрос о правовой защите русскоязычного населения Украины 10

Михайлов В. В.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО 19

Оригинальные статьи

Правоотношения, возникающие при заключении предварительного договора 19

Семенуха Т. Б.

К вопросу об особенностях механизма реализации прав на цифровые валюты 32

Туешова Е. С.

Правовое регулирование деятельности организаций, осуществляющих реализацию и защиту авторских и смежных прав 45

Барковская Л. Е.

Понятие и признаки семейного предпринимательства 54

Пономарев Д. А.

Роль корпоративного договора в регулировании вопросов, связанных с распоряжением исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности 65

Марасанов В. М.

История становления законодательства о защите прав потребителей в Социалистической Республике Вьетнам 74

Ха Тхи Нгок

Защита прав участников ипотечных правоотношений в законодательстве Германии 87

Понька В. Ф.

Принцип полного возмещения вреда и его отражение в законодательстве Российской Федерации 96

Григорьева И. М.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ 104

Оригинальные статьи

Особенности применения мер медицинского характера, соединенные с наказаниями без изоляции от общества 104

Ефремова И. А.

Проблемы отбывания принудительных медицинских мер, соединенных с наказаниями без изоляции от общества 114

Савин А. А.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС 130

Оригинальные статьи

Состязательный характер уголовного процесса: проблемные аспекты 130

Гриненко А. В., Чистилина Д. О.

Отказ от субъективного права как проявление диспозитивности в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность……141

Чеботарева И. Н., Пашутина О. С.

К вопросу о возможности отказа от субъективного права посредством неправомерного поведения.....155

Пашутина О. С., Ревина И. В.

ПОЛИТОЛОГИЯ…… 167

Оригинальные статьи

К вопросу современного этапа развития политико-экономических исследований в российской политической науке: «политическая экономия» или «экономическая политология»? 167

Устинович Е. С.

Реализация внешнеполитической повестки США на постсоветском пространстве в период президентства Д. Трампа: опыт взаимодействия с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан 178

Шевченко Е. С.

Security Challenges and Migration in the Central Africa……191

Mugadam Mahamat Mugadam, Oumar Sidibe

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ …… 205

Оригинальные статьи

«Господи, помоги мне сдать экзамен»: православные практики советских учащихся в 1940–1960-е годы……205

Апанасенок А. В.

Жалобы солдатских семей Воронежской губернии на действия уездных земств во время Русско-японской войны 1904–1905 годов……217

Чубаров А. И.

Историография проблемы правового регулирования лесопользования в русском праве XIX – начала XX века……228

Никифоров С. А.

Роль М. Д. Бутина (1835-1907) в приобщении жителей Байкальской Сибири к искусству во второй половине XIX – начале XX века……239

Ткачев В. В.

Форма одежды и знаки отличия Комитета морских экскурсий в начале XX века.....252

Лысак Т. Н.

Детские музыкальные школы Среднего Поволжья в 50–60-е годы XX века 260

Суетин И. Н.

Становление единой трудовой школы в России в 1918–1922 годы (по материалам Государственного архива Курской области)……274

Соловьянова М. В.

К сведению авторов …… 283

CONTENT

CONSTITUTIONAL LAW……10

Original articles

The third Generation of Human Rights and the Issue of Legal Protection of the Russian-Speaking Population of Ukraine……10

Vadim V. Mikhailov

CIVIL LAW……19

Original articles

Legal Relations Arising when Concluding a Preliminary Agreement……19

Tatiana B. Semenukha

On the Question of the Specifics of the Mechanism for the Implementation of Rights to Digital Currencies……32

Ekaterina S. Tueshova

Legal Regulation of the Activities of Organizations Engaged in the Implementation and Protection of Copyright and Related Rights……45

Ludmila E. Barkovskaya

The Concept and Characteristics of Family Entrepreneurship……54

Dmitrii A. Ponomarev

The Role of the Corporate Agreement in the Regulation of Issues Related to the Disposal of Exclusive Rights to the Results of Intellectual Activity……65

Valerii M. Marasanov

The History of the Formation of Consumer Protection Legislation in the Socialist Republic of Vietnam……74

Ha Thi Ngoc

Protection of the Rights of Participants in Mortgage Legal Relations in the Law of Germany……87

Viktor F. Ponka

The Principle of Full Compensation for Harm and Its Reflection in the Legislation of the Russian Federation……96

Irina M. Grigorieva

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY……104

Original articles

Features of Using Coercive Medical Measures, Combined with Punishments Without Isolation from Society……104

Irina A. Efremova

Problems of Serving Compulsory Sentences Medical Measures Related to with Punishments Without Isolation from Society……114

Andrey A. Savin

CRIMINAL PROCEEDINGS……130

Original articles

The Aadversarial Nature of the Criminal Procedure: Problematic Aspects……130

Aleksandr V. Grinenko, Daria O. Chistilina

Rejection of Subjective Law as a Manifestation of Dispositivity in Domestic Criminal Proceedings: History and Modernity……141

Irina N. Chebotareva, Olesya S. Pashutina

On the Question of the Possibility of Renouncing Subjective Rights as a Result of Misconduct……155

Olesya S. Pashutina, Irina V. Revina

POLITICAL SCIENCES

Original articles

To the Question of the Current Stage of Development of Political and Economic Research in Russian Political Science: "Political Economy" or "Economic Political Science"?.....167

Elena S. Ustinovich

Realization of the us Foreign Policy Agenda in Post-Soviet Space in the Period of D. Trump's Presidency: Experience of Interaction with the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan..... 178

Ekaterina S. Shevchenko

Угрозы политической безопасности и миграция в Центральной Африке.....191

Мугадам Махамат Мугадам, Умар Сидибе

HISTORICAL SCIENCES..... 205

Original articles

"Lord, Help me to Pass the exam": Orthodox Practices of Soviet Pupils in the 1940s-1960s.....205

Alexander V. Apanasenok

Complaints of Soldiers' Families of the Voronezh Province Against the Actions of the County Zemstvos During the Russian-Japanese War of 1904-1905.....217

Aleksei I. Chubarov

Historiography Of The Problem Of Legal Regulation Of Forest Management In Russian Law In The 19th – Early 20th Centuries..... 228

Sergey A. Nikiforov

The Role of M. D. Butin (1835-1907) in Introducing the Inhabitants of Baikal Siberia to Art in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries.....239

Vitaliy V. Tkachev

The Uniform and Insignia of the Committee of Sea Excursions in the Early Twentieth Century..... 252

Tatyana N. Lysak

Children's Music Schools of Middle Volga in the 50s – 60s of the XX Century..... 260

Ilya N. Suetin

The Formation of a Unified Labor School in Russia 1918–1922 (Based on the Materials of the State Archive of the Kursk Region).....274

Marina V. Solovyanova

INFORMATION FOR AUTHORS..... 283

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-10-18

(cc) BY 4.0

Третье поколение прав человека и вопрос о правовой защите русскоязычного населения Украины

В. В. Михайлов[1] ✉

[1] Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
ул. Гастелло 15, г. Санкт-Петербург 196135, Российская Федерация

✉ e-mail: batukom@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Отношение к нарушению прав русскоязычного населения на Украине является одним из наиболее актуальных для современной Российской Федерации примером политики двойных стандартов международного правозащитного поля, требующим своего теоретического и практического ответа со стороны как российского, так и международного правозащитных сообществ.*

Цель *– исследовать противоречия в современной теории и практике международной правовой защиты русскоязычного населения на Украине и возможные пути разрешения конфликта на основе реализации правовой защиты групповых прав (третьего поколения прав человека) русскоязычного населения.*

Задачи*: показать противоречия в современной теории и проблемы в международной практике защиты языковых и культурных прав русскоязычного населения на постсоветском пространстве; рассмотреть морально-правовые аспекты защиты русскоязычного меньшинства на Украине в контексте понятия о групповых (коллективных) правах; указать на возможность применения основанных на теории третьего поколения прав человека способов защиты русскоязычного населения на Украине и преодоления длительного немеждународного военного конфликта в регионе.*

Методология *исследования включает общие принципы научного познания: объективность, системность, историчность, а также частные научно-исследовательские методы в области науки права.*

Результаты *исследования заключаются в предложениях по более активному проведению политики правовой защиты русскоязычного населения в рамках теории третьего поколения прав человека (групповых прав).*

Выводы. *В результате исследования показано, что теоретические обоснования групповых (коллективных) прав или прав третьего поколения могут и должны стать основой для более объективного и широкого поля применения средств правовой защиты, в том числе русскоязычного населения на Украине и в целом на постсоветском пространстве и за рубежом.*

Ключевые слова*: правовая защита; права человека; групповые права; языковые права; культурные права; правовой статус; русскоязычное население.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Михайлов В. В. Третье поколение прав человека и вопрос о правовой защите русскоязычного населения Украины // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 10–18. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-10-18.

Поступила в редакцию 27.08.2021 Принята к публикации 24.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Михайлов В. В., 2021

The third Generation of Human Rights and the Issue of Legal Protection of the Russian-Speaking Population of Ukraine

Vadim V. Mikhailov[1] ✉

[1] Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
15 Gastello str., St. Petersburg 196135, Russian Federation

✉ e-mail: batukom@mail.ru

Abstract

Relevance. *The attitude to the violation of the rights of the Russian-speaking population in Ukraine is one of the most relevant examples of the policy of double standards of the international human rights field for the modern Russian Federation, which requires a theoretical and practical response from both the Russian and international human rights communities.*

The purpose *is to investigate the contradictions in the modern theory and practice of international legal protection of the Russian-speaking population in Ukraine and possible ways to resolve the conflict based on the implementation of legal protection of group rights (third generation of human rights) of the Russian-speaking population.*

Objectives: *to show the contradictions in modern theory and problems in international practice of protecting the linguistic and cultural rights of the Russian-speaking population in the post-Soviet space; to consider the moral and legal aspects of protecting the Russian-speaking minority in Ukraine in the context of the concept of group (collective) rights; to point out the possibility of using methods based on the theory of the third generation of human rights to protect the Russian-speaking population in Ukraine and to overcome a long non-international military conflict in the region.*

The research methodology *includes the general principles of scientific cognition: objectivity, consistency, historicity, as well as private research methods in the field of the science of law.*

The results *of the study consist in proposals for more active implementation of the policy of legal protection of the Russian-speaking population within the framework of the theory of the third generation of human rights (group rights).*

Conclusions. *As a result of the study, it is shown that theoretical justifications of group (collective) rights or rights of the third generation can and should become the basis for a more objective and broad field of application of legal remedies, including the Russian-speaking population in Ukraine and in the post-Soviet space and abroad as a whole.*

Keywords: *legal protection; human rights; group rights; language rights; cultural rights; legal status; Russian-speaking population.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Mikhailov V. V. The third Generation of Human Rights and the Issue of Legal Protection of the Russian-Speaking Population of Ukraine. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 10–18. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-10-18.

Received 27.08.2021 Accepted 24.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

В современном международном праве защита различных уязвимых групп, к которым относят как национальные, так и социальные группы, становится объектом все более ожесточенных теоретических споров и практических конфликтов. Предпочтение в правозащите одних групповых интересов и игнорирование других ведет к формированию политики двойных стандартов, вследствие чего многие международные правовые институты и правозащитные учреждения теряют авторитет и влияние, становясь проводниками политических игр. Одним из

показательных примеров такой политики является отношение международных организаций, в том числе правозащитных, к нарушению прав русскоязычного населения в ходе начавшегося в 2014 г. конфликта на Украине. Длительное вооруженное противостояние, основанием которого являются нарушения основных прав русскоязычного большинства населения регионов ДНР и ЛНР, настоятельно требует выработки актуальной политики преодоления конфликта, прекращения нарушения прав человека и гарантий ненарушения их в будущем. Эти требования актуализируют проблематику исследования, в первую очередь для отечественной правозащитной теории и практики.

Методология

Методология исследования включает общие принципы научного познания: объективность, системность, историчность, а также сравнительно-правовой, системно-структурный и другие частные научно-исследовательские методы в области науки права. В основной части использовался методологический аппарат теории поколений прав человека К. Васака [1; 2], а также современных теорий группового права, как зарубежных либерального направления: В. ван Дайка [3], И. Динштейна [4] и В. Кимлики [6; 7], так и отечественные разработки Р. И. Ахметшина [8], С. Н. Горбунова и Б. А. Молчанова [9], М. Б. Напсо [10], И. С. Тарбастаевой [11], а также методологические основы теории морально-правового конфликта А. А. Боера [12] и концепции правовой защиты уязвимых групп Е. С. Алисиевич [2].

Результаты и их обсуждение

В ходе развития современной правовой теории юридическое требование недискриминации и правовой защиты всех категорий граждан, в том числе относящихся к расовым, национальным, языковым, религиозным меньшинствам, было признано одним из основных положений, вытекающим из общего принципа наличия неотъемлемых и неотчуждаемых прав человека. Однако практика правовой защиты, чаще всего основывающаяся в настоящее время на понятиях меньшинств, имеет ряд недостатков, которые проявились, в частности, в ходе внутреннего гражданского конфликта на Украине, приведшего к присоединению Республики Крым и города Севастополя к Российской Федерации и сепаратистскому движению на востоке страны и образованию провозгласивших независимость от центральной власти Донецкой и Луганской народных республик, сопровождавшегося длительным вооруженным конфликтом.

Так, принятие правительством Украины «Закона о коренных народах» ставит вопрос об идентификации народа как коренного в зависимость от наличия или отсутствия у национальной группы суверенного национального государства. В результате многим национальным меньшинствам, исторически проживающим на территории Украины, получившей государственность лишь в 1991 г., было отказано в праве считаться коренными народами Украины и, следовательно, иметь особые права на свободное пользование родным языком, развивать национальную культуру и жизненный уклад, а также участвовать в политической жизни государства как особой группе населения. При этом Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка 1998 г. также наделяют национальные меньшинства правом использовать родной язык при создании общественных организаций, средств массовой информации, торговых и промышленных предприятий, культурных и образовательных учреждений[1]. Можно отметить, что в 1994 г. американский правовед П. Чейз, рассматривая ситуацию в

[1] Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка. – URL: osce.org/files/f/documents/j/2/67541.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

Крыму после распада СССР и вхождения его в состав Украины, приветствовал сохранение русского языка в качестве главенствующего в этой русскоязычной автономии [13, p. 222]. Право национального меньшинства свободно пользоваться своим родным языком особенно отмечается и в тексте Конвенции ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, принятой в 2005 г. [1]

Это показывает, что в системе правовой защиты меньшинств, основывающейся на национальности, имеется возможность игнорирования неотъемлемых прав личности. В то же время существуют теоретические разработки, основанные на концепции поколений прав человека, которые, на наш взгляд, могут разрешить данную правовую коллизию. Это концепция третьего поколения прав человека, или групповых (коллективных прав), основывающихся на солидарных правах группы, разработанная чешским юристом и первым генеральным секретарем Международного института прав человека в г. Страсбурге К. Васаком [14, с. 15]. Необходимость признания особой формы прав человека – групповых или коллективных прав – обосновывали как советские, так и западные правоведы. Так, известный прогрессивный американский правовед Луис Сон писал еще в 1982 г.: «международное законодательство признает не только неотчуждаемые права индивида, но и определенные коллективные права, которые могут выражать индивидуумы, образующие сообщества, в частности народы и нации. Эти права остаются правами человека, а эффективная защита коллективных прав является условием защиты других прав, политических, экономических или и тех, и других» [15, p. 48].

Теория групповых прав пока еще не является полной гарантией ненарушения прав группы, что связано, в первую очередь, с тем, что группа для получения своего правового статуса должна быть индентифицируема со стороны официальной власти. В различных современных теориях права групповая идентичность является чрезвычайно существенным элементом разработки целостной системы прав человека. Так, неидентифицируемая государством языковая группа в лице входящих в нее индивидов, как это произошло в Прибалтике с русскоязычным населением, может быть исключена из-под действия государственной правовой и юридической системы. Однако вопрос о соблюдении политических и языковых прав русскоязычного меньшинства члены Европарламента целиком оставили на произвол прибалтийских правительств, отмечая, что в общеевропейском пространстве Шенгена статус «неграждан» не препятствует им перемещаться и работать[2]. Тем не менее борьба за идентификацию группы и достижение ею соответствующего правового статуса является более прочной гарантией защиты групповых прав, нежели статус национальный, который позволяет, как мы видели, полностью игнорировать основные права на культуру, язык и религию, как это происходит на Украине.

Классик либеральной теории права Уилл Кимлика отмечает два способа идентификации групп, в том числе национальных, с целью преодолеть внутренние конфликты. Первый способ – негативный – «денационализация» меньшинств, предполагающая идеологию централизованного государства, при которой активные требования соблюдения групповых прав отвергаются как сепара-

[1] Конвенция ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, принята 20 октября 2005 года на Генеральной Конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединенных Наций; ЮНЕСКО. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml. (дата обращения: 10.08.2021).

[2] В Европарламенте оправдали дискриминационные законы против русских в Прибалтике. URL: https://life.ru/1118832/ (дата обращения: 10.08.2021).

тизм и национализм. Альтернативой этому Кимлика считает «разделенное гражданство», близкое к федерализации, и даже к конфедерации американского типа [7, p. 128–131]. Несмотря на то, что ряд правоведов видит в «разделенном гражданстве» У. Кимлики больше проблем, чем их решений, поскольку каждое государство «имеет свою историю населения и того, как граждане решают вопросы совместного проживания» [16, p. 21], первый тип решения проблем решения групповых прав отвергается подавляющим большинством, как не соответствующий не просто современным демократиям, но просто как антигуманный и антицивилизованый. Однако именно этот способ «денационализации» русскоязычного населения явно имеет место на Украине после переворота 2014 г.

Нарушение групповых прав русскоязычного населения Украины имеет помимо правового, также и морально-нравственное измерение, поскольку является нарушением «сохраняющих устойчивость системы нравственных отношений, сложившихся в обществе» [12, с. 99]. Как отмечает в своем исследовании С. Р. Алексанян, «…совершенный в Украине государственный переворот и последовавшая за ним политика принудительной ассимиляции русскоязычного населения, сопровождавшаяся многочисленными нарушениями прав человека по лингвистическому и национальному признаку… создали те самые особые обстоятельства, давшие Крыму легитимные с точки зрения международного права основания к отделению» [1, с. 124–127]. Либеральный теоретик П. Джонс развивает идею того, что именно моральный статус группы должен обусловливать его «правовую идентификацию», причем независимо от морального статуса входящих в группу индивидов [17, p. 79].

Глава мадридского офиса Европейского Совета по международным отношениям политолог Хосе Игнасио Торребланка утверждает, что «Россия нарушила условия Будапештского меморандума «О гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия», подписанного 5 декабря 1994 г. лидерами Украины, США, России и Великобритании»[1], дающего гарантию Украины на территориальную целостность. Но в принятом дополнительно к меморандуму заявлении лидеров Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Украины были указаны пункты, согласно которым представитель Украины Л. Д. Кучма подтвердил обязательства страны обеспечить, «чтобы страны и народы не подвергались более угрозе военной силы или другим нежелательным последствиям агрессивного национализма и шовинизма» [совместное]. События на Украине после смены власти в 2014 г. показали значительный рост этих настроений, угрозу безопасности русскоязычного населения и нарушение меморандума, что и привело к решению народа Крыма. При этом Будапештский меморандум, накладывая обязательство «уважать» территориальную целостность стран, не накладывает обязательство на Россию или другие страны-подписанты принуждать народы Крыма остаться в составе Украины или иным способом препятствовать осуществлению права народов на политическое и национальное самоопределение[2].

Если пример Крыма можно назвать в правовом смысле территориальной реституцией – возвратом территории, ранее принадлежавшей Российскому государству в его разных формах, а не сецессией

[1] Торребланка Х. И. Десять нарушений международного права, совершенных Россией на Украине // Иносми. 2015. 18 февр. URL: https://inosmi.ru/russia/20150218/226348174.html (дата обращения: 10.08.2021).

[2] Совместное заявление, сделанное 5 декабря 1994 года в Будапеште лидерами Российской Федерации, Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки и Украины // Генеральная Ассамблея ООН. Сорок девятая сессия. Пункты 62 и 70 повестки дня. A/49/765. S/1994/1399. 19 December 1994. Russian original.

и тем более оккупацией (поскольку русскоязычное население составляло к моменту проведения референдума о присоединении к Российской Федерации абсолютное большинство), то в отношении ДНР и ЛНР имеет место иная групповая расположенность населения и, следовательно, иная форма прекращения пребывания в составе государства, нарушающего законные права значительных групп населения, как по национальному признаку, так и по признакам культурно-языковой идентификации. При этом русскоязычное большинство, как русских, так и украинцев и иных национальностей, имеет все права на свою языковую и культурную идентичность.

Разрешение культурно-национального конфликта на Украине несомненно, связано с тем, какой будет постконфликтная политика украинского государства. Так, русскоязычное население ДНР и ЛНР имеет полное право на требование компенсации за несправедливое отношение и непризнание своих неотъемлемых прав, отраженное в законодательных актах Украины, начиная с принятия «языкового закона» и отрицания для русскоязычных украинцев статуса «коренного народа» в законе «О коренных народах». Можно отметить, что «…правовая система либерального государства отдает предпочтение не признанию группового права на компенсацию, а мерам по практическому улучшению положения сообщества, на такое признание претендующего. В США эта практика заключается в так называемых “аффирмативных мерах”, т. е. неформальным признанием прав понесших тот или иной ущерб групп, заключающемся в признании и принятии мер по компенсации ущерба в отношении установленного числа лиц» [18, с. 296]. Однако, как показывает международный опыт, эта практика не создает достаточных гарантий того, что нарушение прав не повторится в будущем. Только достаточно четко и точно определенные правовые инструменты, включая законодательство, устанавливающее необратимость гарантий языковых, культурных, религиозных и политических прав ранее ущемляемых групп, могут прекратить внутренний гражданский конфликт. В противном случае население может требовать от мирового сообщества реализации своего законного права на самоопределение. При этом «…не должен нарушаться принцип единства законов, одинаково защищающих любого гражданина, к какой бы категории он ни относился» [19, с. 39].

Выводы

Наличие групп населения, подвергающихся тем или иным формам дискриминации, произвола и несправедливости, ставят вопросы защиты групповых прав на первое место в современной повестке как теории, так и практики правовой защиты. При этом теоретическая систематизация должна основываться и кристализоваться вокруг наиболее разработанных областей права, имеющих признанное обоснование и практическую реализацию, подтвержденную прогрессивным движением обществ, их реализующих, к главной цели – осуществлению всеобщих прав человека. Теоретические обоснования групповых (коллективных) прав или прав третьего поколения могут стать основой для более объективного и широкого поля применения средств правовой защиты, в том числе русскоязычного населения на Украине и в целом за рубежом.

Список литературы

1. Алексанян С. Р. Принцип равноправия и самоопределение народов в современном международном праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 228 с.

2. Алисиевич Е. С. Поощрение и защита прав уязвимых групп в международном праве. М.: РУДН, 2012. 431 с.

3. Van Dyke V. Collective entities and moral rights: problems in liberal-democratic thought // The Journal of Politics. 1982. No. 44. P. 21–40.

4. Dinstein Y. Collective human rights of people and minorities // International and Comparative Law Quarterly. 1976. No. 25. P. 116–119.

5. Ethnicity and group rights / ed. by I. Shapiro, W. Kymlicka. New York, London: New York University Press, 1997. 656 p.

6. Kimlicka W. Multicultural citizenship: a liberal theory of minority rights. Oxford: Clarendon Press, 1995. 290 p.

7. Kymlicka W. Justice and security in the accommodation of minority nationalism: comparing East and West // The Politics of Belonging: Nationalism, Liberalism and Pluralism / ed. A. Dieckhoff. New York: Lexington, 2004. P. 127–154.

8. Ахметшин Р. И. К проблеме третьего поколения прав человека (международно-правовые аспекты): дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. 167 с.

9. Горбунов С. Н., Молчанов Б. А. Возмещение вреда за исторические несправедливости. Архангельск: КИРА, 2013. 489 с.

10. Напсо М. Б. Этнические коллективные и индивидуальные права: выбор между правами народов и культурными правами индивида // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 50. С. 102–110.

11. Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики: сборник научных трудов / отв. ред. Ю. В. Попков, И. С. Тарбастаева. Новосибирск: Манускрипт, 2017. 196 с.

12. Боер А. А. Морально-правовой конфликт: теория и практика разрешения и совершенствования. СПб.: ГУАП, 2015. 128 с.

13. Chase P. Conflict in crimea: an examination of ethnic conflict under contemporary model of sovereignty // Columbia Journal of Transnational Law. 1995. No. 34. P. 219–254.

14. Михайлов В. В. О некоторых противоречиях в определении правового статуса групп (коллективов) в современной западной и отечественной теории правовой защиты // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 1 (50). С. 15–20.

15. Sonh L.B. The new international law: protection of the rights of individuals rather than States // UN Law Review. 1982. Vol. 10, is. 1. P. 48.

16. Smith R. Stories of peoplehood: The politics and morals of political membership. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 236 p.

17. Jones P. Human rights, group rights and people’s rights // Human Rights Quaterly. 1999. Vol. 21, P. 78–83.

18. Михайлов В. В. Правовой механизм компенсации за несправедливые действия против групп меньшинств: автономия и национальное самоопределение как формы защиты коллективных (групповых) прав национальных меньшинств // Закон. Право. Государство. 2020. № 3 (26). С. 294–303.

19. Антохина Ю. А., Боер В. М., Глущенко П. П. Правозащитная деятельность: теория и практика защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. СПб.: ГУАП, 2016. 562 с.

References

1. Aleksanyan S. R. Princip ravnopraviya i samoopredelenie narodov v sovremennom mezhdunarodnom prave. Diss. kand. yurid. nauk [The principle of equal rights and self-

determination of peoples in modern international law. Cand. legal sci. dis.]. Moscow, 2017. 228 p.

2. Alisievich E. S. Pooshchrenie i zashchita prav uyazvimyh grupp v mezhdunarodnom prave [Promotion and protection of the rights of vulnerable groups in international law]. Moscow, RUDN Publ., 2012. 431 p.

3. Van Dyke V. Collective entities and moral rights: problems in liberal-democratic thought. *The Journal of Politics*, 1982, no. 44, pp. 21–40.

4. Dinstein Y. Collective human rights of people and minorities. *International and Comparative Law Quarterly*, 1976, no. 25, pp. 116–119.

5. Ethnicity and group rights; ed. by I. Shapiro, W. Kymlicka. New York, London, New York University Press, 1997. 656 p.

6. Kimlicka W. Multicultural citizenship: a liberal theory of minority rights. Oxford, Clarendon Press, 1995. 290 p.

7. Kymlicka W. Justice and security in the accommodation of minority nationalism: comparing East and West. The Politics of Belonging: Nationalism, Liberalism and Pluralism; ed. by A. Dieckhoff. New York, Lexington, 2004, pp. 127–154.

8. Ahmetshin R. I. K probleme tret'ego pokoleniya prav cheloveka (mezhdunarodno-pravovye aspekty). Diss. kand. yurid. nauk [On the problem of the third generation of human rights (international legal aspects). Cand. legal sci. dis.]. Moscow, 1999. 167 p.

9. Gorbunov S. N., Molchanov B. A. Vozmeshchenie vreda za istoricheskie nespravedlivosti [Compensation for historical injustices]. Arhangel'sk, KIRA Publ., 2013. 489 p.

10. Napso M. B. Etnicheskie kollektivnye i individual'nye prava: vybor mezhdu pravami narodov i kul'turnymi pravami individa [Ethnic collective and individual rights: the choice between the rights of peoples and the cultural rights of the individual]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Izvestiya of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 2008, no. 50, pp. 102–110.

11. Kollektivnye prava etnicheskih soobshchestv: problemy teorii i praktiki: sbor-niki nauchnyh trudov [Collective rights of ethnic communities: problems of theory and practice: collection of scientific papers]; ed. by Yu. V. Popkov, I. S. Tarbastaeva. Novosibirsk, Manuskript Publ., 2017. 196 p.

12. Boer A. A. Moral'no-pravovoj konflikt: teoriya i praktika razresheniya i sovershenstvovaniya [Moral and legal conflict: theory and practice of resolution and improvement]. St. Petersburg, GUAP Publ., 2015. 128 p.

13. Chase P. Conflict in crimea: an examination of ethnic conflict under contemporary model of sovereignty. *Columbia Journal of Transnational Law*, 1995, no. 34, pp. 219–254.

14. Mihajlov V. V. O nekotoryh protivorechiyah v opredelenii pravovogo statusa grupp (kollektivov) v sovremennoj zapadnoj i otechestvennoj teorii pravovoj zashchity [On some contradictions in determining the legal status of groups (collectives) in the modern Western and domestic theory of legal protection]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoj akademii = Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*, 2021, no. 1 (50), pp. 15–20.

15. Sonh L. B. The new international law: protection of the rights of individuals rather than States. *UN Law Review*, 1982, vol. 10, is. 1, pp. 48.

16. Smith R. Stories of peoplehood: The politics and morals of political membership. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 236 p.

17. Jones P. Human rights, group rights and people’s rights. *Human Rights Quaterly*, 1999, vol. 21, pp. 78–83.

18. Mihajlov V. V. Pravovoj mekhanizm kompensacii za nespravedlivye dejstviya protiv grupp men'shinstv: avtonomiya i nacional'noe samoopredelenie kak formy zashchity kollektivnyh (gruppovyh) prav nacional'nyh men'shinstv [The legal mechanism of compensation for unfair actions against minority groups: autonomy and national self-determination as forms of protection of collective (group) rights of national minorities]. *Zakon. Pravo. Gosudarstvo = Law. Right. State*, 2020, no. 3 (26), pp. 294–303.

19. Antohina Yu. A., Boer V. M., Glushchenko P. P. Pravozashchitnaya deyatel'nost': teoriya i praktika zashchity prav, svobod i zakonnyh interesov cheloveka i grazhdanina [Human rights activity: theory and practice of protection of human and citizen rights, freedoms and legitimate interests]. St. Petersburg, GUAP Publ., 2016. 562 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Михайлов Вадим Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: batukom@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9967-8572

Vadim V. Mikhailov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: batukom@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9967-8572

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

CIVIL LAW

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-19-31

CC BY 4.0

Правоотношения, возникающие при заключении предварительного договора

Т. Б. Семенуха[1] ✉

[1] Севастопольский государственный университет
ул. Университетская 33, г. Севастополь 299053, Российская Федерация

✉ e-mail: tatiana_semenukha@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Несмотря на широкое применение в гражданском обороте гражданско-правовой конструкции предварительного договора и на внимание к ней со стороны научного сообщества, в правоприменительной практике остается немало дискуссионных вопросов, связанных с применением указанной конструкции. В статье излагаются результаты исследования комплекса правоотношений, складывающихся при заключении предварительного договора. Автор квалифицирует указанные правоотношения как организационные обязательства, выявляет в их содержании взаимные субъективные гражданские права и обязанности. Исполнение этих обязательств обусловлено востребованием, но новые положения законодательства, регулирующие обусловленное исполнение обязательств, оказались отработанными в меньшей мере, чем обусловленное исполнение обязательств, основанных на предварительном договоре.*

Целью *исследования является попытка сформулировать новые научные положения на основе углубленного анализа положений действующего законодательства, касающегося заключения и исполнения предварительного договора.*

Задачи: *выявить и изучить специфику правоотношений, складывающихся в процессе заключения предварительного договора, дать им научную квалификацию; проанализировать нормы действующего законодательства и определить направления его развития.*

Методология. *При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод, технико-юридический метод, критико-правовой метод.*

Результаты *исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правоприменительной практики и совершенствование законодательства.*

Выводы. *Автор на основе проведенного анализа приходит к выводу, что в результате заключения предварительного договора возникает обязательство с обусловленным исполнением, заключение предварительного договора относительно реального договора не противоречит действующему законодательству, хотя и имеет особенности в части последствий неисполнения основного обязательства.*

Ключевые слова: *предварительный договор; организационное обязательство; субъективное право; реальный договор; секундарное право.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Семенуха Т. Б. Правоотношения, возникающие при заключении предварительного договора // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 19–31. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-19-31.

Поступила в редакцию 16.08.2021 Принята к публикации 17.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Семенуха Т. Б., 2021

Legal Relations Arising when Concluding a Preliminary Agreement

Tatiana B. Semenukha[1] ✉

[1] Sevastopol State University
33 Universitetskaya str., Sevastopol 299053, Russian Federation

✉ e-mail: tatiana_semenukha@mail.ru

Abstract

Relevance. *Despite the widespread use in civil circulation of the civil law structure of the preliminary contract and the attention to it from the scientific community, in law enforcement practice there are many controversial issues related to the application of this structure. The article presents the results of a study of the complex of legal relations that emerge upon the conclusion of a preliminary contract. The author qualifies these legal relationships as organizational obligations, reveals in their content mutual subjective civil rights and obligations. The fulfillment of these obligations is due to demand, but the new provisions of the legislation governing the conditional performance of obligations turned out to be worked out to a lesser extent than the conditional performance of obligations based on the preliminary agreement.*

The purpose *of the study is an attempt to formulate new scientific provisions based on an in-depth analysis of the provisions of the current legislation concerning the conclusion and execution of a preliminary contract.*

Objectives: *identify and study the specifics of legal relations that develop in the process of concluding a preliminary contract, give them scientific qualifications, analyze the norms of the current legislation and determine the directions of its development.*

Methodology. *In the study there were used the dialectical-materialistic method, the system method, the methods of analysis and synthesis, and the formal-legal method.*

The results *the research is of a theoretical and applied nature and is aimed at improving the quality of law enforcement practice and improving legislation.*

Conclusions. *The author, on the basis of the analysis, comes to the conclusion that as a result of the conclusion of a preliminary contract, an obligation arises with conditional performance, the conclusion of a preliminary contract regarding a real contract does not contradict the current legislation, although it has features in terms of the consequences of failure to fulfill the main obligation.*

Keywords: *preliminary agreement; organizational obligation; subjective law; real contract; second right.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Semenukha T. B. Legal Relations Arising when Concluding a Preliminary Agreement. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 19–31. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-19-31.

Received 16.08.2021 Accepted 17.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Предварительный договор, без всяких сомнений, относится к категории организационных договоров. Он порождает взаимные обязанности сторон заключить в будущем основной имущественный договор. Поскольку предварительный договор создает специфическое обязательство, связанное с добровольно принятым сторонами на себя ограничением свободы договора, при его реализации нередко возникают конфликты, разрешение которых представляет сложность для правоприменительной практики. В связи с этим тема настоящей статьи представляется актуальной.

Вопросы заключения предварительного договора, исполнения обязательств,

вытекающих из предварительного договора, защиты прав, возникающих на его основе, изучались российскими дореволюционными учеными, советскими и постсоветскими российскими учеными: Д. И. Мейером [1], К. П. Победоносцевым [2], Г.Ф. Шершеневичем [3], М. М. Агарковым [4], И. Б. Новицким [5], Е. А. Сухановым [6], М. И. Брагинским [7], В. В. Витрянским [8], К. И. Скловским [9; 10], В. А. Беловым [11], А. Г. Карапетовым [12] и др.

Настоящее исследование направлено на формулирование новых научных положений, касающихся правоотношений, возникающих в процессе заключения предварительного договора.

Методология

Диалектико-материалистический метод познания позволил исследовать особенности правоотношений, складывающихся при заключении предварительного договора, в неразрывном единстве с иными правовыми явлениями, в частности институтом реальных договоров. Технико-юридический метод позволил обосновать вывод о возможности заключения предварительного договора о заключении в будущем реального договора. Использование системного метода позволило сформулировать положения об обусловленности исполнения обязательств, возникающих на основании предварительного договора, а также невозможности применения к односторонне обязывающим предварительным договорам правовых норм, предусматривающих понуждение к заключению договора. Методы анализа и синтеза дали возможность обосновать тезисы о правовой природе оферты в рамках конструкции предварительного договора.

Результаты и их обсуждение

В легальном определении предварительного договора, которое дается в п. 1 ст. 429 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[1], указывается, что стороны обязуются заключить в будущем основной договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг. Нет оснований утверждать, что этот перечень является закрытым, а потому конструкция предварительного договора может использоваться в гражданском обороте и более широко, чем это прямо предусмотрено п. 1 ст. 429 ГК. Ценность для гражданского оборота представляет именно способность предварительного договора преобразовывать право на заключение договора в обязанность по его заключению, что существенно снижает риски сторон договора, связанные с изменениями их договорных позиций. Поскольку появляется обязанность заключить договор, то появляется и возможность понуждения к выполнению этой обязанности. Заключение предварительного договора, так называемого «”договора на договор” позволяет радикально расширить возможности субъектов гражданского права» [13, с. 148].

Однако в науке возникла дискуссия по поводу возможности заключения предварительного договора о заключении в будущем реального договора, по которому, помимо достижения согласия, необходима передача имущества (п. 2 ст. 433 ГК). Это такие договоры, как договоры займа, в которых займодавцем являются граждане (абзац второй п. 1 ст. 807 ГК РФ)[2], договор хранения, не связанный с предпринимательской деятельностью хранителя (п. 1 ст. 886 ГК РФ),

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ: [ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51421 (дата обращения: 12.07.2021).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26.01.1996 N 14-ФЗ: [ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027 (дата обращения: 12.07.2021).

договор аренды транспортного средства (п. 1 ст. 632, п. 1 ст. 642 ГК РФ), договор доверительного управления имуществом (п. 1 ст. 1012 ГК РФ), договор ренты (п. 1 ст. 583 ГК РФ).

Если обратиться к истории, то мы обнаружим, что общее правило ст. 208 ГК РСФСР 1922 г.[1] конструировало договор займа как реальный, что следовало из формулировки «одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или определенные родовыми признаками вещи…». Это была общая правовая норма, применение которой в соответствии с правилом «lex specialis derogat generali» исключалось в сфере действия специальной правовой нормы, которая была логически закреплена в ст. 218 ГК РСФСР 1922 г. Текстуально эта статья предписывала заключать предварительные договоры о заключении в будущем договора займа в письменной форме независимо от суммы займа. Нетрудно сделать вывод о том, что коль предписывается, в какой форме заключаются такие предварительные договоры, то законодателем допускается сама возможность их заключения. Это, как утверждает группа авторов, вывод от последующего правового явления к предыдущему, с помощью которого обнаруживается правовая норма, которая, хотя и закреплена лишь логически, но способна при правоприменении конкурировать с другими правовыми нормами [14, с. 278–286].

Таким образом, ст. 218 ГК РСФСР 1922 г. допускала заключение предварительного договора о заключении в будущем договора займа. Такой договор порождал обязательство заключить договор. Это уже вывод от предыдущего правового явления (договора) к последующему правовому явлению – обязательству, который (вывод) обнаруживает специальную правовую норму, которая в сфере своего действия исключает применение общей правовой нормы, текстуально закрепленной в ст. 208 ГК РСФСР 1922 г. и не допускающей возникновения обязательства, в котором займодавец нес бы обязанность предоставить заем заемщику. При наличии таких правовых норм И. Б. Новицкий и писал, что заключение предварительного договора займа уместно, разумно и соответствовало действующему на то время закону [5, с. 19]. Целесообразность же заключения предварительного договора о заключении в будущем консенсуального договора вообще не ставилась под сомнение [4, с. 510].

Однако следует обратить внимание, что действующее на то время законодательство в качестве последствий невыполнения предварительного договора предусматривало только возможность взыскания убытков. Гражданские кодексы Украины (ст. 635)[2] и Казахстана (ст. 390)[3] и в настоящее время предусматривают общее правило, что уклонение от заключения договора, предусмотренного предварительным договором, влечет возмещение убытков (без указания на возможность понуждения к заключению договора).

Действующее гражданское законодательство России прямо не решает вопрос о возможности заключения предварительного договора о заключении в будущем основного реального договора вообще или применительно к отдельному виду реальных договоров. В этой связи А. Г. Карапетов высказал мысль о том,

[1] О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 11.11.1922: [ред. от 01.02.1949: вместе с "Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р."] // Собрание узаконений РСФСР. 1922. N 71, ст. 904.

[2] Цивільний кодекс України. URL: https://zakon.rada.gov.ua/Laws/show/435-15#Text (дата обращения: 10.07.2021).

[3] Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть): [принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года: с изм. и доп. 01.07.2021]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 10.07.2021)

что закон такой возможности не предусматривает. Однако его аргументы не выглядят убедительными, поскольку он не углубляется в содержание соответствующих правовых норм, а использует в целях обоснования своей позиции не технико-юридический инструментарий, а доводы политико-правового характера: требование о заключении основного реального договора на основании предварительного договора направлено на принуждение к передаче имущества, что противоречит целям признания соответствующих договоров императивно реальными [12, с. 232].

П. А. Меньшенин высказывает мнение, что «российское законодательство и судебная практика допускают заключение предварительного договора только в отношении договоров, направленных на установление обязательства передать имущество, выполнить работу или оказать услугу или совершить совместное действие» [15, с. 40], но в дальнейшем делает вывод о возможности заключения предварительного договора о заключении в будущем реального договора займа. Однако его аргументация больше основывается на авторитете именитых ученых, чем на анализе отечественного законодательства. Мы для обоснования своей позиции предпочитаем технико-юридическую аргументацию, которая может заключаться в следующем.

Пункт 1 ст. 429 ГК РФ допускает возможность заключения предварительного договора о заключении в будущем договора о передаче имущества, выполнении работ, оказании услуг и не содержит каких-либо ограничений на этот счет. Поэтому правовая норма, которая установлена п. 1 ст. 429 ГК РФ, как распространяющаяся на все гражданско-правовые договоры, должна быть признана общей. Она дополняется двумя другими общими нормами, которые предусматривают возможность понуждения к исполнению в натуре обязательства заключить основной договор, которое (обязательство) возникло на основании предварительного договора (п. 5 ст. 429, п. 4 ст. 445 ГК РФ) и возможность разрешения судом разногласий, возникших при заключении основного договора (абзац второй п. 5 ст. 429 ГК РФ).

Специальной по отношению к указанной общей правовой норме является правовая норма, которая установлена п. 2 ст. 433 ГК РФ и которая допускает использование правовой конструкции реального договора. Сфера действия этой специальной правовой нормы ограничивается случаями, когда законом установлено, что для заключения договора необходима передача имущества. Однако соотношение этой правовой нормы и установленных законом правовых норм, предусматривающих передачу имущества не на основании договора, а в процессе его заключения, как специальных в соотношении с общими правовыми нормами, установленными ст. 429 ГК РФ, еще не означает, что между указанными общими и специальными правовыми нормами существуют коллизии, которые подлежат разрешению с использованием правила «lex specialis derogate generali».

Причина этого заключается в том, что п. 2 ст. 433 ГК РФ не определяет, в какой правовой форме производится передача имущества при заключении реального договора. Таких правовых форм возможно две: 1) передача имущества в силу права передающей стороны; 2) передача в силу обязанности передающей стороны. Поскольку в п. 2 ст. 433 отсутствует законодательное решение этого вопроса, для его разрешения следует обратиться к общим правовым нормам. О том, что передача имущества является правом собственника, мы узнаем из п. 1 ст. 209 ГК РФ: собственнику принадлежит право распоряжения имуществом. Такое право в соответствующих случаях принадлежит другим субъектам вещного права.

Другой общей правовой нормой, восполняющей отсутствующее в п. 2

ст. 433 ГК РФ решение вопроса о наличии на соответствующей стороне обязанности передать имущество в процессе заключения договора, является правовая норма, которая установлена п. 1 ст. 429 ГК РФ и которая допускает заключение предварительных договоров, в соответствии с которыми стороны принимают на себя обязанности заключить договор, т. е. совершить все необходимые для этого действия, в том числе (если речь идет о заключении реального договора) передать имущество в процессе заключения договора. Применению этой правовой нормы не может препятствовать специальная правовая норма, установленная п. 2 ст. 433 ГК РФ, поскольку в этой норме отсутствует решение вопроса о наличии или отсутствии такой обязанности у соответствующей стороны при заключении реального договора. Не могут препятствовать применению п. 1 ст. 209 ГК РФ и другие законодательные положения, которые предоставляют собственнику или иным управомоченным лицам распоряжаться имуществом, в том числе и передавать его в процессе заключения реальных договоров. Раз к реальным договорам применяется п. 1 ст. 429 ГК РФ, то подлежит применению и п. 5 этой же статьи, который устанавливает механизм реализации п. 1 ст. 429 ГК РФ (возможность понуждения к заключению договора и разрешения возникших в процессе заключения договора разногласий судом).

Доводы о том, что раз невозможно понуждение к передаче имущества в соответствии с общей правовой конструкцией реальных договоров (п. 2 ст. 433 ГК РФ), то невозможно и понуждение к этому и в силу предварительного договора отвергается нами по следующим причинам. В соответствии с общей правовой конструкцией реального договора (п. 2 ст. 433 ГК РФ) передача имущества в процессе заключения таких договоров не запрещается. Правовая форма такой передачи (является она правом или обязанностью соответствующей стороны договора) п. 2 ст. 433 ГК РФ просто не предусмотрена, что открывает возможность применения других правовых норм. Право передавать имущество, в том числе и в процессе заключения реальных договоров, вытекающее из п. 1 ст. 209 ГК РФ, не может препятствовать применению правовой нормы, которая предусматривает заключение предварительных договоров, устанавливающих обязанность передать имущество в процессе заключения договоров.

Заключение предварительного договора, предусматривающего в будущем заключение реального договора, фактически (но не юридически) превращает реальный договор в консенсуальный. М. М. Агарков отмечал некий суррогат реального и консенсуального договора, в котором передача вещи рассматривается не как элемент заключения договора, а как его исполнение [16, с. 156].

Однако все же усматривается проблема, связанная с определением момента заключения реального договора в судебном порядке в силу выполнения обязанности по его заключению, установленной предварительным договором. При использовании механизма принудительного заключения договора в судебном порядке заключение основного договора фактически замещается решением суда. Момент заключения такого договора текстуально закреплен во втором абзаце п. 5 ст. 429 ГК РФ – с момента вступления в законную силу решения суда или с момента, указанного в решении суда. Однако для реального договора момент его заключения связывается с моментом передачи имущества (п. 2 ст. 433 ГК РФ). Таким образом, для заключения реального договора даже в силу решения суда необходимо накопление совокупности юридических фактов: 1) решения суда, вступившего в законную силу (которое заменяет собой письменную форму основного договора – письменное соглашение); 2) факта передачи имущества в

натуре. Две нормы, изложенные в п. 2 ст. 433 и п. 5 ст. 429 ГК РФ, дополняют друг друга и должны применяться в совокупности при заключении реального договора в судебном порядке.

Обращает на себя внимание, что обязанность передать имущество (необходимый факт для заключения реального договора) не возникает в силу решения суда, поскольку в реальных договорах у соответствующей стороны вообще нет обязанности передать имущество. Обязанность по передаче имущества и, соответственно, по заключению реального договора возникает в силу предварительного договора. Тут же возникает проблема возможности понуждения собственника передать в натуре свое имущество в займ, на хранение, под выплату рентных платежей либо транспортного средства в аренду. Это обязательство, безусловно, возникает на основании предварительного договора, но возможность понуждения к выполнению этой обязанности в натуре в некоторых случаях блокируется главой 25 ГК РФ, которая предусматривает возможность требовать отобрания вещи и передачи ее кредитору на предусмотренных обязательством условиях только в отношении индивидуально-определенных вещей. Кроме того, в п. 1 ст. 308.3 ГК РФ логически закреплена правовая норма, что если из существа обязательства вытекает невозможность исполнения обязательства в натуре, кредитор не вправе требовать по суду её исполнения. Таким образом, отсутствует возможность как обязать передать денежные средства в займ, так и обязать их взять взаймы.

У стороны в таком случае остается возможность взыскать убытки. Возможность понуждения к передаче денежных средств в счет выполнения обязанности по выдаче кредита (независимо от того, что договор кредита является консенсуальным) уже с 2011 г. признается высшими судебными инстанциями недопустимой[1].

Несмотря на указанные особенности заключения реального договора, возможность применения к ним конструкции предварительного договора не исключается действующим законодательством, а потому следует согласиться с позицией Е. Б. Подузовой, которая констатирует, что «предварительный договор может быть применен для заключения в будущем как консенсуального, так и реального основного договора» [17, с. 135]. Однако ее вывод о том, что в случае «если суд удовлетворит исковое заявление о понуждении стороны предварительного договора заключить основной договор, то эта сторона обязана совершить все действия, необходимые для заключения основного договора, в том числе передать имущество для его заключения» [17, с. 135], сделан без учета положений действующих норм гражданского законодательства.

В ситуации, когда момент заключения договора связан с моментом государственной регистрации, без проведения которой признается незаключенным (п. 2 ст. 651, ст. 658 ГК РФ, ст. 4 Федерального закона № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов…»[2], ст. 12 Водного кодекса РФ[3]) также для заключения такого основного договора в силу предварительного дого-

[1] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 №147 // Вестник ВАС Рос. Федерации. 2011. № 11.

[2] Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2004 N 214-ФЗ: [ред. от 02.07.2021]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038 (дата обращения: 12.07.2021).

[3] Водный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 03.06.2006 № 74-ФЗ: [ред. от 02.07.2021]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683 (дата обращения: 12.07.2021).

вора необходимо накопление юридических фактов: помимо вступившего в законную силу решения суда требуется его государственная регистрация, только с момента проведения которой такой основной договор будет считаться заключенным. При этом регистрация решения суда может быть осуществлена по заявлению одной из сторон спора.

При изучении научной литературы по проблемам предварительного договора был выявлен еще один спорный вопрос. Так, исходя из конструкции предварительного договора, закрепленного в п. 1 ст. 429 ГК РФ, существует два встречных обязательства по заключению основного договора. Несмотря на это в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 491 сформулировано положение, согласно которому по предварительному договору «стороны или одна из них» обязуются заключить основной договор в будущем. К вопросу о такой законодательной возможности в научной среде относятся поразному. А. Г. Карапетов также считает возможным признать односторонне обязывающий предварительный договор «в качестве особой разновидности соответствующей поименованной конструкции», т. е. признает допустимость «односторонней модификации предварительного договора» [12, с. 233]. В. А. Белов, напротив, приходит к выводу, что «без соответствующего изменения отечественного законодательства односторонне обязывающий предварительный договор, как общее правило, может быть признан исключительно категорией цивилистической науки, но отнюдь не пригодным к практическому применению гражданско-правовым инструментом» [11, с. 699].

Этот частный случай противоположных точек зрения видных ученых отражает глубокую проблему в применении гражданского законодательства. Суть ее состоит в том, что часть ученых (А. Г. Карапетов, С. В. Сарбаш, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др.) придерживаются концепции свободного поиска права с учетом политико-правовых резонов, используют метод теологического толкования права, поддерживают судебное правотворчество. Иная группа ученых (В. А. Белов, В. Г. Ротань, А. О. Рыбалов) придерживаются более строгого взгляда на правотолкование и правоприменение, более близки к тексту закона и выражают свою точку зрения с опорой на действующее законодательство, а не на абстрактную целесообразность.

С нашей точки зрения, правильным является второй подход, поскольку он отражает уважение к воле законодателя и основан не на субъективном мнении лица, толкующего и применяющего правовые нормы, а опирается на строгие логические умозаключения и текст закона. В этой связи поименованный предварительный договор возможен только в рамках конструкции взаимного обязательства по заключению основного договора. Хотя доктрина гражданского права и признает возможность существования одностороннего обязательства по предварительному договору, внедрение такого договора в правоприменительную практику противоречит действующему законодательству, а потому односторонне обязывающие предварительные договоры хотя и не лишены права на существование, но не могут именоваться предварительными, а потому и применения к ним положений ст. 429 ГК РФ представляется невозможным. Применение к таким договорам положений ст. 445 ГК РФ также блокируется, поскольку пп. 1 и 2 указанной статьи ограничивается сфера их действия случаями, когда заключение договора является обязательным в соответствии с Гражданским кодексом или ины-

[1] О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 2.

ми законами. Невозможность применения к односторонне обязывающим «предварительным» договорам положений ст. 429 и 445 ГК РФ обесценивает их реальное значение, поскольку именно возможность принудительного заключения договора делает предварительный договор эффективным средством в достижении экономических целей.

На основании предварительного договора возникает организационное обязательственное отношение. Оно состоит из двух встречных обязательств. Содержание каждого из этих обязательств образуют обязанность одной стороны заключить основной договор и корреспондирующее этой обязанности субъективное право. Возникают эти права и обязанности в момент, когда предварительный договор считается заключенным. Однако исполняются эти обязанности (и реализуются права) при наступлении условия, которым является получение стороной предварительного договора оферты. В противовес этому О. Н. Чумакова и В. Н. Сусликов утверждают, что предварительный договор может предусматривать обязанность по направлению оферты [3, с. 149]. Однако такое из ст. 429 ГК РФ не вытекает.

А. Г. Карапетов обратил внимание на возможность возникновения такой ситуации, когда «обязательство заключить основной договор поставлено под условие наличия соответствующего согласия к моменту заключения такого договора (ст. 327.1 ГК), а именно согласия третьего лица, государственного органа или органа управления организацией» [12, с. 248]. При этом А. Г. Карапетов, когда указывает на возможность «поставить обязательство сторон под отлагательное или отменительное условие», ссылается одновременно на ст. 157 и 327.1 ГК РФ [12, с. 262]. Между тем следовало бы учесть невозможность совместного использования вышеуказанных норм, поскольку ст. 157 ГК РФ предусматривает возникновение обязательства в будущем, тогда как ст. 327.1 ГК РФ определяет порядок исполнения уже возникшего обязательства.

Представляется возможным развить хоть и неудачно высказанную, но плодотворную мысль А. Г. Карапетова и признать, что исполнение основного обязательства поставлено под условие во всех случаях. В противоположность этому Е. А. Суханов считает, что «предварительный договор… порождает безусловную обязанность в установленный срок заключить предусмотренный им основной договор» [6, с. 144], с чем мы не можем согласиться. Обязанность заключения основного договора существует с момента заключения предварительного договора, но его исполнение не безусловно. Оно поставлено под условие поступления оферты от одной из сторон предварительного договора, а потому исполнение организационного обязательства, вытекающего из предварительного договора, следует признать обусловленным, что предусмотрено ст. 327.1 ГК РФ. При этом конструкция обусловленного исполнения, изложенная в п. 6 ст. 429 ГК РФ, выполнена более продуманно, чем в ст. 327.1 ГК РФ, поскольку предусматривает срок его существования. Конструкция же ст. 327.1 ГК РФ предусматривает фактически вечную зависимость обязанной стороны от ожидания наступления обстоятельств, предусмотренных договором. Следует выразить сожаление, что законодатель при введении ст. 327.1 ГК РФ в марте 2015 г. не заимствовал разумное ограничение существования обязательства, сконструированное в п. 6 ст. 429 ГК РФ.

Исполнение обязательств, основанных на предварительном договоре, обусловлено действиями одной из сторон этого договора, каждая из которых является управомоченной. Управомоченная сторона имеет право востребовать исполнение обязательства, после чего у другой стороны возникают соответствующие обязанности и начинается течение сроков, которые предусмотрены для исполнения этой обязанности. До поступления

предложения совершить договор эта обязанность не считается просроченной, а потому 6-месячный срок исковой давности определяется моментом получения отказа от акцепта одной из сторон либо истечения 30-дневного срока на акцепт. Более того, получение оферты прерывает течение срока основного обязательства по заключению договора, а потому даже если после получения оферты стороны не успеют заключить основной договор в срок, предусмотренный предварительным договором, основное обязательство не прекращается. Прекратиться в связи с истечением срока может только невостребованное обязательство.

Исследованию также подлежит квалификация права востребовать заключения основного договора. Каждая сторона предварительного договора в течение срока его действия может потребовать от другой стороны заключение основного договора. Это право А. Г. Карапетов называет «секундарным правом на востребование заключения основного договора» [12, с. 261]. В. Э. Полякова считает, что право, возникающее из предварительного договора, является правом требования, но не преобразовательным (секундарным) правом [6, с. 18]. О. Н. Чумакова и В. Н. Сусликов вообще усматривают здесь обязанность по направлению оферты [13, с. 149]. Д. В. Майдаровский в правоотношениях сторон, заключивших предварительный договор, усматривает два правоотношения: первое – правоотношение с секундарным правом и связанностью противной стороны; второе – правоотношение (вытекающее из первого при реализации секундарного права) с правом заключить основной договор и с соответствующей обязанностью [19, с. 61].

На наш взгляд, правильной представляется квалификация права на заключение основного договора, вытекающего из предварительного договора, как субъективного права, которому корреспондирует обусловленная обязанность заключить основной договор. Право на заключение договора является субъективным, поскольку оно способно приобретать характер требования, ему корреспондирует соответствующая обязанность. Обязанность же в рамках указанного организационного обязательства срочная, обусловленная востребованием управомоченной стороны. Право востребовать исполнения основного обязательства по предварительному договору тождественно праву на направление оферты, это право вытекает из права на заключение основного договора. Не имеет смысла выделять право на направление оферты (требования) в качестве отдельного секундарного права. Его вычленение из субъективного права характеризует широкий взгляд на секундарные права, которые были присущи Э. Зеккелю [20], но в нашей правовой реальности такое широкое понимание представляется неоправданным, во всяком случае к более глубокому пониманию правоотношений, складывающихся в результате заключения предварительного договора, это не приводит.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

– действующее гражданское законодательство не препятствует заключению предварительных договоров, создающих обязанность по заключению реального договора, однако в некоторых случаях возможность понуждения к выполнению обязательства в натуре блокируется существом обязательства либо родовыми признаками вещи; возможность же взыскания убытков сохраняется во всех случаях;

– для наступления момента заключения реального договора в принудительном порядке необходимо накопление юридических фактов: помимо вступившего в законную силу решения, требуется передача имущества;

– исполнение основного обязательства по заключению договора в силу

предварительного договора обусловлено востребованием, что согласуется с положениями ст. 327.1 ГК РФ, но в отличие от этого законодательного положения конструкция предварительного договора предусматривает срок существования обязательства;

– право востребовать исполнения основного обязательства, вытекающего из предварительного договора, следует квалифицировать как субъективное гражданское право, поскольку ему корреспондирует соответствующая обязанность, оно способно приобретать характер требования и подлежит судебной защите.

Список литературы

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 2003. 831 с.
2. Победоносцев К. П. Курс гражданского права : Договоры и обязательства. Указатели и приложения к Курсу гражданского права. СПб.: Синод. тип., 1896. Ч. 3. 755 с.
3. Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. 832 с.
4. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. М.: Статут, 2012. 535 с.
5. Новицкий И. Б. Обязательство заключить договор / под ред. М. С. Липецкера. М.: Тип. ТАСС, 1947. 50 с.
6. Российское гражданское право: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. URL: https://znanium.com/catalog/product/492913 (дата обращения: 10.07.2021).
7. Брагинский М. И. Предварительный договор в хозяйственных отношениях // Советское государство и право. 1971. № 3. С. 103–108.
8. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн.1: Общие положения. М.: Статут, 2011. 847 с.
9. Скловский К. И., Цокур О. Предварительный договор: задатки и убытки // Бизнес-Адвокат. 2002. № 1. С. 10.
10. Скловский К. И. Предварительный договор об аренде. Недействительность договора аренды и улучшения имущества // Закон. 2009. № 5. С. 217–227.
11. Белов В. А. Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Общая часть. Лица, блага, факты. М.: Юрайт, 2012. 1093 с.
12. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1425 с.
13. Чумакова О. Н., Сусликов В. Н. Механизм действия предварительного договора и его правовое регулирование // Образование и право. 2017. №8. С. 147–151.
14. Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права: монография / Севастоп. гос. ун-т. Симферополь, 2019. 792 с.
15. Меньшенин П. А. Понятие и предмет предварительного договора: основные подходы теории и практики // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 1. С. 30–48.
16. Агарков М. М. Юридическая природа железнодорожной перевозки (1922) // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 144–172
17. Подузова Е. Б. Предварительный договор как основание возникновения организационного правоотношения // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 10. С. 133–141.
18. Полякова В. Э. Предварительный договор в праве России и Германии: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 23 с.

19. Майдаровский Д. В. Об обязательствах, вытекающих из предварительного договора // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 3. С. 59–61.

20. Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7, вып. № 2. С. 236.

References

1. Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo [Russian Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2003. 831 p.

2. Pobedonoscev K. P. Kurs grazhdanskogo prava: Dogovory i obyazatel'stva. Ukazateli i prilozheniya k Kursu grazhdanskogo prava [Civil Law Course: Contracts and Obligations. Pointers and appendices to the Civil Law Course]. St. Petersburg, Sinod. tip., 1896, pt. 3. 755 p.

3. Shershenevich G. F. Izbrannoe. Vol. 5. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian Civil Law]; vstup. slovo, sost. P. V. Krasheninnikov. Moscow, Statut Publ., 2017. 832 p.

4. Agarkov M. M. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. Vol. 2. Obshchee uchenie ob obyazatel'stvah i ego otdel'nyh vidah [Selected works on civil law. Vol. 2. The General doctrine of obligations and its individual types]. Moscow, Statut Publ., 2012. 535 p.

5. Novickij I. B. Obyazatel'stvo zaklyuchit' dogovor [Obligation to conclude a contract]; ed. by M. S. Lipeckera. Moscow, Tip. TASS, 1947. 50 p.

6. Rossijskoe grazhdanskoe parvo. Vol. 2. Obyazatel'stvennoe pravo [Russian Civil Law. Vol. 2: Law of Obligations]; ed. by E. A. Suhanov. Available at: https://znanium.com/ catalog/product/492913. (accessed 10.07.2021)

7. Braginskij M. I. Predvaritel'nyj dogovor v hozyajstvennyh otnosheniyah [Preliminary agreement in economic relations]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = The Soviet State and Law*, 1971, no. 3, pp. 103–108.

8. Braginskij M. I., Vitryanskij V. V. Dogovornoe pravo. Kn. 1: Obshchie polozheniya [Contract law. Book 1. General provisions]. Moscow, Statut Publ., 2011. 847 p.

9. Sklovskij K. I., Cokur O. Predvaritel'nyj dogovor: zadatki i ubytki [Preliminary agreement: deposits and losses]. *Biznes-Advokat = Business Lawyer*, 2002, no. 1, pp. 10.

10. Sklovskij K. I. Predvaritel'nyj dogovor ob arende. Nedejstvitel'nost' dogovora arendy i uluchsheniya imushchestva [Preliminary lease agreement. Invalidity of the lease agreement and property improvements]. *Zakon = Law*, 2009, no. 5, pp. 217–227.

11. Belov V. A. Grazhdanskoe pravo. Vol. 2. Obshchaya chast'. Lica, blaga, fakty [Civil Law. Vol. 2. General part. Persons, benefits, facts]. Moscow, Yurajt Publ., 2012. 1093 p.

12. Dogovornoe pravo (obshchaya chast'): postatejnyj kommentarij k stat'yam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Contract law (general part): article-by-article commentary to Articles 420-453 of the Civil Code of the Russian Federation]; ed. by A. G. Karapetov. Moscow, M-Logos Publ., 2020. 1425 p.

13. Chumakova O. N., Suslikov V. N. Mekhanizm dejstviya predvaritel'nogo dogovora i ego pravovoe regulirovanie [The mechanism of the preliminary agreement and its legal regulation]. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2017, no. 8, pp. 147–151.

14. Rotan' V. G., Sonin O. E., Chertkova Yu. V. Novejshee uchenie o tolkovanii prava [The latest teaching on the interpretation of law]. Simferopol', 2019. 792 p.

15. Men'shenin P. A. Ponyatie i predmet predvaritel'nogo dogovora: osnovnye podhody teorii i praktiki [The concept and subject of the preliminary agreement: the main approaches of theory and practice]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2011, no. 1, pp. 30–48.

16. Agarkov M. M. Yuridicheskaya priroda zheleznodorozhnoj perevozki (1922) [The legal nature of railway transportation (1922)]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*, 2008, no. 4, pp. 144–172

17. Poduzova E. B. Predvaritel'nyj dogovor kak osnovanie vozniknoveniya organizacionnogo pravootnosheniya [Preliminary agreement as the basis for the emergence of an organizational legal relationship]. *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA) = Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)*, 2015, no. 10, pp. 133–141.

18. Polyakova V. E. Predvaritel'nyj dogovor v prave Rossii i Germanii. Diss. kand. yurid. nauk [Preliminary agreement in the law of Russia and Germany. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 23 p.

19. Majdarovskij D. V. Ob obyazatel'stvah, vytekayushchih iz predvaritel'nogo dogovora [On obligations arising from the preliminary agreement]. *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*, 2009, no. 3, pp. 59–61.

20. Zekkel' E. Sekundarnye prava v grazhdanskom prave [Secundary rights in civil law]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*, 2007, vol. 7, is. no. 2, pp. 236.

Информация об авторе / Information about the Author

Семенуха Татьяна Борисовна, доцент кафедры «Гражданское право и процесс», Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, Российская Федерация,
e-mail: tatiana_semenukha@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2179-8464

Tatiana B. Semenukha, Associate Professor at the Department of Civil Law, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation,
e-mail: tatiana_semenukha@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2179-8464

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-32-44

CC BY 4.0

К вопросу об особенностях механизма реализации прав на цифровые валюты

Е. С. Туешова[1] ✉

[1]Ульяновский государственный университет
ул. Л. Толстого 42, г. Ульяновск 432970, Российская Федерация

✉ e-mail: katyazueva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы трансформации механизма реализации прав в отношении цифровых валют. Отмечается, что цифровая трансформация всех сфер общественной жизни обусловливает необходимость выработки более гибкой концепции механизмов реализации прав, отличающейся в зависимости от объекта их приложения.*

Цель *статьи связана с выявлением ключевых особенностей, присущих механизму реализации прав в отношении цифровой валюты.*

Задачами *исследования определены анализ механизма реализации прав в отношении цифровой валюты, а также раскрытие основных проблемных вопросов, связанных с пониманием сущности и выработкой правовых средств, обеспечивающих процесс приспособления законодательного регулирования к особенностям и свойствам цифровой валюты как нового объекта гражданского права.*

Методология. *В качестве методологической основы исследования использованы диалектический и сравнительно-правовой методы. Методы анализа и синтеза позволили рассмотреть аспекты понятия и содержания механизма реализации прав.*

Результаты *проведенного исследования позволили сделать определенные выводы в части особенностей механизма реализации прав на цифровые валюты, в том числе об ином соотношении правовых средств и особом месте в нем внеправовых элементов.*

Вывод. *По результатам проведенного исследования были сформулированы выводы в части необходимости выработки более гибкой концепции правовых механизмов. Было предложено авторское видение по вопросу соотношения составных элементов механизма реализации прав в отношении цифровых валют как следствие снижения роли и значения в рамках последнего позитивного права и преобладающей роли общественных отношений, выступающих в качестве основного, а не вспомогательного средства в рамках такого механизма. Отмечается, что указанный механизм носит переходный характер, что приводит к обнаружению противоречий между классическими правовыми представлениями о «правосубъектности», свободе воли, соответствии воли волеизъявлению и теми формализованными требованиями, которые предъявляет система распределенного доступа к действиям субъекта.*

Ключевые слова: *цифровизация; цифровая валюта; правовой механизм; механизм правореализации; юридические факты.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Туешова Е. С. К вопросу об особенностях механизма реализации прав на цифровые валюты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 32–44. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-32-44.

Поступила в редакцию 25.08.2021 Принята к публикации 24.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Туешова Е. С., 2021

On the Question of the Specifics of the Mechanism for the Implementation of Rights to Digital Currencies

Ekaterina S. Tueshova[1] ✉

[1]Ulyanovsk State University
42 L. Tolstogo str., Ulyanovsk 432970, Russian Federation

✉ e-mail: katyazueva@yandex.ru

Abstract

Relevance. *This article discusses the current issues of the transformation of the mechanism for the implementation of rights in relation to digital currencies. It is noted that the digital transformation of all spheres of public life makes it necessary to develop a more flexible concept of mechanisms for the implementation of rights, which differs depending on the object of their application.*

The purpose *of the article is to identify the key features inherent in the mechanism of exercising rights in relation to digital currency.*

The objectives *of the research are the analysis of the mechanism of realization of rights in relation to digital currency, as well as the disclosure of the main problematic issues related to the understanding of the essence and development of legal means that ensure the process of adapting legislative regulation to the features and properties of digital currency as a relatively new object of civil law.*

Methodology. *The dialectical and comparative legal methods were used as the methodological basis of the study. The methods of analysis and synthesis allowed us to consider the aspects of the concept and content of the mechanism for the implementation of rights.*

The results of the study *allowed us to draw certain conclusions regarding the features of the mechanism for the implementation of rights to digital currencies, including a different ratio of legal means and a special place in it of extra-legal elements.*

Conclusion. *Based on the results of the study, conclusions were formulated regarding the need to develop a more flexible concept of legal mechanisms. The author's vision was proposed regarding the correlation of the constituent elements of the mechanism for the implementation of rights in relation to digital currencies as a result of the decline in the role and importance of the latter positive law, and the predominant role of public relations, acting as the main, rather than auxiliary, means within such a mechanism. It is noted that this mechanism is of a transitional nature, which leads to the discovery of contradictions between the classical legal concepts of "legal personality", freedom of will, the correspondence of the will to the expression of will, and those formalized requirements imposed by the system of distributed access to the actions of the subject.*

Keywords*: digitalization; digital currency; legal mechanism; mechanism of legal realization; legal facts.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tueshova E. S. On the Question of the Specifics of the Mechanism for the Implementation of Rights to Digital Currencies. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 32–44. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-32-44.

Received 25.08.2021 Accepted 24.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

В настоящее время широкое распространение приобрела концепция «правовых механизмов», используемая в отношении самых разнообразных явлений и процессов. Однако представления по поводу сущности и содержания указанного правового явления не отличаются единообразием, что обусловлено как отсутствием легальных дефиниций, так и несформированностью в правовой доктрине унифицированных юридических подходов. Неразрешенным представляется также вопрос и по поводу структуры пра-

вового механизма. При этом широкое распространение приобрел подход, в силу которого основой правового механизма выступает позитивное право, а все прочие элементы, им не охватывающиеся (юридические факты, правосознание и т.п.), носят характер вспомогательных [1].

Однако трансформация всех сфер общественной жизни по модели цифровизации формирует принципиально новый запрос в отношении правовых механизмов, которые в зависимости от сферы их приложения приобретают значимые сущностные особенности. Происходит процесс сращивания информационно-технологической и правовой сфер, что приводит в отношении областей такого сращивания к трансформации механизма реализации прав и, как следствие, альтернативной концептуализации целей, задач, функции и правовых средств в рамках данных механизмов.

Методология

Применение диалектико-материалистического метода позволило рассмотреть особенности механизма реализации прав в отношении цифровых валют в неразрывном единстве с такими правовыми явлениями, как правовые нормы, юридические факты, правосубъектность, правовые принципы. Применение сравнительно-правового метода позволило выявить отличия, присущие механизму реализации прав на цифровые валюты. Применение методов анализа и синтеза дало возможность обосновать тезисы о необходимости разработки более гибкой концепции механизмов реализации прав, учитывающей особенности отношений, возникающих по поводу такого нового объекта, как цифровая валюта.

Результаты и их обсуждение

Концепция правовых механизмов в доктрине теории государства и права и отраслевых науках сформировалась достаточно давно и к настоящему времени приобрела устойчивый вид. Классические представления о правовом механизме связываются с подходом С. С. Алексеева, которым правовой механизм рассматривался в значении совокупности наделенных специальным статусом средств, призванных своими действиями производить достижение определенного результата посредством упорядочивающего воздействия на происходящие в обществе явления и процессы [2, с. 78].

В. В. Гончаров и И. И. Пефитьев придерживаются функционального подхода при рассмотрении правового механизма. По их мнению, данный феномен охватывает «определенную систему средств и факторов», выполняющих ряд функций, включая социальные и прочие функции государства [3, с. 45].

По мнению А. В. Малько, механизм правового регулирования представляет собой совокупность правовых средств, последовательно сформированных в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права. Автор выделяет в качестве значимых свойств правового механизма: его цель, результаты и правовые средства [4, с. 57].

Динамический характер правового механизма отстаивал М. Ю. Осипов. Указанный автор включал в структуру механизма реализации права такие элементы, как норма права, индивидуальное предписание, юридический факт, правоотношение, акты реализации прав и обязанностей. Кроме того, автор отмечал, что поскольку любая деятельность опосредуется конкретным поведенческим актом, в рамках которого она и реализуется, особое значение в рамках механизма правового регулирования принадлежит правоотношениям сторон, находящимся в процессе динамического развертывания [5, с. 123].

Кроме того, в структуру правового механизма некоторые авторы также включают: правовые нормы; правовой статус участников; правоотношения, в том числе по лицензированию, аттеста-

ции и аккредитации, саморегулированию; договор как форму организации процесса взаимодействия сторон; юридическую ответственность; акты правоприменения [6, с. 108].

Как думается, правовой механизм может быть рассмотрен и в статике как совокупность составляющих его содержание элементов, и в динамике как процесс последовательного прохождения каждого этапа правового механизма. Тем самым правовой механизм охватывается комплексом средств, призванных своими действиями способствовать достижению стоящих перед объектом воздействия задач посредством упорядочивающего воздействия на имевшиеся в обществе явления и процессы. Он представляет собой систему юридических средств: норм права, индивидуальных предписаний, юридических фактов, правоотношений, актов реализации прав и обязанностей, актов правоприменения, общих и специальных гарантий.

В общей теории государства и права, отраслевых юридических науках понятие механизма реализации прав также является неоднозначным. Так, в диссертации Т. Ю. Фалькиной «Формы реализации права и механизм их осуществления» правореализация рассмотрена как сложное явление, способное выступать и в качестве результата правового регулирования, и в качестве процесса претворения правовых предписаний посредством осуществления прав и обязанностей [7]. Автор разграничивает реализацию права с его применением, рассматривая второй термин в качестве более узкого, охватывающего деятельность уполномоченных органов в части обеспечения соответствующего процесса. В свою очередь, понятие «механизм реализации права» рассматривается как совокупность правовых средств, охватывающих такие элементы, как: деятельность субъекта права, публично-властная деятельность, опосредующих реализацию процедуры осуществления прав и исполнения обязанностей и характеризующий уровень правового сознания и правовой культуры. Процесс же реализации права Т. Ю. Фалькина связывает с завершающим этапом правового регулирования. Как думается, нельзя отрицать, что реализация правовых норм связана с процессом их «перевода» в общественную практику, наделением статусом реально действующих. Без реализации норма права сохраняет свой формальный характер, не имея регулятивного значения.

По мнению Л. Н. Завадской, механизм реализации права охватывается влиянием субъектов права на государственную власть с целью перевода права во властные нормативные и индивидуальные акты [8].

Полагаем, механизм реализации права всегда имеет юридическое и фактическое основания, т. е. данный механизм не может существовать без норм права и правомерного поведения субъекта. В рамках подобных представлений именно механизм реализации обеспечивает дальнейшую динамику правового воздействия на общественные отношения. Юридическое основание механизма реализации права составляют правовые нормы, охватывающие правила применения юридических средств воздействия на общественные отношения, приводящие в последующем этот механизм в движение. Что касается фактического основания, то в его основе лежат юридические факты, предусмотренные правом и обладающие в этой связи юридическим значением. Тем самым в правовой доктрине механизм реализации права связывается с осуществлением субъектом активных дозволенных законом действий, обеспечивающих претворение в жизнь правовых норм. Основой для конструирования механизма реализации выступают положения писаного права, в соответствии с которым субъект строит свои поведенческие акты.

Однако по мере расширения возможностей цифровой экономики и появ-

ления новой цифровой реальности роль и значение позитивного права как регулятора общественных отношений перманентно снижается. Концепция механизма реализации права нуждается в переосмыслении в отношении новых объектов гражданского права, отличающихся значимой спецификой.

Объектом, ярко демонстрирующим повышение возможностей к самоорганизации членов общества и их способностей к саморегулированию, выступает цифровая валюта. Сложно поспорить с тем фактом, что, конструируя нормы права, законодатель стремится обеспечить регламентацию общественных отношений по наиболее благоприятной для себя модели. В подобных условиях ключевая цель правового регулирования общественных отношений связана с воплощением содержания юридических норм, существующих в объективной форме, в реальное поведение субъектов. Здесь механизм реализации прав определяется как взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения. Именно посредством такого механизма происходит выявление возможных сбоев, правовых дефектов, препятствующих реализации норм позитивного права.

По мере расширения частноправового начала во всех сферах общественной жизни стали предприниматься попытки расширить представления о механизме реализации гражданских прав, сопровождающиеся поиском особого места в структуре механизма индивидуальных актов. Появление принципиально новых феноменов «цифрового общества», в том числе преследующих достижение либертарианских идеалов максимально возможного сужения пределов государственного вмешательства, создания условий для подлинно свободной экономики, актуализировало запрос на выявление особенностей механизма реализации прав применительно к таким феноменам. Одним из таких феноменов выступает цифровая валюта, существующая в обороте в условиях крайне ограниченных возможностей публично-правового регулирования и в значительной мере за пределами правового поля. Учитывая данные обстоятельства, следует проследить значимые особенности механизма реализации прав на цифровые валюты, позволяющие выявить существенные отличия от механизма реализации прав в отношении прочих традиционных объектов гражданского права. Причины тому обусловлены принципиально новой сущностной природой криптовалют, связанной с ее обезличенностью, отсутствием фиксации собственника и невозможностью получить подтверждение о наличии у того или иного субъекта прав на нее. Учитывая данные обстоятельства, механизм реализации прав в отношении цифровой валюты должен быть приспособлен к указанному объекту. Для этой цели следует остановиться на особенностях, присущих механизму реализации прав в отношении цифровых валют:

1. Как было отмечено ранее, основным элементом механизма реализации прав выступают правовые средства [9, с. 45], под которыми понимается совокупность различных юридических механизмов, использование которых в практической деятельности приводит к решению стоящих перед людьми задач. Однако механизм реализации прав в отношении цифровой валюты неверным будет увязывать исключительно с юридическим инструментарием, поскольку степень его регулятивного значения в отношении последней не является определяющей.

Так, базовой технологической составляющей цифровой валюты выступает технология блокчейн, которая представляет собой структурированную непрерывную последовательность блоков, содержащих информацию. А. А. Ситник верно подмечает, что «говоря о блокчейне, в первую очередь подразумевают

криптовалюты, а говоря о криптовалютах − ее разновидность, биткоин» [10, с. 43]. Важное место в структуре блокчейна занимает так называемый первичный блок. В нем, в отличие от остальных блоков цепочки, отсутствует информация о предыдущем родительском блоке. Все остальные блоки состоят из заголовка и списка транзакций. Заголовок блока включает информацию о предыдущем блоке, информацию о текущем блоке и некоторую служебную информацию. Транзакция же понимается как минимальная операция, которая считается подтвержденной, если проверены ее формат и подписи.

Основным преимуществом применения технологии блокчейна является безопасность осуществляемых операций. Все проводимые транзакции не только прозрачны, но и подвержены множественному копированию. Таким образом, у любого участника процесса имеется возможность просмотреть информацию других транзакций, вся цепочка транзакций дублируется и хранится в зашифрованном виде у каждого участника. Технология блокчейна децентрализована, т. е. не имеет единого центра управления, взломав который возможно нарушить весь процесс. Благодаря множественному копированию даже при взломе большинства компьютеров хотя бы на одном останется информация обо всей цепочке блоков. Одновременное хранение блоков у всех участников процесса не позволяет несанкционированно изменить один из блоков, что является несомненным преимуществом данной технологии в сфере защиты информации [11, с. 142].

Анализ технологической составляющей, лежащей в основе цифровых валют, позволяет прийти к выводу, что технология блокчейн как особая технологическая среда подменяет в рамках механизма реализации прав на цифровые валюты некоторые юридические средства. К примеру, отсутствует необходимость публичного нормативного регулирования процесса перехода прав в отношении цифровой валюты, поскольку данный аспект обеспечивается непосредственно на основе функционирования самого реестра распределенного доступа. Взамен прямого нормативного регулирования для конструирования данного механизма действует система саморегулирования, что исключает необходимость любого посредничества.

2. Отличаются и представления о доверии как основе всех процессов правового взаимодействия. По общему правилу, вступая в правоотношения, в том числе заключая различные сделки, стороны доверяют друг другу, а основой такого доверия выступает подтверждение участниками собственной право- и дееспособности, отсутствие пороков воли, соблюдение формализованных правовых процедур. Кроме того, в случае обнаружения предусмотренных гражданским законодательством оснований недействительности сделок субъект имеет возможность прибегнуть к тем или иным формам защиты своих прав, отраженных в соответствующем охранительном правовом инструментарии.

Однако технология блокчейн, если не устраняет, то в немалой степени подменяет правовой инструментарий собственными технологическими возможностями. Так, доверие участников взаимодействия в отношении цифровой валюты обеспечивается не требованиями к формальной легитимации и соответствию воли и волеизъявления сторон в рамках сделки, а особыми свойствами самой информационной саморегулируемой системы, а именно ее конфиденциальностью, надежностью, предвосхищаемостью.

Вышеизложенные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что основой функционирования механизма реализации прав в отношении цифровой валюты выступают не правовые средств как предусмотренные нормами права и обусловленные определенными целями и задачами инструменты правового регули-

рования, а юридико-технологические средства, поскольку в рамках данных правоотношений значительное число фундаментальных юридико-значимых явлений и процессов подменяются технологической составляющей. В указанных условиях происходит замещение прежде фундаментальных правовых инструментов конструктами, функционирующими на основе специальным образом организованных технологий. Так, Ю. С. Харитоновой, Л. В. Санниковой отмечается, что основой для формирования доверия в рамках «цифрового оборота» [12; 13] выступает технологически нейтральная система распределенного доступа, что отличается от доверия в рамках традиционного гражданского оборота, основой которого выступает соблюдение базовых гражданско-правовых принципов.

3. Важной особенностью механизма регулирования прав в отношении цифровых валют выступает так называемый низкий регулятивный потенциал правовых норм, что обусловлено наличием «слепых зон», недоступных для законодательной регламентации ни императивными, ни диспозитивными методами, ни какими-либо прочими специальными правовыми средствами. Основная цель конструирования цифровой валюты связана с созданием особого частного средства накопления, сбережений и расчетов. Отсутствие широких возможностей в части правового контроля за отношениями с участием цифровой валюты переводит процесс ее легализации в формат «доброй воли» индивида, который несмотря на наличие законодательных норм (запретов и ограничений) в значительной степени свободен от предписаний.

Так, анализ нормативного регулирования процедуры банкротства обнаруживает положение о том, что цифровая валюта является имуществом (ч. 2 ст. 2 Федерального закона №127-ФЗ)[1]. Примечательно, что после закрепления данного положения судебная практика приобрела большую последовательность. До внедрения указанного законодательного регулирования суды в целях обеспечения баланса интересов кредиторов и должников нередко применяли аналогию закона в целях оценки криптовалюты в качестве иного имущества[2]. Однако на практике включение цифровой валюты в качестве иного имущества в банкнотные процедуры возможно только в случае активного содействия должника указанному процессу. Если же последний будет активно препятствовать в получении судом, арбитражным управляющим или должниками информации о наличии у него криптовалютного кошелька, повлиять на него правовыми средствами в условиях существующей законодательной базы будет практически невозможно. Брачно-семейное и наследственное законодательство также не содержит никаких указаний по поводу цифровой валюты в качестве объекта регулирования, что, однако, означает и отсутствие каких-либо запретов в данных областях.

Тем самым установление максимально подробного законодательного регулирования в отношении цифровой валюты в различных сферах общественной жизни на данном этапе развития технологий не приведет без желания индивида к возложению на него обязанности этому регулированию подчиниться, т. к. сможет обойти существующие предписания. В подобных условиях основной регулятивный потенциал приобретает технологическая составляющая процесса, а именно технология блокчейн, в то время как пра-

[1] О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ: [ред. от 02.07.2021: с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331 (дата обращения: 12.07.2021).

[2] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП16416/2018 по делу № А40-124668/2017 URL: http://www.consultant.ru/document/cons_cgi/online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 12.07.2021).

вовая составляющая действует субсидиарно, корректируя правоотношения при наличии явно выраженного волеизъявления субъекта подчиниться правовым предписаниям.

4. Поскольку нами был сформулирован вывод о преобладании в механизме реализации прав в отношении цифровой валюты технологической составляющей и волевых актов индивидов, которые своими действиями обеспечивают переход отношений в правовое русло или отказ от такого перехода, можно отметить, что традиционные представления в отношении того, что основным элементом механизма реализации прав выступают нормы позитивного права, не в полной мере соответствует особой юридико-технологической природе цифровых валют. В этой связи можно сформулировать следующий вывод: механизм осуществления прав в отношении цифровой валюты характеризуется иным сочетанием элементного состава. Основным элементом выступают юридические факты, вспомогательным – нормы позитивного права, действующие за пределами «слепых зон».

5. Нельзя не отметить, что правовая основа, выраженная законодательными нормами, находится на этапе своего активного становления. При этом указанному процессу еще далеко до своего логического завершения. Однако задача сформировать переходную правовую базу, обеспечивающую стабильность и последовательность, а также предсказуемость правового регулирования, стоит в настоящий момент крайне остро. В данном случае особая нагрузка возлагается не на прямое законодательное регулирование, а на базовые правовые принципы, которые взамен отсутствующей нормативной основы выполняют задачу правовой регламентации отношений сторон. Анализ судебной практики в рамках исследуемой тематики позволяет отметить, что в условиях ограниченных возможностей правовой регламентации именно гражданско-правовые принципы используются для приспособления новых конструкций к уже существующей правовой системе.

Так, в мае 2018 г. Девятый арбитражный апелляционный суд, руководствуясь принципами разумности и добросовестности, пришёл к выводу о необходимости включения криптовалюты и токенов наравне с другими объектами гражданских прав в конкурсную массу. В решении было отмечено, что отсутствие упоминания в законе криптовалюты и токенов не должно приводить к ущемлению прав кредиторов. В противном случае создается прецедент для недобросовестного поведения должников, которые будут «переводить» свое имущество в криптовалюту и токены для предотвращения обращения взыскания на данные активы[1]. Тем самым в случае явной диспропорциональности интересов сторон, участвующих в отношениях с цифровой валютой, именно принципы добросовестности и справедливости становятся регуляторами соответствующих отношений сторон. Применяя их в подобном качестве, суды обеспечивают баланс правовых интересов всех участников.

Однако если «перевеса» в чью-то пользу не наблюдается, к примеру, в случае совершения обычных сделок с цифровыми активами, например, в целях получения дохода от изменения курсовой стоимости, принципы добросовестности и справедливости становятся своего рода «мерилом» поведения субъектов. При отсутствии существенных злоупотреблений вкупе с собственным свободным волеизъявлением государство приходит к выводу о нецелесообразности публичного вмешательства.

[1] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 N 09АП-16416/2018 по делу N А40-124668/2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_cgi/online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 12.07.2021).

Так, решением Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 13 июля 2018 г. по делу № 2-2379/2018 было отказано в удовлетворении исковых требований истца. Полякова С. А. обратилась в суд с иском к Тазетдинову И. Р. о взыскании неосновательного обогащения, указав, что она перевела денежные средства в размере 90 000 рублей ответчику. При этом договорные отношения между сторонами отсутствуют, истец с ответчиком не были знакомы. Правоприменитель отметил, что в силу ст. 1 Гражданского кодекса РФ гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе[1]. Правовые принципы в данном случае выступают в роли переходного элемента механизма реализации в пределах позитивного права.

6. Специфика исследуемого механизма также проявляется в наличии особенностей, присущих юридическим фактам. Юридические факты в праве чаще всего рассматриваются как конкретные жизненные обстоятельства, которые в соответствии с правовыми положениями наделяются ролью основания для наступления правовых последствий. Именно юридический факт является приводящим юридическую норму в действие рычагом, влекущим наступление правовых последствий [14, с. 50]. Выступая в качестве элемента механизма правового регулирования, юридические факты являются основаниями возникновения соответствующего правоотношения – в его статическом смысле, а в динамическом плане – основанием для трансформации соответствующего правоотношения [15, с. 178]. Однако в отношении цифровой валюты как особого юридико-технологического объекта юридические факты могут быть реализованы исключительно в условиях наличия промежуточного элемента – в рамках функционирования системы распределенного доступа, особого электронно-цифрового формата, обеспечивающего новую конструкцию бестелесных цифровых вещных прав, основой которых выступает возможность самостоятельного распоряжения указанным объектом без участия третьих лиц.

7. Особенности могут быть прослежены и в отношении субъектного состава. Субъекты отношений, связанных с обращением цифровой валюты, находятся в абсолютных отношениях, охватывающихся особыми правовыми связями, существующими исключительно в пределах технологической системы распределенного доступа, участники которых выступают в качестве носителей прав и обязанностей. Особенности прослеживаются и в отношении так называемой легализации «правосубъектности» индивидов. Подчеркивается, что способы идентификации и аутентификации участников оборота в сети Интернет существенно отличаются от идентификации юридических и физических лиц в классическом гражданском обороте. Применительно к последнему основанием для идентификации субъектов выступают персональные данные, которые размываются в отношении оборота с участием цифровой валюты. Процесс вступления участников в правоотношения по поводу цифровой валюты сопровождается использованием особых инструментов идентификации, включающем не персональные данные (как это имеет место в традиционных гражданско-правовых отношениях), а цифровые обо-

[1] Решение Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 13 июля 2018 года по делу № 2-2379/2018. URL: http://sudact.ru/regular/doc/3ajKrZgtn8r8/ (дата обращения: 12.07.2021).

значения, вымышленные имена или иные цифровые идентификаторы [16, с. 72].

Тем самым участниками гражданских правоотношений с цифровой валютой являются не граждане или юридические лица, а «квазисубъекты», которые вступают в правоотношения с использованием особых инструментов идентификации, включающих не персональные данные (как это имеет место в традиционных гражданско-правовых отношениях), а особые цифровые обозначения, вымышленные имена или иные цифровые идентификаторы; посредством указания IP-адреса, обменом файлами cookie и IP-протоколом, присвоением цифрового кода каждой транзакции или участнику распределенного (блокчейн) реестра, с допускаемым сокрытием индивидуальных данных о том или ином субъекте.

8. Кроме того, процессы взаимодействия субъектов в сети Интернет регулируются не только на основе существующих правовых актов, но и на основе частных правил той или иной сети распределенного доступа, сформулированных сторонними участниками, не обладающими статусом субъектов правоотношений в сети Интернет, но опосредованно участвующими в них посредством формулирования базовых положений, касающихся передачи данных и организации процессов взаимодействия (например, владельцы сайта либо операторы технологической онлайн-платформы (агрегатором)).

Таким образом, сложившаяся в российской правовой доктрине концепция правовых механизмов не в полной мере соответствует некоторым новым объектам гражданского оборота, поскольку закрепляет трактовку последнего как централизованную модель воздействия позитивного права на общественные отношения. Следует согласиться с представлениями авторов, считающих, что применительно к цифровой экономике в правовой доктрине подчеркивается, что данный механизм следует рассматривать не как «линейную совокупность юридических средств, а как многомерную систему организации и взаимосвязей элементов, обеспечивающих сохранение основных свойств и функций механизма при осуществлении различных форм правового воздействия на цифровую сферу экономической деятельности» [17, с. 143].

Традиционные представления о механизме реализации прав нуждаются в уточнении в условиях происходящего в «цифровой экономике» сращивания информационно-технологической и правовой сфер. Отмечается, что механизм реализации прав в отношении цифровой валюты не только не ограничивается элементами позитивного права, основой для его конструирования выступают юридические факты, являющиеся основными, а не вспомогательными средствами в соотношении с законодательными нормами. Правовые принципы в данном случае выступают в роли переходного элемента механизма реализации в пределах позитивного права. Основная цель механизма регулирования правоотношений связана с приспособлением традиционных правовых норм к новым технологическим реалиям с их широкими и порой неограниченными возможностями оказаться за пределами такого регулирования. В указанных условиях перспективной формой регулирования представляется снижение степени государственно-властного воздействия и прямого регулирования путем его замены на более гибкие регулятивные формы, в основе которых должны лежать методы стимулирования в целях сохранения общеправовых концептуальных положений и общего вектора регулятивного воздействия.

Выводы и рекомендации

Механизм реализации прав в отношении цифровых валют отличается наличием обширного сектора внеправового регулирования. В данной сфере наблюдается наличие противоречий между классическими правовыми представлениями о

«правосубъектности», свободе воли, соответствие воли волеизъявлению и теми формализованными требованиями, которые предъявляет система распределенного доступа к действиям субъекта. Переходный характер механизм реализации прав в отношении цифровой валюты предполагает приспособление существующего правового базиса к технологической реальности посредством расширения роли и значения общеправовых принципов и норм. Однако подобное регулирование отличается низкой степенью предопределенности и стабильности. В целях преодоления подобных негативных проявлений необходимо взамен запретов и ограничений на оборот цифровой валюты использовать различные инструменты поощрения к легализации указанного объекта в гражданском обороте.

Список литературы

1. Родионова О. М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 502 с.

2. Васильева Н. В. Система правового регулирования. Омск: Омск. акад. МВД России, 2017. 115 с.

3. Гончаров В. В., Пефтиев И. И. О некоторых вопросах конституционно-правового механизма реализации гражданами Российской Федерации права на альтернативную гражданскую службу // Юридический мир. 2010. № 7. С. 45.

4. Малько А. В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3. С. 57.

5. Осипов М. Ю. Теория социально-правовых процессов. М.: NOTA BENE, 2011. 299 с.

6. Пономарев М. В. Правовой механизм экологического аудита // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 106–110.

7. Фалькина Т. Ю. Формы реализации права и механизм их осуществления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 25 с.

8. Завадская Л. Н. Механизм реализации права. М.: Наука, 1992. 288 с.

9. Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 45 с.

10. Ситник А. А. Технология блокчейн в платежных системах // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 5. С. 43.

11. Бегларян М. Е., Добровольская Н. Ю. Блокчейн-технология в правовом пространстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. №2 (40). С. 108–112.

12. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 304 с.

13. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые финансовые инструменты для социализации частного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 209–223.

14. Боруленков Ю. П. Юридический факт как образ обстоятельства реальной действительности // Юридический мир. 2013. № 10. С. 122–126.

15. Разбейко Н. В. Юридический факт как элемент механизма правового регулирования // Вестник института экономических исследований. 2017. № 3. С. 178–185.

16. Родимцев М. Ю. Регулировать нельзя манипулировать (о рисках информационного общества) // Государство и право. 2016. № 7. С. 67–72.

17. Шатковская Т. В., Епифанова Т. В., Вовченко Н. Г. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 142–146.

References

1. Rodionova O. M. Pravovye formy realizacii volevyh otnoshenij v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya. Diss. kand. yurid. nauk [Legal forms of the implementation of volitional relations in the mechanism of civil law regulation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2017. 502 p.

2. Vasil'eva N. V. Sistema pravovogo regulirovaniya [The system of legal regulation]. Omsk, Omsk. akad. MVD Rossii Publ., 2017. 115 p.

3. Goncharov V. V., Peftiev I. I. O nekotoryh voprosah konstitucionno-pravovogo mekhanizma realizacii grazhdanami Rossijskoj Federacii prava na al'ternativnuyu grazhdanskuyu sluzhbu [On some issues of the constitutional and legal mechanism of realization by citizens of the Russian Federation of the right to alternative civil service]. *Yuridicheskij mir = Legal World*, 2010, no. 7, pp. 45.

4. Mal'ko A. V. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya [Mechanism of legal regulation]. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1996, no. 3, pp. 57.

5. Osipov M. Yu. Teoriya social'no-pravovyh processov [Theory of social and legal processes]. Moscow, NOTA BENE Publ., 2011. 299 p.

6. Ponomarev M. V. Pravovoj mekhanizm ekologicheskogo audita [The legal mechanism of environmental audit]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2010, no. 8, pp. 106–110.

7. Fal'kina T. Yu. Formy realizacii prava i mekhanizm ih osushchestvleniya. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk. [Forms of realization of the right and the mechanism of their implementation. Cand. legal sci. abstract diss.]. N. Novgorod, 2007. 25 p.

8. Zavadskaya L. N. Mekhanizm realizacii prava [Mechanism of implementation of the right]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 288 p.

9. Sapun V. A. Teoriya pravovyh sredstv i mekhanizm realizacii prava. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Theory of legal means and mechanism of realization of law. Dr. legal sci. abstract diss.]. N. Novgorod, 2002. 45 p.

10. Sitnik A. A. Tekhnologiya blokchejn v platezhnyh sistemah [Blockchain technology in payment systems]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2021, vol. 16, no. 5, pp. 43.

11. Beglaryan M. E., Dobrovol'skaya N. Yu. Blokchejn-tekhnologiya v pravovom prostranstve [Blockchain technology in the legal space]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2 (40), pp. 108–112.

12. Sannikova L. V., Haritonova Yu. S. Cifrovye aktivy: pravovoj analiz [Digital assets: Legal analysis]. Moscow, 4 Print Publ., 2020. 304 p.

13. Sannikova L. V., Haritonova Yu. S. Cifrovye finansovye instrumenty dlya socializacii chastnogo prava [Digital financial instruments for the socialization of private law]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*, 2021, no. 39, pp. 209–223.

14. Borulenkov Yu. P. Yuridicheskij fakt kak obraz obstoyatel'stva real'noj dejstvitel'nosti [A legal fact as an image of a circumstance of real reality]. *Yuridicheskij mir = Legal World*, 2013, no. 10, pp. 122–126.

15. Razbejko N. V. Yuridicheskij fakt kak element mekhanizma pravovogo regulirovaniya [Legal fact as an element of the mechanism of legal regulation]. *Vestnik instituta ekonomicheskih issledovanij = Bulletin of the Institute of Economic Research*, 2017, no. 3, pp. 178–185.

16. Rodimcev M.Yu. Regulirovat' nel'zya manipulirovat' (o riskah informacionnogo obshchestva) [Regulate cannot be manipulated (about the risks of the information society)]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2016, no. 7, pp. 67–72.

17. Shatkovskaya T. V., Epifanova T. V., Vovchenko N. G. Transformaciya struktury mehanizma pravovogo regulirovaniya v usloviyah cifrovoj ekonomiki [Transformation of the structure of the mechanism of legal regulation in the digital economy]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki = Problems of Economics and Legal Practice*, 2018, no. 3, pp. 142–146.

Информация об авторе / Information about the Author

Туешова Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры гражданского права, Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Российская Федерация,
e-mail: katyazueva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2641-0174

Ekaterina S. Tueshova, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation,
e-mail: katyazueva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2641-0174

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-45-53

CC BY 4.0

Правовое регулирование деятельности организаций, осуществляющих реализацию и защиту авторских и смежных прав

Л. Е. Барковская[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: moscowlawyersclub@mail.ru

Резюме

***Актуальное**. Действующая доктрина гражданского права и основанное на ней законодательное регулирование не учитывают необходимости особого правового регулирования для обеспечения защиты прав на коллективной основе. В настоящее время в законодательстве Российской Федерации определены основы для осуществления так называемого коллективного управления имущественными авторскими и смежными правами, однако деятельность организаций, которые должны осуществлять такое управление, предполагается направленной исключительно на сбор, распределение и выплату вознаграждения без учета необходимости решения связанных с этим задач защиты прав, учета произведений и правообладателей, оказания им помощи в оформлении своих прав.*

***Целью** исследования является разработка теоретических положений, определяющих особенности правового регулирования деятельности организаций, осуществляющих реализацию и защиту авторских и смежных прав, в том числе на коллективной основе.*

***Задачи**: выявить особенности правового регулирования деятельности организаций, осуществляющих реализацию и защиту авторских и смежных прав; определить основные проблемы, связанные с осуществлением такими организациями уставной деятельности; определить направления дальнейшего развития правового регулирования рассматриваемых вопросов.*

***Методология**. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.*

***Результаты** исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования гражданских правоотношений.*

***Выводы** сделанные в статье, имеют дискуссионный характер, направлены на продолжение исследований в рамках заявленной тематики, в частности на развитие основных принципов, позволяющих единообразным образом разрешать проблемы, связанные с правовым регулированием деятельности организаций, осуществляющих реализацию и защиту авторских и смежных прав, в том числе на коллективной основе. Статья является продолжением научных исследований автора по вопросам, связанным с обеспечением реализации и защиты авторских и смежных прав в современных условиях.*

***Ключевые слова**: автор; произведение; исключительное право; вознаграждение; коллективное управление; защита авторских прав.*

***Конфликт интересов:** Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Барковская Л. Е. Правовое регулирование деятельности организаций, осуществляющих реализацию и защиту авторских и смежных прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 45–53. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-45-53.

Поступила в редакцию 23.08.2021 Принята к публикации 22.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Барковская Л. Е., 2021

Legal Regulation of the Activities of Organizations Engaged in the Implementation and Protection of Copyright and Related Rights

Ludmila E. Barkovskaya[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: moscowlawyersclub@mail.ru

Abstract

***Relevance**. However the current civil law doctrine and legislation based on it does not usually take into account the need for a special approach to the cases of realization and protection of rights on a collective basis. Currently the legislation of the Russian Federation defines the basis for the implementation of the so-called collective management of proprietary copyright and related rights, but the activity of organizations, which should carry out such management, is assumed to be aimed exclusively at collecting, distributing and paying remuneration without taking into account the need to solve the related problems of rights protection, accounting works and rights holders, helping them to formalize their rights.*

***The purpose** of the research is to develop theoretical provisions defining the features of the legal regulation of the activities of organizations engaged in the realization and protection of copyright and related rights, including on a collective basis.*

***Objectives**: to identify the features of the legal regulation of the activities of organizations engaged in the realization and protection of copyright and related rights; to identify the main problems associated with the implementation of statutory activities of such organizations; to identify areas for further development of the legal regulation of the issues under consideration.*

***Methodology.** The author used dialectical-materialistic method, systematic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method.*

***The results** of the research are The results of the study are of theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of civil legal relations.*

***The conclusions**, made in the article, have the debatable character, directed to the continuation of research in the framework of the declared subject, directed to the development of basic principles, allowing a uniform way to solve the problems associated with legal regulation of organizations, implementing and protection of copyright and related rights, including the collective basis. The article is a continuation of the author's research on the issues related to the implementation and protection of copyright and related rights in the current environment.*

***Keywords:** author; work; exclusive right; remuneration; collective management; copyright protection.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Barkovskaya L. E. Legal Regulation of the Activities of Organizations Engaged in the Implementation and Protection of Copyright and Related Rights. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 45–53. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-45-53.

Received 23.08.2021 Accepted 22.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Развитие инновационной экономики требует создания условий, способствующих возникновению и последующей коммерциализации творческих результатов. В то же время постоянный рост объемов нелегального использования произведений в современном мире приводит к тому, что отдельные авторы и даже крупные правообладатели не имеют возможности эффективным образом бороться с нарушениями в индивидуальном порядке [1]. В связи с этим возрастает значение различного рода объединений, создавае-

мых в том числе на некоммерческой основе для защиты прав на результаты творческой деятельности, прежде всего прав на произведения, исполнения, фонограммы и базы данных.

Рост масштабов использования произведений и объектов смежных прав в современном мире сопровождается не менее быстрым ростом нарушений таких прав, в том числе исключительных прав, прав на получение вознаграждения, предусмотренного законом и договором, а также личных неимущественных прав авторов и иных правообладателей. Реализация таких прав невозможна без обеспечения их эффективной защиты [2; 3; 4; 5], однако действующее законодательство рассматривает указанные задачи без непосредственной связи друг с другом. Так, признавая, что во многих случаях реализация имущественных прав может быть осуществлена эффективным образом только на коллективной основе [6], законодательство при этом не устанавливает необходимых специальных положений для развития аналогичной по своей сути коллективной деятельности по защите исключительных прав, иных имущественных и личных неимущественных прав авторов и других правообладателей.

Существует значительное число научных исследований, посвященных вопросам коллективного управления имущественными авторскими и смежными правами, особого упоминания среди которых заслуживают работы Н. К. Абрамовой [1], А. В. Антоновой [7], Э. П. Гаврилова [8], С. Ф. Зятицкого [9], Е. М. Коневой [10], Е. А. Моргуновой [11; 12], О. В. Черкашиной [13], а также ряд иных публикаций [6; 14; 15]. При проведении таких исследований, как правило, основное внимание уделяется вопросам реализации организациями по коллективному управлению функций сбора, распределения и выплаты вознаграждения, разграничению сфер их деятельности, преодолению негативных последствий монопольного положения аккредитованных организаций, действующих в интересах всех правообладателей определенных категорий, а также другим вопросам, связанным с их основной уставной деятельностью, либо отдельным вопросам, связанным со сферой коллективного управления, в том числе с критикой применяемых для его осуществления законодательных подходов [16; 17; 18; 19].

Отсутствие разработанных теоретических положений, определяющих особенности деятельности по защите прав на произведения и объекты смежных прав и связанных с ними личных неимущественных прав их авторов и иных правообладателей, препятствует совершенствованию законодательства, действующего в рассматриваемой области, и развитию практики его применения.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Использование диалектико-материалистического метода, а также методов научного познания, таких как методы формальной и диалектической логики, историко-правовой метод, методы анализа и синтеза, позволило систематизировать и описать полученные результаты исследования для целей их дальнейшего использования. На основе данных методов были сформулированы предложения и рекомендации, явившиеся итогом решения поставленных задач, что позволило обосновать тезисы выдвигаемых предложений, направленных на разрешение существующих противоречий. Формально-юридический метод заключался в изучении российского законодательства, регулирующего рассматриваемые отношения, правоприменительной практики, научных публикаций, а также позволил описать результаты, полученные при проведении исследования.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время в Российской Федерации сформировался ряд законодательных положений, сосредоточенных в

главах 69 и 70 Гражданского кодекса Российской Федерации, определяющих порядок и условия осуществления коллективного управления имущественными авторскими и смежными правами. При этом как на национальном, так и на международном уровне отсутствует какое-либо специальное правовое регулирование деятельности организаций по вопросам защиты авторских и смежных прав. Положения гражданского законодательства, в том числе о порядке представительства и представления интересов других лиц, не учитывают специфики сферы деятельности данных организаций, особенно с учетом современного уровня технического развития [6; 15; 20].

В соответствии с п. 5 ст. 1242 ГК РФ организации по коллективному управлению правами могут предъявлять требования в суд, необходимые для защиты прав, переданных им в управление на коллективной основе. При установлении данного правила законодатель предусмотрел также возможность, согласно которой организации по коллективному управлению при таком обращении за защитой могут действовать от своего имени или от имени правообладателей, но законодательством не определены ни основания возникновения таких полномочий, ни особенности и пределы их осуществления. Предусмотрена возможность для аккредитованных организаций обращаться с требованиями в суд от имени неопределённого круга правообладателей, но эта возможность также ограничена оговоркой о применении указанных мер только для защиты прав, в отношении которых такая организация осуществляет коллективное управление.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10[1] была предпринята попытка разъяснить ряд положений, относящихся к вопросам рассмотрения споров о защите интеллектуальных прав с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами. В частности, в п. 4 указанного Постановления отмечается, что такие споры должны рассматриваться арбитражными судами вне зависимости от того, выступает ли такая организация от своего имени или от имени правообладателей. При этом в п. 18 Постановления судам указывается на необходимость учета того, от имени кого обращается в суд организация по управлению правами на коллективной основе: от своего имени, от имени конкретных правообладателей либо в интересах неопределенного круга лиц.

Приводя примеры случаев, в которых аккредитованная организация по коллективному управлению правами может обращаться в суд без доверенности от правообладателей, в том числе в интересах неограниченного круга лиц [13], Верховный Суд Российской Федерации выделяет среди них случаи, когда обращение в суд связано с требованиями о заключении, исполнении или расторжении договора, заключаемого организацией по управлению правами на коллективной основе, либо с получением невыплаченного вознаграждения, т. е. с вопросами, непосредственно связанными с основной деятельностью такой организации по сбору, распределению и выплате вознаграждения. В том же пункте Постановления Верховный Суд Российской Федерации отметил, что обращение даже аккредитованной организации в суд с требованием в связи с незаконным использованием конкретных объектов авторских или смежных прав, в отношении которых установлен конкретный правообладатель, не может рассматриваться в качестве обращения, осуществляемого от имени неопределённого круга лиц.

[1] О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 7.

Применительно к возможности для аккредитованных организаций обращаться с требованиями в суд от имени неопределённого круга правообладателей для защиты прав, в отношении которых такая организация осуществляет коллективное управление, Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что право аккредитованной организации действовать при этом без доверенности подтверждается свидетельством о государственной регистрации.

Для иных организаций по коллективному управлению, не прошедших государственную аккредитацию, возможность действовать по доверенности предусматривается только при условии предоставления в суд устава, договора с конкретным правообладателем о передаче полномочий на коллективное управление либо договора с иной организацией, управляющей правами такого правообладателя. При этом из приведённых разъяснений можно сделать вывод, что при предъявлении договора с иной организацией по коллективному управлению, в том числе иностранной, потребуется также предъявлять договор между правообладателем и такой организацией, по крайней мере, использованные в Постановлении формулировки не дают оснований для иных выводов. Все указанные документы необходимы для защиты прав, непосредственно вытекающих из договоров, которые были заключены такой организацией с правообладателями. В случае предъявления каких-либо требований, которые непосредственным образом не вытекают из необходимости реализации конкретных имущественных прав на коллективной основе, суд должен будет удостовериться в наличии полномочий у организации по коллективному управлению, подтверждаемых доверенностью от правообладателя.

Таким образом, для обеспечения защиты прав через организацию, представляющую их интересы, правообладателям потребуется не только заключить с такой организацией договор, но и предоставить доверенность с указанием конкретных полномочий. Получение доверенности от всех правообладателей, чьи права могут быть нарушены пользователями или третьими лицами в той или иной сфере, на практике является труднореализуемой задачей, что не позволяет развиться системе активного противодействия правонарушениям в рассматриваемой области с использованием положений действующего гражданского законодательства.

Выводы

Необходимо закрепить в законодательстве Российской Федерации положения, позволяющие организациям, осуществляющим коллективное управление имущественными авторскими и смежными правами, а также иным организациям, создаваемым правообладателями, осуществлять эффективным образом защиту имущественных, в том числе исключительных, и личных неимущественных прав представляемых ими правообладателей, в частности предусмотреть возможность осуществления по договору с правообладателями квазиагентской деятельности по защите прав в пределах и на условиях, определяемых уставными документами специализированных организаций и (или) договорами, заключаемыми такими организациями с правообладателями.

Деятельность по защите исключительных прав, прав на получение вознаграждения и личных неимущественных прав авторов и иных правообладателей должна признаваться одним из направлений деятельности организаций по коллективному управлению имущественными авторскими и смежными правами, а также может являться основной деятельностью специализированных организаций, создаваемых правообладателями для защиты своих прав.

Формирование правовых условий для защиты авторских и смежных прав на коллективной основе является важней-

шим требованием для обеспечения возможности эффективного контроля за соблюдением авторских и смежных прав в условиях массового использования результатов интеллектуальной деятельности, характерного для современного мира.

Список литературы

1. Абрамова Н. К. Проблемы создания и функционирования организаций по коллективному управлению авторскими правами: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005. 194 с.

2. Данилов Ю. С. Защита имущественных интересов правообладателей при незаконном использовании произведений // Вопросы экономики и права. 2018. № 10 (124). С. 20–25.

3. Севостьянов В. Л., Добрынина Т. В. Правовая защита интеллектуальной собственности в Интернете // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2010. № 4 (103). С. 56–64.

4. Сидоренко А. И. Судебная защита интеллектуальных прав в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 136–147.

5. Соловьев А.А. Правовое регулирование защиты исключительных прав в сети Интернет // Аллея науки. 2019. Т. 2, № 5. С. 907–912.

6. Борисова А. А., Шатковская Т. В. Коллективное и доверительное управление исключительными авторскими правами: проблемы регулирования и применения в цифровую эпоху // Colloquium-journal. 2019. № 14-7. С. 31–33.

7. Антонова А. В. Коллективное управление имущественными правами авторов и обладателей смежных прав: перспективы развития: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 203 с.

8. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. М.: ЮС «Юрсервитум», 2016. 876 с.

9. Зятицкий С. Ф. Проблемы реализации авторских и смежных прав на коллективной основе в условиях развития новых технологий: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. 182 с.

10. Конева Е. М. Коллективное управление смежными правами: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 184 с.

11. Моргунова Е. А. Коллективное управление авторскими правами как гражданско-правовой институт // Хозяйство и право. Приложение к ежемесячному юридическому журналу. 2006. № 5. 45 с.

12. Моргунова Е. А. Коллективное управление имущественными авторскими правами как гражданско-правовой институт: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 208 с.

13. Черкашина О. В. Коллективное и доверительное управление исключительными авторскими правами: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 201 с.

14. Кислицына М. Г. Концепция бездоговорного коллективного управления авторскими и смежными правами в России // Территория инноваций. 2018. № 3. С. 56–62.

15. Пятакова А. Коллективное управление авторскими и смежными правами в условиях цифровой реальности // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник научных трудов VII Международного юридического форума (IP форум). М.: Моск. гос. юрид. ун-т, 2020. С. 91–93.

16. Матвеев А. Г. Институт государственной аккредитации организаций по коллективному управлению авторскими правами и вступление России в ВТО // Шестой Перм-

ский конгресс ученых-юристов: избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов. М.: Статут, 2016. С. 253–257.

17. Матвеев А. Г. Природа права на вознаграждение за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений // Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. 2018. № 1. С. 11–16.

18. Масальцева А. И. Технология "blockchain" как альтернатива коллективному управлению авторскими и смежными правами // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. 2017. № 4. С. 95–102.

19. Щербак Н. В. Телеология коллективного управления авторскими и смежными правами: генезис и структура правоотношения // Хозяйство и право. 2021. № 3 (530). С. 30–45.

20. Туркин А. Вознаграждение за воспроизведение в личных целях в России и за рубежом // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2006. № 4. С. 18–27.

References

1. Abramova N. K. Problemy sozdaniya i funkcionirovaniya organizacij po kollektivnomu upravleniyu avtorskimi pravami. Diss. kand. yurid. nauk [Problems of creation and functioning of organizations for collective copyright management. Cand. legal. sci. diss.]. St. Petersburg, 2005. 194 p.

2. Danilov Yu. S. Zashchita imushchestvennyh interesov pravoobladatelej pri nezakonnom ispol'zovanii proizvedenij [Protection of property interests of copyright holders in case of illegal use of works]. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and legal issues*, 2018, no. 10 (124), pp. 20–25.

3. Sevost'yanov V. L., Dobrynina T. V. Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti v Internete [Legal protection of intellectual property on the Internet]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property relations in the Russian Federation*, 2010, no. 4 (103), pp. 56–64.

4. Sidorenko A. I. Sudebnaya zashchita intellektual'nyh prav v cifrovuyu epohu [Judicial protection of intellectual rights in the digital age]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 8, pp. 136–147.

5. Solov'ev A. A. Pravovoe regulirovanie zashchity isklyuchitel'nyh prav v seti Internet [Legal regulation of the protection of exclusive rights on the Internet]. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2019, vol. 2, no. 5, pp. 907–912.

6. Borisova A. A., Shatkovskaya T. V. Kollektivnoe i doveritel'noe upravlenie isklyuchitel'nymi avtorskimi pravami: problemy regulirovaniya i primeneniya v cifrovuyu epohu [Collective and trust management of exclusive copyrights: problems of regulation and application in the digital age]. *Colloquium-journal*, 2019, no. 14-7, pp. 31–33.

7. Antonova A. V. Kollektivnoe upravlenie imushchestvennymi pravami avtorov i obladatelej smezhnyh prav: perspektivy razvitiya. Diss. kand. yurid. nauk [Collective management of property rights of authors and holders of related rights: prospects for development. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 203 p.

8. Gavrilov E. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. XXI vek [Intellectual property law. Copyright and related rights. XXI century]. Moscow, Yurservitum Publ., 2016. 876 p.

9. Zyatickij S. F. Problemy realizacii avtorskih i smezhnyh prav na kollektivnoj osnove v usloviyah razvitiya novyh tekhnologij. Diss. kand. yurid. nauk [Problems of realization of copyright and related rights on a collective basis in the context of the development of new technologies. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2003. 182 p.

10. Koneva E. M. Kollektivnoe upravlenie smezhnymi pravami. Diss. kand. yurid. nauk. [Collective management of related rights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2008. 184 p.

11. Morgunova E. A. Kollektivnoe upravlenie avtorskimi pravami kak grazhdansko-pravovoj institut [Collective copyright management as a civil law institution]. *Hozyajstvo i pravo. Prilozhenie k ezhemesyachnomu yuridicheskomu zhurnalu = Economy and law. Appendix to the Monthly Law Journal*, 2006, no. 5. 45 p.

12. Morgunova E. A. Kollektivnoe upravlenie imushchestvennymi avtorskimi pravami kak grazhdansko-pravovoj institute. Diss. kand. yurid. nauk [Collective management of property copyrights as a civil law institution. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 208 p.

13. Cherkashina O. V. Kollektivnoe i doveritel'noe upravlenie isklyuchitel'nymi avtorskimi pravami. Diss. kand. yurid. nauk [Collective and trust management of exclusive copyrights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2011. 201 p.

14. Kislicyna M. G. Koncepciya bezdogovornogo kollektivnogo upravleniya avtorskimi i smezhnymi pravami v Rossii [The concept of non-contractual collective management of copyright and related rights in Russia]. *Territoriya innovacij = The territory of innovation*, 2018, no. 3, pp. 56–62.

15. Pyatakova A. Kollektivnoe upravlenie avtorskimi i smezhnymi pravami v usloviyah cifrovoj real'nosti [Collective management of copyright and related rights in digital reality]. *Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti: problemy teorii i praktiki. Sbornik nauchnyh trudov VII Mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma (IP forum)* [Legal protection of intellectual property: problems of theory and practice. Collection of scientific papers of the VII International Legal Forum (IP Forum)]. Moscow, Moscows St. Law Univ. Publ., 2020, pp. 91–93.

16. Matveev A. G. Institut gosudarstvennoj akkreditacii organizacij po kollektivnomu upravleniyu avtorskimi pravami i vstuplenie Rossii v VTO [Institute of State Accreditation of Organizations for Collective Copyright Management and Russia's Accession to the WTO]. *Shestoj Permskij kongress uchenyh-yuristov. Izbrannye materialy* [Sixth Perm Congress of Legal Scientists: Selected materials]; ed. by V. G. Golubcov. Moscow, Statut Publ., 2016, pp. 253–257.

17. Matveev A. G. Priroda prava na voznagrazhdenie za svobodnoe vosproizvedenie fonogramm i audiovizual'nyh proizvedenij [The nature of the right to remuneration for the free reproduction of phonograms and audiovisual works]. *Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property law. Copyright and related rights*, 2018, no. 1, pp. 11–16.

18. Masal'ceva A. I. Tekhnologiya "blockchain" kak al'ternativa kollektivnomu upravleniyu avtorskimi i smezhnymi pravami [Blockchain technology as an alternative to collective management of copyright and related rights]. *Kopirajt. Vestnik Rossijskoj akademii intellektual'noj sobstvennosti i Rossijskogo avtorskogo obshchestva = Copyright. Bulletin of the Russian Academy of Intellectual Property and the Russian Copyright Society*, 2017, no. 4, pp. 95–102.

19. Shcherbak N. V. Teleologiya kollektivnogo upravleniya avtorskimi i smezhnymi pravami: genezis i struktura pravootnosheniya [Teleology of collective Management of Copyright and Related Rights: genesis and structure of Legal Relations]. *Hozyajstvo i pravo = Economy and law*, 2021, no. 3 (530), pp. 30–45.

20. Turkin A. Voznagrazhdenie za vosproizvedenie v lichnyh celyah v Rossii i za rubezhom [Remuneration for reproduction for personal purposes in Russia and abroad]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*, 2006, no. 4, pp. 18–27.

Информация об авторе / Information about the Author

Барковская Людмила Евгеньевна, соискатель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: moscowlawyersclub@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4118-9837

Liudmila E. Barkovskaia, Applicant of the Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: moscowlawyersclub@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4118-9837

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-54-64

CC BY 4.0

Понятие и признаки семейного предпринимательства

Д. А. Пономарев[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: dm417@yandex.ru

Резюме

***Актуальность**. Отсутствие в настоящее время целостного научного представления о семейном предпринимательстве как особом правовом феномене обусловлено недостаточным количеством научных исследований по данной тематике, отсутствием системности при их проведении. Отсутствие согласованных доктринальных подходов, в свою очередь, приводит к тому, что законодательное регулирование по вопросам, связанным с семейным предпринимательством, развивается несистемным образом, в рамках отдельных законодательных актов, без учета специфики существующих проблем и пробелов в правовом регулировании.*

В науке гражданского права выявляется ряд несоответствий между подходами к регулированию предпринимательской деятельности и регулированием семейных правоотношений. Это обусловливает необходимость разработки целостного научного представления о семейном предпринимательстве как особом правовом явлении.

***Целью** исследования является разработка теоретических положений, направленных на создание целостного научного представления о семейном предпринимательстве как особом правовом явлении, учитывающего особенности осуществления предпринимательской деятельности с участием членов семьи, необходимость защиты прав участников такой деятельности и третьих лиц.*

***Задачи:** определить совокупность признаков семейного предпринимательства как особого правового явления; определить особенности обеспечения баланса интересов при ведении предпринимательской деятельности в форме семейного предпринимательства; определить направления дальнейшего развития правового регулирования рассматриваемых вопросов.*

***Методология.** При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.*

***Результаты** исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования гражданских правоотношений.*

***Выводы,** сделанные в статье, носят дискуссионный характер, направлены на продолжение исследований в рамках заявленной тематики, на развитие основных принципов, позволяющих единообразным образом разрешать проблемы, связанные с семейным предпринимательством. Статья является продолжением научных исследований автора по рассматриваемой тематике.*

***Ключевые слова:** семья; семейное предприятие; семейное предпринимательство; семейное право.*

***Конфликт интересов:** Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Пономарев Д. А. Понятие и признаки семейного предпринимательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 54–64. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-54-64.

Поступила в редакцию 19.08.2021 Принята к публикации 22.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Пономарев Д. А., 2021

The Concept and Characteristics of Family Entrepreneurship

Dmitrii A. Ponomarev[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: dm417@yandex.ru

Abstract

***Relevance**. The current lack of a holistic scientific understanding of family entrepreneurship as a special legal phenomenon is due to the lack of scientific research on this topic, the lack of consistency in their implementation. The lack of coherent doctrinal approaches, in turn, leads to the fact that legislative regulation on issues related to family entrepreneurship is developing in a non-systematic way, within the framework of individual legislative acts, without taking into account the specifics of existing problems and gaps in legal regulation.*

The science of civil law reveals a number of inconsistencies between the approaches to the regulation of entrepreneurial activity and the regulation of family legal relations. This necessitates the development of a holistic scientific understanding of family entrepreneurship as a special legal phenomenon.

***The purpose** of the research is to develop theoretical provisions aimed at creating a holistic scientific understanding of family entrepreneurship as a special legal phenomenon, taking into account the peculiarities of entrepreneurial activity with the participation of family members, the need to protect the rights of participants of such activities and third parties.*

***Objectives**: to determine the totality of features of family entrepreneurship as a special legal phenomenon; to determine the features of the balance of interests in the conduct of business in the form of family business; to identify areas for further development of legal regulation of the issues under consideration.*

***Methodology.** In carrying out this study, the dialectical-materialistic method, the systematic method, methods of analysis and synthesis, the formal-legal method were applied.*

***The results** of the research are of a theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of civil legal relations.*

***The conclusions** made in the article are of debatable character, are aimed at continuing research in the framework of the declared subject, at developing basic principles that allow to solve problems related to family entrepreneurship in a uniform way. The article is a continuation of the author's research on the topic under consideration.*

***Keywords:** family; family business; family entrepreneurship; family law.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ponomarev D. A. The Concept and Characteristics of Family Entrepreneurship. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 54–64. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-54-64.

Received 19.08.2021 Accepted 22.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Исследователями отмечается, что семейное предпринимательство является одной из самых устойчивых и мобильных форм проявления деловой активности, позволяющей быстро мобилизовать необходимые производственные и финансовые ресурсы, обеспечивать эффективные решения проблемы занятости населения, способствовать росту среднего класса и уровня обеспеченности семей [1], поддерживать внедрение инноваций в различных сферах производственной и торговой деятельности, а также деятельности по оказанию услуг [2]. При этом для семейного предпринимательства, как и для других видов малого и среднего бизнеса, характерна двойственность вы-

полняемых им функций, поскольку наряду с решением социально-экономических задач они выполняют также важную социальную функцию, обеспечивая стабильность существующих экономических, трудовых и семейных отношений [3].

В то же время следует признать, что семейное предпринимательство как особое правовое явление в настоящее время изучено недостаточно, отсутствует специальное законодательство по вопросам семейного предпринимательства, что создает правовую неопределенность при организации такой деятельности, принятии мер, необходимых для ее поддержки и совершенствования правового регулирования связанных с ней общественных отношений.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил осуществить исследование проблем, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности с участием членов семьи, в неразрывном единстве с существующим правовым регулированием возникающих при осуществлении семейного предпринимательства гражданских, семейных, корпоративных и иных правоотношений, в том числе отношений, связанных с возможным разделом имущества, наследованием и ответственностью перед третьими лицами при различных формах семейного предпринимательства. Системный метод позволил осуществить анализ основных проблем, возникающих при различных формах осуществления предпринимательской деятельности с участием членов семьи, структурированным образом изложить накопленный эмпирический материал, предложить логически обоснованные выводы об особенностях рассматриваемых правоотношений. Методы анализа и синтеза были использованы для сопоставления правовых норм, регулирующих различные аспекты семейного предпринимательства и связанных с ним общественных отношений. Формально-юридический метод использовался при изучении регулирующего рассматриваемые отношения законодательства, изучении правоприменительной практики и научных публикаций, а также послужил основой для систематизированного описания полученных при проведении исследования результатов.

Результаты и их обсуждение

Семейное предпринимательство оказывает существенное влияние на экономическое развитие страны и складывающиеся в обществе отношения. Семейные предприятия способствуют передаче навыков ведения предпринимательской деятельности [4], а в ряде случаев вырастают в крупнейшие бизнес-структуры, примерами могут служить BMW, HyundaiMotor, LG Group, Samsung, Siemens и многие другие современные компании.

При этом следует признать, что наиболее характерными для семейного предпринимательства являются варианты создания малого и среднего бизнеса с ограниченным сроком существования. Так, в Германии, согласно данным проведенных исследований, только треть семейных предприятий продолжают свою деятельность в качестве таковых при втором поколении владельцев из одной семьи, только одна десятая часть – при третьем и только 3% – при четвертом поколении владельцев [5, с. 81]. Вместе с тем в Великобритании не менее 16% семейных предприятий по состоянию на 2010 г. находились во владении четвертого и последующих поколений членов одной семьи, а в Швеции 61% работоспособного населения страны был занят в семейном бизнесе [6, с. 3].

В Российской Федерации в ряде сфер деятельности также преобладают различные варианты семейного бизнеса [7; 8]. Так, преобладающими на региональном

рынке туристических и связанных с ними услуг оказались именно малые формы семейного предпринимательства [9, с. 135].

Исследователями отмечается, что семейное предпринимательство является одной из самых устойчивых и мобильных форм проявления деловой активности, позволяющей быстро мобилизовать необходимые производственные и финансовые ресурсы, обеспечивать эффективные решения проблемы занятости населения, способствовать росту среднего класса и уровня обеспеченности семей, поддерживать внедрение инноваций в различных сферах производственной и торговой деятельности, а также деятельности по оказанию услуг [2]. При этом для семейного предпринимательства, как и для других видов малого и среднего бизнеса, характерна двойственность выполняемых им функций, поскольку наряду с решением социально-экономических задач они выполняют также важную социальную функцию, обеспечивая стабильность существующих экономических, трудовых и семейных отношений [3; 10].

На протяжении длительного исторического периода семейное предпринимательство играло стабилизующую роль в обществе [11, с. 130], позволяло передавать детям и другим родственникам трудовые навыки, сохранять секреты производства в семье, обеспечивать сочетание предпринимательской деятельности с воспитанием детей и домашним трудом, задействовать в работе членов семьи с ограниченной трудоспособностью. Так, в начале XX в. исследователями отмечалось, что «характерная черта семейного производства состоит в физиологически обоснованном разделении труда между отдельными членами семьи таким образом, что наряду со взрослым главным работником утилизируется небольшое число по большей части неполных рабочих сил путем выделения из общего процесса труда более легких деталей» [11, с. 130]. Таким образом, исторически семейное предпринимательство рассматривалось, прежде всего, как возможность вовлечения всех членов семьи в трудовую деятельность с характерным для традиционных обществ распределением ролей.

Однако в современных обществах происходит неизбежная трансформация подходов к целям и задачам, решаемым с помощью различных форм организации семейного предпринимательства, на первый план постепенно выходят такие задачи, как самореализация членов семьи, осуществление ими полноценной предпринимательской деятельности, направленной на извлечение прибыли, в том числе с готовностью к необходимым для этого преобразованиям ролей и жизненного уклада, освоению новых профессиональных навыков.

В научных публикациях справедливо отмечается увеличение по мере развития количества основных социальных и экономических функций семейного предпринимательства, среди которых, согласно проведенному анализу, могут быть выделены, прежде всего: формирование особой социально-экономической субъектности; повышение эффективности экономической деятельности, в том числе вследствие роста личной заинтересованности в ее результатах; возможность самореализации членов семьи; экономическая социализация, в том числе для несовершеннолетних членов семьи, повышение социального статуса и рост самодостаточности членов общества; возможность частичной и периодической занятости; снижение социальной напряженности; борьба с бедностью; вовлечение в производственные отношения лиц, частично утративших трудоспособность; оперативное реагирование на образующийся спрос; расширение выбора для потребителей; гибкость, оперативное реагирование на изменяющиеся потребности рынка; саморегулирование при решении большинства вопросов, связанных с ор-

ганизацией и ведением дел [12, с. 74–75; 13, с. 105; 14].

В отличие от традиционных видов предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 2 ГК РФ) отношения, связанные с семейным предпринимательством, находятся в неразрывной связи с семейными отношениями, в том числе с учетом возможной динамики их развития, включая изменение состава семьи или состава активных участников семейной предпринимательской деятельности, прекращения существования семьи в результате прекращения семейных отношений или смерти их участников, наследования имущества, перехода прав и обязанностей по иным основаниям.

По мнению И. В. Охременко, под семейным предпринимательством (или «семейным бизнесом», согласно терминологии, используемой указанным автором) следует понимать «инициативную самостоятельную деятельность граждан, направленную на получение прибыли, основанную на оптимальном использовании семейного капитала, включая физический, финансовый и интеллектуальный капитал членов семьи» [12, с. 73]. В данном определении представляется совершенно правильным очевидное признание факта необходимости наличия цели получения прибыли как базового признака любой предпринимательской деятельности. Однако положения об оптимальности использования различных видов имущества, знаний и навыков членов семьи, а также необходимость вовлеченности всех членов семьи в рассматриваемую деятельность представляются дискуссионными.

В частности, отношения семейного предпринимательства могут требовать участия непосредственно в предпринимательской деятельности или в связанных с ней процессах производства товаров, выполнения работ или оказания услуг не всех, а части членов семьи, что не исключает возникновения отношений семейного предпринимательства ввиду других признаков (например, использования имущества семьи). Критерий оптимальности использования материальных и интеллектуальных ресурсов также не может служить признаком осуществления деятельности, рассматриваемой как семейное предпринимательство.

Не в полной мере оправданным представляется выделение факта создания или приобретения предприятия в качестве признака семейного предпринимательства [15, с. 129], т. к. семейное предпринимательство может осуществляться без формирования «предприятия» в качестве особого имущественного комплекса (п. 1 ст. 132 ГК РФ), используемого для осуществления предпринимательской деятельности, в ряде случаев, особенно при оказании услуг, такая деятельность может осуществляться и без использования какого-либо определенного имущественного комплекса или, например, с использованием арендованного имущества. Кроме того, такое имущество может не выделяться определенным образом и использоваться для различных целей, в том числе преимущественно для удовлетворения нужд семьи или ее отдельных членов.

При разработке Минэкономразвития России проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» было предложено определение семейного предпринимательства через понятие «семейного предприятия», под которым предлагалось понимать «субъект малого и среднего предпринимательства, созданный и управляемый членами одной семьи»[1]. Данный подход, как представляется, также является ограничительным, требует обязательного формирования

[1] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Федеральный портал нормативно-правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=98577 (дата обращения: 21.07.2021).

именно одного, единого субъекта предпринимательства в одной из существующих форм, в то время как на практике могут возникать более сложные правоотношения с различной степенью и условиями участия семьи в предпринимательской деятельности. Круг таких членов семьи (ст. 2 Семейного кодекса РФ) может быть очень широк, а степень и условия их вовлеченности в семейный бизнес чрезвычайно многообразны.

Возможно, менее функционально значимым, но в большей степени отвечающим сущности характеризуемых отношений является определение рассматриваемого понятия в законодательстве Республики Узбекистан как «инициативной деятельности, осуществляемой членами семьи в целях получения дохода (прибыли) на свой риск и под свою имущественную ответственность» [16]. Вместе с тем следует признать, что определения данного рода, в целом правильно отражающие сущность характеризуемого явления, не привносят необходимых дополнительных критериев для его разграничения, выявления его особенностей.

В то же время нередко предлагаются определения, чрезмерно ограничивающие объем рассматриваемого понятия, исключающие из него значительную часть возможных вариантов организации семейной предпринимательской деятельности. Так, например, Н. И. Баранец отмечала правильность определения семейного предпринимательства как формы малого предпринимательства, при которой члены семьи и другие родственники являются как собственниками, так работниками своих предприятий [11]. При таком подходе из рассматриваемого понятия оказываются исключены случаи семейного владения предприятиями среднего бизнеса, случаи организации предпринимательской деятельности без совместного владения собственностью или без совместного участия в трудовой деятельности и другие варианты организации семейного предпринимательства, характерные для современного мира.

Для успешного осуществления деятельности в рамках семейного предпринимательства необходимо наличие устойчивой мотивации к совместной деятельности [17], благоприятной рыночной ниши, необходимых знаний и навыков у членов семьи, ее подходящего для данной деятельности состава [18], однако данные факторы также не могут рассматриваться в качестве критериев для выделения такой деятельности.

С. А. Барков и О. В. Дорохина при рассмотрении семейного предпринимательства в качестве характерных для него свойств выделяют: совместное проживание, совместное обустройство быта, совместное ведение хозяйства, совместное владение ресурсами, возможность самостоятельного принятия решений о ведении хозяйственной деятельности, стремление к удовлетворению потребностей семьи [19]. Как представляется, данные критерии могут быть уточнены за счет признания действия в отношении каждого из них двух базовых признаков: необходимости совместного принятия основных решений и автономизация отношений, складывающихся в рамках семьи, позволяющая ей взаимодействовать с третьими лицами в качестве самостоятельного «домохозяйства».

Существует также сложная задача разграничения семейного предпринимательства от случаев совместного владения материальными активами, в том числе долями и акциями в хозяйственных обществах, совместного осуществления предпринимательской деятельности с участием иных лиц, как относящихся, так и не относящихся к членами семьи, а также ведения предпринимательской деятельности с привлечением наемного труда членов семьи или сторонних наемных работников.

В указанном выше законопроекте предусматривался, как представляется, недостаточно обоснованный подход, при

котором понятие «семейного предпринимательства» как деятельности, нуждающейся в государственной поддержке, заменялось понятием «семейного предприятия», определение которого базировалось на формальных показателях: принадлежность более 50% долей в уставном капитале членам одной семьи; принадлежность не менее 50% участников производственного или потребительского кооператива к членам одной семьи; признание не менее 50% штатных работников, нанятых индивидуальным предпринимателем, к числу членов его семьи[1]. Данные показатели не могут служить значимыми критериями для обоснования необходимости оказания государственной поддержки и при этом в силу своего формального характера способны вводить в заблуждение относительно природы семейного предпринимательства и особенностей осуществления связанной с ним деятельности.

Осуществляя предпринимательскую деятельность в различных формах, члены семьи сохраняют ее единство, в результате чего взаимодействующие с ними в рамках рыночных отношений третьи лица в той или иной мере либо вступают также во взаимодействие со всеми членами семьи, либо их права и обязанности оказываются связаны с реализацией прав и обязанностей членов семьи, а также зависят от динамики развития отношений в семье, в том числе ее возможного распада, отношений по наследованию и других обстоятельств, которые должны учитываться как при взаимодействии с субъектами семейного предпринимательства, так и при разработке правового регулирования связанных с ним правоотношений.

Таким образом, представляется возможным выделить в качестве дополнительного признака семейного предпринимательства наличие фидуциальных отношений между его участниками, высокого уровня доверия друг к другу, взаимообусловленных связей, не требующих обязательного закрепления в качестве элементов договорного правоотношения. Наличие таких особых фидуциарных отношений позволяет обеспечивать устойчивость и преемственность семейного предпринимательства, но в то же время само их существование обусловливается сохранением семьи и отсутствием существенных конфликтов между ее членами. Правовое регулирование должно также учитывать существование жизненного цикла любого семейного предприятия, поскольку в процессе его существования может происходить изменение состава его владельцев и участников, изменение форм владения, условий осуществления управления и других характеристик, обусловленных прежде всего событиями, связанными с семейными обстоятельствами, включая изменение состава семьи, смену поколений, перераспределение функций и ролевых установок ее членов, возможное изменение приоритетов ее участников.

Выводы

В современных условиях усложнения отношений в различных сферах предпринимательской деятельности и связанного с ним усложнения их правового регулирования возрастает также необходимость совершенствования правового регулирования отношений, связанных с семейным предпринимательством, включая как отношения, непосредственно связанные с предпринимательской деятельностью членов семьи, так и их отношения с третьими лицами, а также правоотношения, возникающие в результате различного рода трансформации условий осуществления предприни-

[1] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Федеральный портал нормативно-правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=98577 (дата обращения: 21.07.20210).

мательской деятельности в различных формах, в том числе в связи с изменением форм ее осуществления, возможным прекращением семейных правоотношений, разделом имущества, используемого для ведения совместной предпринимательской деятельности, наследованием прав и обязанностей участников такой деятельности, установлением условий наступления и пределов ответственности участников совместной предпринимательской деятельности перед третьими лицами при различных формах семейного предпринимательства и решение многих других вопросов, обусловленных особенностями ведения семейной предпринимательской деятельности.

Отсутствие специального законодательства по вопросам семейного предпринимательства, в том числе отсутствие законодательного определения данного понятия, создает правовую неопределенность при организации данного рода деятельности, препятствует решению задач оказания государственной поддержки для развития семейного предпринимательства, создает сложности во взаимодействии других участников экономических отношений со структурами, представляющими собой различные варианты организации семейной предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Баркова Л. А. Семейное предпринимательство в механизме правового обеспечения гармонизации интересов семьи: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 189 с.

2. Habbershon T. G. Commentary: A framework for managing the familiness and agency advantages in family businesses // Entrepreneurship: Theory & Practice. 2006. Vol. 30(6). P. 879–886.

3. Абдурахманова Г. К. Малый бизнес в обеспечении занятости населения в Узбекистане // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2014. №12 (78). С. 128–135.

4. Баркова Л. А. Совершенствование российской правовой модели семейного предпринимательства с учетом зарубежного опыта правоприменения // Семейное и жилищное право. 2014. № 5. С. 6–9.

5. Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Профессиональные династии в бизнесе: специфика и потенциал развития // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29, № 1. С. 80–102.

6. Волков Д. А. Социально-экономические аспекты управления семейным предпринимательством в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. экон. наук. М.: РАНХиГС, 2011. 30 с.

7. Барков А. В., Гришина Я. С. Взгляд на легализацию семейного предпринимательства через призму социально-предпринимательского правотворческого опыта // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 33–44.

8. Баркова Л. А. Система правовых средств обеспечения гармонизации интересов семьи как основа правовой модели семейного предпринимательства // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 5. С. 24–28.

9. Павлюченко В. Г., Баранец Н. И. Инновационная модель организации малого семейного предприятия в системе курортного дела и туризма // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 1 (64). С. 132–137.

10. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: [утв. распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 35, ст. 4811.

11. Баранец Н. И. Преимущества и недостатки в развитии малого семейного предпринимательства // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2008. № 3. С. 129-130.

12. Охременко И. В. Социальные функции семейного бизнеса в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 72–75.

13. Сенотрусова А. С. Семейное предпринимательство как форма самозащитной поддержки // Социальная политика и социология. 2009. № 3 (45). С. 105–110.

14. Степанов А. Б. Организация семейного бизнеса: психологические и социологические факторы // Молодой ученый. 2018. № 3 (189). С. 159–162.

15. Баранец Н. И. Семейное предпринимательство как социально-экономическая проблема // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 4. С. 129.

16. Кувандиков Ш. О. Роль семейного предпринимательства в развитии регионов Узбекистана // Экономика и предпринимательство. 2020. № 11 (124). С. 443–445.

17. Хрупин И. М. Исследование мотивационных факторов предпринимательской деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2013. № 2 (23). С. 98–101.

18. The landscape of family business outcomes: A summary and numerical taxonomy of dependent variables / A. Yu, G. T. Lumpkin, R. L. Sorenson, K. H. Brigham // Family Business Review. 2012. Vol. 25. pp. 33–57.

19. Барков С. А., Дорохина О. В. Семейный бизнес в XXI веке: социальные детерминанты развития // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 4(32). С. 85–94.

References

1. Barkova L. A. Semejnoe predprinimatel'stvo v mekhanizme pravovogo obespecheniya garmonizacii interesov sem'i. Diss. kand. yurid. nauk [Family entrepreneurship in the mechanism of legal support for the harmonization of family interests. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 189 p.

2. Habbershon T. G. Commentary: A framework for managing the familiness and agency advantages in family businesses. *Entrepreneurship: Theory & Practice*, 2006, vol. 30(6), pp. 879–886.

3. Abdurahmanova G. K. Malyj biznes v obespechenii zanyatosti naseleniya v Uzbekistane [Small business in ensuring employment of the population in Uzbekistan]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2014, no. 12 (78), pp. 128–135.

4. Barkova L. A. Sovershenstvovanie rossijskoj pravovoj modeli semejnogo predprinimatel'stva s uchetom zarubezhnogo opyta pravoprimeneniya [Improving the Russian legal

model of family entrepreneurship, taking into account the foreign experience of law enforcement]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2014, no. 5, pp. 6–9.

5. Klimenko L. V., Posuhova O. Yu. Professional'nye dinastii v biznese: specifika i potencial razvitiya [Professional dynasties in business: specifics and development potential]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya = The world of Russia. Sociology. Ethnology*, 2020, vol. 29, no. 1, pp. 80–102.

6. Volkov D. A. Social'no-ekonomicheskie aspekty upravleniya semejnym predprinimatel'stvom v Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Socio-economic aspects of family business management in the Russian Federation. Cand. econ. sci. abstract diss.]. Moscow, RANHiGS Publ., 2011. 30 c.

7. Barkov A. V., Grishina Ya. S. Vzglyad na legalizaciyu semejnogo predprinimatel'stva cherez prizmu social'no-predprinimatel'skogo pravotvorcheskogo opyta [A look at the legalization of family entrepreneurship through the prism of socio-entrepreneurial law-making experience]. Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii [Family business in the legal space of Russia]; ed. by I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 33-44.

8. Barkova L. A. Sistema pravovyh sredstv obespecheniya garmonizacii interesov sem'i kak osnova pravovoj modeli semejnogo predprinimatel'stva [The system of legal means to ensure the harmonization of family interests as the basis of the legal model of family entrepreneurship]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal = Business in law. Economic and Legal Journal*, 2013, no. 5, pp. 24–28.

9. Pavlyuchenko V. G., Baranec N. I. Innovacionnaya model' organizacii malogo semejnogo predpriyatiya v sisteme kurortnogo dela i turizma [Innovative model of organization of a small family enterprise in the system of resort business and tourism]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta = Scientific notes of the Russian State Social University*, 2009, no. 1 (64), pp. 132–137.

10. Koncepciya gosudarstvennoj semejnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda [The concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii = Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 35, art. 4811.

11. Baranec N. I. Preimushchestva i nedostatki v razvitii malogo semejnogo predprinimatel'stva [Advantages and disadvantages in the development of small family entrepreneurship]. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal = Business in law. Economic and Legal Journal*, 2008, no. 3, pp. 129–130.

12. Ohremenko I. V. Social'nye funkcii semejnogo biznesa v sovremennom obshchestve [Social functions of family business in modern society]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*, 2021, no. 3, pp. 72–75.

13. Senotrusova A. S. Semejnoe predprinimatel'stvo kak forma samozashchitnoj podderzhki [Family entrepreneurship as a form of self-protective support]. *Social'naya politika i sociologiya = Social Policy and Sociology*, 2009, no. 3 (45), pp. 105–110.

14. Stepanov A. B. Organizaciya semejnogo biznesa: psihologicheskie i sociologicheskie faktory [Organization of family business: psychological and sociological factors]. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2018, no. 3 (189), pp. 159–162.

15. Baranec N. I. Semejnoe predprinimatel'stvo kak social'no-ekonomicheskaya problema [Family entrepreneurship as a socio-economic problem]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudar-*

stvennogo social'nogo universiteta = Scientific Notes of the Russian State Social University, 2007, no. 4, pp. 129.

16. Kuvandikov Sh. O. Rol' semejnogo predprinimatel'stva v razvitii regionov Uzbekistana [The role of family entrepreneurship in the development of the regions of Uzbekistan]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*, 2020, no. 11 (124), pp. 443–445.

17. Hrupin I. M. Issledovanie motivacionnyh faktorov predprinimatel'skoj deyatel'nosti [Research of motivational factors of entrepreneurial activity]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Right*, 2013, no. 2 (23), pp. 98–101.

18. Yu A., Lumpkin G. T., Sorenson R. L., Brigham K. H. The landscape of family business outcomes. A summary and numerical taxonomy of dependent variables. *Family Business Review*, 2012, vol. 25, pp. 33–57.

19. Barkov S. A., Dorohina O. V. Semejnyj biznes v XXI veke: social'nye determinanty razvitiya [Family business in the XXI century: social determinants of development]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*, 2014, no. 4(32), pp. 85–94.

Информация об авторе / Information about the Author

Пономарев Дмитрий Александрович, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: dm417@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4085-2027

Dmitrii A. Ponomarev, Post-Graduate Student of the of Department Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: dm417@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4085-2027

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-65-73

CC BY 4.0

Роль корпоративного договора в регулировании вопросов, связанных с распоряжением исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности

В. М. Марасанов[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: vm21201@yandex.ru

Резюме

***Актуальность**. В корпоративном договоре участники хозяйственного общества имеют возможность наиболее точным образом отразить согласованные ими решения по вопросам, связанным с порядком и условиями распоряжения наиболее ценными активами общества, в том числе исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, которые принадлежат обществу или появятся у него в дальнейшем с учетом динамики развития гражданско-правовых отношений, в том числе связанных с созданием и использованием таких результатов.*

***Цель** исследования заключается в выработке теоретических положений, способных обеспечить совершенствование правового регулирования вопросов, связанных с заключением и исполнением корпоративных договоров участниками хозяйственных обществ, усиление возможностей контроля со стороны участников за соблюдением согласованных сторонами корпоративных отношений порядка и условий принятия решений по управлению хозяйственным обществом, а также распоряжению имуществом общества и его нематериальными активами, включая исключительные права на произведения и иные результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащие хозяйственному обществу.*

***Задачи**: выявить проблемы, связанные с особенностями правового регулирования корпоративных договоров в отечественном праве, в том числе в отношении права контроля за распоряжением имуществом и нематериальными активами, принадлежащими таким обществам; определить направления дальнейшего развития правового регулирования рассматриваемых вопросов.*

***Методология**. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.*

***Результаты** исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования гражданских правоотношений.*

***Выводы**, сделанные в статье, носят дискуссионный характер, направлены на продолжение исследований в рамках заявленной тематики, на развитие основных принципов, позволяющих единообразным образом разрешать проблемы, связанные с заключением и исполнением корпоративных договоров, в том числе по вопросам, связанным с использованием произведений и иных объектов интеллектуальных прав. Статья является продолжением научных исследований автора по рассматриваемым в ней вопросам.*

***Ключевые слова:** корпоративный договор; корпоративные правоотношения; авторское право; произведение; правообладатели; исключительное право.*

***Конфликт интересов:** Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Марасанов В. М. Роль корпоративного договора в регулировании вопросов, связанных с распоряжением исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 65–73. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-65-73.

Поступила в редакцию 23.08.2021 Принята к публикации 20.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Марасанов В. М., 2021

The Role of the Corporate Agreement in the Regulation of Issues Related to the Disposal of Exclusive Rights to the Results of Intellectual Activity

Valerii M. Marasanov[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: vm21201@yandex.ru

Abstract

***Relevance**. In the corporate agreement that participants of a business company have the most accurate reflection of their agreed decisions on issues related to the order and conditions of disposal of the most valuable assets of the company, including exclusive rights to the results of intellectual activity, which belong to the company or will appear to it in the future taking into account the dynamics of civil legal relations, including those associated with the creation and use of such results.*

***The purpose** of the study is to develop theoretical provisions capable of improving the legal regulation of issues related to the conclusion and execution of corporate agreements by participants of business companies, strengthening the ability of participants to monitor compliance with the agreed parties to corporate relations order and conditions of decision-making on the management of the economic society, as well as the company's property and intangible assets, including exclusive rights to works and other results of intellectual activity, belonging to the economic society.*

***Objectives**: identify the problems associated with the features of legal regulation of corporate agreements in domestic law, including with regard to the right of control over the disposal of property and intangible assets owned by such companies; to determine the directions of further development of legal regulation of the issues under consideration.*

***Methodology.** The dialectical-materialistic method, systematic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method were used.*

***The results** of the research are theoretical and applied character and are aimed at improving the quality of legal regulation of civil relations.*

***The conclusions** made in the article are of a discussion nature, aimed at continuing research in the framework of the stated topic, the development of basic principles that allow a uniform way to solve problems associated with the conclusion and execution of corporate contracts, including issues related to the use 6of works and other objects of intellectual rights. The article is a continuation of scientific research of the author on the issues addressed in it.*

***Keywords:** corporate contract; corporate legal relations; copyright; work; right holders; exclusive right.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Marasanov V. M. The Role of the Corporate Agreement in the Regulation of Issues Related to the Disposal of Exclusive Rights to the Results of Intellectual Activity. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 65–73. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-65-73.

Received 23.08.2021 Accepted 20.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Значительные по своему объему и содержанию изменения, внесенные в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в 2014 г. [1], стали новым этапом в развитии современного гражданского права Российской Федерации, в том числе при решении вопросов правового регулирования корпоративных отношений. Вместе с тем формальное за-

крепление понятия корпоративного договора и основных относящихся к нему положений в ст. 67.2 ГК РФ не решило многих проблем, связанных с развитием правового регулирования корпоративных правоотношений с учетом необходимости достижения оптимального баланса интересов между их участниками для различных случаев их реализации [2]. Так, определение корпоративного договора в п. 1 указанной статьи привело, как представляется, к неоправданному сужению сферы его действия, ограничению ее только вопросами, связанными с управлением обществом, а также приобретением или отчуждением долей в его уставном капитале или акций. Сложную проблему составляет возможность осуществления участниками хозяйственных обществ опосредованного распоряжения имуществом общества и его нематериальными активами, в том числе исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащими обществу, а также эффективного контроля за таким распоряжением.

Несмотря на достаточно широкое освещение в отечественной научной литературе общих вопросов корпоративного права, в частности, проблем заключения и исполнения корпоративного договора, в том числе в работах В. Г. Бородкина [3], М. С. Варюшина [4], Т. В. Грибковой [5], В. Н. Гурьева [6], А. С. Желанова [7], М. И. Иноземцева [8], В. Ю. Ифраимова [9], М. Ф. Казанцева [10], Н. С. Каржавиной [11], А. А. Кулика [12], О. А. Макаровой [13], Е. А. Мальгинова [14], А. И. Масляева [15], И. А. Назимова [16], К. О. Осипенко [17], М. В. Трубиной [18], Р. Р. Ушницкого [19], Е. А. Чирковой [20] др., до настоящего времени не осуществлялось исследование корпоративного договора как правового инструмента управления хозяйственным обществом и его активами в связи с решениями задач обеспечения охраны и осуществления прав на произведения и иные объекты интеллектуальных прав.

Методология

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: диалектико-материалистический метод, анализ, синтез, индукция, дедукция, а также такие частнонаучные методы, как исторический метод, сравнительно-правовой и формально-юридический. Применение указанных методов позволило осуществить комплексное исследование заявленной проблематики и привело к получению достоверного научного результата. Методы анализа и синтеза дали возможность осуществить сопоставление правовых норм, регулирующих вопросы заключения и исполнения корпоративного договора и реализации прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также обосновать тезисы выдвигаемых предложений, направленных на разрешение существующих противоречий. Формально-юридический метод заключался в изучении российского законодательства, регулирующего рассматриваемые отношения, правоприменительной практики, научных публикаций, а также позволил описать результаты, полученные при проведении исследования.

Результаты и их обсуждение

Корпоративный договор призван опосредовать широкий круг корпоративных отношений [21; 22, с. 1041–1051], в том числе не только по управлению обществом и осуществлению прав в отношении долей в его уставном капитале или акций, но также по определению порядка распоряжения имуществом хозяйственного общества, осуществлению контроля за его соблюдением, определению порядка и условий совершения сделок при привлечении инвестиций, распоряжению правами на создаваемые результаты интеллектуальной деятельности и др. [23]. Между тем формальное определение

корпоративного договора в ГК РФ приравняло его к акционерному соглашению (ст. 32.1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах») и договору об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью (п. 3 ст. 8 Федерального закона от 05.02.1999 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»).

Вместе с тем особое внимание с учетом роста значения нематериальных активов в современном мире должно быть уделено той специфике, которой характеризуется осуществление имущественных прав участников хозяйственного общества при решении вопросов, связанных с распоряжением принадлежащими хозяйственному обществу правами на результаты интеллектуальной деятельности.

Практика показывает важность предоставления участникам обществ возможности урегулирования отношений по наиболее широкому кругу вопросов. В частности, участники хозяйственных обществ все чаще оказываются заинтересованы в возможности определения особого порядка распоряжения имуществом и нематериальными активами, в том числе исключительными правами на произведения и иные результаты интеллектуальной деятельности.

В законодательстве, деловой и судебной практике отдельных европейских стран встречаются различные позиции в отношении корпоративных договоров [24]. Исследователи проблемы применения положений о корпоративных договорах в Российской Федерации и в зарубежных национальных юрисдикциях сталкиваются со значительными трудностями при изучении данного правового явления. В юридической доктрине существуют существенным образом различающиеся, подчас совершенно противоположные определения корпоративного договора. Так, согласно одному из возможных определений под корпоративным договором может пониматься источник корпоративного права – соглашение, направленное на организацию различных сторон деятельности корпорации [11, с. 128]. Корпоративный договор является относительно новой правовой реалией для Российской Федерации, разработка которой в российской юридической науке еще только ведется [11].

Исследователями отмечается, что необходимость во введении института корпоративных договоров назрела давно, т. к. она вызвана актуальными практическими потребностями. Институт корпоративного договора был заимствован российскими законодателями из иностранных юрисдикций. Необходимость введения института корпоративного договора в Российской Федерации была обусловлена ее включением в процесс международной экономической интеграции, что обусловило рост числа совместных инвестиционных проектов, главную роль в которых играют юридические лица [11]. Модель корпоративного договора, представленная в ст. 67.2 ГК РФ, сближает ее с аналогичным видом договора в англо-американском праве, более гибким по своему содержанию [25].

В соответствии с принятой в доктрине гражданского права классификацией договоров, корпоративный договор можно охарактеризовать как [26]: консенсуальный, двусторонне обязывающий (взаимный), поскольку каждая сторона договора выступает носителем как прав, так и обязанностей, многосторонним, поскольку договор предполагает участие в нем нескольких сторон [27, с. 51]. Вместе с тем российское законодательство не накладывает ограничения на количество участников корпоративного договора, упоминая только о том, что их может быть несколько [28]. Корпоративный договор также предлагается обычно рассматривать как предпринимательский и организационно-имущественный, т. е. смешанный по своим основным характеристикам договор [29; 30].

Корпоративный договор по своей сути является идеальным правовым инструментом для отражения воли и намерений участников корпорации при решении вопросов распоряжения ее активами, в том числе наиболее ценными нематериальными активами, включая права на результаты интеллектуальной деятельности.

Выводы

Заключение корпоративного договора позволяет его сторонам самостоятельно регламентировать отношения между ними как участниками корпоративных правоотношений, восполнять с его помощью отсутствующее правовое регулирование, в том числе по отдельным вопросам распоряжения активами, устанавливать особый порядок заключения и одобрение договоров, связанных с распоряжением исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности.

Соглашением сторон может устанавливаться публичный характер отдельных положений корпоративного договора, в том числе связанных с реализацией исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, что позволит распространить их действие также на лиц, с которыми такие договоры заключаются.

Необходимо также предоставить сторонам корпоративного договора возможность предъявить требование о включении в учредительные документы общества положений, регулирующих особенности распоряжения исключительными правами на принадлежащие ему результаты интеллектуальной деятельности. Указанные права могут являться особо ценными нематериальными активами общества, в связи с чем участникам общества должна быть предоставлена возможность для осуществления надежного контроля за принимаемыми в отношении таких активов решениями.

Список литературы

1. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: общие положения об обязательствах и договорах // Хозяйство и право. Приложение. 2015. № 5. 64 с.

2. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве. Краткий очерк. М.: Статут, 2017. 159 с.

3. Бородкин В. Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 255 с.

4. Варюшин М. С. Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ: дис. …канд. юрид. наук. М., 2015. 202 с.

5. Грибкова Т. В. Акционерные соглашения как средство правового регулирования корпоративных отношений: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 238 с.

6. Гурьев В. Н. Акционерные соглашения как группа корпоративных договоров: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 233 с.

7. Желанова А. С. Разрешение корпоративных споров в международном коммерческом арбитраже в Германии: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. 163 с.

8. Иноземцев М. И. Ответственность сторон за нарушение акционерного соглашения по праву России и зарубежных государств: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 158 с.

9. Ифраимов В. Ю. Правовое регулирование внутрикорпоративных отношений в Российской Федерации и Азербайджанской Республике (на примере акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью): дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 237 с.

10. Казанцев М. Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 333 с.

11. Каржавина Н. С. Юридическая природа внутрикорпоративного договора: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 161 с.

12. Кулик А. А. Корпоративные права в системе гражданских прав: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 278 с.

13. Макарова О. А. Правовое обеспечение корпоративного управления в акционерных обществах с участием государства: дис. … докт. юрид. наук. М., 2014. 344 с.

14. Мальгинов Е. А. Регулирование корпоративных правоотношений в Российской Федерации и государствах – членах Евразийского экономического союза: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. 222 с.

15. Масляев А. И. Акционерные соглашения в международном частном праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 163 с.

16. Назимов И. А. Восстановление положения, существовавшего до нарушения прав участников юридических лиц корпоративного типа: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. 198 с.

17. Осипенко К. О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 190 с.

18. Трубина М. В. Гражданско-правовое регулирование акционерных соглашений в России и странах континентальной Европы: дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 194 с.

19. Ушницкий Р. Р. Гражданско-правовая форма корпоративного отношения: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 244 с.

20. Чиркова Е. А. Теория и практика корпоративных договоров: необходимость новой теории? // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19, № 5. С. 128–160.

21. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. 509 с.

22. Российское гражданское право: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 4-е изд. М.: Статут, 2011. 766 с.

23. Ситдикова Л. Б., Стародумова С. Ю., Янтюрина К. П. Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров по законодательству Российской Федерации: монография. М.: Рос. гос. социальный ун-т, 2019. 104 с.

24. Степанов Д. И., Фогель В. А., Шрамм Х. И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2012. № 10. С. 22–69.

25. Костанян Р., Молоснова Е. Корпоративный договор как результат компромисса // Экономика и жизнь. 2014. 20 июня. URL: http://www.eg-online.ru/article/250033/ (дата обращения: 16.07.2021).

26. Артамкина Е. В. Правовая природа корпоративного договора // Судебные ведомости. 2014. № 2. С. 12–14.

27. Мажурин П. В. Корпоративный договор в системе гражданско-правовых договоров // Политика, государство и право. 2016. № 5. С. 46–51.

28. Артамкина Е. В. Место корпоративного договора среди гражданско-правовых договоров, разделённых по принципу дихотомии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 91–94.

29. Суханов Е. А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: Избранные труды 2013–2017 гг. М.: Статут, 2018. 496 с.

30. Яковенко Е. А. Некоторые вопросы определения предмета корпоративного договора // Новый юридический вестник. 2018. № 2. С. 4–6.

References

1. Vitryanskij V. V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: obshchie polozheniya ob obyazatel'stvah i dogovorah [Reform of Russian civil legislation: general provisions on obligations and contracts]. *Hozyajstvo i pravo. Prilozhenie = Economy and Law. Application*, 2015, no. 5. 64 p.

2. Kuznecov A. A. Predely avtonomii voli v korporativnom prave. Kratkij ocherk [The limits of the autonomy of the will in corporate law. A brief essay]. Moscow, Statut Publ., 2017. 159 p.

3. Borodkin V. G. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie korporativnogo dogovora. Diss. kand. yurid. nauk [Civil law regulation of a corporate contract. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 255 p.

4. Varyushin M. S. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie korporativnyh dogovorov: sravnitel'nyj analiz. Diss. kand. yurid. nauk [Civil law regulation of corporate contracts: comparative analysis. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 202 p.

5. Gribkova T. V. Akcionernye soglasheniya kak sredstvo pravovogo regulirovaniya korporativnyh otnoshenij. Diss. kand. yurid. nauk [Joint-stock agreements as a means of legal regulation of corporate relations. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2011. 238 p.

6. Gur'ev V. N. Akcionernye soglasheniya kak gruppa korporativnyh dogovorov. Diss. kand. yurid. nauk [Joint stock agreements as a group of corporate agreements. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2012. 233 p.

7. Zhelanova A. S. Razreshenie korporativnyh sporov v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe v Germanii. Diss. kand. yurid. nauk [Resolution of corporate disputes in international commercial arbitration in Germany. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2019. 163 p.

8. Inozemcev M. I. Otvetstvennost' storon za narushenie akcionernogo soglasheniya po pravu Rossii i zarubezhnyh gosudarstv. Diss. kand. yurid. nauk [Liability of the parties for violation of the shareholders' agreement under the law of Russia and foreign states. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2017. 158 p.

9. Ifraimov V. Yu. Pravovoe regulirovanie vnutrikorporativnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii i Azerbajdzhanskoj Respublike (na primere akcionernyh obshchestv i obshchestv s ogranichennoj otvetstvennost'yu). Diss. kand. yurid. nauk [Legal regulation of intra-corporate relations in the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan (on the example of joint-stock companies and limited liability companies). Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2016. 237 p.

10. Kazancev M. F. Koncepciya grazhdansko-pravovogo dogovornogo regulirovaniya. Diss. dokt. yurid. nauk [The concept of civil law contractual regulation. Cand. legal sci. diss.]. Ekaterinburg, 2008. 333 p.

11. Karzhavina N. S. Yuridicheskaya priroda vnutrikorporativnogo dogovora. Diss. kand. yurid. nauk [The legal nature of an intra-corporate contract. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2009. 161 p.

12. Kulik A. A. Korporativnye prava v sisteme grazhdanskih prav. Diss. kand. yurid. nauk [Corporate rights in the civil rights system. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2009. 278 p.

13. Makarova O. A. Pravovoe obespechenie korporativnogo upravleniya v akcionernyh obshchestvah s uchastiem gosudarstva. Diss. dokt. yurid. nauk [Legal support of corporate governance in joint-stock companies with state participation. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2014. 344 p.

14. Mal'ginov E. A. Regulirovanie korporativnyh pravootnoshenij v Rossijskoj Federacii i gosudarstvah – chlenah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. Diss. kand. yurid. nauk [Regulation of corporate legal relations in the Russian Federation and the member States of the Eurasian Economic Union. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2017. 222 p.

15. Maslyaev A. I. Akcionernye soglasheniya v mezhdunarodnom chastnom prave. Diss. kand. yurid. nauk [Joint stock agreements in private international law. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2010. 163 p.

16. Nazimov I. A. Vosstanovlenie polozheniya, sushchestvovavshego do narusheniya prav uchastnikov yuridicheskih lic korporativnogo tipa. Diss. kand. yurid. nauk [Restoration of the situation that existed before the violation of the rights of participants of corporate-type legal entities. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2014. 198 p.

17. Osipenko K. O. Dogovor ob osushchestvlenii prav uchastnikov hozyajstvennyh obshchestv v rossijskom i anglijskom prave. Diss. kand. yurid. nauk [Agreement on the exercise of the rights of participants of business companies in Russian and English law. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 190 p.

18. Trubina M. V. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie akcionernyh soglashenij v Rossii i stranah kontinental'noj Evropy. Diss. kand. yurid. nauk [Civil law regulation of shareholders' agreements in Russia and the countries of continental Europe. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2016. 194 p.

19. Ushnickij R. R. Grazhdansko-pravovaya forma korporativnogo otnosheniya. Diss. kand. yurid. nauk [Civil-legal form of corporate relations. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2013. 244 p.

20. Chirkova E. A. Teoriya i praktika korporativnyh dogovorov: neobhodimost' novoj teorii? [Theory and practice of corporate contracts: the need for a new theory?]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*, 2019, vol. 19, no. 5, pp. 128–160.

21. Lomakin D. V. Korporativnye pravootnosheniya: obshchaya teoriya i praktika ee primeneniya v hozyajstvennyh obshchestvah [Corporate legal relations: general theory and practice of its application in business companies]. Moscow, 2008. 509 p.

22. Rossijskoe grazhdanskoe pravo. T. 2. Obyazatel'stvennoe pravo [Russian Civil Law. Vol. 2. Law of obligations]; ed. by E. A. Suhanov. 4th ed. Moscow, Statut Publ., 2011. 766 p.

23. Sitdikova L. B., Starodumova S. Yu., Yantyurina K. P. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie korporativnyh dogovorov po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii [Civil law regulation of corporate contracts under the legislation of the Russian Federation]. Moscow, Ros. gos. social'nyj univ. Publ., 2019. 104 p.

24. Stepanov D. I., Fogel' V. A., Shramm H. I. Korporativnyj dogovor: podhody rossijskogo i nemeckogo prava k otdel'nym voprosam regulirovaniya [Corporate contract: approaches of Russian and German law to certain regulatory issues]. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2012, no. 10, pp. 22–69.

25. Kostanyan R., Molosnova E. Korporativnyj dogovor kak rezul'tat kompromissa [Corporate agreement as a result of compromise]. *Ekonomika i zhizn' = Economy and life,* 2014, June 20. Available at: http://www.eg-online.ru/article/250033/. (accessed 16.07.2021)

26. Artamkina E. V. Pravovaya priroda korporativnogo dogovora [The legal nature of a corporate contract]. *Sudebnye vedomosti = Judicial Vedomosti*, 2014, no. 2, pp. 12–14.

27. Mazhurin P. V. Korporativnyj dogovor v sisteme grazhdansko-pravovyh dogovorov [Corporate contract in the system of civil law contracts]. *Politika, gosudarstvo i pravo = Politics, State and Law*, 2016, no. 5, pp. 46–51.

28. Artamkina E. V. Mesto korporativnogo dogovora sredi grazhdansko pravovyh dogovorov, razdelyonnyh po principu dihotomii [The place of a corporate contract among civil law contracts divided according to the principle of dichotomy]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2017, no. 10, pp. 91–94.

29. Suhanov E. A. Problemy kodifikacii korporativnogo i veshchnogo prava: Izbrannye trudy 2013–2017 gg. [Problems of codification of corporate and Property law: Selected works 2013-2017]. Moscow, Statut Publ., 2018. 496 p.

30. Yakovenko E. A. Nekotorye voprosy opredeleniya predmeta korporativnogo dogovora [Some questions of determining the subject of a corporate contract]. *Novyj yuridicheskij vestnik = New Legal Bulletin*, 2018, no. 2, pp. 4–6.

Информация об авторе / Information about the Author

Марасанов Валерий Михайлович, соискатель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vm21201@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8923-9610

Valerii M. Marasanov, Applicant of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vm21201@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8923-9610

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-74-86

CC BY 4.0

История становления законодательства о защите прав потребителей в Социалистической Республике Вьетнам

Ха Тхи Нгок [1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ngoccivillaw@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В настоящей работе автор рассматривает историю становления законодательства о защите прав потребителей в соответствии с социально-экономическими обстоятельствами во Вьетнаме в целом и гражданский оборот в частности. Потребители участвуют в гражданском обороте как субъекты гражданского права, однако они считаются более «слабой стороной» в отношении с контрагентом. Следовательно, формирование специального правового механизма крайне необходимо для защиты законных прав и интересов потребителей.*

Целью *данной работы является исследование генезиса и развития правового института о защите прав потребителей в Социалистической Республике Вьетнам.*

Задачи *исследования заключаются в том, чтобы проанализировать важные новеллы Закона о защите прав потребителей 2010 г. по сравнению с предыдущим Ордонансом о защите прав потребителей 1999 г.; определить понятие «потребитель» по законодательству Вьетнама и других стран, тем самым установив наиболее полную и четкую дефиницию «потребитель».*

Методология. *В процессе исследования автором использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, дедукция, индукция) и специальные методы (сравнительно-правовой, описательный, исторический и др.).*

Результаты. *Законодательство о защите прав потребителей Вьетнама закрепляет относительно полный правовой статус данных участников гражданско-правовых отношений, в том числе их основные права в соответствии с руководящими принципами ООН, ответственность изготовителя за нарушение прав потребителей и меры обеспечения правового механизма разрешения споров с участием потребителей.*

Вывод. *Защита прав потребителей в настоящее время является достаточно важным институтом Вьетнама, который строго регламентируется нормативно-правовыми актами и гарантируется государством и его компетентными органами. Однако понятие «потребитель» должно быть четко определенным и соответствовать развитию потребительских отношений на современном рынке.*

Ключевые слова: *потребитель; защита прав потребителей; права потребителей; гражданско-правовые отношения.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Ха Тхи Нгок. История становления законодательства о защите прав потребителей в Социалистической Республике Вьетнам // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 74–86. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-74-86.

Поступила в редакцию 30.07.2021 Принята к публикации 29.08.2021 Опубликована 22.10.2021

© Ха Тхи Нгок, 2021

The History of the Formation of Consumer Protection Legislation in the Socialist Republic of Vietnam

Ha Thi Ngoc[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: ngoccivillaw@gmail.com

Резюме

Relevance. *In this work, the author examines the history of the formation of consumer protection legislation in accordance with the socio-economic circumstances in Vietnam in general and civil circulation in particular. Consumers are involved in civil circulation as subjects of civil law, however, they are considered a "weaker side" in relation to the counterparty. Consequently, the formation of a special legal mechanism is extremely necessary to protect the legitimate rights and interests of consumers.*

The aim *of this work is to study the genesis and development of the legal institution for consumer protection in the Socialist Republic of Vietnam.*

The objectives *of the study are to analyze important innovations in the 2010 Consumer Protection Act compared to the previous 1999 Consumer Protection Ordinance; define the concept of "consumer" under the laws of Vietnam and other countries, thereby establishing the most complete and clear definition of "consumer".*

Methodology. *In the process of research, the author used general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, deduction, induction) and special methods (comparative legal, descriptive, historical method, etc.).*

Results. *Vietnamese consumer protection legislation establishes the relatively complete legal status of these participants in civil law relations, including their fundamental rights in accordance with UN guidelines, manufacturer's liability for violation of consumer rights and measures to ensure a legal mechanism for resolving disputes with consumers.*

Conclusion. *Consumer protection is currently a fairly important institution in Vietnam, which is strictly regulated by regulatory legal acts and guaranteed by the state and its competent authorities. However, the concept of "consumer" should be clearly defined and consistent with the development of consumer relations in the modern market.*

Keywords: *consumer; consumer protection; consumer rights; civil law relation.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ha Thi Ngoc. The History of the Formation of Consumer Protection Legislation in the Socialist Republic of Vietnam. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 74–86. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-74-86.

Received 30.07.2021 Accepted 29.08.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Институт защиты прав потребителей – явление неординарное и многогранное. Исследование явлений и процессов, связанных с защитой прав граждан на потребительском рынке, в Российской Федерации получило широкое распространение. За последнее десятилетие вектор изучения проблем защиты прав потребителей сместился в сторону национальных особенностей. Теоретической основой изучаемого направления в срезе российского права и законодательства являются труды В. В. Богдан и А. Е. Шерстобитова [1; 2]. Особенностям же зарубежного законодательства о защите прав потребителей посвящено не так много трудов, что значительно обедняет доктрину гражданского права о защите прав потребителей. Среди ученых, занимающихся изучением вопросов защиты прав потребителей, выделяем А. М. Ширвиндта [3], Л. Б. Сит-

дикову [4], В. В. Богдан, Р. В. Халина, Е. В. Черных [5–10; 11], Н. В. Бугаенко, М. В. Кратенко [12] и др. В то же время в указанных научных работах, не оспаривая их ценности, отсутствуют вопросы, связанные с рассмотрением проблем защиты прав потребителей в азиатских странах. В этом направлении наибольшей научной популярностью пользуется Китай [13–15], однако законодательство других стран, в частности Вьетнама, не изучалось.

Вместе с тем защита прав потребителей в настоящее время в Социалистической Республике Вьетнам (далее – Вьетнам, СРВ) является одной из важнейших задач в процессе глобализации и развития рыночной экономики. Конституция СРВ гласит, что государство признает, уважает, защищает и обеспечивает права человека и гражданина; стремится к тому, чтобы население стало обеспеченным, государство – сильным, демократическим, справедливым и цивилизованным, где у народа будет свободная, счастливая жизнь и благоприятные условия для всестороннего развития[1]. Это означает, что обеспечение законных прав и интересов более 97 млн граждан, иными словами, более 97 млн потребителей, является предпосылкой социальной стабильности и движущей силой для устойчивого экономического развития.

В статье акцентировано внимание на процесс формирования регламентации защиты прав потребителей в качестве гражданско-правового института. В работе автором были проанализированы правовые положения о защите прав потребителей в Конституции СРВ 2013 г., в Гражданском кодексе 2015 г., а также других правовых актах, особенно в Законе о защите прав потребителей 2010 г.; подходы к определению термина «потребитель»; права и обязанности потребителей и производителей; государственное управление в сфере защиты прав потребителей.

Методология

В процессе исследования автором использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, дедукция, индукция) и специальные методы (сравнительно-правовой, описательный, исторический метод и др.).

Кроме того, автор ссылается на национальное законодательство Вьетнама о защите прав потребителей (общие и специальные отрасли права), а также международные материалы.

Результаты и их обсуждение

Защита прав потребителей является достаточно новым правовым институтом в системе права Вьетнама, возникшим 20 лет назад и впервые признанным в Ордонансе Постоянного комитета Национального Собрания от 27 апреля 1999 г.[2] Следует обратить внимание на то, что законодательство о защите прав потребителей является молодой областью юридической науки, но всё больше привлекает внимание и заинтересованность Партии, государства и всего общества СРВ. На Конгрессе США, который состоялся 15 марта 1962 г., президент США Джон Кеннеди отметил: «Потребители, по определению, это все мы. Они являются крупнейшим экономическим слоем в экономике, который воздействует почти на любое частное или государственное экономическое решение. Две трети всех расходов в экономике приходится на по-

[1] Hiến pháp nước CHXHCNVN 2013: Hiến pháp nước CHXHCNVN ngày 28 tháng 11 năm 2013. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Hien- phap-nam -2013-215627.aspx (дата обращения: 22.05.2021).

[2] Pháp lệnh của CHXHCNVN về bảo vệ quyền lợi người tiêu dùng: Pháp lệnh của Ủy ban Thường vụ Quốc hội UBTVQH số 13/1999 / PL-UBTVQH10 ngày 27 tháng 4 năm 1999. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thuong-mai/Phap- lenh-Bao-ve -quyen-loi-nguoi-tieu-dung-1999-13-1999-PL-UBTVQH10-45288.aspx (дата обращения: 22.05.2021).

требителей. Но это единственный голос, которого зачастую не слышно»[1].

Во Вьетнаме появление данного правового института обусловлено историческими, социально-экономическими причинами, а также самим мышлением законодателей и граждан. Что касается исторической составляющей, то до 1986 г. вьетнамский народ пережил две крупные отечественные войны – против французского колониализма и американского империализма. По социально-экономическим причинам после обретения независимости и объединения Вьетнам разработал централизованную плановую экономическую модель (также известную как «субсидируемая экономика»), в которой частный бизнес практически ликвидирован, государственная экономика играла ведущую роль, и товарно-денежные отношения реально не учитывались. Именно эта экономическая модель сдерживала экономическое развитие страны, народ получил потребительские товары под режимом марок, но размер потребления товаров в жизни народа невелик.

Лишь в 1986 г., когда стало известно об ограничениях в направлении социально-экономической политики развития, государство осуществило политику «Дой Мой» (на русском языке – «Обновление») и перестройку от централизованно планируемой экономики к многокомпонентной товарной экономике, действующей под рыночным устройством, ориентированной на социализм вместе с государственным управлением[2]. На IX съезде (4 апреля 2001 г.) концепция рыночной экономики с социалистической ориентацией была официально использована в партийных документах, также на данном съезде Партия отметила, что социалистически ориентированная рыночная экономика является общей экономической моделью Вьетнама в период перехода к социализму[3]. Таким образом, с 1986 г. СРВ радикально перешла от централизованно планируемой экономики к рыночной с социалистической ориентацией. Также с тех пор роль торговых отношений и сделок между производителями, продавцами товаров и услуг с теми, кто покупает товары и услуги для личных, семейных и организационных потреблений (вместе именуемые потребители), определенно возрастает[4].

В целях защиты законных прав и интересов потребителей, повышения эффективности государственного управления и обеспечения мер ответственности производителей 27 апреля 1999 г. был принят Ордонанс о защите прав потребителей, включавший в себя 30 статей. Документ регулировал основные правовые вопросы и устанавливал нормативную основу для защиты прав потребителей. Ордонанс также впервые признал фундаментальные права потребителей, в том числе: право выбора товаров и услуг; право на достоверную информацию о качестве, цене, способе использования товаров и услуг; право на обеспечение безопасности жизни, здоровья потребителей и окружающей среды при использовании товаров и услуг; право на необходимые

[1] Kennedy John F. Một thông điệp đặc biệt về bảo vệ lợi ích của người tiêu dùng gửi đến Quốc hội Hoa Kỳ. URL: https://www. jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKPOF/037/JFKPOF-037-028 (дата обращения: 22.05.2021).

[2] Đảng Cộng sản Việt Nam. Báo cáo Chính trị của Đảng bộ PC tại Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ VI Đảng Cộng sản Việt Nam; Phương hướng, nhiệm vụ chủ yếu phát triển kinh tế - xã hội 5 năm 1986-1990. và Nghị quyết Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ VI Đảng Cộng sản Việt Nam (18/12/1986). URL: http://dangcongsan.vn (дата обращения: 22.05.2021).

[3] Đảng Cộng sản Việt Nam. Báo cáo chính trị của Ban Chấp hành Trung ương Đảng lần thứ VIII tại Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ IX của Đảng. URL: http://dangcongsan.vn (дата обращения: 22.05.2021).

[4] Dìn Thị Mi Loan. Bảo vệ người tiêu dùng theo quan điểm của cơ quan quản lý nhà nước. URL: http: //www.tapchicongsan.org.vn/Home/Nghiencuu-Traodoi/2007/2801/Bao-ve-quyen-loi-nguoi-tieu-dung-nhin-tu-goc-do-quan.aspx. (дата обращения: 22.05.2021).

знания о потреблении; право требовать компенсацию и возмещение убытков, когда товары и/или услуги не соответствуют заявленным стандартам, качеству, количеству, ценам или заключенным договорам; право подать жалобу, донос или иск в соответствии с законом при производстве и торговле запрещенными или контрафактными товарами либо товарами и услугами, не соответствующими стандартам, качеству, количеству; право вносить идеи при разработке и реализации правовой политики о защите прав потребителей; право требовать от организаций и физических лиц, производящих или торгующих товарами, услугами, строго соблюдать свои обязанности по защите интересов потребителей; право требовать от производственных и коммерческих организаций и физических лиц обеспечение стандартов качества товаров и услуг, принадлежащих к необходимым нуждам, таким как питание, одежда, место жительства, движение, охрана здоровья и окружающей среды и др.

Однако с развитием рыночной экономики расширились правовые отношения с участием потребителей. Наряду со многими возможностями выбора товаров, услуг для удовлетворения своих основных потребностей, потребители сталкиваются со множеством проблем в виде некачественных и контрафактных товаров, противоправных деяний и т.д. Все это серьезно нарушает законные права и интересы потребителей. Только 11 лет спустя после принятия Ордонанса 1999 г. Закон о защите прав потребителей 2010 г.[1] официально превратил институт защиты прав потребителей в отдельный специализированный законодательно урегулированный институт.

Следует подчеркнуть, что защита прав потребителей не является самостоятельной отраслью в системе права СРВ, т. к. нормы данного института расположены в различных нормативно-правовых документах, таких как Конституция СРВ 2013 г., Гражданский кодекс 2015 г., Уголовный кодекс 2015 г., Закон о конкуренции 2004 г., Коммерческий закон 2005 г., Закон об административных правонарушениях 2012 г., Закон о стандартизации и техническом регулировании 2006 г., Закон об охране окружающей среды 2014 г., Закон о качестве продуктов и товаров 2007 г., Закон о безопасности пищевой продукции 2010 г., Закон о рекламе 2012 г. и т.д.

С точки зрения В. В. Богдан, институт защиты прав потребителей – это комплексный институт, который использует нормы гражданского, предпринимательского, конституционного, административного, уголовного, экологического и иных отраслей права, регулирующие отношения государства и участников товарного рынка. Для защиты прав потребителей характерно активное вмешательство государства в частноправовые отношения, возникающие между гражданами и профессиональными участниками товарного рынка (контрагентами потребителей). Совокупность норм, регулирующих защиту прав потребителей, не принадлежит только одной стороне законодательства, она носит комплексный характер и не может претендовать на выделение в качестве самостоятельной отрасли права [16, с. 16].

Закон о защите прав потребителей Вьетнама 2010 г. состоит из шести глав с 51 статьей. Первая глава «Общие положения» расширила сферу его регулирования по сравнению с Ордонансом 1999 г., согласно которой закон регулирует права и обязанности потребителей, ответственность организаций и физических лиц, торгующих товарами и услугами перед потребителями; ответственность общественных организаций за участие в защи-

[1] Pháp luật nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam về bảo vệ quyền lợi người tiêu dùng: Luật số 59/2010 / QH12 ngày 17 tháng 11 năm 2010. URL: http://vanban.chinhphu.vn/ portal/page/portal/chinhphu/hethongvanban?class_id =1&mode=detail&document_id=98755(trong tiếng Việt) (дата обращения: 22.05.2021).

те прав потребителей; разрешение споров между потребителями и организациями и/или физическими лицами, торгующими товарами и/или услугами; ответственность государственного управления за защиту прав потребителей. Кроме того, данная глава регламентирует общие аспекты регулирования правовых отношений потребителей, такие как предмет применения закона, определения терминов, принципы защиты прав потребителей, государственная политика о защите прав потребителей, права и обязанности потребителей, защита информации потребителей, запрещенные действия и нарушения закона о защите прав потребителей.

Вторая глава «Ответственность организаций, физических лиц, торгующих товарами и/или услугами перед потребителями» освещает вопросы ответственности организаций, физических лиц или третьих лиц за предоставление потребителям информации о товарах и услугах; свидетельстве сделок, гарантии на товары, комплектующие и аксессуары; изъятие товаров с дефектами и возмещение убытков, причиненных ими; ответственность за заключение и осуществление видов сделок с потребителями, в том числе типовые договоры, общие торговые условия.

Третья глава «Ответственность общественных организаций за участие в защите прав потребителей» закрепляет положения о форме и содержании участия общественных организаций в защите прав потребителей.

Четвёртая глава «Разрешение споров, возникающих между потребителями и организациями и/или физическими лицами, торгующими товарами, услугами» представляет способы разрешения споров, возникающих между потребителями и производителями посредством переговоров, примирений, арбитражей и судов.

Пятая глава «Ответственность государственного управления в защите прав потребителей» предусматривает ответственность государственных исполнительных органов в сфере защиты прав потребителей. К числу таких органов можно отнести Правительство СРВ, Министерство промышленности и торговли СРВ, Народные комитеты, подразделяемые на уровне губерний, районов и коммун.

И последняя глава включает положения о реализации Закона о защите прав потребителей СРВ 2010 г.

Закон о защите прав потребителей, попрежнему, сохраняет понятие «потребитель», закрепленное в Ордонансе 1999 г., согласно которому потребитель – это лицо, приобретающее и использующее товары, услуги в потребительских и бытовых целях для личных, семейных и организационных нужд. Следует отметить, что существуют различные трактовки определения «потребитель», содержащиеся как в международных соглашениях, так и в национальных законодательствах стран мира. Руководящие принципы ООН для защиты интересов потребителей отметили: «Потребители зачастую находятся в неравном положении с точки зрения материального достатка, уровня образования и переговорных возможностей, и с учетом того, что потребители должны иметь право на доступ к безопасным товарам, а также право содействовать справедливому, равноправному и устойчивому социально-экономическому развитию, и охране окружающей среды». Понятие «потребитель» в широком смысле означает физическое лицо, независимо от его гражданства, действующее в первую очередь для личных, семейных или домашних нужд, хотя за государствами-членами признается право устанавливать иные определения с учетом конкретных национальных потребностей [17, с. 5–6].

Протокол о проведении согласованной политики в сфере защиты прав потребителей разработан в соответствии с разделом XII Договора ЕАЭС, определяет принципы проведения государствами-членами согласованной политики в сфере

защиты прав потребителей и ее основные направления. В соответствии с данным протоколом потребитель – физическое лицо, имеющее намерение заказать (приобрести) либо заказывающий (приобретающий, использующий) товары (работы, услуги) исключительно для личных (бытовых) нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности[1]. В АСЕАН не существует общепризнанного определения термина «потребитель». Законодательства стран-членов могут установить свое определение термину «потребитель» в зависимости от своих различных целей, контекста и потребностей. Кроме того, дефиниция «потребитель» может зачастую пониматься как покупатель, приобретающий товары и/или услуги, удовлетворяя свои личные нужды или других членов семьи, не связанные с извлечением прибыли [18, с. 3].

Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2100-1 «О защите прав потребителей» регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами, владельцами агрегаторов информации о товарах (услугах) при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), о владельцах агрегаторов информации о товарах (услугах), просвещение, государственную и общественную защиту интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

В соответствии с Законом РФ, потребитель – это гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Из этого определения следует, что закон применяется исключительно к тем отношениям, где одной из сторон является гражданин, т. е. физическое лицо. Согласно определению американской маркетинговой ассоциации, потребитель является конечным пользователем или потребителем товаров, идей и услуг. Однако этот термин также используется для обозначения покупателя или иного физического лица, принимающего решение как конечного потребителя. Например, мать, покупающую зерновые продукты своему ребенку, часто называют потребителем, хотя она может и не быть конечным потребителем[2].

Таким образом, по законодательству СРВ к потребителям относится не только физическое лицо, но и организация (например, предприятие, органы государственного управления, профессиональные ассоциации, общественные организации, союзы и т. д.), приобретающие и использующие товары и услуги в потребительских и бытовых целях для личных, семейных или своих организационных нужд. Другими словами, указанные субъекты осуществляют покупки и использование товаров и услуг, не предназначенных для перепродажи или извлечения прибыли [19, с. 11]. Важно обратить внимание на определение термина «потребитель» по отношению к некоторым запутанным категориям, таким как «покупатель», «пользователь». Можно рассмотреть пример следующим образом: мужчина покупает в ювелирном магазине себе кольцо, а своей девушке – цепочку. В

[1] Приложение № 13 к Договору о Евразийском экономическом союзе // Протокол о проведении согласованной политики в сфере защиты прав потребителей. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0023611/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 22.05.2021).

[2] Common language marketing dictionary. URL: https://marketing-dictionary.org (дата обращения: 23.05.2021).

этом отношении мужчина является покупателем и пользователем кольца, его девушка является пользователем цепочки и оба представляют собой потребителей. Видно, что покупатели могут быть как потребителями, так и пользователями приобретенных товаров или услуг, но потребители могут не всегда быть покупателями таких товаров или услуг.

Закон о защите прав потребителей СРВ также разъясняет понятие «организаций и физических лиц, торгующих товарами и/или услугами». Согласно п. 2 ст. 3 данного Закона, организации и физические лица, торгующие товарами и/или услугами, – это организации, физические лица, которые выполняют часть либо несколько частей или все этапы инвестиционного процесса – от производства до потребления товаров или оказания услуг на рынке с целью извлечения прибыли, в том числе: коммерсанты; физические лица, осуществляющие коммерческую деятельность самостоятельно, регулярно без необходимости регистрации для ведения бизнеса. Законодательно признаются 8 основных прав потребителей в соответствии с руководящими принципами ООН для защиты интересов потребителей, а именно:

– право на безопасность жизни, здоровья, имущества и иных законных прав и интересов при участии в сделках и использовании товаров и услуг, предоставляемых торгующими организациями и физическими лицами;

– право на точную и полную информацию об организациях и физических лицах, торгующих товарами и/или услугами; о содержании сделок купли-продажи товаров, услуг; о происхождении товаров; право на предоставление счет-фактуры, документов, связанных со сделками, и иной необходимой информации о товарах и услугах, приобретенных и используемых потребителями;

– право на выбор товаров и услуг, организаций и физических лиц, торгующих ими в соответствии со своими фактическими потребностями и условиями; право участия в сделке и изменения условий при заключении договора с организациями, физическими лицами, торгующими товарами, услугами;

– право вносить мнение организациям, физическим лицам, торгующим товарами, услугами, о цене, качестве товаров/услуг, стиле обслуживания, способах проведения сделок и иных условий, связанных с заключением договоров между потребителями и производителями;

– право участвовать в разработке и применении политики и законодательства о защите прав потребителей;

– право требовать возмещения убытков, когда товары и услуги не соответствуют стандартам, техническим регламентам, качеству, количеству, характеристикам, утилитам, ценам или иным критериям, содержащимся в публичной оферте организаций, физических лиц, торгующих товарами/услугами;

– право самим подавать жалобу, донос, иск или просить общественные организации предъявлять иск в защиту своих прав согласно положениям Закона о защите прав потребителей и в соответствии с ним иными нормативными правовыми актами;

– право на консультацию, поддержку, ознакомление с информацией о потреблении товаров и услуг.

Важно отметить, что в Законе о защите прав потребителей также установлена отдельная статья о защите информации о потребителях. Потребителям обеспечивается безопасность информации о них при участии в сделках и использовании товаров и услуг, за исключением случаев, когда это запрашивается компетентными государственными органами. В случае сбора, использования и передачи информации о потребителях организации и физические лица, торгующие товарами и предоставляющие услуги, должны четко и официально уведомить потребителя об этом. Пользование информацией о конкретном потребителе должно соответ-

ствовать определенной правомерной цели, сам потребитель должен быть об этом уведомлен и дать свое разрешение. При этом безопасность, точность и полнота информации о потребителе должны обеспечиваться соответствующими обладателями такой информации. Организации и физические лица должны своевременно принимать различные меры, чтобы потребители могли обновить, скорректировать информацию о себе при обнаружении ошибок, неточностей. Передача информации потребителей третьим лицам разрешена только с согласия потребителей, если иное не предусмотрено законом.

Помимо законных прав и интересов, предусмотрены также обязанности потребителей. Соответственно, потребители должны: проверить товар до получения; выбирать потребление товаров и услуг с известным происхождением, чтобы не наносить вреда окружающей среде, не противоречить добрым традициям, обычаям и социальной этике, не причиняя при этом и вреда своей жизни, здоровью и другим; точно и полностью выполнять инструкции по использованию товаров и услуг; уведомлять заинтересованные государственные органы, организации и физических лиц при обнаружении товаров и услуг, распространяемых на рынке, которые не обеспечивают безопасность, причиняют ущерб или угрожают причинить вред их жизни, здоровью и имуществу, а также если поведение организаций и физических лиц, торгующих товарами и услугами, ущемляет права и интересы потребителей.

Потребители всегда являются слабыми и пассивными субъектами в отношениях с организациями, физическими лицами, торгующими товарами и услугами, поэтому в Законе о защите прав потребителей СРВ предусмотрены: ответственность организаций и физических лиц, торгующих товарами и услугами, и третьих лиц при предоставлении информации о товарах и услугах; ответственность за заключение, толкование и выполнение сделок, особенно конкретных типов сделок, таких как типовые сделки и общие торговые условия; ответственность за гарантию на товары, изъятие из употребления товаров с макродефектами; ответственность возмещения убытков, причиненных товарами с макродефектами. Данные положения считаются разумными и обязывают производителей и торговцев повышать свою ответственность за производство, поставку товаров и услуг и обеспечивать потребителям право пользоваться качественными товарами и услугами, а также защищают потребителей от рисков ущерба, с которым они могут зачастую сталкиваться.

Защита прав потребителей является задачей не только государственных органов, но и общественных организаций. Министерство промышленности и торговли СРВ является непосредственным органом в сфере государственного управления защиты прав потребителей. Кроме того, другие министерства и министерские ведомства в рамках своих соответствующих задач и полномочий должны сотрудничать с Министерством промышленности и торговли при осуществлении государственного управления защиты прав потребителей.

На местном уровне данная ответственность принадлежит Народным комитетам на всех уровнях и соответствующим департаментам, секциям и отделам. В дополнение к традиционным принципам деятельности, правам и обязанностям общественных организаций по защите прав потребителей Ордонанса 1999 г. в Закон о защите прав потребителей 2010 г. добавлены новые положения, призванные повысить их роль по защите прав потребителей, способствуя социализации защиты прав потребителей. Например, право на предъявление иска в общественных интересах (Ордонанс 1999 г. регулирует право на предъявление иска организаций по защите прав потребителей в суд только с разрешением потреби-

телей); организации по защите прав потребителей обеспечиваются финансированием и другими условиями государством при выполнении ими задач, поставленных государственными органами. Эти новые положения четко показывают намеченную ориентацию в процессе разработки Закона о защите прав потребителей СРВ, который призван обобщить деятельность по защите прав потребителей [20, с. 13; 21].

Вывод

После вступления в силу Закона о защите потребителей СРВ 2010 г. был выпущен ряд подзаконных и руководящих документов в области защиты прав потребителей. Эти важные правовые основы регулируют гражданские отношения с участием потребителей, отражают заинтересованность государства в защите прав потребителей. Обеспечение законных прав и интересов потребителей на основе принципа защиты основных прав человека и граждан, закрепленных в Конституции СРВ 2013 г. является движущей силой устойчивого развития экономики и помогает гармонизировать отношения между потребителями и производителями, предприятиями, стабилизируя общество и улучшая качество жизни. На протяжении почти 20 лет с момента принятия Ордонанса о защите прав потребителей (1999–2019) законодательство о защите потребителей постепенно совершенствуется и согласуется с социально-экономическими условиями и тенденциями международной экономической интеграции Вьетнама в региональные и мировые экономические организации, такие как ВТО, АСЕАН, АСЕМ, АТЭС.

Список литературы

1. Богдан В. В. Теоретико-прикладные проблемы защиты прав потребителей в Российской Федерации: цивилистические аспекты. М.: Юрлитинформ, 2015. 245 с.

2. Шерстобитов А. Е. Гражданско-правовая охрана прав потребителей. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1993. 343 с.

3. Ширвиндт А. М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве / под общ. ред. А. Л. Маковского. М.: Статус, 2014. 158 с.

4. Ситдикова Л. Б. Гражданско-правовой статус потребителя в сфере оказания информационных услуг // Юридический мир. 2010. № 9. С. 56–59

5. Богдан В. В. К вопросу о правовом содержании понятия «потребитель» в СНГ и за рубежом // Управление в социальных и экономических системах: материалы XXIII Международной научно-практической конференции. Минск: Изд-во МИУ, 2014. С. 83–85.

6. Богдан В. В. К вопросу о понимании дефиниции «потребитель» в законах о защите прав потребителей России и Украины // Актуальні проблеми приватного права: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 92-й годовщине со дня рождения доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента АН УРСР В. П. Маслова. Харьків, 2014. С. 94–97.

7. Богдан В. В. Дискуссионные вопросы распространения норм Закона РФ «О защите прав потребителей» на юридических лиц: российский подход и зарубежное законодательство // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-2 (46). С. 22–26.

8. Богдан В. В. Закон «О защите прав потребителей» России и Украины: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 4 (47). С. 684–691.

9. Богдан В. В., Черных Е. В. Защита прав потребителей услуг (работ) по закону Великобритании «О правах потребителей» 2015 г. // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: сборник научных статей 8-й Международной научно-практической конференции. Курск: Университетская книга, 2018. С. 196–199.

10. Богдан В. В., Черных Е. В., Халин Р. В. Последствия Брексита для потребителей и законодательства о защите прав потребителей Великобритании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. № 1 (76). С. 204–210.

11. Богдан В. В., Халин Р. В. Гражданско-правовое регулирование возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ и услуг в России, Англии и США: сравнительно-правовое исследование. Курск: Университетская книга, 2017. 225 с.

12. Бугаенко Н. В., Кратенко М. В. Судебная практика по гражданским делам. Споры о защите прав потребителей: научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2013. 392 с.

13. Маркова О. А. Сравнительная таблица по правам потребителей на информацию в законах о защите прав потребителей России, Китая, Монголии // Трансграничье в изменяющемся мире. 2010. № 1. С. 91–98.

14. Михеева И. В., Логинова А. С. Перспективы развития законодательства о защите прав потребителей в торговом обслуживании в России и в Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 201–215.

15. Трясин А. А. Правовое регулирование отношений по защите прав потребителей в Китае как государства, принадлежащего к континентальной правовой семье // Современная наука. 2012. № 1. С. 14–16.

16. Богдан В. В. Гражданско-правовое регулирование защиты прав потребителей в современной России: проблемы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук, Курск, 2015. 16 с.

17. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). UN Guiding Principles for the Protection of Consumer Interests, adopted by the UN General Assembly on 22 December 2015 Resolution No. 70/186. New York and Geneva, 2016. 47 p.

18. ASEAN Law and Regulation Handbook on Consumer Protection. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2018. 94 p.

19. Bộ Công Thương - Cục Quản lý cạnh tranh. Hỏi - đáp pháp luật về bảo vệ quyền lợi người tiêu dung / ed. Hồng Đức. Hà Nội, 2016.

20. Vụ phổ biến, giáo dục pháp luật (Bộ Tư pháp), Vụ nhà nước pháp quyền (Bộ Công Thương) // Tổng quan phần giới thiệu về Đạo luật Bảo vệ Người tiêu dung. 2010. 2011, tr. 13.

21. Ngoc Ha Thi. Legislation on protection of consumer rights in Vietnam: History of Establishment and Development // Russian Journal of Comparative Law. 2018. Vol. 5, is. 2, pp. 127–134.

References

1. Bogdan V. V. Teoretiko-prikladnye problemy zashchity prav potrebitelej v Rossijskoj Federacii: civilisticheskie aspekty [Theoretical and applied problems of consumer protection in the Russian Federation: civil aspects]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 245 p.

2. Sherstobitov A. E. Grazhdansko-pravovaya ohrana prav potrebitelej [Civil and legal protection of consumer rights]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1993. 343 p.

3. Shirvindt A. M. Ogranichenie svobody dogovora v celyah zashchity prav potrebitelej v rossijskom i evropejskom chastnom prave [Restriction of freedom of contract in order to protect

consumer rights in Russian and European private law]; ed. by A. L. Makovskii. Moscow, Status Publ., 2014. 158 p.

4. Sitdikova L. B. Grazhdansko-pravovoj status potrebitelya v sfere okazaniya informacionnyh uslug [The civil-legal status of the consumer in the field of information services]. *Yuridicheskij mir = Legal world*, 2010, no. 9, pp. 56–59

5. Bogdan V. V. K voprosu o pravovom soderzhanii ponyatiya "potrebitel'" v SNG i za rubezhom [On the issue of the legal content of the concept of "consumer" in the CIS and abroad]. Upravlenie v social'nyh i ekonomicheskih sistemah. Materialy XXIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Management in social and economic systems: materials of the XXIII International Scientific and Practical Conference]. Minsk, MIU Publ., 2014, pp. 83–85.

6. Bogdan V. V. K voprosu o ponimanii definicii "potrebitel'" v zakonah o zashchite prav potrebitelej Rossii i Ukrainy [On the question of understanding the definition of "consumer" in the laws on consumer protection of Russia and Ukraine]. *Aktual'ni problemi privatnogo prava: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 92-j godovshchine so dnya rozhdeniya doktora yuridicheskih nauk, professora, chlena-korrespondenta AN URSR V. P. Maslova* [Actual problems of private law: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 92nd anniversary of the birth of Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR V. P. Maslov]. Har'kiv, 2014, pp. 94–97.

7. Bogdan V. V. Diskussionnye voprosy rasprostraneniya norm Zakona RF "O zashchite prav potrebitelej" na yuridicheskih lic: rossijskij podhod i zarubezhnoe zakonodatel'stvo [Controversial issues of the extension of the norms of the Law of the Russian Federation "On Consumer Protection" to legal entities: the Russian approach and foreign legislation]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, 2014, no. 8-2 (46), pp. 22–26.

8. Bogdan V. V. Zakon "O zashchite prav potrebitelej" Rossii i Ukrainy: sravnitel'no-pravovoj analiz [The Law "On Consumer Rights Protection" of Russia and Ukraine: Comparative legal Analysis]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, 2014, no. 4 (47), pp. 684–691.

9. Bogdan V. V., Chernyh E. V. Zashchita prav potrebitelej uslug (rabot) po zakonu Velikobritanii "O pravah potrebitelej" 2015 g. [Protection of the rights of consumers of services (works) according to the UK Law "On Consumer Rights" 2015]. *Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva: upravlencheskie, pravovye, hozyajstvennye aspekty. Sbornik nauchnyh statej 8-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Strategy of socioeconomic development of society: managerial, legal, economic aspects. Collection of scientific articles of the 8th International Scientific and Practical Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2018, pp. 196–199.

10. Bogdan V. V., Chernyh E. V., Halin R. V. Posledstviya Breksita dlya potrebitelej i zakonodatel'stva o zashchite prav potrebitelej Velikobritanii [Consequences of Brexit for consumers and UK consumer protection legislation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, no. 1 (76), pp. 204–210.

11. Bogdan V. V., Halin R. V. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya vreda, prichinennogo vsledstvie nedostatkov tovarov, rabot i uslug v Rossii, Anglii i SSHA: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Civil law regulation of compensation for damage caused as a result of defects in goods, works and services in Russia, England and the USA: a comparative legal study]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2017. 225 p.

12. Bugaenko N. V., Kratenko M. V. Sudebnaya praktika po grazhdanskim delam. Spory o zashchite prav potrebitelej [Judicial practice in civil cases. Consumer protection disputes]. Moscow, Yusticinform Publ., 2013. 392 p.

13. Markova O. A. Sravnitel'naya tablica po pravam potrebitelej na informaciyu v zakonah o zashchite prav potrebitelej Rossii, Kitaya, Mongolii [Comparative table on consumer rights to information in consumer protection laws of Russia, China, Mongolia]. *Transgranich'e v izmenyayushchemsya mire = Transborder in a changing world*, 2010, no. 1, pp. 91–98.

14. Miheeva I. V., Loginova A. S. Perspektivy razvitiya zakonodatel'stva o zashchite prav potrebitelej v torgovom obsluzhivanii v Rossii i v Kitae [Prospects for the development of legislation on consumer protection in trade services in Russia and China]. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, 2017, no. 4, pp. 201–215.

15. Tryasin A. A. Pravovoe regulirovanie otnoshenij po zashchite prav potrebitelej v Kitae kak gosudarstva, prinadlezhashchego k kontinental'noj pravovoj sem'e [Legal regulation of consumer protection relations in China as a State belonging to the Continental Legal family]. *Sovremennaya nauka = Modern Science*, 2012, no. 1, pp. 14–16.

16. Bogdan V. V. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie zashchity prav potrebitelej v sovremennoj Rossii: problemy teorii i praktiki. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Civil law regulation of consumer protection in Modern Russia: problems of theory and practice. Dr. legal sci. abstract diss.]. Kursk, 2015. 16 p.

17. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). UN Guiding Principles for the Protection of Consumer Interests, adopted by the UN General Assembly on 22 December 2015 Resolution No. 70/186. New York and Geneva, 2016. 47 p.

18. ASEAN Law and Regulation Handbook on Consumer Protection. Jakarta, ASEAN Secretariat, 2018. 94 p.

19. Bộ Công Thương - Cục Quản lý cạnh tranh. Hỏi - đáp pháp luật về bảo vệ quyền lợi người tiêu dùng. Ed. Hồng Đức. Hà Nội, 2016.

20. Vụ phổ biến, giáo dục pháp luật (Bộ Tư pháp), Vụ nhà nước pháp quyền (Bộ Công Thương). Tổng quan phần giới thiệu về Đạo luật Bảo vệ Người tiêu dung, 2010, 2011, tr. 13.

21. Ngoc Ha Thi. Legislation on protection of consumer rights in Vietnam: History of Estab-lishment and Development. *Russian Journal of Comparative Law*, 2018, vol. 5, is. 2, pp. 127–134.

Информация об авторе / Information about the Author

Ха Тхи Нгок, аспирант кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ngoccivillaw@gmail.com

Ngoc Ha Thi, Post-Graduate Student of Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ngoccivillaw@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-87-95

CC BY 4.0

Защита прав участников ипотечных правоотношений в законодательстве Германии

В. Ф. Понька[1] ✉

[1]Управление правового обеспечения деятельности Российской академии наук
Ленинский проспект 14, г. Москва 119071, Российская Федерация

✉ e-mail: Vf_Ponka@mail.com

Резюме

***Актуальность**. На протяжении многих лет в Российской Федерации наблюдается устойчивый рост ипотечного кредитования, что делает особенно актуальным поиск путей совершенствования правового регулирования ипотечных правоотношений на основе анализа отечественного и зарубежного опыта в данной сфере. Ипотечное кредитование является важнейшим источником средств, необходимых для приобретения недвижимого имущества гражданами Российской Федерации и зарубежных стран.*

В связи с этим правовое регулирование отношений, связанных с таким кредитованием, требует постоянного развития, основанного на сбалансированном учете интересов должников и кредиторов как участников ипотечных правоотношений. Важнейшее значение для решения данной задачи имеет анализ зарубежного опыта регулирования ипотечных правоотношений, в том числе опыта, накопленного и получившего закрепление в законодательстве Германии.

***Целью** исследования является разработка теоретических положений, направленных на совершенствование правового регулирования ипотечных правоотношений в целях защиты прав их участников.*

***Задачи**: выявить особенности правового регулирования отношений, связанных с предоставлением ипотечных кредитов и защитой прав их получателей в законодательстве Германии; исследовать особенности обеспечения баланса интересов ипотечных должников и кредиторов в законодательстве Германии; определить направления дальнейшего развития правового регулирования рассматриваемых вопросов.*

***Методология**. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.*

***Результаты** исследования имеют теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования гражданских правоотношений.*

***Выводы**, сделанные в статье, носят дискуссионный характер, направлены на продолжение исследований в рамках заявленной тематики, направлены на развитие основных принципов, позволяющих единообразным образом разрешать проблемы, связанные с развитием правового регулирования вопросов ипотечного кредитования в Российской Федерации с учетом зарубежного опыта. Статья является продолжением научных исследований автора по вопросам, связанным с правовым регулированием ипотечного кредитования в Российской Федерации и за рубежом.*

***Ключевые слова:** ипотека; ипотечный кредит; Германия; рынок ипотечных услуг.*

***Конфликт интересов:** Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Понька В. Ф. Защита прав участников ипотечных правоотношений в законодательстве Германии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 87–95. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-87-95.

Поступила в редакцию 11.08.2021 Принята к публикации 15.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Понька В. Ф., 2021

Protection of the Rights of Participants in Mortgage Legal Relations in the Law of Germany

Viktor F. Ponka[1] ✉

[1]Department of Legal Support of the Russian Academy of Sciences
14 Leninsky Prospekt, Moscow 119071, Russian Federation

✉ e-mail: Vf_Ponka@mail.com

Abstract

***Relevance**. For many years in the Russian Federation there has been a steady growth in mortgage lending, which makes it especially important to find ways to improve the legal regulation of mortgage legal relations on the basis of analysis of domestic and foreign experience in this area. Mortgage lending is the most important source of funds for purchasing real estate by citizens of the Russian Federation and foreign countries.*

In this connection, legal regulation of relations connected with such lending requires continuous development based on a balanced consideration of the interests of debtors and creditors as participants in mortgage legal relations. The analysis of foreign experience in the regulation of mortgage legal relations, including the experience accumulated and fixed in the German legislation, is most important for the solution of this problem.

***The purpose** of the study is to develop theoretical provisions aimed at improving the legal regulation of mortgage legal relations in order to protect the rights of their participants.*

***Objectives**: to reveal features of legal regulation of relations connected with granting mortgage loans and protection of rights of their recipients in German legislation; to investigate features of providing balance of interests of mortgage debtors and creditors in German legislation; to determine directions of further development of legal regulation of the considered questions.*

***Methodology**. The author relied on the dialectical-materialistic method, the systematic method, methods of analysis and synthesis, the formal-legal method.*

***The results** of the research are are of theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of civil relations.*

***Conclusions**. The conclusions made in the article are of debatable character, directed to the continuation of researches within the framework of the declared subject, directed to the development of the basic principles allowing uniformly to solve the problems connected with development of legal regulation of questions of mortgage crediting in the Russian Federation taking into account foreign experience. The article is a continuation of the author's research on the issues related to the legal regulation of mortgage lending in the Russian Federation and abroad.*

***Keywords:** mortgage; mortgage loan; Germany; mortgage market.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ponka V. F. Protection of the Rights of Participants in Mortgage Legal Relations in the Law of Germany. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 87–95. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-87-95.

Received 11.08.2021 Accepted 15.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Значение ипотеки как особого вида залога, позволяющего получать финансирование на приобретение недвижимого имущества под залог приобретаемого или иного недвижимого имущества, на протяжении последних лет постоянно возрастает, чему во многом способствуют относительно низкие ставки ипотечных кредитов. Правовое регулирование отношений, связанных с предоставлением и выплатой ипотечных кредитов, нуждается в дальнейшем совершенствовании, основанном на разработке теоретических

принципов и положений, позволяющих оптимизировать отношения в рассматриваемой области с учетом прав и законных интересов их сторон.

Вопросам, связанным с ипотечным кредитованием в Российской Федерации, посвящены научные труды многих отечественных специалистов, однако непосредственному сравнительному анализу правовое регулирование ипотечных отношений в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран подвергается в относительно небольшом числе диссертационных исследований [1; 2; 3]. В работах, посвященных общим проблемам правового регулирования специальных отношений в Российской Федерации, зарубежный опыт в ряде случаев также анализируется, но уже применительно к отдельным аспектам правового регулирования и по отдельным вопросам, как это имеет место, в частности, в работах А. Ю. Александровой [4], С. В. Быстревского [5], Р. Н. Викторова [6], О. П. Казаченок [7], Л. Б. Лазаренко [8], В. В. Мартемьянова [9], В. М. Наумова [10], Д. Б. Раднаевой [11], Л. Б. Ратманова [12].

Аналогичный подход используется также в исследованиях, посвященных вопросам ипотеки в отдельных случаях, в том числе при участии в них определенных категорий субъектов, при установлении ипотеки в отношении определенных видов недвижимого имущества и т.д. Среди таких работ заслуживают упоминания труды Т. И. Афанасьевой [13], С. Д. Аюшеевой [14], Е. В. Дударева [15], А. В. Заикина [16], О. А. Ковалевой [17], Е. Ю. Конева [18], А. Ю. Леванова [19], Е. Н. Лемешко [20], И. А. Лепехина [21], А. А. Малова [22], М. М. Орловой [23], Р. А. Ризк [24], Е. С. Роговой [25], Е. Ю. Руденко [26], А. В. Столяровой [27], Е. С. Филипповой [28], А. В. Фиошина [29], А. Х. Хисамова [30].

Постоянное развитие правового регулирования ипотечных отношений в различных странах мира приводит к необходимости постоянной актуализации накопленных знаний на основе систематического анализа развития правового регулирования и отдельных его особенностей в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран, в том числе с учетом практики его применения.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил осуществить исследование проблем, связанных с особенностями правового регулирования ипотечных правоотношений в отдельных случаях. Использование системного метода позволило осуществить анализ возникающих проблем в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Методы анализа и синтеза создали возможность для сопоставления правовых норм, регулирующих ипотечные правоотношения и поведение их участников, позволили обосновать тезисы выдвигаемых предложений, направленных на решение существующих задач. Формально-юридический метод заключался в изучении российского законодательства, регулирующего рассматриваемые отношения, правоприменительной практики, научных публикаций, а также позволил описать результаты, полученные при проведении исследования.

Результаты и их обсуждение

Правовое регулирование ипотечных отношений в Германии является одним из наиболее устойчивых вариантов их организации в мире, опирается на более чем столетнюю историю развития и применения норм ипотечного права [31, с. 261]. Одноуровневая модель ипотечного кредитования, предусматриваемая законодательством Германии, не допускает возможности передачи банком или иной кредитной организацией, предоставившей ипотечный кредит, последующей

уступки обязательств ипотечным агентствам. Отсутствие выпуска ипотечных ценных бумаг для обращения на фондовом рынке исключает возможности спекулятивного роста спроса или ажиотажного падения их стоимости, которые могли бы создать угрозу для устойчивости системы ипотечного кредитования [32; 33].

Ипотечное кредитование могут осуществлять только специализированные финансовые институты, находящиеся под специальным контролем государства [34, с. 368], что также исключает неожиданные изменения условий или резкие колебания объемов такого кредитования, способные создать угрозу для устойчивости системы ипотечного кредитования в целом.

Вместе с тем ипотечные обязательства считаются неразрывным образом связанными с наличием юридического основания (causa) ипотеки, неразрывным образом связаны с денежным требованием, при передаче которого ипотека в соответствии с п. 1153 Германского гражданского уложения переходит к новому кредитору, прекращаясь только в результате прекращения такого требования.

В отличие от российского законодательства ипотека в законодательстве Германии рассматривается не как один из видов залога, а в качестве самостоятельного правового института с собственным сложным, многоуровневым правовым регулированием, а также с использованием различных моделей ипотечного кредитования, учитывающего интересы различных по доходам, возрасту и иным особенностям групп населения [35].

Для возникновения ипотечных правоотношений необходимо наличие соглашения между сторонами, способными вступать в такие правоотношения, а также регистрация заключенного соглашения путем внесения записи в поземельную книгу по заявлению заинтересованного лица. При этом запись может быть внесена при условии выражения согласия собственником, который должен признать правомерность наложения обременения на принадлежащее ему имущество. Ответственность за совершение регистрационных действий и соблюдение условий их совершения несет регистратор [31, с. 262], что позволяет поддерживать высокий уровень надежности сведений, вносимых в поземельную книгу, соответствующий принципу публичной достоверности включенных в нее записей, закрепляемому п. 892 Германского гражданского уложения.

Вместе с тем нельзя утверждать, что законодательство Германии ограничивается только защитой прав кредиторов как стороны, предоставляющей денежные средства для приобретения недвижимого имущества. Права должника защищены в не меньшей степени, причем особому учету подлежат также законные, разумные и обоснованные интересы собственника имущества, в отношении которого установлена ипотека, при условии, что тем самым не создается угроза для удовлетворения требований кредитора. Так, в частности, собственник имущества вправе продать такое имущество с передачей обязательств по обеспечению ипотеки, причем законодательство (п. 1136 Германского гражданского уложения) исключает возможность установления каких-либо договорных ограничений, препятствующих возможности собственника законным образом распорядиться имуществом, в отношении которого установлена ипотека.

Одним из несомненных преимуществ правового регулирования ипотечных отношений в Германии является обеспечиваемая им стабильность, благодаря которой стороны ипотечных правоотношений могут рассчитывать на сохранение всех условий предоставления и возврата ипотечного кредита, что значительно снижа-

ет финансовые риски для обеих сторон, позволяя минимизировать применяемые ипотечные ставки [36].

Выводы

Проанализированный опыт законодательства Германии показывает, что поддержание стабильности правового регулирования ипотечных правоотношений является одним из важнейших факторов обеспечения устойчивости рынка ипотечного кредитования и возможности снижения стоимости ипотечных кредитов, что, в свою очередь, приводит к снижению финансовых рисков, связанных с невозвратом таких кредитов.

Анализ применяемых в законодательстве Германии подходов показывает, что необходимо развитие различных моделей ипотечного кредитования, позволяющих учитывать интересы отдельных групп населения, заинтересованных в приобретении недвижимого имущества с использованием разных вариантов ипотечного кредитования.

Список литературы

1. Овчинников С. В. Правовое регулирование ипотечных отношений в РФ и США: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 151 с.

2. Понька В. Ф. Правовое регулирование ипотечных отношений в России и США: дис. … д-ра юрид. наук. М, 2012. 307 с.

3. Фархиуллина О. Р. Гражданско-правовое регулирование ипотеки земельных участков в Российской Федерации и зарубежных странах: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 182 с.

4. Александрова А. Ю. Совершенствование правового регулирования ипотечного кредитования в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 135 с.

5. Быстревский С. В. Ипотека как один из способов обеспечения исполнения кредитных обязательств: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 198 с.

6. Викторова Р. Н. Правовая конструкция договора ипотеки в российском законодательстве: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 188 с.

7. Казаченок О. П. Особенности заключения договора об ипотеке (залоге недвижимости): дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 183 с.

8. Лазаренко Л. Б. Проблемы правового регулирования ипотечных отношений в современных условиях: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 168 с.

9. Мартемьянов В. В. Проблемы правового регулирования ипотечного кредитования в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 207 с.

10. Наумов В. М. Правовое положение субъектов ипотечных отношений в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 180 с.

11. Раднаева Д. Б. Правовое регулирование договора ипотеки (залога недвижимости): дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 197 с.

12. Ратманов Л. Б. Правовое регулирование ипотечного кредитования: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001.

13. Афанасьева Т. И. Правовой режим ипотечных ценных бумаг (вопросы теории и практики): дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 212 с.

14. Аюшеева С. Д. Гражданско-правовые проблемы обеспечения интересов участников первичного рынка ипотечного жилищного кредитования: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 169 с.

15. Дударева Е. В. Особенности правового регулирования ипотечного жилищного кредитования: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 188 с.

16. Заикин А.В. Правовое регулирование ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих: дис. … канд. юрид. наук, М., 2007. 188 с.

17. Ковалева О. А. Кредитный договор с ипотечным обеспечением, его место и роль в регулировании обязательственных отношений: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 201 с.

18. Конев Е. Ю. Гражданско-правовая ответственность по договору ипотеки: вопросы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2004. 207 с.

19. Леванов А. Ю. Гражданско-правовое регулирование ипотечного жилищного кредитования: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 159 с.

20. Лемешко Е. Н. Гражданско-правовое регулирование системы отношений ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 201 с.

21. Лепехин И. А. Теоретические основы правового регулирования кредитования жилищного строительства, обеспеченного ипотекой: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 27 с.

22. Малов А. А. Ипотека земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения (проблемы правового регулирования): дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. 170 с.

23. Орлова М. М. Некоторые проблемы правового регулирования ипотечного жилищного кредитования: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 213 с.

24. Ризк О. А. Ипотечное жилищное кредитование в современном гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 214 с.

25. Рогова Е. С. Гражданско-правовые проблемы вторичного рынка ипотечного кредитования: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 206 с.

26. Руденко Е. Ю. Жилые помещения как предмет ипотеки и особенности регулирования возникающих в связи с ипотекой отношений: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2009. 194 с.

27. Столярова А. В. Правовое регулирование рынка ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 206 с.

28. Филиппова Е. С. Ипотечное жилищное кредитование в условиях реформы законодательства в России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 209 с.

29. Фиошин А. В. Правовое регулирование ипотеки земельных участков в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2009. 190 с.

30. Хисамов А. Х. Договор в сфере отношений ипотечного жилищного кредитования: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007. 185 с.

31. Трухина М. Л. Краткая характеристика основных видов ипотеки в Германии // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 261–263.

32. Понька В. Ф. О правовой природе ипотечного кризиса в США // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2010. № 4. С. 102–109.

33. Понька В. Ф. Особенности правового статуса ипотечных организаций США в исторической ретроспективе // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 49–54.

34. Егоров С. Н. Формирование ипотечной модели в России с применением зарубежного опыта // Вестник Чувашского университета. 2008. № 3. С. 368–371.

35. Понька В. Ф. Ссудо-сберегательная модель ипотечного кредитования: опыт Германии // Вопросы экономики и права. 2019. № 129. С. 23–26.

36. Иванова А. А. Сравнительный анализ ипотечного жилищного кредитования в США, Франции, Германии и России // Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике. 2018. № 1-2. С. 45–52.

References

1. Ovchinnikov S. V. Pravovoe regulirovanie ipotechnyh otnoshenij v RF i SSHA. Diss. kand. yurid. nauk [Legal regulation of mortgage relations in the Russian Federation and the USA. Cand. legal sci. dis.]. Moscow, 2008. 151 p.

2. Pon'ka V. F. Pravovoe regulirovanie ipotechnyh otnoshenij v Rossii i SSHA. Diss. dokt. yurid. nauk [Legal regulation of mortgage relations in the Russian Federation and the USA. Dr. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2012. 307 p.

3. Farhiullina O. R. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie ipoteki zemel'nyh uchastkov v Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stranah. Diss. kand. yurid. nauk [Civil law regulation of mortgage of land plots in the Russian Federation and foreign countries. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2010. 182 p.

4. Aleksandrova A. Yu. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya ipotechnogo kreditovaniya v Rossijskoj Federacii. Diss. kand. yurid. nauk [Improving the Legal Regulation of Mortgage Lending in the Russian Federation. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2005. 135 p.

5. Bystrevskij S. V. Ipoteka kak odin iz sposobov obespecheniya ispolneniya kreditnyh obyazatel'stv. Diss. kand. yurid. nauk [Mortgage as one of the ways to ensure the fulfillment of credit obligations. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2007. 198 p.

6. Viktorova R. N. Pravovaya konstrukciya dogovora ipoteki v rossijskom zakonodatel'stve. Diss. kand. yurid. nauk [The legal structure of the mortgage agreement in Russian legislation. Cand. legal sci. abstract diss.]. Ryazan', 2011. 188 p.

7. Kazachenok O. P. Osobennosti zaklyucheniya dogovora ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti). Diss. kand. yurid. nauk [Features of concluding a mortgage agreement (mortgage of real estate). Cand. legal sci. abstract diss.]. Volgograd, 2006. 183 p.

8. Lazarenko L. B. Problemy pravovogo regulirovaniya ipotechnyh otnoshenij v sovremennyh usloviyah. Diss. kand. yurid. nauk [Problems of legal regulation of mortgage relations in modern conditions. Cand. legal sci. abstract diss.]. Krasnodar, 2004. 168 p.

9. Martem'yanov V. V. Problemy pravovogo regulirovaniya ipotechnogo kreditovaniya v Rossijskoj Federacii. Diss. kand. yurid. nauk [Problems of legal regulation of mortgage lending in the Russian Federation. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2008. 207 p.

10. Naumov V. M. Pravovoe polozhenie sub"ektov ipotechnyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii. Diss. kand. yurid. nauk [Legal status of subjects of mortgage relations in the Russian Federation. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2007. 180 p.

11. Radnaeva D. B. Pravovoe regulirovanie dogovora ipoteki (zaloga nedvizhimosti). Diss. kand. yurid. nauk [Legal regulation of the mortgage agreement (pledge of real estate). Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2012. 197 p.

12. Ratmanov L. B. Pravovoe regulirovanie ipotechnogo kreditovaniya. Diss. kand. yurid. nauk [Legal regulation of mortgage lending. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2001. 147 p.

13. Afanas'eva T. I. Pravovoj rezhim ipotechnyh cennyh bumag (voprosy teorii i praktiki). Diss. kand. yurid. nauk [Legal regime of mortgage-backed securities (theory and practice issues). Cand. legal sci. abstract diss.]. Irkutsk, 2008. 212 p.

14. Ayusheeva S. D. Grazhdansko-pravovye problemy obespecheniya interesov uchastnikov pervichnogo rynka ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya. Diss. kand. yurid. nauk [Civil law problems of ensuring the interests of participants in the primary housing mortgage lending market. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2004. 169 p.

15. Dudareva E. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya. Diss. kand. yurid. nauk [Features of legal regulation of mortgage housing lending. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2007. 188 p.

16. Zaikin A. V. Pravovoe regulirovanie ipotechnoj sistemy zhilishchnogo obespecheniya voennosluzhashchih. Diss. kand. yurid. nauk [Legal regulation of the mortgage system of housing provision for military personnel. Cand. legal sci. abstract diss.]. RGGU, Moscow, 2007. 188 p.

17. Kovaleva O. A. Kreditnyj dogovor s ipotechnym obespecheniem, ego mesto i rol' v regulirovanii obyazatel'stvennyh otnoshenij. Diss. kand. yurid. nauk [A loan agreement with mortgage collateral, its place and role in the regulation of contractual relations. Cand. legal sci. abstract diss.]. Volgograd, 2007. 201 p.

18. Konev E. Yu. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' po dogovoru ipoteki: voprosy teorii i praktiki. Diss. kand. yurid. nauk [Civil liability under the mortgage agreement: issues of theory and practice. Cand. legal sci. abstract diss.]. Belgorod, 2004. 207 p.

19. Levanov A. Yu. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya. Diss. kand. yurid. nauk [Civil law regulation of mortgage housing lending. Cand. legal sci. abstract diss.]. Krasnodar, 2002. 159 p.

20. Lemeshko E. N. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie sistemy otnoshenij ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya v Rossijskoj Federacii. Diss. kand. yurid. nauk [Civil law regulation of the system of mortgage housing lending relations in the Russian Federation. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2008. 201 p.

21. Lepekhin I. A. Teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya kreditovaniya zhilishchnogo stroitel'stva, obespechennogo ipotekoj. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Theoretical foundations of legal regulation of mortgage-backed housing construction lending. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2010. 27 p.

22. Malov A. A. Ipoteka zemel'nyh uchastkov iz zemel' sel'skohozyajstvennogo naznacheniya (problemy pravovogo regulirovaniya). Diss. kand. yurid. nauk [Mortgage of land plots from agricultural lands (problems of legal regulation). Cand. legal sci. diss.]. Rostov n/D, 2011. 170 p.

23. Orlova M. M. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya. Diss. kand. yurid. nauk [Some problems of legal regulation of mortgage housing lending. Cand. legal sci. diss.]. Volgograd, 2001. 213 p.

24. Rizk O. A. Ipotechnoe zhilishchnoe kreditovanie v sovremennom grazhdanskom prave. Diss. kand. yurid. nauk [Mortgage housing lending in modern civil law. Cand. legal sci. diss.]. Krasnodar, 2010. 214 p.

25. Rogova E. S. Grazhdansko-pravovye problemy vtorichnogo rynka ipotechnogo kreditovaniya. Diss. kand. yurid. nauk [Civil law problems of the secondary mortgage lending market. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2002. 206 p.

26. Rudenko E. Yu. Zhilye pomeshcheniya kak predmet ipoteki i osobennosti regulirovaniya voznikayushchih v svyazi s ipotekoj otnoshenij. Diss. kand. yurid. nauk [Residential premises as a subject of mortgage and peculiarities of regulation of mortgage-related relations. Cand. legal sci. diss.]. Volgograd, 2009. 194 p.

27. Stolyarova A. V. Pravovoe regulirovanie rynka ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya v Rossijskoj Federacii. Diss. kand. yurid. nauk [Legal regulation of the housing mortgage Lending market in the Russian Federation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2007. 206 p.

28. Filippova E. S. Ipotechnoe zhilishchnoe kreditovanie v usloviyah reformy zakonodatel'stva v Rossii. Diss. kand. yurid. nauk [Mortgage housing lending in the context of legislative reform in Russia. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2006. 209 p.

29. Fioshin A. V. Pravovoe regulirovanie ipoteki zemel'nyh uchastkov v Rossijskoj Federacii. Diss. kand. yurid. nauk [Legal regulation of mortgage of land plots in the Russian Federation. Cand. legal sci. diss.]. Ul'yanovsk, 2009. 190 p.

30. Hisamov A. H. Dogovor v sfere otnoshenij ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya. Diss. kand. yurid. nauk [Agreement in the field of mortgage housing lending relations. Cand. legal sci. diss.]. Kazan', 2007. 185 p.

31. Truhina M. L. Kratkaya harakteristika osnovnyh vidov ipoteki v Germanii [Brief description of the main types of mortgages in Germany]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*, 2017, no. 3, pp. 261–263.

32. Pon'ka V. F. O pravovoj prirode ipotechnogo krizisa v SSHA [About the legal nature of the mortgage crisis in the USA]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*, 2010, no. 4, pp. 102–109.

33. Pon'ka V. F. Osobennosti pravovogo statusa ipotechnyh organizacij SSHA v istoricheskoj retrospektive [Features of the legal status of mortgage organizations in the USA in historical retrospect]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences*, 2010, no. 3, pp. 49–54.

34. Egorov S. N. Formirovanie ipotechnoj modeli v Rossii s primeneniem zarubezhnogo opyta [Formation of a mortgage model in Russia using foreign experience]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of the Chuvash University*, 2008, no. 3, pp. 368–371.

35. Pon'ka V. F. Ssudo-sberegatel'naya model' ipotechnogo kreditovaniya: opyt Germanii [The savings and loan model of mortgage lending: the experience of Germany]. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and legal issues*, 2019, no. 129, pp. 23–26.

36. Ivanova A. A. Sravnitel'nyj analiz ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya v SSHA, Francii, Germanii i Rossii [Comparative analysis of mortgage housing lending in the USA, France, Germany and Russia]. *Innovacionnye tekhnologii v mashinostroenii, obrazovanii i ekonomike = Innovative technologies in mechanical engineering, education and economics*, 2018, no. 1-2, pp. 45–52.

Информация об авторе / Information about the Author

Понька Виктор Федорович, доктор юридических наук, доцент, начальник Управления правового обеспечения деятельности, Российская академия наук, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: Vf_Ponka@mail.com,
ORCID: 0000-0001-6453-2071

Viktor F. Ponka, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Legal Support, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
e-mail: Vf_Ponka@mail.com,
ORCID: 0000-0001-6453-2071

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-96-103

CC BY 4.0

Принцип полного возмещения вреда и его отражение в законодательстве Российской Федерации

И. М. Григорьева[1] ✉

[1]Арбитражный суд города Москвы
ул. Большая Тульская 17, г. Москва 115225, Российская Федерация

✉ e-mail: legim1@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Одним из базовых для гражданского права подходов является предоставление потерпевшей стороне возможности требовать полного возмещения причиненного вреда и причиненных убытков. Широкая распространенность данного подхода основана на общечеловеческих представлениях о разумности и справедливости полной компенсации потерпевшей стороне умаления ее имущественной сферы за счет правонарушителя или иного причинителя вреда. Возмещение убытков, непосредственно связанное с реализацией принципа возмещения вреда, играет важнейшую роль среди всех средств охраны субъективных гражданских прав, указанных в перечне, приведённом в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации.*

Целью *исследования является разработка теоретических положений, определяющих особенности реализации принципа полного возмещения вреда на современном этапе развития рыночной экономики и общественных отношений в Российской Федерации.*

Задачи*: выявить проблемы, связанные с реализацией принципа полного возмещения вреда в гражданском праве Российской Федерации; определить особенности обеспечения баланса интересов при взыскании компенсаций и иных случаях возмещения причиненного вреда; определить направления дальнейшего развития правового регулирования рассматриваемых вопросов.*

Методология*. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.*

Результаты *исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования гражданских правоотношений.*

Выводы*, сделанные в статье, носят дискуссионный характер, направлены на продолжение исследований в рамках заявленной тематики, направлены на развитие основных принципов, позволяющих единообразным образом разрешать проблемы, связанные с реализацией прав на полное возмещение вреда потерпевшей стороне за счет его причинителя. Статья является продолжением научных исследований автора по вопросам, связанным с проблемами гражданско-правовой ответственности.*

Ключевые слова*: вред; ущерб; убытки; потерпевший; причинитель вреда; гражданско-правовая ответственность.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Григорьева И. М. Принцип полного возмещения вреда и его отражение в законодательстве Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 96–103. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-96-103.

Поступила в редакцию 27.08.2021 Принята к публикации 23.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Григорьева И. М., 2021

The Principle of Full Compensation for Harm and Its Reflection in the Legislation of the Russian Federation

Irina M. Grigorieva[1] ✉

[1]The Arbitration Court of Moscow
17 Bolshaya Tulskaya str., Moscow 115225, Russian Federation

✉ e-mail: legim1@yandex.ru

Abstract

Relevance*. One of the basic approaches for civil law is to allow the injured party to claim full compensation for the harm caused and the losses incurred. The widespread use of this approach is based on universal ideas about the reasonableness and fairness of full compensation to the injured party for the diminution of its property sphere at the expense of the offender or other harm-doer. Compensation of damages, directly related to the implementation of the principle of compensation for harm, plays a crucial role among all the means of protection of subjective civil rights specified in the list given in article 12 of the Civil Code of the Russian Federation.*

The purpose *of the study is to develop theoretical provisions defining the specifics of implementation of the principle of full compensation for damages at the current stage of development of market economy and social relations in the Russian Federation.*

Objectives*: to identify the problems associated with the implementation of the principle of full compensation for harm in the civil law of the Russian Federation; ; to determine the features of the balance of interests in the recovery of compensation and other cases of compensation for harm caused; to determine the directions of further development of legal regulation of the issues under consideration.*

Methodology. *When writing the work, dialectical-materialistic method, systematic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method were used.*

The results *of the research are of a theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of civil legal relations.*

The conclusions *made in the article are of debatable character, are aimed at continuing of researches in the framework of the stated theme, are aimed at development of the main principles that allow to solve in a unified way the problems connected with realization of the rights to full compensation of damage to the injured party at the expense of its causer. The article is a continuation of scientific studies of the author on issues related to the problems of civil liability.*

Key words: *harm; damage; losses; victim; causer of harm; civil liability.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Grigorieva I. M. The Principle of Full Compensation for Harm and Its Reflection in the Legislation of the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 96–103. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-96-103.

Received 27.08.2021 Accepted 23.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Реализовать принцип полного возмещения вреда не всегда представляется возможным на практике в силу действия как объективных, так и ряда субъективных причин, в частности стремления судов к снижению уровня возмещения в целях исключения случаев «обогащения» потерпевшей стороны [1, с. 153], действия различного рода ограничений при обращении взыскания на имущество нарушителя и других факторов.

Несмотря на то, что вопросам возмещения вреда уделяется достаточно много внимания в исследованиях отечественных и зарубежных специалистов, до

настоящего времени многие связанные с реализацией принципа полного возмещения вреда вопросы остаются нерешенными. В числе ученых, непосредственно изучавших общие вопросы возмещения вреда, возможно выделить А. И. Ибрагимову [2] и О. Г. Полежаеву [3].

Существующие исследования, как правило, сосредоточены на общих принципах возмещения убытков [1], или вопросах возмещения вреда в отдельных специальных случаях, рассматривавшихся в работах Е. Н. Агибаловой [4], Е. М. Гинц [5], Н. А. Иванова [6], И. В. Корнева [7], Е. О. Костиковой [8], И. Ю. Курина [9], Т. И. Лысенко [10], М. С. Марежкиной [11], С. Ф. Моисеевой [12], В. М. Сагруняна [13], Д. А. Филимонова [14], Р. В. Халина [15], Е. В. Хлыстак [16], Ж. В. Цыренова [17], Е. В. Чинчевич [18], С. К. Шишкина [19].

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил осуществить исследование проблем возмещения вреда, возникающего вследствие нарушения договора или гражданско-правового деликта, с учетом особенностей существующего правового регулирования и практики применения действующих законодательных положений. Использование системного метода позволило осуществить анализ основных проблем, связанных с применением принципа полного возмещения вреда, и причин недостаточно полного и последовательного применения данного принципа. Методы анализа и синтеза дали возможность осуществить сопоставление правовых норм, регулирующих отношения, возникающие в результате причинения вреда и в процессе принятия мер, направленных на его возмещение, обосновать тезисы выдвигаемых предложений, направленных на разрешение существующих противоречий. Формально-юридический метод заключался в изучении российского законодательства, регулирующего рассматриваемые отношения, правоприменительной практики, научных публикаций, а также позволил описать результаты, полученные при проведении исследования.

Результаты и их обсуждение

Понятия «вред» и «возмещение вреда» находятся в сложном соотношении с понятиями, соответственно», «убытков» и «возмещения убытков». Так, согласно п. 2 ст. 15 Гражданского кодекса РФ, убытки определяются как текущие потери и будущие расходы, которые потерпевшее от нарушения лицо должно будет понести для восстановления своей имущественной сферы. В Гражданском кодексе РФ используется также множество терминов, в той или иной степени связанных с указанными понятиями: «ущерб», «расходы», «издержки», «затраты», «потери».

По мнению ряда авторитетных авторов, понятия «убытки» и «вред» являются эквивалентными по своему содержанию [20, с. 9]. Однако данное утверждение, как представляется, не в полной мере учитывает те особенности, которые закладываются в данные понятия. Несмотря на близость принципов возмещения и, в ряде случаев, условий возникновения, вреда и убытков, эти понятия находятся в более сложной связи друг с другом, характеризуя различные стороны частноправовых отношений.

Действительно, имущественный вред, причиненный определенному лицу, при условии, что такой вред может быть установлен и возмещен в денежном эквиваленте, будет рассматриваться как эквивалентный по своей величине причиненным убыткам, поскольку их определение как раз и будет состоять в установлении размера причиненного вреда. Вместе с тем это разноплановые понятия. Термином «убытки» характеризуется более ши-

рокий спектр явлений, поскольку во многих случаях убытки могут возникать без причинения вреда, вытекать из договорных, иных обязательственных правоотношений. Термин «вред», в свою очередь, охватывает также случаи, в которых он не может быть в полной мере устранен за счет компенсации, в том числе в силу невозможности определить соответствующий денежный эквивалент, например, при нарушении личных неимущественных прав субъектов гражданского права.

Тем не менее тенденция к уравниванию этих двух понятий имеет давние корни в истории отечественной доктрины гражданского права. Так, по мнению Г. Ф. Шершеневича, «вред» и «убытки» возможно было рассматривать как синонимы, поскольку причинение вреда создает обязательства по компенсации убытков [21, с. 202]. Опровергая данный довод, Ю. Э. Монастырский отмечает, что указанная особенность не приводит к тождественности рассматриваемых понятий [1, с. 88], поскольку вред представляет собой определенную по содержанию убыль или повреждение, если речь идет об имуществе, в то время как убытки могут включать не только текущие потери, но и будущие расходы, недополученные доходы и т. д.

А. И. Ибрагимов [2, с. 7] отмечает интересное различие между возмещением убытков и причинением вреда, указывая на то, что возмещение убытков может иметь только материальное выражение, в то время как возмещение вреда, в частности морального вреда, может заключаться как в форме выплаты материальной компенсации, так и путем принесения публичного извинения, обеспечения ухода, опровержения информации и ряда других действий, позволяющих в определенной мере нивелировать последствия предшествующего причинения вреда.

Вред может быть определен как результат правонарушения, однако во многих случаях причинения вреда может отсутствовать факт правонарушения или виновная в его совершении сторона. Кроме того, вред может быть причинен также правомерными действиями, причем не только имуществу, но также и репутации или здоровью физического лица. В последних случаях возмещение вреда уже не может рассматриваться как возмещение убытков, поскольку выплата компенсации морального вреда может быть никак не связана с размером причиненных материальных убытков, а выплаты в связи с причинением вреда жизни или здоровью могут быть не связаны с размером причиненных убытков.

Однако в большинстве случаев причинения имущественного вреда размер его возмещения будет определяться именно на основании объема причиненных убытков. Предполагается, что в обычных условиях должно иметь место полное возмещение убытков [22, с. 17], однако размер возмещаемых убытков может быть снижен в случаях, предусмотренных законом или договором. Данное обстоятельство приводит к тому, что снижен будет и размер возмещения, подлежащего выплате за причиненный вред.

В результате положения, позволяющие отступать от принципа полного возмещения убытков, приводят на практике к отказу от соблюдения принципа полного возмещения вреда. Данный подход представляется ошибочным, поскольку в отличие от случаев причинения убытков, размер, условия возмещения и последствия причинения которых могут поразному оцениваться сторонами, вред, если он может быть определен достаточно точным образом, не должен перекладываться на потерпевшую сторону.

В связи с этим требуется изменение положений Гражданского кодекса РФ, позволяющих, в частности, уменьшать размер возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения. В настоящее время данная возможность (п. 3 ст. 1083 ГК РФ, п. 4 ст. 1090 ГК РФ) ставится в зависимость от того, были ли действия причи-

нителя вреда «умышленными». Как представляется, речь в данном случае может идти не только об умысле, но и о наличии вины в иной форме, поскольку законодатель в настоящее время придает при решении рассматриваемого вопроса основное внимание критерию нуждаемости в ущерб требованиям о правомерности поведения субъектов гражданско-правовых отношений и предлагает решать имущественные проблемы нарушителей за счет потерпевшей стороны, лишая ее права на полное возмещение причиненных убытков.

Выводы

Принцип полного возмещения вреда, нацеленный на полное восстановление имущественной сферы потерпевшей стороны за счет причинителя вреда, как представляется, должен применяться во всех случаях, когда такое причинение вреда явилось результатом правонарушения или было вызвано иным неправомерным поведением причинителя. В указанных случаях не должны применяться законодательные положения, позволяющие снижать размер подлежащих взысканию убытков. Дополнительные обстоятельства могут учитываться только при отсутствии вины причинителя вреда в его причинении и в иных случаях, когда причиненный вред не являлся следствием правонарушения, совершенного причинителем вреда, неправомерного или недобросовестного поведения причинителя вреда.

Смешение понятий «возмещение убытков» и «возмещение вреда» является ошибочным и приводит на практике к тому, что положения о возможности снижения размеров выплат в счет возмещения убытков, включающих, в частности, ожидаемую упущенную выгоду, распространяются на случаи выплат, предназначением которых является устранение или, по крайней мере, частичная компенсация вреда, причиненного зачастую противоправным поведением. В результате решения принимаются в пользу причинителя вреда, с учетом, в частности, таких факторов, как его затруднительное материальное положение, но при этом такое снижение выплат осуществляется за счет потерпевшей стороны.

В обязательстве, возникающем вследствие причинения вреда, при выборе между интересами потерпевшей стороны и интересами причинителя вреда, как представляется, предпочтение всегда должно отдаваться интересам именно потерпевшей стороны, особенно если вред явился следствием противоправного поведения либо наличия вины в форме умысла либо неосторожности. В отличие, например, от ситуации с причинением убытков вследствие невыполнения обязательств по договору, в случае причинения вреда потерпевшая сторона зачастую не имеет возможности выбирать того, с кем она взаимодействует, например, вторую сторону сделки, и, как правило, не может заблаговременно принять разумные меры для предотвращения или ограничения причиняемого вреда.

Основанием для снижения ответственности при причинении вреда, как представляется, может служить только наличие противоправности или вины в какой-либо форме в поведении самой потерпевшей стороны, во всех остальных случаях потерпевшая сторона должна иметь возможность получить возмещение для покрытия умаления своего имущества, явившееся следствием действий причинителя вреда.

Список литературы

1. Монастырский Ю. Э. Возмещение убытков в гражданском праве России: дис. … д-ра юрид. наук. Севастополь, 2020. 357 с.

2. Ибрагимова А. И. Справедливое возмещение вреда и убытков в российском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 253 с.

3. Полежаева О. Г. Становление и развитие института возмещения вреда в России (историко-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2005. 172 с.

4. Агибалова Е. Н. Возмещение вреда, причиненного здоровью работника при исполнении им трудовых (служебных) обязанностей: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 221 с.

5. Гинц Е. М. Возмещение вреда, причинённого правомерными действиями государственных органов: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. 153 с.

6. Иванова Н. А. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 177 с.

7. Корнев И. В. Возмещение вреда, причиненного несовершеннолетними, в зарубежном и российском праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 177 с.

8. Костикова Е. О. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью граждан вследствие медицинской ошибки: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 195 с.

9. Курин И. Ю. Возмещение имущественного вреда, причиненного транспортным средствам их взаимодействием: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.

10. Лысенко Т. И. Гражданско-правовой институт возмещения внедоговорного вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2006. 230 с.

11. Марежкина М. М. Возмещение вреда, причиненного лишением жизни гражданина: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 188 с.

12. Моисеева С. Ф. Возмещение вреда, причиненного здоровью и жизни военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. 203 с.

13. Сагрунян В. М. Проблемы возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью транспортным средством как источником повышенной опасности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 182 с.

14. Филимонов Д. А. Гражданско-правовое регулирование возмещения вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 192 с.

15. Халин Р. В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причинённый недостатками товаров, работ и услуг по праву России, Англии и США: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Курск, 2015. 25 с.

16. Хлыстак Е. В. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств: дис. … канд. юрид. наук. Абакан, 2008. 160 с.

17. Цыренов Ж. В. Организация обеспечения возмещения вреда, причинённого преступлениями, на досудебных стадиях уголовного производства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. 168 с.

18. Чинчевич Е. В. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью животными: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 208 с.

19. Шишкин С. К. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, по российскому гражданскому праву: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 192 с.

20. Садиков О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009. 226 с.

21. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. / науч. ред. В. С. Ем. М.: Статут, 2005. Т. 2. 462 с.

22. Дегтярев С. Л. Особенности рассмотрения дел о возмещении убытков // Юрист. 2000. № 11. С. 17–23.

References

1. Monastyrskij Yu. E. Vozmeshchenie ubytkov v grazhdanskom prave Rossii. Diss. dokt. yurid. nauk [Compensation of damages in the civil law of Russia. Dr. legal sci. abstract diss.]. Sevastopol', 2020. 357 p.

2. Ibragimova A. I. Spravedlivoe vozmeshchenie vreda i ubytkov v rossijskom grazhdanskom prave. Diss. kand. yurid. nauk [Fair compensation for damages and losses in Russian civil law. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 253 p.

3. Polezhaeva O. G. Stanovlenie i razvitie instituta vozmeshcheniya vreda v Rossii (istoriko-pravovoe issledovanie). Diss. kand. yurid. nauk [Formation and development of the Institute of Compensation for Harm in Russia (historical and legal research). Cand. legal sci. diss.]. Vladimir, 2005. 172 p.

4. Agibalova E. N. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo zdorov'yu rabotnika pri ispolnenii im trudovyh (sluzhebnyh) obyazannostej. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation for damage caused to the health of an employee in the performance of his labor (official) duties. Cand. legal sci. diss.]. Krasnodar, 2007. 221 p.

5. Ginc E. M. Vozmeshchenie vreda, prichinyonnogo pravomernymi dejstviyami gosudarstvennyh organov. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation for damage caused by lawful actions of state bodies. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2014. 153 p.

6. Ivanova N. A. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo zhizni ili zdorov'yu grazhdanina. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation for damage caused to the life or health of a citizen. Cand. legal sci. diss.]. Volgograd, 2007. 177 p.

7. Kornev I. V. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo nesovershennoletnimi, v zarubezhnom i rossijskom prave. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation for damage caused by minors in foreign and Russian law. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2006. 177 p.

8. Kostikova E. O. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo zhizni ili zdorov'yu grazhdan vsledstvie medicinskoj oshibki. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation for damage caused to the life or health of citizens as a result of a medical error. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2009. 195 p.

9. Kurin I. Yu. Vozmeshchenie imushchestvennogo vreda, prichinennogo transportnym sredstvam ih vzaimodejstviem. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation for property damage caused to vehicles by their interaction. Cand. legal sci. diss.]. Krasnodar, 2010. 196 p.

10. Lysenko T. I. Grazhdansko-pravovoj institut vozmeshcheniya vnedogovornogo vreda, prichinennogo zhizni ili zdorov'yu grazhdanina. Diss. kand. yurid. nauk [Civil Law Institute of Compensation for non-contractual Harm caused to the Life or health of a citizen. Cand. legal sci. diss.]. Kazan', 2006. 230 p.

11. Marezhkina M. M. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo lisheniem zhizni grazhdanina. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation for damage caused by deprivation of a citizen's life. Cand. legal sci. diss.]. Volgograd, 2006. 188 p.

12. Moiseeva S. F. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo zdorov'yu i zhizni voennosluzhashchih Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation for damage caused to the health and life of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2014. 203 p.

13. Sagrunyan V. M. Problemy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo zhizni i zdorov'yu transportnym sredstvom kak istochnikom povyshennoj opasnosti. Diss. kand. yurid. nauk [Problems of compensation for damage caused to life and health by a vehicle as a source of increased danger. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2006. 182 p.

14. Filimonov D. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya vreda, prichinennogo v sostoyanii krajnej neobhodimosti. Diss. kand. yurid. nauk [Civil law regulation of

compensation for damage caused in a state of extreme necessity. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 192 p.

15. Halin R. V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za vred, prichinyonnyj nedostatkami tovarov, rabot i uslug po pravu Rossii Anglii i SSHA. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Civil liability for damage caused by defects in goods, works and services under the law of Russia, England and the USA. Cand. legal sci. abstract diss.]. Kursk, 2015. 25 p.

16. Hlystak E. V. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo zhizni ili zdorov'yu grazhdanina pri ispolnenii dogovornyh obyazatel'stv. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation for damage caused to the life or health of a citizen in the performance of contractual obligations. Cand. legal sci. abstract diss.]. Abakan, 2008. 160 p.

17. Cyrenov Zh. V. Organizaciya obespecheniya vozmeshchenie vreda, prichinyonnogo prestupleniyami, na dosudebnyh stadiyah ugolovnogo proizvodstva. Diss. kand. yurid. nauk [Organization of providing compensation for damage caused by crimes at the pre-trial stages of criminal proceedings. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2021. 168 p.

18. Chinchevich E. V. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo zhizni i zdorov'yu zhivotnymi. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation for damage caused to life and health by animals. Cand. legal sci. dis.]. Saratov, 2012. 208 p.

19. Shishkin S. K. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoj opasnosti, po rossijskomu grazhdanskomu pravu. Diss. kand. yurid. nauk [Compensation for damage caused by a source of increased danger under Russian civil law. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2004. 192 p.

20. Sadikov O. N. Ubytki v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii [Damages in the Civil law of the Russian Federation]. Moscow, Statut Publ., 2009. 226 p.

21. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian Civil Law]; ed. by V. S. Em. Moscow, Statut Publ., 2005, vol. 2. 462 p.

22. Degtyarev S. L. Osobennosti rassmotreniya del o vozmeshchenii ubytkov [Features of consideration of cases for damages]. *Yurist = Lawyer*, 2000, no. 11, pp. 17–23.

Информация об авторе / Information about the Author

Григорьева Ирина Михайловна, кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда города Москвы, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: legim1@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9229-9198

Irina M. Grigorieva, Candidate of Juridical Sciences, Judge of the Arbitration Court of Moscow, Moscow, Russian Federation,
e-mail: legim1@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9229-9198

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-104-113

CC BY 4.0

Особенности применения мер медицинского характера, соединенные с наказаниями без изоляции от общества

И. А. Ефремова[1] ✉

[1]Саратовская государственная юридическая академия
ул. Вольская 1, г. Саратов 410003, Российская Федерация

✉ e-mail: efremova005@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Меры медицинского характера в настоящее время не применяются к лицам, которые совершили преступное посягательство, наряду с уголовными наказаниями, не связанными с изоляцией от общества, ввиду отсутствия четкой законодательной регламентации правовых норм, а также противоречий уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в данной части.*

Цель исследования *заключается в выявлении особенностей применения мер медицинского характера, соединенных с наказаниями без изоляции от общества и в выработке актуальных предложений по совершенствованию действующего законодательства в данной части.*

Задачи: *изучить российское законодательство в части регламентации особенностей применения мер медицинского характера, соединенных с наказаниями без изоляции от общества; выработать актуальные предложения по совершенствованию законодательства в рассматриваемой части.*

Методология. *В работе использован комплекс традиционных исследовательских методов. В основу методологии положен универсальный диалектический познавательный метод. Кроме того, использовались общенаучные методы: логический метод, анализ и синтез, что в совокупности обеспечивает соблюдение всеобщих принципов научного познания.*

Результаты. *Исследованы особенности ПММХ, соединенные с наказаниями без изоляции от общества, выявлены пробелы, противоречия уголовного и уголовно-исполнительного законодательства российского государства, на основе которых выработаны актуальные предложения по совершенствованию законодательства в данной части.*

Вывод. *Применение ПММХ, наряду с уголовным наказанием, в правоприменительной деятельности вызывает ряд проблем, особенно это связано с уголовными наказаниями, которые не связаны с изоляцией от общества, ввиду чего отсутствует правоприменительная практика по применению к осужденным ПММХ наряду с данными уголовными наказаниями, в связи с чем назрела необходимость совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в анализируемой части.*

Ключевые слова: *иная мера; мера уголовно-правового характера; уголовное наказание; изоляция от общества; лечение.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Ефремова И. А. Особенности применения мер медицинского характера, соединенные с наказаниями без изоляции от общества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 104–113. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-104-113.

Поступила в редакцию 21.07.2021 Принята к публикации 29.08.2021 Опубликована 22.10.2021

© Ефремова И. А., 2021

Features of Using Coercive Medical Measures, Combined with Punishments Without Isolation from Society

Irina A. Efremova[1] ✉

[1] Saratov State Law Academy
1 Volskaya str., Saratov 410003, Russian Federation

✉ e-mail: efremova005@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Medical measures are currently not applied to persons who have committed a criminal offense, along with criminal penalties that are not related to isolation from society, due to the lack of clear legislative regulation of legal norms, as well as the contradictions of criminal and penal enforcement legislation in this part.*

The purpose *it consists in identifying the features of the use of medical measures combined with punishments without isolation from society and in developing relevant proposals for improving the current legislation in this part.*

Objectives: *to study the Russian legislation in terms of regulating the features of the use of medical measures, combined with punishments without isolation from society; to develop relevant proposals for improving the legislation in this part.*

Methodology. *The work uses a set of traditional research methods. The methodology is based on the universal dialectical cognitive method. Besides, the authors used general scientific research methods: logical method, analysis and synthesis, which together ensures compliance with the universal principles of scientific knowledge.*

Results. *The features of PMMX connected with punishments without isolation from society are investigated, gaps, contradictions of the criminal and criminal – executive legislation of the Russian state are revealed, on the basis of which actual proposals for improving the legislation in this part are developed.*

Conclusion. *The use of PMMX along with criminal punishment, in law enforcement activities, causes a number of problems, especially this is associated with criminal penalties that are not related to isolation from society, which is why there is no law enforcement practice for the application of PMMX to convicted persons along with criminal penalties that are not related to isolation from society. In this connection, there is a need to improve the criminal and penal enforcement legislation.*

Keywords: *other measure; a measure of a criminal nature; criminal punishment; criminal punishment withoutisolation from society; treatment.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Efremova I. A. Features of Using Coercive Medical Measures, Combined with Punishments Without Isolation from Society. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 104–113. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-104-113.

Received 21.07.2021 Accepted 29.08.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

В настоящее время одним из перспективных направлений на территории российского государства выступает применение в отношении определенных категорий осужденных принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ), ибо назначенное судом уголовное наказание к таким осужденным не всегда способно в полной мере понизить его степень общественной опасности и в дальнейшем предостеречь от совершения им новых преступных посягательств без их лечения. Применение ПММХ к таким осужденным базируется на стыке уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права, а также иных

отраслей законодательства российского государства и реализуется на то уполномоченными специализированными учреждениями и органами [1, с. 4–5; 2, с. 107; 3, с. 22].

Однако, несмотря на вышеизложенное, применение ПММХ наряду с уголовным наказанием в правоприменительной деятельности вызывает ряд проблем, особенно это связано с уголовными наказаниями, которые не связаны с изоляцией от общества, что во многом обусловлено, во-первых, недостаточностью правового регулирования исполнения ПММХ наряду с данными наказаниями и контроля за их исполнением, а во-вторых, тем, что исполнение ПММХ, которые назначаются конкретным осужденным наряду с анализируемыми наказаниями, не является приоритетным направлением деятельности учреждений и органов, которые непосредственным образом наделены полномочиями по исполнению на территории российского государства уголовных наказаний. Ввиду чего в правоприменительной деятельности отсутствует правоприменительная практика по применению к осужденным ПММХ наряду с такими уголовными наказаниями [4, с. 736], в связи с чем в отношении данных лиц не осуществляется принудительное лечение их психического расстройства, которое не исключает вменяемость, что негативным образом будет влиять на задачи российского уголовного закона. Исходя из чего видится необходимость совершенствования законодательства российского в данной части и продвижение ПММХ в правоприменительный процесс при назначении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, ибо не всегда лицо, которое совершило на территории российского государства преступное посягательство и которое страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемость такого лица, нуждается в назначении наказаний, которые непосредственным образом связаны с изоляцией их от общества (например, назначением лишения свободы на определенный срок, пожизненного лишения свободы).

Методология

В работе использован комплекс традиционных исследовательских методов. В основу методологии положен универсальный диалектический познавательный метод для изучения особенностей применения ПММХ, соединенных с наказаниями, отбывание которых не изолируют осужденного от общества. Посредством анализа и синтеза был исследован российский уголовный закон и уголовно-правовая доктрина в исследуемой части, а посредством такого общенаучного метода познания, как логический метод – сущность и содержание каждой из особенности применения ПММХ, соединенных с наказаниями, не связанными с изоляцией осужденного от общества.

Результаты и их обсуждение

Рассматриваемые уголовные наказания, в отличие от наказаний, которые изолируют осужденного от общества, обладают значительно меньшим объемом ограничений прав и свобод осужденного, отбывающего назначенное наказание. Их исполнение на территории российского государства осуществляется на то уполномоченными специальными учреждениями и органами, перечень которых довольно широк, а по мнению отдельных ученых, даже излишен [5, с. 7–9; 6, с. 7–8]. Так, данные наказания в соответствии с УИК РФ исполняются: судебными приставами-исполнителями (штраф), исправительным центром (принудительные работы), командованием воинских частей (ограничение по военной службе), уголовно-исполнительными инспекциями (далее – УИИ) (иные уголовные наказания, определенные российским законодателем в УК РФ, которые не связаны с изоляцией от общества). При этом такие

обозначенные нами учреждения и органы, как УИИ, исправительный центр, относятся российским законодателем к учреждениям российской уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

Применение ПММХ в исследуемой части имеет важное значение, направленное на реализацию задач российского уголовного закона. Их применение состоит из нескольких частей: назначения ПММХ и исполнения ПММХ. При этом назначаются ПММХ как в целом, так и в изучаемой части судом, что является вполне логичным и обоснованным, ибо на территории российского государства именно суд наделен полномочиями по осуществлению правосудия и никакой иной орган не может его заменить [7, с. 63; 8, с. 39]. Исполняются ПММХ, соединенные с рассматриваемыми наказаниями, в медицинских организациях государственной системы здравоохранения, которые предназначены для оказания психиатрической помощи в амбулаторных условиях, что вытекает из особенностей таких ПММХ. Данное обстоятельство закреплено российским законодателем в ч. 1 ст. 104 УК РФ. Исходя из чего следует, что к данным осужденным из всего спектра ПММХ, которые могут быть назначены, судом может быть применен только один вид ПММХ – принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях [9, с. 110]. В данной ситуации осужденный находится среди законопослушных граждан и, как правило, учреждения и органы, которые непосредственным образом исполняют назначенный такому лицу рассматриваемый вид наказания, не осуществляют контроль за исполнением назначенного судом такого вида ПММХ [10, с. 5].

Однако полагаем необходимым отметить, что российский законодатель в ч. 1 ст. 102 УК РФ указывает, что УИИ имеют право осуществлять контроль за применением ПММХ. В связи чем назревает ряд вопросов: осуществляют ли иные учреждения и органы, исполняющие на территории российского государства исследуемые уголовные наказания, контроль за применением ПММХ; УИИ осуществляет контроль за применением ПММХ, которые соединены с теми видами уголовных наказаний, назначение которых они исполняют или же они осуществляют контроль за применением ПММХ, соединенных со всеми видами наказаний, которые нами рассматриваются в настоящей статье. В настоящее время действующее законодательство российского государства не дает ответа на данный вопрос, поскольку ни в уголовном, ни в уголовно-исполнительном законодательстве не содержит упоминания об иных субъектах ПММХ, которые наделены правом по осуществлению контроля за их исполнением и не указывается, в какой именно части УИИ осуществляют контроль за применением ПММХ, что является негативным аспектом, порождающим в правоприменительной деятельности проблемы при применении ПММХ в изучаемой части.

При этом, исходя из позиции российского законодателя, УИИ могут ходатайствовать о продлении, изменении и прекращении осужденным, которым назначены ПММХ, соединенные с рассматриваемыми уголовными наказаниями, а иные учреждения и органы, которые исполняют данные уголовные наказания, не наделены таким правом [11, с. 11]. В связи с чем можно прийти к суждению, что наличествующий пробел в данной части требует купирования посредством закрепления в ч. 1 ст. 102 УК РФ иных учреждений и органов, исполняющих обозначенные уголовные наказания, которые будут осуществлять контроль за применение ПММХ в отношении осужденных, которым они назначены. Однако, как справедливо отмечено в уголовно-правовой доктрине, такие субъекты исполнения анализируемых уголовных наказаний, как судебные приставы-исполнители и суд, ввиду их особенностей

не могут осуществлять на территории российского государства контроль за применением ПММХ, исходя из того, что первые обладают только опытом исполнения уголовного наказания в виде штрафа, а последние никогда не обладали такими полномочиями, поскольку отнесены к судебной власти российского государства [12, с. 118, 173].

В связи с чем полагаем необходимым возложить осуществление контроля в отношении применения ПММХ, соединенных с наказаниями без изоляции от общества, на уполномоченный специализированный государственный орган (например, на исправительный центр, который бы осуществлял контроль за применением ПММХ, соединенных с принудительными работами, на УИИ – в отношении ПММХ, которые соединены со всеми остальными рассматриваемыми наказаниями, за исключением военнослужащих), а в отношении военнослужащих – на командование воинских частей и учреждений, ибо именно данные учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания, особенно УИИ, обладают необходимым опытом по осуществлению контроля за осужденными, которым назначено уголовное наказание, не связанное с их изоляцией от общества [13, с. 194–208].

Исходя из вышеизложенного, полагаем необходимым скорректировать и ст. 18 УИК РФ, а именно дополнить ч. 1 ст. 18 УИК РФ иными видами изучаемых уголовных наказаний, что позволит купировать наличествующее в действующем законодательстве российского государства противоречие, со ст. 104 УК РФ, которое является негативным аспектом, создающим проблемы в правоприменительной деятельности в исследуемой части.

Более того, внесение данных изменений позволит назначать осужденным, отбывающим рассматриваемые уголовные наказания и в тех случаях, когда психическое расстройство, не исключающее вменяемость, было выявлено как до привлечения такого лица к уголовной ответственности и назначения ему уголовного наказания, так и в период его отбывания, ибо и у такого осужденного, который отбывает назначенное судом уголовное наказание, в период его отбывания может быть установлено психическое расстройство, не исключающее вменяемость. В настоящее время согласно позиции российского законодателя в отношении таких лиц не осуществляется принудительное лечение их психического расстройства, которое не исключает вменяемость, что негативным образом влияет на задачи российского уголовного закона. Внесение в ч. 1 ст. 18 УИК РФ иных видов анализируемых уголовных наказаний позволит купировать данную проблему и положительным образом будет влиять на реализацию и достижение задач российского уголовного закона.

Однако изменением отдельных положений УК РФ и УИК РФ в рассматриваемой части нельзя в полном объеме решить проблемы в правоприменительной практике при применении ПММХ, соединенных с обозначенными уголовными наказаниями. Представляется необходимым на законодательном уровне закрепить механизм применения ПММХ, а именно в УИК РФ, а само право на обращение уполномоченных субъектов, в том числе УИИ, исправительных центров, командований воинских частей и учреждений в УК РФ, с представлением в суд о назначении конкретному осужденному ПММХ, в связи с тем, что такой осужденный страдает психическим расстройством, которое не исключает его вменяемость. Отсутствие такого законодательно определенного механизма в УИК РФ, несомненно, свидетельствует о его пробельности, что выступает дефектом как действующего уголовно-исполнительного законодательства российского государства, так и системы уголовно-исполнительного права. Данный подход в уголовно-правовой доктрине наличеству-

ет превалирующим [14, с. 253–256; 15, p. 56].

Кроме того, необходимо на законодательном уровне в рассматриваемой части определить, что в отношении таких осужденных необходимо проводить судебно-психиатрическую экспертизу, а не руководствоваться заключением медицинской комиссии, как это в настоящее время наличествует в отношении осужденных, отбывающих наказание, связанных с их изоляцией от общества, что является неприемлемым в принципе, ибо может послужить детерминантой для неправомерного применения в отношении конкретного осужденного, отбывающего назначенное уголовное наказание, которое не связано с его изоляцией от общества (например, в качестве способа давления на такого осужденного) [16, с. 82–85; 17, с. 36; 18, с. 235]. Закрепление данного обстоятельства в законодательстве российского государства позволит купировать выявленный пробел и, как следствие, повысить эффективность как уголовных наказаний в целом, так и анализируемых уголовных наказаний в частности.

Проводя анализ исполнения ПММХ, связанных с уголовными наказаниями, представляется необходимым отметить, что субъектами исполнения ПММХ, которые связаны с уголовными наказаниями, исполнение которых изолирует осужденного от общества, являются исправительные учреждения, которые исполняют данные наказания, а ПММХ, соединенные с иными наказаниями, исполняются уполномоченными на то медицинскими организациями государственной системы здравоохранения [19, с. 15]. Представляется, что данная позиция российского законодателя является верной, поскольку в первом случае осужденный изолируется от общества, исходя из чего его лечение отдельно от исправительного воздействия назначенного судом такого уголовного наказания в амбулаторных условиях уполномоченной на то медицинской организацией в принципе не представляется возможным, в отличие от того, когда ПММХ не связаны с уголовными наказаниями, которые изолируют его от общества.

Несмотря на то обстоятельство, что российский уголовный закон в ч. 3 ст. 97 указывает, что порядок применения ПММХ в целом, в частности порядок применения ПММХ в рассматриваемой части, определяется уголовно-исполнительным законодательством российского государства и иными федеральными нормативно-правовыми актами российского государства, действующее уголовно-исполнительное законодательство не определяет такой порядок, даже несмотря на используемый российским законодателем соединительный союз «и», исходя из чего законодательно установленное требование остается нереализованным [20, с. 2].

Данное обстоятельство может быть обусловлено тем, что применение ПММХ может ограничиваться не только в связи с совершением конкретным лицом преступного посягательства, исходя из чего такому лицу могут быть назначены ПММХ в качестве иной меры уголовно-правового характера, но и применение принудительного лечения возможно в тех случаях, когда лицо не совершало на территории российского государства преступного посягательства, однако при этом создает определенную опасность для себя и иных лиц, либо такое лицо является беспомощным, которое не способно само без чьей-либо помощи осуществить удовлетворение своих основных жизненных потребностей, либо такому лицу может быть причинен существенный вред его здоровью в связи с ухудшением его психического состояния, если ему не будет оказана психиатрическая помощь (гражданско-правовой порядок) [4, с. 737]. Однако в последнем случае (в гражданско-правовом порядке), в отличие от применения ПММХ в рассматриваемой части, предполагается обязатель-

ное помещение лица, которое страдает психическим расстройством, в стационар. При этом, исходя из правоприменительной практики, необходимо учитывать, что не во всех случаях наличествующее у конкретного лица психическое расстройство, не исключающее вменяемость, требует помещения такого лица в стационар, в некоторых случаях его лечение возможно и в амбулаторных условиях.

Таким образом, представляется необходимым купировать вышеизложенное посредством отражения в уголовно-исполнительном законодательстве особенностей применения ПММХ в исследуемой части, что также положительным образом будет влиять на правоприменительную деятельность по применению ПММХ, соединенных с уголовными наказаниями, которые не изолируют осужденного от общества.

Выводы

Применение ПММХ, наряду с уголовным наказанием, в правоприменительной деятельности вызывает ряд проблем, особенно это связано с уголовными наказаниями, которые не изолируют осужденного от общества, ввиду чего отсутствует правоприменительная практика по применению к осужденным ПММХ в обозначенной части. Данное обстоятельство обусловлено отсутствием единой нормативно-правовой базы, регламентирующей применение мер медицинского характера, разногласием уголовного и уголовно-исполнительного законодательства российского государства в исследуемой части. В связи с чем назрела необходимость совершенствования действующего уголовного (например, необходимо возложить осуществление контроля в отношении применения ПММХ, которые соединены с наказанием, не изолирующими осужденного от общества, на уполномоченный специализированный государственный орган, а в отношении военнослужащих – на командование воинских частей и учреждений; закрепить право на обращение уполномоченных субъектов с представлением в суд о назначении конкретному осужденному ПММХ, в связи с тем что такой осужденный страдает психическим расстройством, которое не исключает его вменяемость) и уголовно-исполнительного законодательства (например, закрепить механизм применения ПММХ, соединенных с уголовными наказаниями, которые не изолируют осужденного от общества).

Список литературы

1. Кудовба О. Н. Организация и контроль деятельности учреждений и органов, применяющих принудительные меры медицинского характера в отношении осужденных: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2017. 182 с.

2. Бубнова Т. А. Правовая природа принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных, страдающих психическими расстройствами // Человек: преступление и наказание. 2007. № 1. С. 107–109.

3. Полубинская С. В. Проблемы правового регулирования принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 5 (132). С. 22–27.

4. Звонов А. В., Савин А. А. Совершенствование механизма применения принудительных мер медицинского характера, соединенных с наказаниями без изоляции от общества: от назначения наказания до освобождения от его отбывания // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 5. С. 735–744.

5. Фаттахов И. Т. Наказания, ограничивающие личную свободу осужденного: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 230 с.

6. Букреев В. В. Дисциплинарная воинская часть: проблемы назначения и исполнения наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 204 с.

7. Кузьмин А. Г. Этапы конституционализации российской судебной системы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15, № 1. С. 63–71.

8. Герасина Ю. А. Проблемы назначения и применения принудительных мер медицинского характера ограниченно вменяемому лицу // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 2 (2). С. 38–42.

9. Савин А. А. Принудительные меры медицинского характера, соединенные с наказаниями без изоляции от общества: общие начала их реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 109–112.

10. Гурович И. Я. Направления совершенствования психиатрической помощи // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. Т. 24, № 1. С. 5–9.

11. Веселовская А. В. Особенности принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания // Вестник Кузбасского института. 2019. № 1 (38). С. 9–15.

12. Рыбаков А. А. Контроль за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2015. 173 с.

13. Условное осуждение к лишению свободы: законодательная регламентация, практика применения и исполнения / под ред. С. В. Расторопова. СПб.: Юрид. центр, 2017. 458 с.

14. Орлов В. Н. Применение и отбывание уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 605 с.

15. Jong E. de, Bernasco W., Lammers M. J. Situational correlates of adolescent substance use: an improved test of the routine activity theory of deviant behavior // Journal of Quantitative Criminology. 2020. Vol. 36, is. 1. P. 823–850.

16. Жинкин А. А. Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ): некоторые проблемы квалификации и законодательной регламентации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 82–85.

17. Аргунова Ю. Н. Уголовная ответственность за незаконное помещение в психиатрический стационар // Независимый психиатрический журнал. 2011. № 4. С. 36–42.

18. Яхьяева М. У. Незаконное помещение в психиатрический стационар как один из видов лишения свободы в уголовном праве России: уголовно-правовой анализ // Актуальные проблемы права: материалы 4-й Международной научной конференции. М.: Буки-Веди, 2015. С. 235–239.

19. Скиба А. П. Исполнение уголовных наказаний в отношении больных осужденных: теоретико-прикладное исследование: дис. … докт. юрид. наук. Рязань, 2013. 521 с.

20. Шишков С. Н. Исполнение принудительных мер медицинского характера // Законность. 2007. № 6 (872). С. 2–6.

References

1. Kudovba O. N. Organizaciya i kontrol' deyatel'nosti uchrezhdenij i organov, primenyayushchih prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera v otnoshenii osuzhdennyh. Diss. kand. yurid. nauk. [Organization and control of the activities of institutions and bodies applying compulsory medical measures against convicts. Cand. legal sci. diss.]. Ryazan', 2017. 182 p.

2. Bubnova T. A. Pravovaya priroda prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera v otnoshenii osuzhdennyh, stradayushchih psihicheskimi rasstrojstvami [The legal nature of com-

pulsory medical measures against convicts suffering from mental disorders]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: crime and punishment*, 2007, no. 1, pp. 107–109.

3. Polubinskaya S. V. Problemy pravovogo regulirovaniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera, soedinennyh s ispolneniem nakazaniya [Problems of legal regulation of compulsory medical measures connected with the execution of punishment]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy = Sheets of the penal enforcement system*, 2013, no. 5 (132), pp. 22–27.

4. Zvonov A. V., Savin A. A. Sovershenstvovanie mekhanizma primeneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera, soedinennyh s nakazaniyami bez izolyacii ot obshchestva: ot naznacheniya nakazaniya do osvobozhdeniya ot ego otbyvaniya [Improvement of the mechanism of application of compulsory medical measures connected with punishments without isolation from society: from sentencing to release from serving it]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2020, no. 5, pp. 735–744.

5. Fattahov I. T. Nakazaniya, ogranichivayushchie lichnuyu svobodu osuzhdennogo. Diss. kand. yurid. nauk [Punishments restricting the personal freedom of the convicted person. Cand. jurid. sci. diss.]. Kazan', 2004. 230 p.

6. Bukreev V. V. Disciplinarnaya voinskaya chast': problemy naznacheniya i ispolneniya nakazaniya. Diss. kand. yurid. nauk [Disciplinary military unit: problems of appointment and execution of punishment. Cand. legal sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2004. 204 p.

7. Kuz'min A. G. Etapy konstitucionalizacii rossijskoj sudebnoj sistemy [Stages of constitutionalization of the Russian judicial system]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 63–71.

8. Gerasina Yu. A. Problemy naznacheniya i primeneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera ogranichenno vmenyaemomu licu [Problems of prescribing and applying compulsory medical measures to a limited sane person]. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii = Library of Criminal Law and Criminology*, 2013, no. 2 (2), pp. 38–42.

9. Savin A. A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera, soedinennye s nakazaniyami bez izolyacii ot obshchestva: obshchie nachala ih realizacii [Compulsory medical measures combined with punishments without isolation from society: general principles of their implementation]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2020, no. 1 (54), pp. 109–112.

10. Gurovich I. Ya. Napravleniya sovershenstvovaniya psihiatricheskoj pomoshchi [Directions of improvement of psychiatric care]. *Social'naya i klinicheskaya psihiatriya = Social and clinical psychiatry*, 2014, vol. 24, no. 1, pp. 5–9.

11. Veselovskaya A. V. Osobennosti prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera, soedinennyh s ispolneniem nakazaniya [Features of compulsory medical measures connected with the execution of punishment]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2019, no. 1 (38), pp. 9–15.

12. Rybakov A. A. Kontrol' za licami, uslovno-dosrochno osvobozhdennymi ot otbyvaniya nakazaniya. Diss. kand. yurid. nauk [Control over persons conditionally released from serving their sentence. Cand. legal sci. diss.]. Vladimir, 2015. 173 p.

13. Uslovnoe osuzhdenie k lisheniyu svobody: zakonodatel'naya reglamentaciya, praktika primeneniya i ispolneniya [Conditional sentence to imprisonment: legislative regulation, practice of application and execution]; ed. by S. V. Rastoropov. St. Petersburg, Yurid. centr Publ., 2017. 458 p.

14. Orlov V. N. Primenenie i otbyvanie ugolovnogo nakazaniya. Diss. dokt. yurid. nauk [Application and serving of criminal punishment. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 605 p.

15. Jong E. de, Bernasco W., Lammers M. J. Situational sorrelates of adolescent substance use: an improved test of the routine activity theory of deviant behavior. *Journal of Quantitative Criminology*, 2020, vol. 36, is. 1, pp. 823–850.

16. Zhinkin A. A. Nezakonnaya gospitalizaciya v medicinskuyu organizaciyu, okazyvayushchuyu psihiatricheskuyu pomoshch' v stacionarnyh usloviyah (st. 128 UK RF): nekotorye problemy kvalifikacii i zakonodatel'noj reglamentacii [Illegal hospitalization in a medical organization providing psychiatric care in inpatient conditions (Article 128 of the Criminal Code of the Russian Federation): some problems of qualification and legislative regulation]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2015, no. 4, pp. 82–85.

17. Argunova Yu. N. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnoe pomeshchenie v psihiatricheskij stacionar [Criminal liability for illegal placement in a psychiatric hospital]. *Nezavisimyj psihiatricheskij zhurnal = Independent Psychiatric Journal*, 2011, no. 4, pp. 36–42.

18. Yah'yaeva M. U. Nezakonnoe pomeshchenie v psihiatricheskij stacionar kak odin iz vidov lisheniya svobody v ugolovnom prave Rossii: ugolovno-pravovoj analiz [Illegal placement in a psychiatric hospital as one of the types of deprivation of liberty in the criminal law of Russia: criminal law analysis]. *Aktual'nye problemy prava. Materialy 4-j Mezhdunarodnoj nauch. konferencii* [Actual problems of law. Materials of the 4th International Scientific Conference]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2015, pp. 235–239.

19. Skiba A. P. Ispolnenie ugolovnyh nakazanij v otnoshenii bol'nyh osuzhdennyh: teoretiko-prikladnoe issledovanie. Diss. dokt. yurid. nauk [Execution of criminal penalties against sick convicts: theoretical and applied research. Dr. legal sci. diss.]. Ryazan', 2013. 521 p.

20. Shishkov S. N. Ispolnenie prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Execution of compulsory medical measures]. *Zakonnost' = Legality*, 2007, no. 6 (872), pp. 2–6.

Информация об авторе / Information about the Author

Ефремова Ирина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: efremova005@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0071-1999

Irina A. Efremova, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Criminal and Penitentiary Law, Saratov State Legal Academy, Saratov, Russian Federation,
e-mail: efremova005@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0071-1999

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-114-129

CC BY 4.0

Проблемы отбывания принудительных медицинских мер, соединенных с наказаниями без изоляции от общества

А. А. Савин[1] ✉

[1]Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России
ул. Большая Нижегородская 67Е, г. Владимир 600020, Российская Федерация

✉·e-mail: aasavin33@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Учитывая, что заболевания психики, как это принято считать, относятся к негативным факторам на пути развития общества, государство предпринимает небезрезультатные шаги по сдерживанию подобных заболеваний и одновременно избавляется от уже диагностированных случаев путем применения различных методик лечения и профилактики. Учитывая, что ежегодно меры уголовно-правового воздействия без изоляции от общества назначаются более чем в 70% случаев вынесенных обвинительных приговоров, вопрос соединения их с лечением лиц, у которых диагностировано психическое заболевание, просто необходимо. В научном сообществе неоднократно обсуждалось и выводы носили примерно одинаковый характер о том, что совершающее преступление лицо с большей долей вероятности обладает признаками «отклоняющегося» поведения, что говорит о нуждаемости в его, как минимум, диагностировании. Как уже неоднократно обсуждалось и, по сути, стало аксиомой – наличие заболевания психики у человека повышает вероятность совершения им противоправного деяния.*

Целью *исследования является формирование научных представлений о процессах соединения медицинских принудительных мер с безызоляционными наказаниями.*

Задачи*: изучение положений судебной практики; выявление проблем корреляции мер медицинского характера с наказаниями без изоляции от общества и их исполнение; формулирование предложений по разрешению указанных правовых пробелов.*

Методология*. В процессе работы над исследованием использовались как общенаучные методы (анализ, синтез), так и методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой).*

Результаты *исследования заключаются в предложении существенно дополнить теорию об институте принудительных медицинских мер в частности и мер уголовно-правового воздействия в целом.*

Выводы*. Проведенное исследование позволило нам утверждать о необходимости возложения обязанности на осужденное лицо, при наличии достаточных оснований, обязанности пройти лечение от психического заболевания. Кроме того, необходимо введение ответственности в уголовное законодательство за уклонение от исполнения такой обязанности, одновременно обозначая субъект контроля за исполнением.*

Ключевые слова: *принудительные меры медицинского характера; осуждение; корреляция; медицинское наблюдение; изоляция.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Савин А. А. Проблемы отбывания принудительных медицинских мер, соединенных с наказаниями без изоляции от общества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 114–129. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-114-129.

Поступила в редакцию 01.08.2021 Принята к публикации 09.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Савин А. А., 2021

Problems of Serving Compulsory Sentences Medical Measures Related to with Punishments Without Isolation from Society

Andrey A. Savin[1] ✉

[1]Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str. Vladimir 600020, Russian Federation

✉ e-mail: aasavin33@mail.ru

Abstract

Relevance. *Given that mental illnesses, as it is commonly believed, are negative factors in the development of society, the state takes not inconclusive steps to contain such diseases and at the same time gets rid of already diagnosed cases by applying various methods of treatment and prevention. Taking into account that every year measures of criminal-legal influence without isolation from society are prescribed in more than 70 % of cases of convictions, the question of combining them with the treatment of persons diagnosed with mental illness is simply necessary. In the scientific community, it has been repeatedly discussed and the conclusions were approximately the same that the person committing the crime is more likely to have signs of "deviant" behavior, which indicates that it is necessary to at least diagnose it. As has been repeatedly discussed and, in fact, has become an axiom – the presence of a mental illness in a person increases the likelihood of committing an illegal act.*

The purpose *of the study is to form scientific ideas about the processes of combining medical coercive measures with non-isolation punishments.*

Objectives*: to study the provisions of judicial practice; to identify the problems of correlation of medical measures with punishments without isolation from society and their implementation; to formulate proposals to resolve these legal gaps.*

Methodology. *In the process of working on the research, both general scientific methods (analysis, synthesis) and methods of legal science (formal legal, comparative legal) were used.*

The results *of the study are a proposal to significantly supplement the theory of the institution of compulsory medical measures in particular and criminal law measures in general.*

Conclusions. *The conducted research allowed us to assert that it is necessary to impose a duty on a convicted person, if there are sufficient grounds, to undergo treatment for a mental illness. In addition, it is necessary to introduce responsibility in the criminal law for evading the performance of such a duty, while at the same time designating the subject of control over the performance.*

Keywords: *compulsory medical measures; conviction; correlation; medical supervision; isolation.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Savin A. A. Problems of Serving Compulsory Sentences Medical Measures Related to with Punishments Without Isolation from Society. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 114–129. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-114-129.

Received 01.08.2021 Accepted 09.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Назначение меры уголовно-правового воздействия в связи с совершением преступления имеет определяющее значение при установлении характера последствий, предполагающих изменение правового положения лица. Последствия различаются в зависимости от назначенной меры воздействия. Виды и объем правоограничений достаточно разнообразны [1, с. 29–32], что и определяет индивидуализацию уголовной ответственности.

Наше краткое исследование затрагивает принудительные меры медицинского характера, которые, как неоднократно указывалось в научной литературе, являются мерами безопасности [2, с. 51].

Нами уже отмечено, и данный факт подтверждается научными исследованиями, – повышенная вероятность совершения противоправных деяний присутствует среди лиц, у которых диагностировано психическое заболевание [3, с. 24–29]. Принимая во внимание, что в настоящее время вопросы соединения принудительных мер медицинского характера с наказаниями без изоляции от общества законодательно слабо отрегулированы, анализируемый нами аспект затрагивает необходимость оценки объема правоограничений, возлагаемых на осужденного в период отбывания назначенной ему меры. Правоограничения представляют собой совокупность обязанностей, ограничений, запретов и предписаний, определяющих непосредственные условия течения назначаемой меры. Необходимо учитывать, что произвольное и несоразмерное ограничение прав гражданина недопустимо.

Рассматривая правоограничения лиц, к которым применены принудительные меры медицинского характера, соединенные с наказанием, не связанным с лишением свободы, в первую очередь следует подвергнуть анализу содержание положений гл. 15 УК РФ. При этом надо учитывать, что указанное соединение возможно лишь с медицинской мерой, предполагающей амбулаторное лечение. Здесь нельзя не упомянуть о том, что целью рассматриваемых медицинских мер является не только предупреждение совершения лицом новых деяний, что является юридической целью, но и излечение лица или улучшение его психического состояния как цель медицинская [4, с. 109–110]. Содержательную сторону такого вида лечения без круглосуточного медицинского наблюдения отражает приказ Минздрава России от 30 декабря 2015 г. № 1034н.

Правоограничения каждой меры уголовно-правового воздействия обусловлены ее режимом. В теории уголовного права под режимом такой меры, как правило, понимается правопорядок ее реализации, состоящий в соблюдении осужденным предписаний [5, с. 33–37]. Именно он и предусматривает изменение правового положения лица, к которому применена конкретная мера.

Методология

Для решения поставленных задач применялись как общенаучные методы (анализ, синтез), так и методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Методология настоящего исследования во многом базируется на таких общелогических методах, как анализ и синтез, что позволяет сравнивать и противопоставлять буквальное и системное толкование правовых актов. Используя их, автор провел детальный анализ проблематики, связанной с корреляцией принудительных мер медицинского характера и наказаний без изоляции от общества.

Формально-юридический метод исследования заключался в изучении российского законодательства и судебной практики, регулирующих правоотношения в исследуемой области, в результате чего и сделаны выводы о необходимости совершенствования законодательства.

Результаты и их обсуждение

Сущность принудительных мер медицинского характера состоит в применении лечения к лицам, страдающим психическими заболеваниями. Сам по себе факт совершения преступления не является нормой поведения и свидетельствует о наличии у лица признаков отклоняющегося поведения [6, с. 786–788], что часто говорит о наличии у него психической проблемы. Соблюдение обязанности по прохождению лечения со стороны осужденных представляет собой некую точку опоры, обеспечивающую достижение целей применяемой меры. Обязанность определяет поведение лица, формируя рамки дозволенного и обязующего в целях обеспечения ее соблюде-

ния. При ее реализации осужденные обязаны выполнять все предписания лечащего врача в рамках мероприятий и процедур, проводимых с ними.

В соответствии с ч. 1 ст. 26 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 при лечении в амбулаторных условиях, в зависимости от медицинских показаний, проводятся мероприятия по профилактике, диагностике, лечению, а также медицинской реабилитации и диспансерному наблюдению. Перечисленные мероприятия достаточно разнообразны и всесторонне направлены на решение задач для достижения единой цели.

Профилактика состоит в сохранении, укреплении здоровья человека и предупреждении заболеваний. Содержание приказа Минздрава России от 30 декабря 2015 г. № 1034н разъясняет, что она осуществляется в том числе медицинскими организациями через разработку и реализацию системы мер правового, экономического и социального характера.

Диагностика представляет собой проверку наличия или отсутствия заболевания путем проведения исследований пациента, которые могут быть различными и включать результаты опроса и осмотра лица, всевозможных лабораторных и иных исследований. Сбор данных проводится как до постановки диагноза, так и в период лечения после его диагностирования. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 102 УК РФ освидетельствование осужденного, к которому применена принудительная мера медицинского характера, проводится не реже одного раза в шесть месяцев, а при необходимости – и чаще. Оно осуществляется по результатам проведения диагностики и само по себе является также ее этапом.

В свою очередь, лечение состоит в применении методик устранения или облегчения проявлений болезни, предусматривающих проведение различных видов биологической терапии с применением психотропных веществ, шоковое лечение, витамины, диеты и т. д. В части рассматриваемого вида принудительной меры медицинского характера выделяют три основных вида такой терапии: купирующая – направленная на полное устранение проявлений заболевания и формирование стойкой ремиссии; корригирующая – при затяжном неврастеническом состоянии, расстройстве личности астенического круга с тенденцией к частым декомпенсациям, а также при ремиссиях со стойкими психопатоподобными изменениями; поддерживающая – нацеленная на стабилизацию состояния. Все виды терапии предусматривают медикаментозное лечение с применением лекарственных средств, разница состоит лишь в дозировке от большей к меньшей соответственно. В амбулаторных условиях лечение направлено на стабилизацию состояния лица, его улучшение и углубление ремиссионных проявлений.

Последний этап оказания психиатрической помощи в амбулаторных условиях – это медицинская реабилитация. Она заключается в полном или частичном восстановлении нарушенных, поддержке действующих, компенсации утраченных функций в процессе и после проведения лечения. Контроль за ведением здорового образа жизни, пресечение негативного влияния внешних и внутренних факторов, укрепление самоконтроля лица – все это является элементами реабилитации, которая проводится в период острой фазы заболевания. Нередко она состоит в проведении простых, на первый взгляд, бесед с психиатром, а также употреблении лекарственных препаратов.

Кроме того, как подчеркивается в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», реабилитация также направлена, в частности, на раннюю диагностику и профилактику заболевания, что в очередной раз свидетельствует о пересечении мероприятий, предполагаемых при амбулаторных условиях. Однако реабилитация лица без лечения все же предусмотрена, например,

при самостоятельном выходе лица из болезненного неврологического состояния.

Особое место в этой группе мероприятий занимает диспансерное наблюдение. Оно предполагает особый порядок наблюдения за пациентом, по сравнению с общим порядком амбулаторного лечения. В соответствии с п. 7 и 8 Порядка диспансерного наблюдения за лицами с психическими расстройствами и (или) расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ, утвержденного приказом Минздрава России от 30 декабря 2015 г. № 1034н, оно предполагает проведение ежемесячного осмотра пациентов в первый год наблюдения и ежеквартального углубленного медицинского осмотра.

Вместе с тем принудительность лечения в амбулаторных условиях нивелирует такие особенности в отношении лиц, чье состояние учеными часто определяется как ограниченная или уменьшенная вменяемость [7, с. 184], к которым применены анализируемые меры. В соответствии с п. 1.4 приказа Минздрава России № 133, МВД России № 269 от 30 апреля 1997 г. «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами», не реже одного раза в месяц должны обследоваться врачом-психиатром лица, находящиеся на амбулаторном принудительном наблюдении и лечении у психиатра, а также включенные в группу активного диспансерного наблюдения. Тем самым происходит некоторое уравнивание указанных групп лиц, что вполне логично ввиду уголовно-правового характера проводимого лечения.

Проведенный анализ основных направлений оказания психиатрической помощи показал, что они могут быть в значительной степени разнообразными по видам проводимых процедур: при проведении профилактики или реабилитации – даже явка на беседу с врачом по вызову, при диагностике – например, требование сдачи анализов, при лечении – строгое следование рецептам врача и употребление медикаментов. Вместе с тем строгое следование законным требованиям лечащего врача является важнейшим элементом достижения цели излечения или улучшения состояния пациента.

Участие в проведении процедур в рамках реализации указанных мероприятий является обязательным для осужденных, к которым применено принудительное лечение в амбулаторных условиях. Они, как мы видим, могут быть достаточно разнообразны и предусматривать не только непосредственно лечебные, но и другие процедуры, также являющиеся видами медицинской помощи. В свою очередь, уклонение от них является нарушением условий их назначения.

Таким образом, среди обязанностей, обусловленных назначением принудительных мер медицинского характера, следует выделить одну основную – соблюдение предписаний врача по лечению психического заболевания. Иные обязанности во всем их многообразии вытекают из указанного требования и являются обеспечивающими его.

Полученные сведения в очередной раз позволяют говорить о родстве принудительных мер медицинского характера с мерами уголовно-правового воздействия. Положения ст. 72.1, 82.1 УК РФ, ч. 3 ст. 18 УИК РФ, а также ст. 73 и 79 УК РФ в части, соответствующей обязанности при их применении, также указывают на необходимость следования предписаниям врача. Разница состоит лишь в том, что при применении указанных норм, как правило, используется формулировка «пройти курс лечения…».

Вместе с тем, исходя из медицинской терминологии, лечение является только частью оказываемой медицинской помощи, ее этапом, которому предшествует и который сопровождается и другими видами такой помощи. Несмотря на то, что в общем понимании лечение предполага-

ет применение комплекса мероприятий, охватываемых словосочетанием «медицинская помощь», использование термина «лечение» с юридических позиций искусственно зауживает объем обязанности, возлагаемой на осужденного. Этому способствует требование буквального толкования нормы права, которое в юридической литературе рекомендуется истолковывать в точном соответствии со смыслом и словооборотами, использованными законодателем [8, с. 194]. Согласно такому подходу мы должны обратиться к законодательству в области охраны здоровья, которое, в свою очередь, указывает на лечение как на вид медицинской помощи, а не как на ее совокупность в многообразии применяемых мероприятий.

Кроме того, применение только лечения не может показать высокий уровень эффективности без применения других составляющих медицинской помощи. В связи с этим полагаем, что применение формулировки «соблюдение предписаний врача по лечению» является более терминологически верным, чем словосочетание «пройти курс лечения…». Отсылка к врачу позволяет учитывать особенности конкретного заболевания, особенности проводимого курса лечения, реабилитации и профилактики, а также диагностики по результатам применяемых мер.

Однако простого провозглашения обязанности недостаточно, она должна быть надлежащим образом снабжена средствами ее реализации и обеспечения. Одним из таких средств могут выступать другие обязанности, возложенные в рамках приговора суда.

Все основные наказания, по нашему мнению, должны быть наделены возможностью соединения с принудительными мерами медицинского характера [9, с. 109–112]. Сама по себе принудительная мера медицинского характера не предусматривает других обязанностей, кроме указанной выше, вместе с тем соединение ее с уголовными наказаниями, не связанными с лишением свободы, предполагает возможности реализации их в целях обеспечения достижения поставленных целей. Безызоляционные наказания, в частности условное осуждение, являются самыми часто применяемыми в отечественном уголовном законодательстве, эффективность которых очевидна, что неоднократно отражалось в научных трудах [10, с. 3].

В соответствии с положениями ст. 45 УК РФ, законодатель предусмотрел возможность соединения наказаний путем одновременного их применения, тем самым происходит пересечение правоограничений, предусмотренных наказаниями [11, с. 45–49]. Аналогичным образом соединяется с ними и принудительная мера медицинского характера в соответствии с ч. 1 ст. 104 УК РФ. В таком случае исполнение этой меры неразрывно связано с назначенным наказанием.

Следуя данной логике, обязанность осужденных, обусловленная назначением принудительных мер медицинского характера, сама по себе не может быть реализована, она связана с требованиями, предъявляемыми к осужденным в связи с назначением уголовных наказаний. Такое совмещение обязанностей предусмотрено в рамках исполнения, например, наказания в виде лишения свободы. В соответствии с ч. 1 ст. 116 УИК РФ уклонение от исполнения рассматриваемых медицинских мер является злостным нарушением порядка отбывания наказания, и за такое нарушение предусмотрена ответственность в виде применения мер взыскания на основании ст. 115 УИК РФ. Такой механизм распространяется и на меры обязательного лечения, закрепленные положениями ч. 3 ст. 18 УИК РФ, также в рамках ч. 1 ст. 116 УИК РФ.

Однако рассматриваемые нами наказания, альтернативные изоляции от общества, не предусматривают такой механизм обеспечения при соединении принудительных мер медицинского характера, что,

на наш взгляд, является пробелом в законодательстве. Исполнение предписаний, обусловленных обязанностью соблюдения предписаний врача по лечению психического заболевания, не отражается на отбывании основного наказания и не влияет на него никаким образом. Вместе с тем нарушение одной меры уголовно-правового воздействия, по нашему мнению, должно влиять и на реализацию другой меры. Этот вопрос становится более актуальным при соединении наказания и принудительной меры медицинского характера в связи с совершением одного преступления, что существенно не отражается и при сложении наказаний или приговоров.

В связи с этим необходимо соотнести обязанности, предусмотренные уголовными наказаниями без изоляции от общества, с обязанностью, следующей из положений гл. 15 УК РФ.

Лица, которым назначена принудительная мера медицинского характера, не освобождаются от отбывания наказания и на них распространяется вся совокупность предписаний, предусмотренных в отношении осужденных. По общему правилу предписания дифференцируются на общие, которые распространяются на всех осужденных, и специальные, закрепляющие суть конкретной меры уголовно-правового воздействия. Соответственно, и выбор варианта разрешения поставленного вопроса зависит от выбора места закрепления предписания по соблюдению рассматриваемых медицинских мер.

Общие предписания содержатся в положениях ст. 11 УИК РФ, предусматривающей общий перечень обязанностей всех категорий осужденных. Их анализ позволяет говорить о справедливости, но одновременно и размытости обязанностей: как правило, они имеют общий характер. Такой особенностью обладают большинство обязанностей.

Так, относительно соблюдения общегражданских обязанностей, норм поведения, требований санитарии и гигиены, а также требований федерального законодательства и соответствующих ему нормативных правовых актов отметим, что осуждение к наказанию не освобождает лицо от общепринятых норм поведения в обществе, которые несколько ограничены нормами уголовного законодательства. Такие требования особенно актуальны в отношении лиц, осужденных к реальному лишению свободы, хотя их соблюдение распространяется и на осужденных к наказаниям без изоляции от общества.

Другие две обязанности: выполнять законные требования представителей учреждений и органов, исполняющих назначенные наказания, и вежливое отношение к другим лицам – являются производными от указанных обязанностей. Говоря о первой обязанности, отметим, что требования представителей учреждений и органов, исполняющих наказания, должны быть основаны на законе, а осужденные не должны подвергаться жестокому обращению для того, чтобы добиться от осужденного тех или иных действий [12, с. 45]. Вторая обязанность – вежливо относиться к другим лицам – также является важной ввиду того, что она приобщает к нормам общежития: обязанностью осужденных выступает проявление вежливого отношения к сотрудникам уголовно-исполнительной инспекции, другим осужденным, иному персоналу учреждения, лицам, посещающим уголовно-исполнительные инспекции. В свою очередь, они имеют право на подобное обращение и к себе.

Лишь одна обязанность имеет указание на недопустимость конкретных действий – обязанность явки по вызову субъекта исполнения наказания и дачи объяснений по вопросам отбывания наказания. При этом регламентирована и ответственность при неявке в виде принудительного привода. Вместе с тем такой уровень ответственности выглядит сомнительным, скорее она представляет собой восстановление в положении.

Контроль за исполнением рассматриваемых требований, носящих обязательный характер, лежит на всех субъектах исполнения назначенного наказания.

Следующей группой обязанностей являются специальные обязанности. В отношении каждой меры уголовно-правового воздействия они отдельны, обладают специальным характером и направлены на достижение целей уголовных наказаний, предусмотренных ч. 2 ст. 43 УК РФ. Вместе с тем все наказания имеют свою персональную платформу, определяющую их идентификацию, которая состоит в персональном наборе правоограничений.

Каждое наказание имеет одно основное правоограничение, которое дополняется другими, имеющими второстепенное значение. Так, уголовное наказание в виде штрафа состоит в наказании, выраженном в необходимости выплатить фиксированную денежную сумму по приговору суда; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью состоит в наложении ограничений занимать государственные должности, должности в органах местного самоуправления, заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью, т. е. в правоограничениях, содержащих в отдельных случаях свои особенности; обязательные работы подразумевают выполнение бесплатных общественно полезных работ в свободное от основной работы или учебы время, что предполагает свободу реализации конституционного права на труд по постоянному месту работы и принудительность вступления в иные отношения, обладающие свойствами трудовых, однако на безвозмездной основе, что является основной особенностью данного наказания и т. д.

Таким образом, разрешение поставленного вопроса возможно двумя путями – в рамках общих или специальных обязанностей. Ввиду того, что обозначенная проблема имеет отношение ко всем наказаниям, целесообразным, на наш взгляд, является закрепление рассматриваемого предписания в рамках общих обязанностей.

Кроме того, о целесообразности такого подхода говорят и особенности самих наказаний в части обязанностей, предусмотренных ими. Анализ положений законодательства, регламентирующего назначение и исполнение перечисленных наказаний, свидетельствует об их существенной и порой принципиальной разнице, отражающейся на законодательном и правоприменительном уровнях. Так, одни наказания одномоментны или краткосрочны, другие, наоборот, имеют длительный срок исполнения, содержание одних предполагает условие отбывания наказания и ответственность, другие – нет и т. д. Это отражается на возможностях и карательном потенциале наказаний.

Кроме перечисленных обязанностей, ст. 11 УИК РФ устанавливает ответственность за нарушение законных требований учреждений и органов, исполняющих наказания, а также за неисполнение осужденными возложенных на них обязанностей (ч. 6). Требования и обязанности в первую очередь вытекают из содержания непосредственно самих наказаний, в связи с чем их и называют специальными.

Вместе с тем уголовное законодательство иногда не предусматривает существенных форм и видов ответственности в отношении осужденных, нарушивших указанные предписания, что не позволяет в должной мере реализовываться соответствующей норме права. Если к осужденным, находящимся в исправительных учреждениях, к которым в случае нарушения наложенных на них определенных обязательств может быть применено взыскание в соответствии с правилами внутреннего распорядка, то в отношении лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, применение кардинальных мер фактически невозможно, т. к. положения уголовного и уголовно-исполнительного законодательства

и соответствующих инструкций, регулирующих исполнение наказаний без изоляции от общества, не предусматривают возможности адекватной реакции на нарушение вышеуказанных общих обязанностей.

Между тем такая реакция необходима. На проблему соединения наказания и иных мер уголовно-правового характера указывает и И. В. Дворянсков [13, с. 29–35]. В связи с этим предлагаем кратко проанализировать промежуточный вариант, предусматривающий закрепление предписания по соблюдению условий исполнения принудительных мер медицинского характера в рамках ст. 11 УИК РФ и в перечне обязанностей отдельных наказаний, обеспечивающих режим их отбывания. Такой подход позволит всесторонне подойти к решению выявленной проблемы, о чем уже указывалось учеными [14, с. 65-72].

Аналогичные подходы применяются в действующем законодательстве. Так, в отношении осужденных к ограничению свободы законодатель предусмотрел возможность привлечения к ответственности в пределах назначенного наказания путем возможности его замены более строгим наказанием, а также в качестве состава преступления (ч. 1 ст. 314 УК РФ). Учитывая такой подход, полагаем целесообразным воспользоваться им и дифференцировать аналогичным образом.

Во-первых, учитывая общее направление положений ст. 11 УИК РФ, предлагаем закрепить в них обязанность осужденных соблюдать условия исполнения и отбывания принудительных мер медицинского характера. Вместе с тем рассмотренные положения данной статьи не предусматривают требование по соблюдению условий назначенных наказаний, что, на наш взгляд, также не является корректным. Учитывая результаты анализа содержания мер уголовно-правового воздействия, полученные в ходе рассмотрения принудительных мер медицинского характера, предлагаем применить термин «меры уголовно-правового характера» и ввести предписание в рамках ст. 11 УИК РФ.

Во-вторых, в случае соединения принудительных мер медицинского характера с обязательными работами, исправительными работами и ограничением свободы предлагаем регламентировать эту обязанность в положениях об этих наказаниях. Анализ перечисленных норм показывает, что данный вопрос должен решаться всесторонне путем закрепления соответствующей обязанности, а в случае ее нарушения – признания осужденного злостным нарушителем.

В-третьих, осужденные к таким наказаниям, как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничение по военной службе, должны подлежать ответственности в пределах Особенной части УК РФ. Такая норма в настоящее время закреплена в ч. 3 ст. 314 УК РФ, однако она ограниченного действия, распространяется только в отношении страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости.

Вместе с тем вопросы ответственности за нарушение предложенных нами обязанностей и совершения деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 314 УК РФ, в обозначенном контексте относится к аспекту реализации ответственности рассматриваемой категории лиц. Такой подход позволит учитывать нарушения примененной дополнительной меры уголовно-правового воздействия при отбывании основного наказания, т. е. всесторонне оценивать степень исправления осужденного.

Следует также поднять вопрос о соотношении основного и дополнительного наказаний, которые также исполняются независимо друг от друга. Учитывая, что это не относится к предмету настоящего краткого исследования, мы лишь акцентируем на нем внимание научной общественности.

Кроме обозначенной проблемы, в контексте рассмотрения условий отбывания принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказаний без изоляции от общества, также следует обратиться и к вопросу о деятельности субъекта их исполнения. Он является неотъемлемой стороной режима назначенной уголовно-правовой стороны – важной составляющей процесса реализации решения суда. Даже наличие уголовного закона, казалось бы, вообще без изъянов не будет гарантом его идеального практического применения. На эту проблему еще в прошлом столетии указывал М. И. Ковалев, подчеркивавший, что не даст должного эффекта наличие хорошей правовой и судебной системы без хорошо организованной структуры по исполнению судебных решений и приговоров [15, с. 7]. Применительно к предмету настоящего исследования приведем мнение профессора Г. В. Назаренко, который отмечает ряд пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве, касающихся регулирования вопросов исполнения принудительных мер медицинского характера [16, с. 166].

Результатом исполняемого решения суда является совокупность мероприятий в виде контроля за его исполнением осужденным и одновременно за исполнением возложенных на него обязанностей по прохождению принудительных мер медицинского характера. Совокупность норм УК РФ (ст. 102) и УИК РФ (ст. 18) определяют субъектом исполнения судебного решения при назначении рассматриваемых мер Федеральную службу исполнения наказаний в зависимости от вида назначенного наказания. Исполнителем так называемых изоляционных наказаний являются подразделения, исполняющие наказания, связанные с изоляцией от общества [17, с. 127]. В свою очередь, исполнением основной группы наказаний, альтернативных лишению свободы, занимаются уголовно-исполнительные инспекции, сущность деятельности которых, по мнению Н. С. Малолеткиной, заключается в применении мер, по результатам реализации которых можно судить об особенностях объекта их наблюдения и оценке его соответствия предъявляемым требованиям [18, с. 19].

Статья 1 Постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» (с учетом изменений от 20 февраля 1999 г. № 199, от 28 марта 2010 г. № 190 и от 23 апреля 2012 г. № 360) гласит, что уголовно-исполнительные инспекции осуществляют исполнение наказаний в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества, и меры пресечения в виде домашнего ареста. Однако отсутствие в этой норме указания на исполнение ряда других мер уголовно-правового воздействия не означает отсутствия таковых полномочий. В частности, среди указанных мер, исполнение которых на основании ст. 4 Постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 входит в перечень задач уголовно-исполнительных инспекций, названы обязательные и исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, а также условное осуждение, отсрочка отбывания наказания без указания ее конкретного вида. Вместе с тем п. «г» вышеуказанной статьи предусматривает возможность и иных задач в соответствии с отечественным законодательством. Именно данным пунктом и предполагается возможность реализации положений ч. 2.1 ст. 102 УК РФ в отношении лиц, страдающих педофилией и подлежащих освобождению из мест лишения свободы, а также ст. 104 УК РФ в части соединения принудительных медицинских мер с безызоляционными наказаниями.

Деятельность уголовно-исполнительных инспекций на сегодняшний день достаточно хорошо законодательно регла-

ментирована [19, с. 37]. Однако она имеет и существенные недостатки, связанные как с пробелами и противоречиями в правовом регулировании некоторых вопросов, так и с фактической неурегулированностью отдельных вопросов.

Так, до недавнего времени отсутствовала инструкция, регулирующая вопросы исполнения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. Напомним, положения о ней были введены в действующее законодательство в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, но соответствующая инструкция была утверждена лишь приказом Минюста России № 169, Минздрава России № 425н от 7 июля 2015 г. Аналогично и в части уголовно-процессуальной меры в виде домашнего ареста: обязанность на уголовно-исполнительные инспекции по контролю за данной категорией лиц была возложена Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2012 г. № 360, а инструкция была принята приказом Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11 февраля 2016 г. Схожая проблема наблюдалась и относительно наказания в виде ограничения свободы – Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ и приказ Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258. Отметим, что до настоящего времени также отсутствует инструкция по исполнению положений ст. 72.1 УК РФ, введенной в соответствии с Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ и предусматривающей лечение от наркомании с прохождением курса медицинской и социальной реабилитации при осуждении к ряду наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Во всех случаях отмечаем продолжительный отрезок времени, прошедший с момента введения норм до появления инструкций по их исполнению.

В настоящее время схожая проблема наблюдается и в отношении исполнения принудительных мер медицинского характера: приказ, который утверждал бы соответствующую инструкцию, отсутствует. Это порождает множество трудностей в практической деятельности уголовно-исполнительных инспекций, граничащих с нарушением прав и законных интересов лиц, к которым применены рассматриваемые меры. Таких нарушений выявляется, на наш взгляд, непростительно много для государственной структуры, призванной, помимо прочего, обеспечивать права и законные интересы граждан. Так, за 2017 г. было внесено 3 597 актов прокурорского реагирования на выявленные нарушения деятельности, привлечено к ответственности 1 046 сотрудников, в 2016 г. – 3 322 и 1 101, в 2015 г. – 3 331 и 1 203. Подчеркнем, что за 2018, 2019 и 2020 гг. данные сведения были исключены из отчетности, в результате чего установить их количественные показатели не представилось возможным, что, кстати, в очередной раз актуализирует вышеуказанную проблему.

Кроме того, отсутствие инструкции может повлечь не только нарушение законности, это негативно сказывается и на эффективности достижения целей рассматриваемой меры, что способно повлечь обесценивание уголовно-правовых норм. В конечном итоге это может стать одной из составляющих фундамента недовольства общества деятельностью органов государственной власти.

Анализ правоприменительной практики деятельности уголовно-исполнительных инспекций показывает, что те редкие случаи исполнения принудительных мер медицинского характера, фиксируемые отчетностью, исполняются уполномоченными органами аналогично смежным подходам: за основу, как правило, берутся отсрочка отбывания наказания больным наркоманией и условное осуждение.

В такой ситуации сотрудники уголовно-исполнительных инспекций фактически самостоятельно проводят мероприятия, предусматривающие контроль за данной категорией лиц (поведение, ле-

чение, соблюдение правопослушного образа жизни и т. д.). Несмотря на востребованность подобных мероприятий основания их проведения остаются неурегулированными с правовой точки зрения, что нередко может привести к совершению преступлений, предусмотренных, в частности, ст. 285 и 286 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями, их превышение.

В связи с этим является необходимым разработать инструкцию, регламентирующую порядок исполнения принудительных мер медицинского характера, что можно сделать двумя способами: дополнить уже действующую инструкцию или принять самостоятельную.

Первый вариант – дополнить уже действующую инструкцию главой – уже неоднократно применялся при регламентации деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Так, при введении в действие уголовного наказания в виде обязательных работ положения инструкции были размещены во вновь принятом приказе Минюста России от 12 апреля 2005 г. № 38 «Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества», регламентировавшем на тот момент исполнение ряда уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества.

Второй вариант – принятие самостоятельной инструкции – также применялся в части деятельности органа, исполняющего принудительные меры медицинского характера. После введения в законодательство положений об ограничении свободы был принят приказ Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258, регламентирующий исполнение уголовно-исполнительной инспекцией данного вида уголовного наказания.

Итак, объективно оценивая существующую ситуацию, оба варианта могут быть применены на равных началах. Вместе с тем полагаем наиболее целесообразной дифференциацию вопросов, рассматриваемых в нормативных актах, по наиболее важным направлениям. Так, нам не в полной мере ясен принцип, согласно которому положения инструкции об ограничении свободы не были введены в приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142, сменивший вышеуказанный приказ Минюста России от 12 апреля 2005 г. № 38, как это было ранее сделано в отношении положений об обязательных работах. Считаем, что подобное объединение способствует централизации не только вопросов нормативного регулирования, но и организационных вопросов.

В свою очередь, положения об отсрочке исполнения наказания наркозависимым лицам находятся в отдельном приказе обоснованно – в связи с изданием Минюстом России совместного приказа с Минздравом России, что и является главной причиной их самостоятельности относительно положений о других мерах уголовно-правового воздействия. Невозможно внести подобные дополнения совместным приказом в приказ одного ведомства, в данном случае Минюста России. В связи с вышеизложенным полагаем целесообразной разработку Минюстом России и Минздравом России совместной инструкции, регламентирующей порядок исполнения принудительных мер медицинского характера. Как совершенно справедливо отмечается в юридической литературе, деятельность правоохранительных органов должна быть основана на взаимодействии с психиатрической службой [20, с. 103].

При принятии решения о выборе варианта следует учитывать схожесть прохождения медицинских процедур в рассматриваемом нами случае с ситуацией,

связанной с больными наркоманией (приказ Минюста России № 169, Минздрава России № 425н от 7 июля 2015 г.). Они регулируют применение к осужденным мер медицинского характера, разница состоит лишь в непосредственных мерах, что обусловлено видом заболевания. В целом же осуществляемые контрольные процедуры в значительной степени схожи.

В связи с этим концентрация положений об исполнении положений ст. 82.1 и гл. 15 УК РФ должна быть осуществлена в рамках разных глав одного приказа, что будет иметь позитивные последствия в части координации действий непосредственных субъектов исполнения мер уголовно-правового воздействия. Однако даже без учета проведения исследования по вопросу отсутствия инструкции по исполнению уголовно-исполнительными инспекциями положений ст. 72.1 УК РФ, основываясь на полученных заключениях, смеем предположить, что такая инструкция также должна быть совместной, разработанной Минюстом России и Минздравом России.

Выводы

Завершая наше исследование, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, обязанности осужденных, к которым применены принудительные меры медицинского характера, представляют собой совокупность требований, предъявляемых к осужденным и направленных на излечение заболеваний или улучшение состояние лица. Эти обязанности включают в себя совокупность требований по выполнению мероприятий, связанных с оказанием психиатрической помощи, включая профилактику, диагностику, лечение, а также медицинскую реабилитацию и диспансерное наблюдение. Их совокупная оценка позволяет объединить их в одну обязанность – соблюдение предписаний врача по лечению, что дает возможность учитывать особенности конкретного заболевания и принимаемых мер.

Во-вторых, анализ вопросов реализации вышеуказанной обязанности позволил установить проблемы соотношения ее с обязанностями, предусмотренными наказаниями без изоляции от общества, в частности отсутствие такой связи, в результате чего было установлено следующее: нарушение условий отбывания одной меры уголовно-правового характера не влияет на течение другой, что является пробелом законодательства. В целях его устранения необходимо внесение соответствующих изменений в Уголовно-исполнительный кодекс, в частности в ст. 11, 26, 40, 50 и 58, а также в ч. 3 ст. 314 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В-третьих, в связи с рассмотрением условий отбывания принудительных мер медицинского характера встал вопрос об их исполнении уполномоченными органами. В результате его изучения нами была выявлена проблема отсутствия нормативного акта, регулирующего деятельность субъектов исполнения анализируемых мер – уголовно-исполнительных инспекций, что негативно отражается как на их применении, так и исполнении. Рассмотрев возможные варианты разрешения выявленной проблемы, нами предлагается соответствующее дополнение приказа Минюста России № 169, Минздрава России № 425н от 7 июля 2015 г., регулирующего порядок осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными в установленном порядке больными наркоманией, что обусловлено схожестью проявлений заболеваний и, соответственно, применяемых медицинских процедур.

Список литературы

1. Звонов А. В. Система ограничений и лишений, предусмотренных отечественными уголовными наказаниями // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 2. С. 29–32.

2. Назаренко Г. В. Принудительные меры медицинского характера. М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2003. 174 с.

3. Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1987. 206 с.

4. Попкова Е. А. Принудительные меры медицинского характера, применяемые к психически больным: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. 227 с.

5. Салахова В. Б., Еняшина Н. Г., Романова А. В. Проблема девиантного поведения в современном обществе // Власть. 2016. № 11. С. 33–37.

6. Сербский В. П. Законодательство о душевнобольных // Невропатология и психиатрия им. С. С. Корсакова. 1905. № 5. С. 786–788.

7. Ольховик Н. В. Изменение непенитенциарного режима // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 184–189.

8. Тихонова С. С. Юридическая техника в уголовном праве. Н. Новгород: Деком, 2008. 243 с.

9. Савин А. А. Принудительные меры медицинского характера, соединенные с наказаниями без изоляции от общества: общие начала их реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 109–112.

10. Скобелин С. Ю. Условное осуждение: криминологический и уголовно-исполнительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2003. 19 с.

11. Звонов А. В. Механизм взаимодействия системы уголовных наказаний: теоретические и практические вопросы соотношения основного и дополнительного наказания // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 1(15). С. 45–49.

12. Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. Я. Гришко; науч. ред. С. Я. Лебедев. М.: Илекса, 2006. 686 с.

13. Дворянсков И. В. Уклонение от отбывания наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества: основания и виды ответственности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 5(216). С. 29–35.

14. Котов В. П., Мальцева М. М., Полубинская С. В. Правовые проблемы исполнения принудительных мер медицинского характера // Российский психиатрический журнал. 2012. № 5. С. 65–72.

15. Ковалев М. И. К вопросу об эффективности уголовного законодательства // Проблемы эффективности уголовного закона. Вып. 37. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1975. С. 7.

16. Назаренко Г. В. Регламентация принудительных мер медицинского характера // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 21, № 2(71). С. 164–168.

17. Савин А. А. Проблемы правовой урегулированности исполнения принудительных мер медицинского характера без изоляции от общества // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 4(49). С. 127–130.

18. Малолеткина Н. С. Условное осуждение – форма реализации уголовной ответственности: проблемы сущности и исполнения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 22 с.

19. Расторопов С. В., Звонов А. В., Пичугин С. А. Условное осуждение: законодательная регламентация и практика применения: монография / под общ. ред. С. В. Расторопова. М.: Юрлитинформ, 2013. 296 с.

20. Федорова Е. А. Предупреждение совершения новых деяний (преступлений) как цель применения принудительных мер медицинского характера // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-2. С. 102–104.

References

1. Zvonov A. V. Sistema ogranichenij i lishenij, predusmotrennyh otechestvennymi ugolovnymi nakazaniyami [The system of restrictions and deprivations provided for by domestic criminal penalties]. *Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Legal Academy*, 2017, no. 2, pp. 29–32.

2. Nazarenko G. V. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera [Compulsory medical measures]. Moscow, Akad. nar. hoz-va pri Pravitel'stve Ros. Federacii Publ., Delo Publ., 2003. 174 p.

3. Antonyan Yu. M., Borodin S. V. Prestupnost' i psihicheskie anomalii [Crime and mental abnormalities]; ed. by V. N. Kudryavcev. Moscow, Nauka Publ., 1987. 206 p.

4. Popkova E. A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera, primenyaemye k psihicheski bol'nym: ugolovno-pravovoj i ugolovno-ispolnitel'nyj aspekty. Diss. kand. yurid. nauk [Compulsory medical measures applied to the mentally ill: criminal-legal and criminal-executive aspects. Cand. legal sci. diss.]. Krasnoyarsk, 2005. 227 p.

5. Salahova V. B., Enyashina N. G., Romanova A. V. Problema deviantnogo povedeniya v sovremennom obshchestve [The problem of deviant behavior in modern society]. *Vlast' = Power*, 2016, no. 11, pp. 33–37.

6. Serbskij V. P. Zakonodatel'stvo o dushevnobol'nyh [Legislation on the mentally ill]. *Nevropatologiya i psihiatriya im. S. S. Korsakova = S. S. Korsakov Neuropathology and Psychiatry*, 1905, no. 5, pp. 786–788.

7. Ol'hovik N. V. Izmenenie nepenitenciarnogo rezhima [Changing the non-penitentiary regime]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2015, no. 400, pp. 184–189.

8. Tihonova S. S. Yuridicheskaya tekhnika v ugolovnom prave [Legal technique in criminal law]. Nizhnii Novgorod, Dekom Publ., 2008. 243 p.

9. Savin A. A. Prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera, soedinennye s nakazaniyami bez izolyacii ot obshchestva: obshchie nachala ih realizacii [Compulsory medical measures combined with punishments without isolation from society: general principles of their implementation]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2020, no. 1(54), pp. 109–112.

10. Skobelin S. Yu. Uslovnoe osuzhdenie: kriminologicheskij i ugolovno-ispolnitel'nyj aspekty. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Conditional sentence: criminological and penal aspects. Cand. legal sci. abstract diss.]. Krasnoyarsk, 2003. 19 p.

11. Zvonov A. V. Mekhanizm vzaimodejstviya sistemy ugolovnyh nakazanij: teoreticheskie i prakticheskie voprosy sootnosheniya osnovnogo i dopolnitel'nogo nakazaniya [The mechanism of interaction of the system of criminal penalties: theoretical and practical issues of the ratio of the main and additional punishment]. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya = Crime investigation: problems and solutions*, 2017, no. 1(15), pp. 45–49.

12. Postatejnyj uchebnyj kommentarij k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii [Article-by-article educational commentary to the Penal Code of the Russian Federation]; ed. by A. Ya. Grishko; nauch. red. S. Ya. Lebedev. Moscow, Ileksa Publ., 2006. 686 p.

13. Dvoryanskov I. V. Uklonenie ot otbyvaniya nakazanij i inyh mer ugolovno-pravovogo haraktera, ne svyazannyh s izolyaciej ot obshchestva: osnovaniya i vidy otvetstvennosti [Evasion from serving punishments and other measures of a criminal nature not related to isolation from society: grounds and types of responsibility]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy = Sheets of the penal enforcement system*, 2020, no. 5(216), pp. 29–35.

14. Kotov V. P., Mal'ceva M. M., Polubinskaya S. V. Pravovye problemy ispolneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Legal problems of enforcement of compulsory medical measures]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal = Russian Psychiatric Journal*, 2012, no. 5, pp. 65–72.

15. Kovalev M. I. K voprosu ob effektivnosti ugolovnogo zakonodatel'stva [On the question of the effectiveness of criminal legislation]. Problemy effektivnosti ugolovnogo zakona [Problems of the effectiveness of criminal law]. Sverdlovsk, Sverdl. yurid. in-t Publ., 1975, is. 37, pp. 7.

16. Nazarenko G. V. Reglamentaciya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Regulation of compulsory medical measures]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2017, vol. 21, no. 2(71), pp. 164–168.

17. Savin A. A. Problemy pravovoj uregulirovannosti ispolneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera bez izolyacii ot obshchestva [Problems of legal regulation of the execution of compulsory medical measures without isolation from society]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2018, no. 4(49), pp. 127–130.

18. Maloletkina N. S. Uslovnoe osuzhdenie – forma realizacii ugolovnoj otvetstvennosti: problemy sushchnosti i ispolneniya. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Conditional conviction – a form of realization of criminal responsibility: problems of essence and execution. Cand. legal sci. abstract diss.]. Chelyabinsk, 2011. 22 p.

19. Rastoropov S. V., Zvonov A. V., Pichugin S. A. Uslovnoe osuzhdenie: zakonodatel'naya reglamentaciya i praktika primeneniya [Conditional sentence: legislative regulation and practice of application]; ed. by S. V. Rastoropov. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 296 p.

20. Fedorova E. A. Preduprezhdenie sovershenia novyh deyanij (prestuplenij) kak cel' primeneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera [Prevention of the commission of new acts (crimes) as the purpose of applying compulsory medical measures]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami = Actual problems of combating crimes and other offenses*, 2017, no. 17-2, pp. 102–104.

Информация об авторе / Information about the Author

Савин Андрей Александрович, старший преподаватель кафедры публично-правовых дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Владимир, Российская Федерация,
e-mail: Aasavin33@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-8576-1196

Andrey A. Savin, Senior Lecturer of the Department of Public Law Disciplines, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russian Federation,
e-mail: Aasavin33@mail.ru,
ORCID 0000-0002-8576-1196

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-130-140

CC BY 4.0

Состязательный характер уголовного процесса: проблемные аспекты

А. В. Гриненко[1], Д.О. Чистилина[2] ✉

[1]Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
проспект Вернадского 76, г. Москва 119454, Российская Федерация

[2]Юго-Западный государственный университет
50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Резюме

Актуальность *исследования обусловлена имеющимися противоречиями между теоретической моделью состязательности и практикой реализации ее в уголовном процессе. Законодательная регламентация данного принципа не позволяет утверждать, что он эффективен в ходе практической деятельности.*

Целью *является рассмотрение действия принципа состязательности на различных стадиях уголовного процесса, а также теоретических концепций укрепления состязательности в уголовном процессе.*

Задачами *исследования являются: ретроспективное исследование реализации принципа состязательности в уголовном процессе России, рассмотрение различных подходов к определению состязательности, анализ предложений по укреплению состязательности в уголовном процессе.*

Методология. *Методологической основой исследования является метод диалектического научного познания, а также системный подход к рассматриваемой проблеме, исторический метод, формально-логический метод и др.*

Результаты. *Были выявлены сильные и слабые стороны состязательного уголовного процесса, рассмотрена возможность введения адвокатского расследования, возрождения института следственных судей, создания специального аппарата суда для обеспечения независимости судей.*

Вывод. *Существующая уголовно-процессуальная система долгое время формировалась в условиях авторитарной государственной власти, что наложило свой отпечаток на действие принципа состязательности в уголовном процессе России. Его проявление в большей степени на стадии судебного разбирательства обусловлено наличием независимого субъекта в виде судьи, который может обеспечить равные возможности для стороны обвинения и защиты по участию в рассмотрении уголовного дела. Не содержится концептуального противоречия принципу состязательности и в том, что председательствующий может действовать активно ввиду возложения на него законом ответственности за правосудность приговора. На досудебных стадиях подобного независимого органа нет, хотя он необходим для объективного установления всех обстоятельств произошедшего.*

Ключевые слова: *состязательность; равноправие сторон; председательствующий; судебное разбирательство; адвокатское расследование; следственный судья.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Гриненко А. В., Чистилина Д.О. Состязательный характер уголовного процесса: проблемные аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 130–140. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-130-140.

Поступила в редакцию 19.08.2021 Принята к публикации 20.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Гриненко А. В., Чистилина Д. О., 2021

The Aadversarial Nature of the Criminal Procedure: Problematic Aspects

Aleksandr V. Grinenko[1], Daria O. Chistilina[2] ✉

[1]Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-University)
76 Vernadsky Avenue, Moscow 119454, Russian Federation

[2]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: darya-chistilina@yandex.ru

Abstract

The relevance *of the research is due to the existing contradictions between the theoretical model of adversarial nature and the practice of its implementation in the criminal procedure of Russia. The legislative regulation of this principle does not allow us to say that it is effective in the course of practical activity.*

The purpose *of the research is to consider the operation of the principle of adversarial nature at various stages of the criminal procedure, as well as the theoretical concepts of its strengthening in the criminal procedure.*

The objectives *of the research: to conduct a retrospective research of the implementation of the principle of competition in the criminal procedure of Russia, to consider various approaches to the definition of competition, to analyze proposals for strengthening competition in the criminal procedure of Russia.*

Methodology. *Methodological basis of research is a general scientific dialectical method as a method of scientific knowledge; a systematic approach to the problem, historical method, formal-logical method, etc.*

Results. *The strengths and weaknesses of the adversarial criminal procedure were identified, the possibility of introducing a lawyer's investigation, reviving the institute of investigative judges, creating a special court apparatus to ensure the independence of judges was considered.*

Conclusion. *The existing criminal procedure system has long been formed in the conditions of authoritarian state power, which has left its mark on the operation of the principle of competition in the criminal procedure of Russia. Its manifestation to a greater extent at the trial stage is due to the presence only at this stage of an independent subject in the form of a judge, who can provide equal opportunities for the prosecution and the defense to participate in the consideration of a criminal case. In addition, there is no conceptual contradiction to the principle of competition in the fact that the presiding judge can act actively because the law imposes on him responsibility for the justice of the sentence. At the pre-trial stages, there is no such independent body, although it is necessary for the objective establishment of all the circumstances of the incident.*

Keywords: *adversarial nature; equality of the parties; presiding judge; trial; lawyer's investigation; investigating judge.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Grinenko A. V., Chistilina D. O. The Aadversarial Nature of the Criminal Procedure: Problematic Aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 130–140. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-130-140.

Received 19.08.2021 Accepted 20.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Уголовный процесс современной России принадлежит к смешанному типу. Сочетание инквизиционных, частно-исковых и состязательных начал обусловлено развитием правовой системы и телеологической изменчивостью назначения уголовного процесса. Сохранение элементов всех исторически сложившихся типов уголовного процесса позволяет

выстроить уголовно-процессуальную деятельность в соответствии с потребностями государства, общества и отдельной личности. Однако в ст. 15 УПК РФ закреплен принцип состязательности, который без каких-либо ограничений должен распространяться на все стадии уголовного процесса.

Парадокс заключается в том, что при регламентации формальной состязательности у сторон фактически нет правовых возможностей равноправного участия в уголовно-процессуальной деятельности. Причем данное утверждение касается как стороны защиты, так и отдельных участников стороны обвинения (потерпевший). Данное обстоятельство не дает в полной мере утверждать, что российский уголовный процесс построен на состязательности и равноправии сторон.

Безусловно, состязательность в большей степени проявляется на стадии судебного разбирательства, которая является одной из ключевых стадий уголовного процесса, ибо именно в ее рамках разрешается основной вопрос о невиновности или виновности подсудимого. Однако и здесь возникает большое количество вопросов, требующих разрешения.

Камнем преткновения является и реализация принципа состязательности в ходе судебного разбирательства, и степень активности суда, а также его независимость, и равные возможности сторон по участию в доказывании и т. д.

На теоретическом уровне существуют конкретные решения данных вопросов, однако они требуют тщательного осмысления и значительного реформирования всей уголовно-процессуальной системы [1, с. 136–140].

Методология

Методологической основой исследования является диалектический метод научного познания, с помощью которого была проанализирована взаимосвязь теоретического и практического подходов к состязательности в уголовном процессе.

Кроме того, для достижения цели исследования были использованы системный подход к рассматриваемым проблемам; исторический метод, позволивший проследить развитие состязательности в уголовном процессе России в различные периоды времени; формально-логический метод, состоящий в толковании содержания правовых норм, регламентирующих уголовное судопроизводства на основе состязательных начал и т. д.

Примененная методология исследования позволила выявить основные проблемы на теоретическом и практическом уровнях, а также внести предложения по совершенствованию уголовно-процессуальной системы в части укрепления состязательности в уголовном процессе России.

Результаты и их обсуждение

Состязательный уголовный процесс в России складывался на протяжении нескольких десятилетий. Инквизиционный и частно-исковой типы уголовного процесса, которые предшествовали ему, значительным образом повлияли на современную российскую состязательность. Во многих странах уголовный процесс построен по состязательному типу, однако в России он приобретает уникальный характер. Состязательность предполагает четкое разделение процессуальных функций сторон с пассивной ролью суда, основной задачей которого является разрешение уголовно-правового спора. Состязательный тип процесса присущ странам с демократическим политическим режимом, где господствует право и высшей ценностью является человек, его права и законные интересы.

Исторически состязательность не сразу вошла в российский уголовный процесс, однако ее зачатки прослеживаются еще с древних времен. Такие исторические памятники российского права, как «Русская Правда», Новгородская судная грамота, включали положения о

беспристрастности суда и содействии государства в судебных делах.

В XVI в. суд в ходе судебного разбирательства стал иметь больший вес за счет расширения полномочий судей, которые могли фактически предлагать для рассмотрения свою версию произошедшего, что приводило к смешению процессуальных функций обвинения и разрешения дела по существу и сосредоточению их в руках одного органа. Безусловно, такое положение дел значительно ограничивало состязательность в уголовном процессе. Фактически, государство имело неограниченные возможности по осуществлению доказывания и применению мер процессуального принуждения. У сторон, имеющих личный интерес в деле, не было рычагов воздействия на ход расследования и судебного разбирательства.

Однако Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. была установлена состязательность как основной принцип построения уголовного процесса. Теперь уже стороны стали движущей силой судопроизводства, имея возможность представлять суду доказательства, участвовать в допросе свидетелей и высказывать свою позицию в ходе прений сторон.

В советский период состязательность формально сохранилась на стадии судебного разбирательства, но отсутствовала на стадии предварительного расследования [2, с. 222–228]. М. С. Строгович, в свою очередь, считал, что принципы состязательности, независимости судей, права обвиняемого на защиту выражают социалистический демократизм советского уголовного судопроизводства, их не обесценивает то, что в буржуазном законодательстве о судопроизводстве записаны внешние сходные правовые положения [3, с. 154].

На современном этапе состязательность, являющаяся принципом построения всего уголовного процесса, все же в большей степени проявляется на стадии судебного разбирательства, где у сторон, особенно у стороны защиты, появляются реальные правовые возможности по отстаиванию своих прав и законных интересов, а также ни одна из сторон не имеет явного процессуального преимущества. Безусловно, сторона защиты вправе ходатайствовать перед стороной обвинения о проведении следственных действий и на досудебных стадиях, но обязанность удовлетворять такое ходатайство законодательно не закреплена [4, с. 12–14]. Конечно, органы расследования не хотят, чтобы в их деятельность вмешивались, тем более разрушали их версию произошедшего, поэтому довольно редко идут навстречу защитнику или обвиняемому. Из этого следует, что сторона защиты имеет достаточно широкий круг прав, но не имеет ни разумных механизмов их реализации, ни реальных правовых гарантий, что лишает обвиняемого права на качественную и полноценную защиту [5, с. 139–141].

О необходимости предоставления возможности защитнику полноценно участвовать в доказывании путем собирания и предоставления доказательств напрямую, а не через органы расследования, писал еще Е. Г. Мартынчик. Он считал адвокатуру институтом гражданского общества и гарантом конституционных прав на квалифицированную юридическую помощь и на защиту по уголовным делам. Ограничение прав защитника в процессе доказывания является некорректным и приводит к дисбалансу правовых возможностей стороны обвинения и защиты, что особенно проявляется на досудебных стадиях уголовного процесса. Возможность проведения адвокатом самостоятельного расследования в ходе всех стадий уголовного процесса может значительным образом повлиять на выводы суда в приговоре.

Таким образом, возможность проявления активности и самостоятельности защитником в ходе установления обстоятельств произошедшего должна быть предоставлена ему не только в ходе судебного разбирательства, но и в ходе до-

судебных стадий уголовного процесса даже в большей степени [6, с. 145–161].

Таким образом, вполне можно согласиться с определением состязательности, представленным У. С. Рябининой и Е. А. Черниковой, которые выделяют такие ее основные черты, как реализация состязательных начал в ходе всего уголовного процесса или отдельных его стадий, а также равенство процессуальных статусов органов уголовного преследования и обвиняемого [7, с. 187–189], что, безусловно, является справедливым, т. к. отражает основную сущность состязательного типа процесса.

Однако дискуссии в научной среде вызывает не только равенство прав сторон, но и степень активности председательствующего в ходе судебного разбирательства.

М. С. Строгович [3, с. 165–170], Ю. К. Орлов [8, с. 10–15], С. А. Насонов [9, с. 1468–1473], С. А. Шейфер [10, с. 14–22] уверены, что принцип состязательности предполагает активность суда в процессе доказывания, таким образом суд направляет исследование дела в сторону, способствующую объективному, полному и всестороннему исследованию всех обстоятельств дела. При этом суд не должен становиться локомотивом процесса и проявлять чрезмерную инициативу в установлении обстоятельств произошедшего. Состязательный тип процесса предполагает, что именно стороны должны быть движущей силой уголовного процесса. Суд не должен брать на себя функцию стороны обвинения и устанавливать доказательства, уличающие подсудимого. Напротив, ему следует дать понять сторонам, что они должны рассчитывать на собственные силы при собирании доказательств. Суд может только восполнять усилия сторон, когда стороны не могут, не умеют или не желают использовать свои права и возможности [11, с. 3–11].

По мнению А. М. Баранова, «реально существующий процесс – всегда компромисс между идеальной состязательностью и идеальной публичностью, между возможностями и желанием личности проявлять активность по отстаиванию своих интересов и способностью государства уступить свои полномочия личности» [12, с. 44–52].

Однако на практике это довольно сложно реализовать, ибо сторона обвинения, как правило, имеет фактическое преимущество перед стороной защиты как минимум в средствах доказывания, располагая достаточно широким инструментарием и кадровыми ресурсами в виде различных вспомогательных органов. Задача суда должна заключаться именно в уравнивании правовых возможностей сторон в состязательном процессе. В этом смысле интересно видение состязательности Л. Ф. Шумиловой, которая определяет ее основную сущность в конкуренции сторон, активно отстаивающих свою правовую позицию, что позволит исключить одностороннее влияние на исход уголовного дела, с активной ролью суда, который будет не только разрешать уголовно-правовой спор, но и руководить процессом [13, с. 55].

Состязательность позволяет защитить участников процесса от произвола правоохранительных органов и свободно аргументировать свою позицию в суде сторонам, что в итоге должно гарантировать привлечение к ответственности действительно виновных в совершении преступления. Именно выдвинутое обвинение должно являться предметом судебного разбирательства и создавать условия для спора сторон [14, с. 25–29].

Однако стоит отметить, что при внешнем равенстве прав сторон у стороны защиты все же недостаточно ресурсов для полноценного участия в доказывании, а это, конечно, в некоторой степени компенсируется помощью суда как государственного органа (например, при направлении запросов), но не в полной мере уравнивает процессуальные возможности сторон.

В соответствии с ч. 4 ст. 88 УПК РФ, судья по собственной инициативе либо

по ходатайству сторон исключает из уголовного дела доказательства, недопустимость которых выявилась в ходе судебного разбирательства, что является достаточно важным фактором, позволяющим исследовать все обстоятельства произошедшего объективно. В связи с чем можно прийти к выводу о том, что суд должен не только следить за порядком в ходе судебного разбирательства и обеспечивать равенство прав сторон, но и может осуществлять активные действия по доказыванию в ходе судебного следствия, позволяющие устранить для себя неясности и противоречия, что вполне вписывается в содержание принципа состязательности сторон.

При этом именно стороны должны проявлять активность в ходе судебного разбирательства, а не ждать ее проявления от суда. Именно стороны прежде всего заинтересованы в определенном исходе дела, поэтому либо в силу закона, либо в силу личной заинтересованности они должны быть движущей силой уголовного процесса [15, с. 52–56].

Суду же следует разрешить уголовно-правовой спор на основе объективности, беспристрастности, независимости и законности, что не исключает принятие им самостоятельного решения в рамках закона. Возможность в некоторой степени проявлять активность без подмены одной из сторон обусловлена возложенной на суд обязанностью постановления обоснованного, законного и справедливого приговора, поэтому не содержит явного противоречия принципу состязательности [16, с. 144–149].

Однако, на наш взгляд, необходимо сохранять объективный подход к состязательности, не допуская ее переоценки (более характерно для современного периода) или недооценку (более характерно для советского периода). Безусловно, «чистой» состязательности нет ни на практике, ни в уголовно-процессуальном законодательстве. Ее глубинная сущность все же заключается не в том, что каждая сторона устанавливает «свою часть истины», а в том, что таким образом обеспечивается возможность выражать и отстаивать свои интересы участникам уголовного судопроизводства, что соответствует толкованию данного принципа Европейским судом по правам человека [17, с. 101–106].

Полномочия суда не могут быть делегированы иным участникам уголовного судопроизводства. Самостоятельность и независимость судебной власти выражается в отсутствии какой-либо заинтересованности в исходе уголовного дела [18, с. 376–385]. Именно поэтому очень важно, чтобы суд не был связан позициями сторон, особенно стороны обвинения, с чьим мнением он знакомится в первую очередь, читая итоговый обвинительный документ предварительного расследования.

В юридической литературе имеется предложение, чтобы сторона защиты в противовес обвинительному заключению выдвигала заключение защитительное [19, с. 26–31]. Мы в целом не против того, чтобы защита имела возможность довести до сведения суда свою позицию в развернутом виде. Вместе с тем несколько смущает само название – защитительное заключение, ведь заключение относится к процессуальным документам властно-распорядительного характера. Поэтому можно было бы предложить предоставить стороне защиты возможность предоставлять письменные возражения на обвинительное заключение, в котором приводить развернутые доводы в пользу защиты.

В теории существует несколько предложений по реформированию существующей уголовно-процессуальной системы для обеспечения независимости и беспристрастности судей, а также обеспечения реальной состязательности в ходе всего процесса.

1. Необходимо обеспечить реальную независимость судей даже от председателей судов, которые не должны оказывать

на них влияние при принятии решения по уголовному делу. Существует предложение о создании независимого органа в структуре Судебного департамента РФ, который не будет подчинен председателям судов и судьям, но при этом станет обеспечивать исполнение судьями их основной функции по разрешению уголовного дела по существу. Ограждение судей от негативного влияния своим авторитетом председателей судов и более опытных судей только поспособствует справедливому судебному разбирательству [20, с. 213–218].

2. Введение адвокатских проверок, что позволит расширить возможности стороны защиты по участию в доказывании.

3. Кардинальным предложением видится возрождение института следственных судей, который будет обеспечивать объективность проведенного расследования. Основными ее достоинствами станет повышение гарантий проведения объективного предварительного расследования, обеспечение реальной возможности защитникам проводить параллельное адвокатское расследование без вмешательства правоохранительных структур, а также преодоление формализма в ходе уголовного процесса [21, с. 9–14]. Однако у данной концепции существует ряд слабых мест, начиная от организационных проблем (рассредоточенность собранных доказательств) и заканчивая ущемлением прав других участников уголовного процесса (например, потерпевший также должен иметь определенный ресурс для собирания и предоставления доказательств самостоятельно) [22, с. 319–324].

Идея возрождения института следственных судей сама по себе неплоха, однако она вызывает необходимость коренных преобразований всей уголовно-процессуальной системы, требующих комплексного подхода к реформированию и создания четкого механизма его функционирования.

Существующие предложения по совершенствованию уголовно-процессуальной системы и укреплению принципа состязательности, безусловно, заслуживают внимания со стороны научного сообщества и законодателя, однако требуют тщательной проработки в плане механизма их реализации.

Выводы

Таким образом, на основании проведенного исследования особенностей проявления состязательности в российском уголовном процессе можно сделать следующие выводы:

1. Состязательный тип уголовного процесса в России исторически развивался в условиях влияния сильной, в некоторые периоды авторитарной, государственной власти, что не давало возможности проявить весь его потенциал. Укрепление принципа состязательности происходило постепенно, причем этот процесс продолжается до сих пор.

2. Существование принципа состязательности в уголовном процессе предоставляет равные правовые возможности сторонам по участию в доказывании и представлению собственных интересов. Основной проблемой является в большей степени реализация данного принципа и непонимание со стороны правоприменителя механизма его действия, в связи с чем возникают разного рода конфликты на практике, которые пока не имеют разрешения. Отсутствие четкого правового механизма реализации состязательности на досудебных стадиях не позволяет развиваться российскому уголовному процессу в сторону укрепления начал справедливости и объективности.

3. Предложения по совершенствованию уголовно-процессуальной системы для обеспечения состязательности существуют на теоретическом уровне, однако основным их недостатком является отсутствие комплексного подхода к реформированию уголовно-процессуальной деятельности либо неосуществимость в рамках нашей модели уголовного процесса.

Список литературы

1. Козявин А. А., Чистилина Д. О. Перспективы развития взаимодействия институтов гражданского общества и уголовного судопроизводства // Известия Юго-Западного государственного университета. 2015. № 1. С. 136–144.

2. Петракова С. А. Эволюция состязательности (на примере уголовного процесса) // Пенитенциарная наука. 2019. № 2. С. 222–228.

3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.

4. Чеботарева И. Н. Средства и способы участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Мировой судья. 2011. № 9. С. 12–14.

5. Мальцагов И. Д., Саидов М. Х. Проблемы принципа состязательности в уголовном процессе // Закон и право. 2020. № 11. С. 139–141.

6. Мартынчик Е. Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М.: Юрист, 2009. 257 с.

7. Рябинина У. С., Черникова Е. А. Проблемы принципа состязательности в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 187–189.

8. Орлов Ю. К. Состязательное судопроизводство и концепция юридической истины // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2(37). С. 10–15.

9. Насонов С. А. Актуальные проблемы судебного следствия в суде присяжных и подходы к их разрешению // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1468 –1473.

10. Шейфер С. А. Требуют ли принцип состязательности и положения ч. 3 ст. 86 УПК создания новой теории доказательств? // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных статей / под ред. В. А. Лазаревой. Самара: Самар. гос. ун-т, 2007. С. 14–22.

11. Дорошков В. В. Мировоззренческие подходы к состязательности в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2019. № 7. С. 3–11.

12. Баранов А. М. Состязательность в российском уголовном процессе: желаемое и действительность // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 44–52.

13. Шумилова Л. Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 55.

14. Шамсутдинов Р. К. Состязательность сторон в уголовном процессе – основа правосудия // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2013. № 2. С. 25–29.

15. Юношев С. В. О соотношении права обвиняемого на квалифицированную юридическую помощь и права на защиту // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 2 (33). С. 52–56.

16. Рябинина Т. К. Взгляды З. З. Зинатуллина на проблемы отправления правосудия и функций суда в различных стадиях уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2018. № 1. С. 144–149.

17. Свиридов М. К. Задача установления истины и средства ее достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 101–106.

18. Луценко П. А. Формы реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве в контексте процессуального статуса суда как участника уголовного процесса // Пенитенциарная наука. 2019. № 3. С. 376–385.

19. Маслова М. В. Судебное следствие и деятельность защитника по доказыванию // Российский судья. 2016. № 2. С. 26–31.

20. Остапенко Е. П. Правовой статус судьи и эффективность правосудия // Общество и право. 2010. № 5(32). С. 213–218.

21. Смирнов А. В. Институт следственных судей – конституционное требование? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 9–14.

22. Головко Л. В. Следственные судьи или очередной раунд «американизации» российского уголовного процесса? // Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н. А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 319–324.

References

1. Kozyavin A. A., Chistilina D. O. Perspektivy razvitiya vzaimodejstviya institutov grazhdanskogo obshchestva i ugolovnogo sudoproizvodstva [Prospects for the development of interaction between civil society institutions and criminal procedure]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2015, no. 1, pp. 136–144.

2. Petrakova S. A. Evolyuciya sostyazatel'nosti (na primere ugolovnogo processa) [The evolution of competition (on the example of a criminal proceedings)]. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary science*, 2019, no. 2, pp. 222–228.

3. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa: Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo processa [The course of the Soviet criminal procedure: The main provisions of the science of the Soviet criminal procedure]. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1. 470 p.

4. Chebotareva I. N. Sredstva i sposoby uchastiya advokata-zashchitnika v dokazyvanii po ugolovnym delam [Means and methods of participation of a defense lawyer in proving criminal cases]. *Mirovoj sud'ya = Justice of the Peace,* 2011, no. 9, pp. 12–14.

5. Mal'cagov I. D., Saidov M. H. Problems of the adversarial principle in criminal proceedings. *Zakon i pravo = Law and law,* 2020, no.11, pp. 139–141.

6. Martynchik E.G. Advokatskoe rassledovanie v ugolovnom processe. Teoretiko-metodologicheskie osnovy doktriny advokatskogo rassledovaniya [Lawyer investigation in criminal proceedings. Theoretical and methodological foundations of the doctrine of lawyer investigation]. Moscow, Yurist Publ., 2009. 257 p.

7. Ryabinina U. S., Chernikova E. A. Problemy principa sostyazatel'nosti v ugolovnom processe [Problems of the adversarial principle in criminal proceedings]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation,* 2016, no. 7, pp. 187–189.

8. Orlov Yu. K. Sostyazatel'noe sudoproizvodstvo i koncepciya yuridicheskoj istiny [Adversarial proceedings and the concept of legal truth]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2016, no. 2(37), pp. 10–15.

9. Nasonov S. A. Aktual'nye problemy sudebnogo sledstviya v sude prisyazhnyh i podhody k ih razresheniyu [Actual problems of judicial investigation in the jury trial and approaches to their resolution]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law,* 2014, no. 7, pp. 1468–1473.

10. Shejfer S. A. Trebuyut li princip sostyazatel'nosti i polozheniya ch. 3 st. 86 UPK sozdaniya novoj teorii dokazatel'stv? [Do the adversarial principle and the provisions of Part 3 of Article 86 of the CPC require the creation of a new theory of evidence?]. *Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo processa Rossii. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej* [Actual problems of the modern criminal process in Russia. Interuniversity collection of scientific articles]; ed. by V. A. Lazareva. Samara, Samara St. Univ. Publ., 2007, pp. 14–22.

11. Doroshkov V. V. Mirovozzrencheskie podhody k sostyazatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve [Ideological approaches to competition in criminal proceedings]. *Mirovoj sud'ya = Justice of the Peace,* 2019, no. 7, pp. 3–11.

12. Baranov A. M. Sostyazatel'nost' v rossijskom ugolovnom processe: zhelaemoe i dejstvitel'nost' [Adversarial nature in Russian criminal proceedings: wishful thinking and reality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right,* 2019, no. 34, pp. 44–52.

13. Shumilova L. F. Principy sostyazatel'nosti i ob"ektivnoj istiny kak fundamental'nye nachala pravoprimenitel'noj praktiki [Principy sostyazatel'nosti i ob"ektivnoj istiny kak fundamental'nye nachala pravoprimenitel'noj praktiki]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law,* 2005, no. 11, pp. 55.

14. Shamsutdinov R. K. Sostyazatel'nost' storon v ugolovnom processe – osnova pravosudiya [Principles of competition and objective truth as fundamental principles of law enforcement practice]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2013, no. 2, pp. 25–29.

15. Yunoshev S. V. O sootnoshenii prava obvinyaemogo na kvalificirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' i prava na zashchitu [On the relationship between the right of the accused to qualified legal assistance and the right to defense]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Vector of science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2018, no. 2 (33), pp. 52–56.

16. Ryabinina T. K. Vzglyady Z. Z. Zinatullina na problemy otpravleniya pravosudiya i funkcij suda v razlichnyh stadiyah ugolovnogo processa [Z. Z. Zinatullin's views on the problems of the administration of justice and the functions of the court at various stages of the criminal proceedings]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law Series,* 2018, no. 1, pp. 144–149.

17. Sviridov M. K. Zadacha ustanovleniya istiny i sredstva ee dostizheniya v ugolovnom processe [The task of establishing the truth and the means to achieve it in criminal proceedings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right,* 2013, no. 2 (8), pp. 101–106.

18. Lucenko P. A. Formy realizacii sudebnoj vlasti v ugolovnom sudoproizvodstve v kontekste processual'nogo statusa suda kak uchastnika ugolovnogo processa [Forms of the exercise of judicial power in criminal proceedings in the context of the procedural status of the court as a participant in criminal proceedings]. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary science,* 2019, no. 3, pp. 376–385.

19. Maslova M. V. Sudebnoe sledstvie i deyatel'nost' zashchitnika po dokazyvaniyu [Judicial investigation and the activity of the defense lawyer on proving]. *Rossijskij sud'ya = Russian judge*, 2016, no. 2, pp. 26–31.

20. Ostapenko E. P. Pravovoj status sud'i i effektivnost' pravosudiya [The legal status of a judge and the effectiveness of justice]. *Obshchestvo i pravo = Society and law,* 2010, no. 5(32), pp. 213–218.

21. Smirnov A. V. Institut sledstvennyh sudej – konstitucionnoe trebovanie? [The revival of the institute of investigative judges in the Russian criminal procedure]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal proceedings*, 2015, no. 2, pp. 9–14.

22. Golovko L. V. Sledstvennye sud'i ili ocherednoj raund "amerikanizacii" rossijskogo ugolovnogo processa? [Investigative judges or another round of "Americanization" of the Russian criminal procedure?]. *Apparat vlasti sledstvennoj* [The apparatus of the investigative power]; ed. by N. A. Kolokolov. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016, pp. 319–324.

Информация об авторах / Information about the Authors

Гриненко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: avgrinenko2@mail.ru

Чистилина Дарья Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: darya-chistilina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0115-8876

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-University), Moscow, Russian Federation,
e-mail: avgrinenko2@mail.ru

Daria O. Chistilina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: darya-chistilina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-0115-8876

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-141-154

(cc) BY 4.0

Отказ от субъективного права как проявление диспозитивности в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность

И. Н. Чеботарева[1], О. С. Пашутина[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет,
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Отказ от субъективного права как форма проявления диспозитивности – новая для российской уголовно-процессуальной доктрины категория, исследование которой невозможно без тщательного осмысления предпосылок ее возникновения с учетом конкретных исторических условий. Изучение эволюции законодательного регулирования отказа от субъективного права позволяет проследить, насколько шагов вперед продвинулся российский законодатель на пути предоставления участникам уголовного судопроизводства возможности защищать свои права и интересы, какой корректировки требует современное состояние уголовного судопроизводства.*

Целью *исследования является получение знаний об этапах зарождения феномена отказа от субъективного права, создании теоретических предпосылок для дальнейшего исследования его правовой природы, форм и способов осуществления, совершенствования механизма правового регулирования.*

Задачи: *на основе анализа положений уголовно-процессуального закона советского и постсоветского периода исследовать процесс зарождения отказа от субъективного права в уголовном процессе России, выявить влияние политических и социально-экономических преобразований на его развитие.*

Методология. *Методологической основой исследования являются положения общенаучного диалектического метода познания окружающей действительности в ее связи и взаимодействии, общенаучный системный подход. В процессе работы использовались формально-юридический, исторический методы.*

Результаты. *Уголовный процесс современной России, в отличие от существовавшего ранее, строится в соответствии с конституционным положением о приоритете прав личности. Феномен отказа от субъективного права занимает важное место в системе гарантий обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.*

Вывод. *Коренные преобразования, произошедшие в России в конце прошлого столетия в политической и общественной жизни, естественным образом сказались на всей правовой системе, в том числе оказали большое влияние на сферу уголовного судопроизводства. Диспозитивность стала одной из ключевых правовых идей, а отказ от субъективного права как форма ее проявления занял должное место в системе регулирования уголовно-процессуальных отношений.*

Ключевые слова: *отказ; субъективное право; диспозитивность; права; законные интересы; уголовное судопроизводство.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование*: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.*

Для цитирования: Чеботарева И. Н., Пашутина О. С. Отказ от субъективного права как проявление диспозитивности в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 141–154. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-141-154.

Поступила в редакцию 20.08.2021 Принята к публикации 22.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Чеботарева И. Н., Пашутина О. С. 2021

Rejection of Subjective Law as a Manifestation of Dispositivity in Domestic Criminal Proceedings: History and Modernity

Irina N. Chebotareva [1], Olesya S. Pashutina[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The rejection of subjective law as a form of manifestation of dispositivity is a new category for the Russian criminal procedure doctrine, the study of which is impossible without a thorough understanding of the prerequisites for its occurrence, taking into account specific historical conditions. The study of the evolution of the legislative regulation of the rejection of subjective law allows us to trace how many steps forward the Russian legislator has made on the way to providing participants in criminal proceedings with the opportunity to protect their rights and interests, what adjustments the current state of criminal proceedings requires.*

The purpose *of the research is to gain knowledge about the stages of the origin of the phenomenon of rejection of subjective law, the creation of theoretical prerequisites for further research of its legal nature, forms and methods of implementation, the development of improving the mechanism of legal regulation.*

Objectives: *based on the analysis of the provisions of the criminal procedure law of the Soviet and post-Soviet period, to investigate the process of the origin of the rejection of subjective law in the criminal process of Russia, to identify the impact of political and socio-economic transformations on its development.*

Methodology. *The methodological basis of the research is the provisions of the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality in its connection and interaction, the general scientific system approach. In the course of the work, formal legal and historical methods were used.*

Results. *The criminal process of modern Russia, unlike the one that existed earlier, is built in accordance with the constitutional provision on the priority of individual rights. The phenomenon of rejection of subjective law occupies an important place in the system of guarantees for ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings.*

Conclusion. *The fundamental transformations that took place in Russia at the end of the last century in political and public life naturally affected the entire legal system and, among other things, had a great impact on the sphere of criminal proceedings. Dispositivity has become one of the key legal ideas, and the rejection of subjective law, as a form of its manifestation, has taken its due place in the system of regulation of criminal procedural relations.*

Keywords: *rejection; subjective law; dispositivity; rights; legitimate interests; criminal proceedings.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding*: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00858.*

For citation: Chebotareva I. N., Pashutina O. S. Rejection of Subjective Law as a Manifestation of Dispositivity in Domestic Criminal Proceedings: History and Modernity. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 141–154. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-141-154.

Received 20.08.2021 Accepted 22.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

В настоящее время стремление Российской Федерации к построению демократических правовых институтов в сфере уголовного судопроизводства проявляется в усилении роли его диспозитивного начала, в установлении разумного подхода в соотношении публичных и

частных начал в уголовно-процессуальной деятельности.

По идеологическим причинам на всем протяжении советского периода уголовный процесс в нашей стране представлял собой исключительно сферу публичных интересов, в которой личности отводилась скромная роль, а в советской процессуальной литературе наличие диспозитивности первоначально вообще отрицалось не только в уголовном, но и в гражданском судопроизводстве [1]. Новый взгляд на отношение «государство – личность» появился в России в 90-х годах XX века, что было обусловлено началом формирования в стране правового государства и появлением концепции самоограничения публичной власти, расширения прав и свобод личности. В качестве инструмента разрешения конфликта между государством и личностью в уголовно-процессуальной сфере законодатель стал использовать расширение диспозитивных начал при производстве по уголовным делам. Участникам процесса, отстаивающим в деле свой признанный законом интерес (а именно на них в уголовно-процессуальной доктрине давно указывается как на субъектов, обладающих диспозитивными правомочиями [2; 3; 4]), стала предоставляться бóльшая возможность распоряжением предоставленных им прав.

Одним из проявлений диспозитивности в уголовном процессе является отказ от субъективного права – осознанный и мотивированный акт участника уголовного судопроизводства, не отягощенный внешним воздействием на мыслительный процесс принятия решения о нем, преобразующийся в конкретную форму поведения, выражение нежелания лица обладать и/или пользоваться принадлежащим ему социальным благом. Применительно к российской уголовно-процессуальной доктрине отказ от субъективного права – категория новая, которая ранее не была предметом пристального специального научного исследования, вследствие чего уяснение его природы как проявления диспозитивности и выявление предпосылок возникновения данного феномена представляют значимый научный интерес.

Методология

Методологической основой исследования выступил общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности в ее связи и взаимодействии. Диалектический взгляд на отказ от субъективного права позволил проанализировать развитие изучаемого феномена во временном измерении, обратить внимание на его обусловленность и взаимосвязь с политическими и социально-экономическими процессами, происходящими на различных исторических этапах нашего государства.

Использование общенаучного системного подхода, органически сочетающего в себе анализ и синтез, способствовало изучению понятийно-категориального аппарата, интеграции и систематизации относящегося к теме исследования собранного материала, познанию отказа от субъективного права с точки зрения его как проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве.

Формально-юридический метод применялся для обработки и анализа содержания норм уголовно-процессуального закона, как ранее действовавшего, так и действующего на сегодняшний день, регламентирующих перечень прав участников уголовного процесса, предоставляемых им для отстаивания собственных интересов.

Исторический метод применялся в качестве средства для точного понимания уголовно-процессуального закона в части, относящейся к теме исследования с

позиции его прошлого, а также с точки зрения его современного значения. Историческое познание феномена отказа от субъективного права как проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве позволило определить, что явилось предпосылками к его возникновению в определенных условиях социальной действительности, как менялось отношение к нему и каковы тенденции его дальнейшего развития.

Результаты и их обсуждение

Развитие и становление уголовного процесса в нашей стране имеет многовековую историю. На современном этапе развития России продолжается процесс построения правового государства, предполагающий поиск оптимальной модели соотношения публичных и частных интересов [5, с. 37], т. е. происходит дальнейшее переосмысление ценностей и содержания значительного количества механизмов правового регулирования и правовых институтов. Одно из главных направлений российской государственной политики – защита прав и свобод человека представляет собой и отправную точку конструирования законодателем современного российского уголовного судопроизводства, что заложено в ст. 2 Конституции РФ. Провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью – важнейшая сторона характеристики современной России как правового государства.

Применительно к сфере уголовного судопроизводства данный постулат раскрывается в следующих положениях. Первое – государство руководствуется приоритетностью обеспечения и защиты прав и свобод конкретного человека. Второе – оно гарантирует обеспечение и защиту прав участника уголовного процесса путем создания механизмов, реально обеспечивающих реализацию лицом своих прав, предупреждая их нарушение и надлежащим образом их восстанавливая в случае нарушения. Третье – должностные лица и государственные органы, осуществляющие производство по уголовному делу, обязаны разъяснять и обеспечивать права и свободы всех граждан, принимающих участие в их производстве.

Высшим целям, которые ставит перед собой государство, подчиняется вся уголовно-процессуальная деятельность.

В рамках уголовного судопроизводства придать осмысленность свободе человека позволяет правовая категория «диспозитивность» (от позднелат. *dispositivus* – распоряжающийся, от лат. *dispono* – располагаю, устраиваю), проявляющаяся в закрепленном (вытекающем) из смысла закона диспозитивном праве участника процесса, действующего в своих личных (защищаемых или представляемых) интересах. Диспозитивность – юридическая категория, которая характеризуется возможностью свободного распоряжения субъекта права его материальными и процессуальными правами [6, с. 39–40], т. е. видится в свободе его усмотрения в определении стратегии, тактики и выбора варианта поведения [7, с. 19]. При этом отметим, что в уголовно-процессуальной доктрине диспозитивность рассматривается большинством исследователей как принцип уголовного процесса [8, с. 367; 9, с. 61].

Нельзя не признать, что преобладание диспозитивности в правовой системе свойственно только зрелому, активному и ответственному гражданскому обществу и демократическому государству, построение которого невозможно без наличия первого. Стремление Российской Федерации к построению демократических правовых институтов проявляется в сфере уголовного судопроизводства в усилении роли его диспозитивного начала.

На протяжении длительного времени в советской процессуальной доктрине видение диспозитивности было обусловлено господствующей идеологией. Применительно к сфере уголовного судопроизводства это заключалось в тотальном огосударствлении процесса производства по делу, подмене интересов гражданского общества интересами государства. На высшем уровне признавалось верховенство государственной и общественной заинтересованности, превалирующей над интересами отдельной личности, а диспозитивность определялась как свобода распоряжения личностью своими материальными и процессуальными правами, но под контролем и при активной помощи суда, прокуратуры, других органов государства, общественных организаций и контроле суда [10, с. 9]. Но уголовное судопроизводство, в своей основе имеющее лишь публичные начала, не может в должной степени обеспечить защиту прав и законных интересов личности [11, с. 222].

Диспозитивность представляет собой сложное правовое явление, имеющее достаточно разнообразные проявления во всем процессе осуществления производства по уголовным делам [12, с. 104]. Феномен отказа от субъективного права как раз и представляет собой одно из проявлений диспозитивности современного уголовного судопроизводства, характеризуемого установлением разумного подхода в соотношении публичных и частных начал в уголовно-процессуальной деятельности. Отказ от субъективного права – новый для российской уголовно-процессуальной доктрины феномен, прошедший длительный и непростой путь своего исторического развития, что также было продиктовано тем, что не одно десятилетие в сфере уголовного судопроизводства личности отводилась скромная роль.

При диспозитивном регулировании субъект имеет возможность не только реализовать принадлежащее ему субъективное право, но также и воздержаться от его реализации (в противном случае право называлось бы обязанностью). Субъекты права свободны в совершении (или несовершении) действий, направленных на использование права, поскольку они находятся в рамках дозволенного поведения. Реализация субъективного права происходит путём совершения определённых действий либо воздержания от их совершения в целях получения материального или нематериального блага, по поводу которого возникло правоотношение.

Современный российский законодатель учитывает волеизъявление личности как возможность выбора того или иного поведения. Бесспорно, что данная возможность не есть произвольное и бесконтрольное распоряжение участником процесса своим правом. Как справедливо отмечалось в уголовно-процессуальной доктрине, право свободного выбора поведения находится в определенных уголовно-процессуальным законом границах, в черте которых его господство безусловно. Установление границ представляется обязательным, т. к. их отсутствие может привести к произволу [13, с. 4, 9]. Участник уголовного судопроизводства может реализовать или не реализовать принадлежащее ему право, выбрать способ его реализации, соответствующий своим интересам и возможностям и при этом выбрать любой вариант поведения, не противоречащий закону.

В настоящее время законодатель во многом полагается на мнение самих участников процесса в вопросах защиты ими своих прав и интересов. Но так было не всегда. В прошлом представители органов государственной власти при расследовании, рассмотрении и разрешении

уголовных дел должны были действовать, прежде всего, в целях охраны и защиты публичных интересов, независимо от волеизъявления частных лиц. Публичные начала уголовного судопроизводства советского периода – отражение социалистических идей в сфере осуществления правосудия по уголовным делам, игнорировавших права и интересы личности, вовлеченной в уголовно-процессуальные отношения. И хотя советские исследователи в середине прошлого века указывали на то, что в смысле «свободы распоряжения процессуальными средствами для отстаивания своих интересов и защиты прав» диспозитивность в уголовном процессе использовалась достаточно широко [14, с. 156], нельзя не признать, что с позиции современности ее применение в целом было сильно ограничено.

Произошедшие в 1917 г. изменения государственного и общественного строя естественным образом оказали влияние на правовую систему государства и юридическую науку. В число отвергнутых советской Россией положений вошел в том числе и приоритет интересов личности над государственными и общественными интересами [15, с. 134].

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР был принят 25 мая 1922 г. третьей сессией ВЦИК девятого созыва (далее – УПК 1922 г.) и представлял собой важнейший итог судебной реформы того периода[1]. Несмотря на то, что «построение» УПК 1922 г. на единой платформе с Уставом уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. способствовало тому, что некоторые закрепляемые им институты все же были основаны на диспозитивности, идеологическое видение диспозитивности своим последствием имело то, что в законе ярко проявлялась подмена интересов гражданского общества интересами государства.

Да, в нем нашел отражение старейший институт российского процессуального законодательства – институт частного обвинения, в основе которого лежит волеизъявление частного лица привлечь к уголовной ответственности своего обидчика [16, с. 155], от реализации которого он мог и отказаться. В соответствии со ст. 10 УПК 1922 г., дела о преступлениях, предусмотренных ст. 103, ч. 1 ст. 157, ст. 172, 173, 174, 175 Уголовного кодекса, возбуждались не иначе как по жалобе потерпевшего и подлежали прекращению в случае примирения (которое допускалось только до вступления приговора в силу) его с обвиняемым. Государство могло в дальнейшем вмешаться в частные дела, но только в случае, если прокуратурой было бы признано необходимым вступление в дело в целях охраны публичного интереса. Однако на тот момент участники уголовного судопроизводства не были в должной мере (в современном понимании) свободны в совершении (или несовершении) действий, направленных на использование права. Анализ положений УПК 1922 г. позволяет нам говорить о том, что законодатель предоставлял лицу, попавшему в сферу уголовного судопроизводства, возможность в ряде случаев отказаться от предоставленных ему субъективных прав (некоторые проявления отказа от субъективного права законодатель формулировал в виде отдельных прав участников процесса). В то же время перечень таких случаев был неширок и в должной мере не обеспечивал надлежащую защиту прав и законных интересов участника процесса.

От волеизъявления обвиняемого, в частности, зависело его ознакомление с

[1] Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с "Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р."): постановление ВЦИК от 25.05.1922. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 20.06.2021).

производством по делу по окончании предварительного следствия: учитывая, что данное право могло быть реализовано при наличии соответствующего ходатайства, незаявление участником процесса ходатайства, необходимого для реализации права, следует признать равноценным отказу от него (ст. 211). В качестве примера можно указать и возможность отказа участников уголовного судопроизводства обжаловать действия следователя, нарушающие или стесняющие их права (с. 216). Буквальное толкование закона позволяет говорить и о том, что подсудимый и его защитник с момента его назначения или допущения могли отказаться от права знакомиться с материалами дела и выписывать из него нужные сведения (ст. 256). Кроме того, при прямо выраженном согласии подсудимого допускалось слушание дела в его отсутствии по делам о преступлениях, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 6 месяцев, а также по делам, которые рассматривались народным судом с участием 6-ти народных заседателей (ст. 269).

Несмотря на то, что в нормах УПК 1922 г. не содержалось прямого указания на право участников процесса давать показания на родном языке, оно предполагалось. Так, например, в ст. 22 закреплялось положение о том, что производство по уголовным делам ведется на русском языке или на языке большинства населения конкретной местности, а в случае если участники процесса не владеют языком, на котором ведется судопроизводство, суд обязан был приглашать переводчиков. Кроме того, любые бумаги и заявления участниками процесса могли быть поданы участниками процесса на их родном языке, если было удостоверено, что эти лица не владеют языком, на котором ведется судопроизводство. Следовательно, участник уголовного судопроизводства мог как воспользоваться данным правом, так и отказаться от него.

При этом в УПК 1922 г. не содержалось ни положения, согласно которому свидетель был вправе отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга, иных близких родственников, ни положения о его праве давать такие показания, отказавшись от предоставленной законом привилегии. Таким образом, вне пределов законодательного регулирования оставался свидетельский иммунитет, защищающий основополагающие нравственные ценности личности и выступающий дополнительной гарантией интересов некоторых участников процесса, вытекающей из сложившейся системы ценностей, сохранявшейся в обществе на протяжении многих столетий, в том числе уважение семейных отношений [17, с. 89]. В ст. 64 УПК лишь указывалось на то, что любое лицо, вызванное для дачи показаний в качестве свидетеля, было обязано сообщить все известное ему по делу и ответить на предлагаемые ему правоприменителем или сторонами вопросы. Статья 65 УПК 1922 г. налагала запрет на вызов и допрос в качестве свидетелей только защитника обвиняемого по делу и лица, которое в силу своих физических или психических недостатков неспособно правильно воспринимать имеющие значение для дела явления и давать о них правильные показания.

В соответствии со ст. 254 УПК 1922 г., обвиняемый мог иметь защитника лишь после предания его суду. Последний либо назначался народным судьей (если участие было обязательно), либо избирался подсудимым по соглашению. При этом в законе не находило отражение прямое закрепление права подсудимого отказа от защитника.

Однако УПК 1922 г. была уготована недолгая жизнь. Уже 31 октября 1922 г. IV сессия Всероссийского Центрального

Исполнительного Комитета (далее – ВЦИК), заслушав доклад Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ) по проекту о судоустройстве, предлагаемые Комиссией поправки к проекту, постановила поручить Президиуму ВЦИК и НКЮ переработать Уголовно-процессуальный кодекс[1]. И уже 15 февраля 1923 г. ВЦИК принял Постановление об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее – УПК 1923 г.)[2]. По сути, УПК 1923 г. представлял новую редакцию УПК 1922 г., вследствие чего рассмотренные выше положения не претерпели существенных изменений.

Так, 27 октября 1960 г. был принят новый УПК РСФСР (далее – УПК 1960 г.)[3]. В нем также нашел отражение перечень дел так называемого частного обвинения, т. е. дел, возбуждение и прекращение которых во многом определялось волеизъявлением потерпевшего, которому предоставлялось право решать, необходимы ли ему в связи с причинением морального, физического или имущественного вреда уголовно-правовые меры защиты своих интересов (ст. 27). Существенным отличием было то, что примирение уже допускалось только до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

В УПК 1960 г. также сохранилась преемственность и в разрешении вопроса об инициировании уголовного преследования частно-публичного обвинения (ст. 11 УПК 1922 г., ст. 11 УПК 1923 г., ч. 2 ст. 27 УПК 1960 г.), права, от реализации которого потерпевший мог отказаться. Сохранялась преемственность и в механизме ознакомления с материалами дела: в соответствии с ч. 2 ст. 200, следователь знакомил потерпевшего или его представителя с материалами дела только в случае их устного или письменного ходатайства об этом право потерпевшего знакомиться с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования. Учитывая, что данное право могло быть реализовано при наличии соответствующего ходатайства, незаявление такового также могло расцениваться как отказ от него.

Однако в УПК 1960 г. было уже более конкретизировано право участника давать показания на родном языке: так, в ч. 2 ст. 17 указывалось на то, что участвующим в деле лицам обеспечивается право давать показания на родном языке. В то же время, как показывает анализ УПК 1960 г., применительно к нормам, закрепляющим процессуальный статус участников, данное право не получило самостоятельного закрепления. Мы уже указывали на то, что в УПК 1922 г. и УПК 1923 г. не находило отражение прямое закрепление право подсудимого отказаться от защитника. Оно стало отличительной особенностью УПК 1960 г.: в соответствии с ч. 1 ст. 50, обвиняемый в любой момент был вправе по собственному волеизъявлению отказаться от защитника, если на это не было правовых препятствий (т. е. участие защитника при производстве по уголовному делу не было обязательным).

В то же время, к большому сожалению, положения, содержавшиеся в пере-

[1] О введении в действие Положения о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 11.11.1922: [ред. от 19.11.1926]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 20.06.2021).

[2] Об утверждении Уголовно-процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 15.02.1923: [ред. от 31.01.1958: вместе с "Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р."]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 20.06.2021).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: [утв. ВС РСФСР 27.10.1960: с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002]. URL: http://www.consultant.ru/ cons/cgi/online.cgi/ (дата обращения: 20.06. 2021).

работанном УПК РСФСР 1923 г. (ст. 60, 61), впитал в себя и УПК 1960 г.: в соответствии с ч. 1 ст. 73, свидетель был обязан явиться по вызову правоприменителя и дать правдивые показания, сообщив все известное ему по делу и ответив на поставленные вопросы. При этом, в соответствии с положениями ст. 72 УПК, не исключалась возможность допроса законных представителей потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого в качестве свидетелей. Да, «привилегия молчания» долгое время в советском законодательстве обходилась стороной, т. к. это противоречило идеологии, уголовной политике, чью сущность составляла ее односторонняя направленность на обслуживание и выражение интересов государства, как правило, в ущерб интересам личности, интересы публичности были главным направлением защиты [18, с. 25].

Во главе угла стоял доктринальный тезис о преимущественном значении интересов следствия и правосудия при наличии их коллизии с личными интересами. В 40-х годах прошлого века Н. Н. Полянский писал: «Законы, освобождающие от свидетельских показаний супругов и близких родственников, исходят из представления об абсолютной святости брачных и семейных уз. Советское право, придавая большое значение семейным и брачным узам, не считает, однако, возможным приносить интересы правосудия в жертву супружеским и родственным чувствам» [19, с. 93]. Высказанная рядом исследователей в 70-х годах XX века идея о введении в уголовное судопроизводство правил свидетельского иммунитета близких родственников была воспринята как неконструктивная: юридическая общественность в своем большинстве стояла на позиции, что ее законодательное воплощение затруднит установление истины по делу.

Несмотря на длительное отрицание роли диспозитивных начал уголовного судопроизводства, спустя много десятилетий после Октябрьской революции, приоритеты защиты интересов государства все же постепенно стали уступать место приоритетам защиты прав и свобод личности, и последние стали выходить на первый план. Сохраняя обязанность правоприменителя обеспечивать соблюдение прав и законных интересов лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства, законодатель в значительно большей степени начал полагаться на мнение самих участников процесса в вопросах защиты ими своих прав и интересов [20, с. 3]. В качестве инструмента разрешения конфликта между государством и личностью в уголовно-процессуальной сфере законодатель стал использовать расширение диспозитивных начал при производстве по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел.

Принятый в 2001 г. УПК РФ подтвердил приверженность России институту правового государства. В отличие от советского периода, когда представители органов государственной власти при производстве по уголовным делам должны были действовать, прежде всего, в целях охраны и защиты публичных интересов, независимо от волеизъявления частных лиц, современный законодатель существенно минимизировал процессуально-принудительные меры, увеличил объем запретов на ограничение прав и свобод личности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. На пути создания реальных условий для того, чтобы каждый участник уголовного процесса, отстаивающий (защищающий, представляющий) свои интересы в деле, имел возможность непосредственного влияния на деятельность правоприменителя, сделано им уже немало. К несомненным достоинствам УПК РФ следует

отнести и такие наполненные диспозитивным началом его положения, как:

– в нормах УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 гг. не содержалось прямого указания на право участников процесса давать показания на родном языке (оно лишь предполагалось). Данный пробел был устранен современным российским законодателем и в УПК РФ он прямо указывает: «…вправе… давать показания на родном языке или языке, которым он (*участник процесса. – Прим. авт*.) владеет» (п. 6 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, п. 6 ч. 4 ст. 46 УПК РФ, п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). В контексте отказа от субъективного права обладание таковым есть законодательное разрешение на право отказа от него;

– проявление отказа от субъективного права современный законодатель формулирует и в виде права свидетеля, обладающего свидетельским иммунитетом, давать показания (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Действительно, по своей сути оно тоже равноценно праву отказаться от права не свидетельствовать против себя и своих родственников. Российская Федерация, взяв курс на реформирование социальной, экономической, политической и правовой систем общества, законодательно закрепила институт свидетельского иммунитета в Конституции 1993 г. В дальнейшем, как нам известно, конституционные положения нашли отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве России. Наметившаяся тенденция к ограничению репрессивных начал уголовно-процессуальной деятельности естественным образом легла в основу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Закрепление института свидетельского иммунитета представляло собой значимый шаг на пути укрепления демократических и нравственных начал уголовного судопроизводства и выступило важным средством обеспечения процессуальных прав и гарантий законности и обоснованности вовлечения лиц в сферу уголовного судопроизводства, применения к ним правоограничительных мер;

– свидетель сам вправе решать вопрос о том, являться ли ему на допрос с адвокатом или нет (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ);

– в соответствии с ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, подозреваемый или обвиняемый вправе с момента начала уголовного преследования и до объявления об окончании предварительного следствия заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Воспользоваться ли данным правом, оказывая в дальнейшем содействие следствию, предоставляя следственным органам ценную для них информацию в обмен на получение возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке и смягчение наказания, или нет – зависит от воли данных участников процесса;

– возможность отказа от права на свидетельский иммунитет при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.1 УПК РФ, постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 N 17-П). Предыдущие УПК РСФСР не регламентировали вопросы заключения досудебного соглашения вообще;

– в соответствии с ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора и, следует отметить, что такое ходатайство подлежит обязательному удовлетворению лицом, в производстве которого находится уголовное дело (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ).

Современный российский законодатель предоставляет и право отказаться от защитника, при этом дополнительно оговаривая, что отказ от защитника заявляется в письменном виде, а в случаях, указанных в законе, об этом делается отметка в протоколе соответствующего следственного действия (ч. 1 ст. 52 УПК РФ). На возможность обвиняемого отказаться по собственной воле от права на защиту и недопустимость его навязывания впоследствии неоднократно указывал и Конституционный Суд Российской Федерации, подчеркивая значимость отказа от субъективного права в данном случае.

Выводы

Сравнительно-правовой анализ действующего и ранее действовавшего уголовно-процессуального законодательства в части, относящейся к теме исследования, позволяет нам говорить о том, что, несмотря на то, что отказ от субъективного права – это все-таки феномен современного уголовного процесса, предпосылки его появления имеют глубокие корни. Российский законодатель как представитель зрелого гражданского общества и демократического государства, в отличие от своего предшественника, выбирая состязательно-диспозитивную модель уголовного судопроизводства, в достаточной мере обеспечивает сбалансированное соотношение публичных и частных интересов, надежную защиту прав его участников. Он в значительно большей степени стал полагаться на мнение самих участников процесса в вопросах защиты ими своих прав и интересов, предоставляя им наиболее широкие возможности по реализации или не реализации принадлежащих им прав, выбору способов их реализации, соответствующих личным интересам и возможностям. Несомненно, что современное установление сферы активности и самостоятельности лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, наряду с неукоснительным соблюдением закона самим государством, является одной из весомых гарантий уважения участника процесса, обеспечения его прав и свобод.

Современное состояние уголовно-процессуального законодательства в целом и феномена отказа от субъективного права как проявления диспозитивности позволяет надеяться, что уголовный процесс в России будет и в дальнейшем строиться с учетом конституционного положения о приоритете прав личности, в отличие от существовавшего ранее процесса, основной целью которого был исключительно контроль над преступностью.

Список литературы

1. Александров А. С. Диспозитивность в уголовном процессе. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. 209 с.

2. Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. 640 с.

3. Пономаренко С. С. Диспозитивные начала в российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Оренбург, 2002. 156 с.

4. Рогова О. И. Пределы правления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1994. 170 с.

5. Барабаш А. С. К вопросу о содержании диспозитивности в современном уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 37–40.

6. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1956. 439 с.

7. Катомина В. А. Диспозитивность в юридической доктрине // Вестник Саратовской юридической академии. 2020. № 4(135). С. 15–21.

8. Афанасьев А. Ю. Диспозитивность в системе принципов уголовного процесса // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 367–369.

9. Шамардин А. А. К вопросу о содержании принципа диспозитивности в уголовно-процессуальном праве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 60−64.

10. Евдотьева И. А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1983. 22 с.

11. Рябцева Е. В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 219−222.

12. Штоль Д. С. Отдельные проявления диспозитивности уголовного процесса и особенности их закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). Право. Вып. 18. С. 104–107.

13. Рогова О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1994. 28 с.

14. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.

15. Жирова (Маенкова) М. Ю. Развитие представлений о частном обвинении в истории российского уголовного процесса (советский период) // Аспирантский вестник Поволжья. 2010. № 1-2. С. 134–139.

16. Калюжный А. Н., Чаплыгина В. Н. Сравнительный анализ моделей предварительного расследования по уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и по УПК РСФСР 1922 г. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1(50). С. 155–160.

17. Волосова Н. Ю. Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015. 426 с.

18. Малышева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. 514 с.

19. Полянский Н. Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. 142 с.

20. Дикарев И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 22 с.

References

1. Aleksandrov A. S. Dispozitivnost' v ugolovnom processe [Dispositivity in criminal proceedings]. Nizhnii Novgorod, NYUI MVD RF, 1997. 209 p.

2. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa: Obshchaya chast' [The course of the Soviet criminal process: The general part]; ed. by A. D. Bojkov, I. I. Karpec. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1989. 640 p.

3. Ponomarenko S. S. Dispozitivnye nachala v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve. Diss. kand. yurid. nauk [Dispositive principles in Russian criminal proceedings. Cand. legal sci. diss.]. Orenburg, 2002. 156 p.

4. Rogova O. I. Predely dispozitivnosti v ugolovnom sudoproizvodstve. Diss. kand. yurid. nauk [Limits of dispositivity in criminal proceedings. Cand. legal sci. diss.]. Tomsk, 1994. 170 p.

5. Barabash A. S. K voprosu o soderzhanii dispozitivnosti v sovremennom ugolovnom processe [On the question of the content of dispositivity in the modern criminal process]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4, pp. 37–40.

6. Yudel'son K. S. Sovetskij grazhdanskij process [Soviet civil procedure]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1956. 439 p.

7. Katomina V. A. Dispozitivnost' v yuridicheskoj doktrine [Dispositivity in the legal doctrine]. *Vestnik Saratovskoj yuridicheskoj akademii = Bulletin of the Saratov Law Academy*, 2020, no. 4(135), pp. 15–21.

8. Afanas'ev A. Yu. Dispozitivnost' v sisteme principov ugolovnogo processa [Dispositivity in the system of principles of criminal procedure]. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique*, 2020, no. 14, pp. 367–369.

9. Shamardin A. A. K voprosu o soderzhanii principa dispozitivnosti v ugolovno-processual'nom prave [On the question of the content of the principle of dispositivity in criminal procedure law]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Orenburg State University*, 2004, no. 3, pp. 60−64.

10. Evdot'eva I. A. Principy dispozitivnosti i sostyazatel'nosti sovetskogo grazhdanskogo processual'nogo prava. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Principles of dispositivity and competitiveness of the Soviet civil procedural law. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 1983. 22 p.

11. Ryabceva E. V. Sootnoshenie principa razumnosti, publichnosti i dispozitivnosti v ugolovnom processe [Correlation of the principle of reasonableness, publicity and dispositivity in criminal proceedings]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2011, no. 5 (37), pp. 219−222.

12. Shtol' D. S. Otdel'nye proyavleniya dispozitivnosti ugolovnogo processa i osobennosti ih zakrepleniya v ugolovno-processual'nom kodekse Rossijskoj Federacii [Separate manifestations of dispositivity of the criminal process and features of their consolidation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2009, no. 7 (145). Pravo, is. 18, pp. 104–107.

13. Rogova O. I. Predely proyavleniya dispozitivnosti v ugolovnom sudoproizvodstve. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Limits of the manifestation of dispositivity in criminal proceedings. Cand. legal sci. abstract diss.]. Tomsk, 1994. 28 p.

14. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa: osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo processa [The course of the Soviet criminal process: the main provisions of the science of the Soviet criminal process]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. 1. 470 p.

15. Zhirova (Maenkova) M. Yu. Razvitie predstavlenij o chastnom obvinenii v istorii rossijskogo ugolovnogo processa (sovetskij period) [The development of ideas about private prosecution in the history of the Russian criminal process (Soviet period)]. *Aspirantskij vestnik Povolzh'ya = Postgraduate Bulletin of the Volga region*, 2010, no. 1-2, pp. 134–139.

16. Kalyuzhnyj A. N., Chaplygina V. N. Sravnitel'nyj analiz modelej predvaritel'nogo rassledovaniya po ustavu ugolovnogo sudoproizvodstva Rossijskoj imperii 1864 g. i po UPK RSFSR 1922 g. [Comparative analysis of models of preliminary investigation according to the

Statute of criminal proceedings of the Russian Empire in 1864 and according to the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1922]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2015, no. 1(50), pp. 155–160.

17. Volosova N. Yu. Ugolovno-processual'nyj institut svidetel'skogo immuniteta: teoriya, zakonodatel'noe regulirovanie i praktika. Diss. dokt. yurid. nauk [The Criminal Procedure Institute of Witness Immunity: theory, legislative regulation and practice. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2015. 426 p.

18. Malysheva O. A. Sovremennaya ugolovnaya politika Rossijskogo gosudarstva i ee realizaciya na dosudebnyh stadiyah ugolovnogo sudoproizvodstva. Diss. dokt. yurid. nauk [Modern criminal policy of the Russian state and its implementation at the pretrial stages of criminal proceedings. Dr. legal sci. diss.]. Ryazan', 2006. 514 p.

19. Polyanskij N. N. Dokazatel'stva v inostrannom ugolovnom processe [Evidence in a foreign criminal trial]. Moscow, Yurid. izd-vo MYU SSSR, 1946. 142 p.

20. Dikarev I. S. Dispozitivnost' v ugolovnom processe Rossii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Dispositivity in the criminal process of Russia. Cand. legal sci. abstract diss.]. Volgograd, 2004. 22 p.

Информация об авторах / Information about the Author

Чеботарева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: cheb_irina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2130-3102

Irina N. Chebotareva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: cheb_irina@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2130-3102

Пашутина Олеся Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Olesya S. Pashutina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-155-167

CC BY 4.0

К вопросу о возможности отказа от субъективного права посредством неправомерного поведения

О. С. Пашутина[1] ✉, И. В. Ревина[2]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Отказ от субъективного права – феномен малоизученный в современной уголовно-процессуальной доктрине, вследствие чего неразрешенным остается и вопрос о формах поведения участников уголовного судопроизводства, обусловливающих возможность его реализации. Определение поведенческих границ имеет как теоретическое, так и практическое значение: оно способствует как обогащению уголовно-процессуальной науки, обеспечению должного уровня правовой защищенности личности в сфере уголовно-процессуальных отношений, так и выступает одним из гарантов надлежащего правоприменения.*

Целью *исследования является разработка авторского подхода к определению возможности отказа от субъективного права посредством неправомерного поведения лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, и его правовых последствий.*

Задачи: *изучение доктринальных источников и судебной практики с целью установления возможности реализации отказа от субъективного права посредством как правомерного, так и неправомерного поведения; выявление видов правовых последствий отказа от субъективного права в зависимости от форм поведения участника уголовного судопроизводства.*

Методология. *Методологической основой исследования являются положения общенаучного диалектического метода познания окружающей действительности в ее связи и взаимодействии, общенаучный системный подход. В процессе работы использовались формально-юридический, сравнительный методы и метод наблюдения.*

Результаты. *Сформулирован вывод о том, что отказ от субъективного права возможен только в форме правомерного поведения. На основе авторского видения природы поведения участника уголовного судопроизводства, которое может лежать в основе отказа от субъективного права, разработано понятие «уголовно-процессуальное наказание», приведена его характеристика.*

Вывод. *Отказ от права возможен только при условии, что поведение участника уголовного судопроизводства правомерно. Неправомерное поведение, выражающееся в форме совершения действий, нарушающих нормальный ход судопроизводства, естественным образом влечет за собой реакцию государства в виде лишения гражданина принадлежащего ему субъективного права, которое следует называть «уголовно-процессуальное наказание».*

Ключевые слова*: отказ от субъективного права; уголовное судопроизводство; права и свободы личности; уголовно-процессуальное законодательство; лишение права.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.

Для цитирования: Пашутина О. С., Ревина И. В. К вопросу о возможности отказа от субъективного права посредством неправомерного поведения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 155–167. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-155-167.

Поступила в редакцию 28.08.2021 Принята к публикации 28.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Пашутина О. С., Ревина И. В., 2021

On the Question of the Possibility of Renouncing Subjective Rights as a Result of Misconduct

Olesya S. Pashutina[1]✉, Irina V. Revina[2]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The rejection of subjective law is a phenomenon little studied in modern criminal procedure doctrine, as a result of which the question of the forms of behavior of participants in criminal proceedings, which determine the possibility of its implementation, remains unresolved. The definition of behavioral boundaries has both theoretical and practical significance: it contributes both to the enrichment of criminal procedure science, ensuring the proper level of legal protection of the individual in the field of criminal procedure relations, and acts as one of the guarantors of proper law enforcement.*

The purpose *of the study is to develop an author's approach to determining the possibility of renouncing the right through the unlawful behavior of a person who has fallen into the sphere of criminal proceedings and its legal consequences.*

Objectives: *to study doctrinal sources and judicial practice in order to establish the possibility of realizing the rejection of subjective law through both lawful and unlawful behavior; to identify the types of legal consequences of the rejection of subjective law, depending on the forms of behavior of a participant in criminal proceedings.*

Methodology. *The methodological basis of the research is the provisions of the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality in its connection and interaction, the general scientific systematic approach. In the course of the work, formal legal, comparative methods and the method of observation were used.*

Results. *The conclusion is formulated that the rejection of the subjective right is possible only in the form of lawful behavior. Based on the author's vision of the nature of the behavior of a participant in criminal proceedings, which may underlie the rejection of subjective law, the concept of "criminal procedural punishment" is developed, its characteristics are given.*

Conclusion. *The waiver of the right is possible only on condition that the behavior of the participant in the criminal proceedings is lawful. Illegal behavior, expressed in the form of committing actions that violate the normal course of legal proceedings, naturally entails the reaction of the state in the form of depriving a citizen of his subjective right, which should be called "criminal procedural punishment".*

Keywords: *rejection of subjective law; criminal proceedings; individual rights and freedoms; criminal procedure legislation; deprivation of the right.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding*: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00858.*

For citation: Pashutina O. S., Revina I. V. On the Question of the Possibility of Renouncing Subjective Rights as a Result of Misconduct. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 155–167. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-155-167.

Received 28.08.2021 Accepted 28.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Субъективное право в теории права в целом и в уголовном процессе в частности в отечественной юридической науке давно является предметом пристального внимания многих исследователей [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В то же время отказ от субъективного права долгое время не являлся таковым, а лишь подразумевался в контексте научного осмысления понятия права. На сегодняшний день мы рассмат-

риваем отказ от субъективного права как осознанный и мотивированный акт участника уголовного судопроизводства, не отягощенный внешним воздействием на мыслительный процесс принятия решения о нем, преобразующийся в конкретную форму поведения, выражение нежелания лица обладать и/или пользоваться принадлежащим ему социальным благом.

Субъективные права, как своеобразная мера свободы, предоставляются лицам, попавшим в сферу уголовного судопроизводства, для защиты их личных интересов. В отличие от юридической обязанности их использование зависит только от волеизъявления самих субъектов процесса [7, с. 39]. Любой участник уголовного судопроизводства, отстаивающий в деле свой признанный законом интерес, имеет право отказаться от принадлежащих ему субъективных прав, их реализации. Отказ от субъективного права предполагает такое поведение субъекта, из которого вытекает, что он не желает реализовывать свое право или вовсе отказывается от правовой защиты [8, с. 64, 81]. Но какова природа такого поведения? Исследование сущности отказа от субъективного права и возможности его реализации неразрывно связано с разрешением вопроса о формах поведения участников уголовного судопроизводства, а именно с тем, может ли он быть выражен в форме их неправомерного поведения или нет, каковы его правовые последствия, вопроса, который, несомненно, представляет значимый научный интерес.

Методология

Методологической основой исследования выступил общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности в ее связи и взаимодействии. Диалектический взгляд на природу поведения участников уголовного судопроизводства, обусловливающего возможность реализации отказа от субъективного права, позволил доказать, что применительно к сфере уголовного судопроизводства таковой может быть только правомерным, в противном случае речь идет о лишении права как санкции, применяемой государством.

Использование общенаучного системного подхода, органически сочетающего в себе анализ и синтез, способствовало изучению понятийно-категориального аппарата, интеграции и систематизации относящегося к теме исследования собранного материала, познанию природы поведения лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства, допускающего реализацию отказа от субъективного права, разработке и формулированию авторского определения понятия «уголовно-процессуальное наказание».

Формально-юридический метод применялся для обработки и анализа содержания норм уголовно-процессуального закона в части регламентации прав участников уголовного процесса, предоставляемых им для отстаивания собственных интересов, и возможности отказа от них.

Сравнительный метод позволил выделить как общее в природе уголовного и уголовно-процессуального наказания, так и обозначить, в чем заключается их принципиальное различие, разграничить уголовно-процессуальное наказание и меры уголовно-процессуального принуждения.

Наблюдение как метод эмпирического исследования был использован для наполнения практической составляющей, что позволило проиллюстрировать основные положения работы примерами правоприменительной практики.

Результаты и их обсуждение

Каждый участник уголовного судопроизводства, действующий в своих личных (защищаемых или представляемых) интересах, преследует свои определенные цели. Пострадавший от преступле-

ния желает восстановить свои нарушенные гражданские права – право на жизнь, честь и достоинство, право на собственность и т. д. Основная цель лица, подвергаемого уголовному преследованию – защита от необоснованного, незаконного обвинения. Для достижения этих целей современный законодатель наделяет субъектов уголовного процесса необходимым для этого широким комплексом прав. При этом, признавая за лицами, попавшими в сферу уголовного судопроизводства, определенную совокупность прав, он в то же время оставляет за ними решение вопроса о целесообразности или нецелесообразности их использования исходя из собственного усмотрения. Отказываясь от принадлежащего ему права, участник уголовного процесса отстаивает свои частные интересы. В этом смысле отказ от права выступает формой использования субъектом своих прав: он выбирает, какой вариант поведения (действие – внешне активное поведение или бездействие – внешне пассивное поведение, поведение, которое выражено в воздержании от совершения тех или иных действий [9, с. 13]), какое право позволит ему в большей степени отстоять их. С формально-юридической точки зрения отказ от права – это предусмотренное законом право субъекта совершать активные действия, направленные на отказ от реализации права либо, напротив, бездействовать в целях недопущения или прекращения определенных общественных отношений.

Но насколько личность свободна в осуществлении своих прав? В ряде случаев в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) законодатель закрепляет проявления отказа от субъективного права в виде отдельных прав. К ним можно отнести: право отказаться от защитника (ч. 1 ст. 52 УПК РФ), право на особый порядок судебного разбирательства (ч. 1 ст. 314 УПК РФ) (по сути, право отказаться от состязательного судебного разбирательства), право свидетеля, обладающего свидетельским иммунитетом, давать показания (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ) (по сути, право отказаться от права не свидетельствовать против себя и своих родственников).

Вместе с тем существуют и иные проявления, содержание которых можно выразить постулатом «все, что не запрещено законом – то дозволено». Однако, на наш взгляд, личность свободна только в выборе проявлений правомерного поведения: потерпевший, подозреваемый, иной участник уголовного судопроизводства, имеющий в деле личный интерес, может реализовать или не реализовать принадлежащее ему право, но лишь способом, не противоречащим закону (если нет прямых запретов, то поведение может быть расценено как правомерное в том случае, если оно не только является желательным, допустимым, но и не нарушает при этом каких-либо законных интересов других субъектов права [10, с. 222]).

В пользу того, что отказ от субъективного права возможен только в форме правомерного поведения – юридически значимого или юридически безразличного поведения, не нарушающего предписания нормы права [11, с. 59; 12, с. 27–30], говорит и то, что законодатель не предусматривает возможности в случае отказа наступления для лица негативных правовых последствий. Отказ от субъективного права представляет собой юридический факт, вызывающий наступление закономерных правовых последствий [13, с. 108–106; 14, с. 4] – возникновение, изменение или прекращение правовых отношений (или их комбинаторность, когда один и тот же отказ от субъективного права может одновременно способствовать возникновению, изменению или прекращению конкретных правоотношений в любом сочетании). Последствия отказа лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, от принадлежащего ему субъективного права может

быть отрицательным только для других участников процесса, для него самого они только положительны. Наиболее ярко это проявляется по делам частного обвинения, производство по которым осуществляется по общим правилам в порядке ст. 318 УПК РФ. В соответствии с ч. 5 ст. 319 УПК РФ мировой судья разъясняет сторонам возможность примирения и, в случае поступления от подсудимого и потерпевшего заявлений о примирении, принимает решение о прекращении уголовного дела в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ. Как следует из положений закона, в основе решения правоприменителя может лежать только парное согласование: юридически значимые последствия в виде отказа государства от реализации уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление, в частности от его осуждения и наказания, не могут зависеть только от волеизъявления подсудимого, его желания, выраженного в единоличном проявлении. Последствия отказа потерпевшего от права примирения для подсудимого будут негативны, а вот для потерпевшего они могут послужить дополнительной гарантией защиты его частных интересов.

Можно ли признать возможность отказа от субъективного права в форме неправомерного (противоправного) деяния? На наш взгляд – нет. Неправомерное поведение, выражающееся в форме совершения деяний, нарушающих нормальный ход судопроизводства, естественным образом влечет за собой реакцию государства в виде лишения гражданина принадлежащего ему субъективного права.

Обратимся к этимологии слов «отказ» и «лишить». Согласно словарю С. И. Ожегова, «отказаться» – выразить свое несогласие, нежелание делать что-нибудь, не пожелать признать, принять что-нибудь, «лишить» – отбирать что-либо у кого-то [15, с. 812, 1172]. Следовательно, отказ – это акт волеизъявления лица, а лишение – это предотвращение доступа к чему-либо, независимо от воли субъекта.

Отказ от субъективного права не может вызвать для лица неблагоприятные правовые последствия, а лишение права влечет именно их. В частности, в соответствии с п. 12 ч. 4 ст. 47, ч. 3 ст. 217 УПК РФ, по окончании предварительного расследования обвиняемый имеет право знакомиться со всеми материалами уголовного дела и выписывать из него любые сведения и любом объеме, не ограничиваясь во времени, необходимом для этого. Однако на практике отсутствие такого ограничения нередко влечет за собой злоупотребления со стороны обвиняемого и его защитника. В целях противодействия данным явлениям российский законодатель установил возможность судебного ограничения срока для ознакомления с материалами дела. Если обвиняемый и его защитник продолжают придерживаться избранной линии поведения, без уважительных на то причин не ознакамливаются с материалами уголовного дела в установленный судом срок, следователь, руководствуясь положениями ч. 3 ст. 217 УПК РФ, вправе принять решение об окончании производства данного процессуального действия, оформив его соответствующим постановлением, сделав отметку в протоколе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела.

Как показывает анализ правоприменительной практики, при обжаловании обвиняемым и (или) его защитником в дальнейшем принятого следователем решения, суды становятся на сторону правоприменителя. Верховный суд Российской Федерации также не признает нарушением права обвиняемого на защиту ограничение обвиняемого или его защитника в реализации данного правомочия, если оно обусловлено явным недобросовестным его использованием в

ущерб интересам других участников процесса[1].

Признаков неконституционности в сроках для ознакомления защиты с делом в данных случаях не усматривает и Конституционный Суд Российской Федерации[2]. Так, с жалобой в Конституционный Суд обратился Е. Н. Младов, по уголовному делу которого районный суд вынес постановление об установлении срока для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами завершенного предварительного следствия. Гражданин обжаловал вынесенное решение в апелляционном порядке. Суд апелляционной инстанции отверг позицию Е. Н. Младова о незаконности решения суда первой инстанции, обосновывая свое решение указанием на факт заключения обвиняемым соглашения на защиту с иным адвокатом на этапе выполнения требований ст. 217 УПК РФ накануне истечения срока предварительного следствия.

В жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Е. Н. Младов указал, что оспариваемая им норма противоречит Конституции РФ, допуская возможность суду по ходатайству следователя ограничить время ознакомления с материалами уголовного дела адвокатов, которые на момент рассмотрения ходатайства еще не были привлечены обвиняемым для защиты его интересов и не вступили в уголовное дело в качестве защитников.

Конституционный Суд РФ, с учетом ранее данных разъяснений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 1454-О, Определение Конституционного Суда от 24 сентября 2013 г. № 1299-О, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 1398-О), анализа положений норм уголовно-процессуального закона и позиции Верховного Суда РФ, не нашел оснований для рассмотрения жалобы по существу.

Кроме того, в соответствии с ч. 5 ст. 317 УПК РФ, прокурор вправе вынести постановление об изменении или о прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве, если:

– подозреваемый (обвиняемый), с которым было заключено такое соглашение, сообщает следователю лишь сведения о своем собственном участии в совершенном деянии либо сведения, которые стали известны правоприменителю иным путем;

– подозреваемый (обвиняемый) отказывается от дачи показаний, изобличающих других соучастников преступления;

– органом предварительного следствия были выявлены другие данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и о невыполнении им обязательств, предусмотренных соглашением о сотрудничестве.

Так, в ходе предварительного расследования С. заявил ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в котором взял на себя обязанность давать правдивые показания по всем фактам подозрения и обвинения, изобличать других преступников. Однако позже, после предъявления обвинения, в ходе его допроса в качестве обвиняемого С. стал отрицать свою причастность к со-

[1] О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30 июня 2015 г. URL: http://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 05.07.2021).

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Младова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2021 г. URL: https://legalacts. ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27052021-n-900-o/ (дата обращения: 05.07.2021).

вершенному преступлению. Учитывая данное обстоятельство, прокурором было принято обоснованное решение о расторжении досудебного соглашения о сотрудничестве[1].

Законодатель также предусматривает положение и о том, что в случае, если указанные обстоятельства будут обнаружены уже после назначения лицу наказания, то на основании ст. 317.8 УПК РФ приговор в отношении него может быть пересмотрен.

Помимо этого, в соответствии с ч. 3 ст. 258 УПК РФ, подсудимый при нарушении им порядка судебного заседания, неподчинении распоряжениям председательствующего или сотрудника органов принудительного исполнения до окончания прений сторон может быть удален из зала судебного заседания и тем самым лишен права на рассмотрение его дела в его присутствии. К фактическим обстоятельствам, которые могут послужить основой приятия такого решения, судебная практика, в частности, относит неоднократные выкрики с места[2], неподчинение распоряжениям председательствующего после неоднократных предупреждений о недопустимости такого поведения[3], обращения к суду сидя без соответствующего на то разрешения.

Отметим, что в практике Конституционного Суда РФ была попытка обжалования данного положения уголовно-процессуального закона, но в своем решении об отказе в принятии жалобы Суд с учетом ранее данных разъяснений (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2002 г. № 62-О, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2005 г. № 371-О) указал, что по смыслу ст. 17 (ч. 3) Конституции Российской Федерации право подсудимого на рассмотрение его дела в его присутствии не означает, что это право должно быть ему гарантировано даже при нарушении им порядка в зале судебного заседания и при создании им препятствий для надлежащего осуществления правосудия и реализации другими участниками процесса, в том числе потерпевшими, принадлежащих им процессуальных прав[4]. Вместе с тем отстаивание своих прав и позиций путем заявления ходатайств, возражений на действия председательствующего или других участников уголовного судопроизводства не свидетельствует о нарушении обвиняемым порядка судебного разбирательства, следствием которого является его удаление из зала судебного заседания[5].

На первый взгляд, в приведенных нами примерах можно говорить о наличии в деяниях обвиняемых отказа от реализации права в результате их неправомерного поведения. Но если отталкиваться от целей, преследуемых участниками уголовного судопроизводства на момент

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 19 марта 2019 г. по делу № 2-11/2018. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/2cgezRRhwcUg/ (дата обращения: 06.07.2021).

[2] Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда № 22-2054/2020 от 19 августа 2020 г. URL: https://sudact.ru/regular/doc/pDUGoe2E6ll3/(дата обращения: 06.07.2021).

[3] Апелляционное постановление Пермского краевого суда № 22-4355/2020 от 6 августа 2020 г. по делу № 1-91/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/8qU9tjEnczU5/(дата обращения: 06.07.2021).

[4] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федыны Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2012 г. № 1627-О. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142242/ (дата обращения: 06.07.2021).

[5] Апелляционное постановление Калужского областного суда № 22К-1117/2020 УК-22-1117/2020 от 2 сентября 2020 г. по делу № 3/2-661/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/j04Eh4v8oDWn/ (дата обращения: 06.07.2021).

совершения следственных и процессуальных действий, то формулирование вывода о том, что они таким образом реализовывали свое право на отказ, представляется необоснованным. В данном случае речь идет о лишении права как санкции, применяемой государством за неправомерное поведение субъекта.

Принудительное лишение участника процесса предоставленного ему субъективного права вследствие его неправомерного поведения следует рассматривать как «уголовно-процессуальное наказание», которое, представляя, по сути, «квазисанкцию» (одностороннюю меру принуждения [16, с. 88]), носит исключительно санкционирующй характер. Это означает, что оно не может применяться исключительно в целях превенции, в отличие от тех же подписки о невыезде и надлежащем поведении, или обязательства о явке.

Уголовно-процессуальное наказание обладает рядом признаков, присущих и уголовному наказанию, совпадают их цели, близка их природа, но в то же время они и кардинально отличаются друг от друга.

Схожесть проявляется в том, что они являются мерами государственного принуждения, под которыми принято понимать метод воздействия, состоящий в применении уполномоченными на то государственными органами и их должностными лицами предусмотренных законом мер, составляющих систему правовых ограничений, лишений, обременений или иных действий, и с помощью которых можно заставить обязанных лиц исполнять возложенные на них поручения, соблюдать установленные законом запреты, обеспечить правопорядок, безопасность личности, общества и государства от потенциальных и реальных угроз [17, с. 17].

Уголовное и уголовно-процессуальное наказания носят строго личный характер, т. е. применяются в отношении конкретного лица и не могут быть переложены на других лиц.

Природа уголовного и уголовно-процессуального наказания схожа. В XIX веке выдающийся русский юрист И. Я. Фойницкий определил составляющие природы института наказания: наказание «назначается и выполняется во имя общих государственных интересов»; его применение «создает между наказывающим государством и наказываемым известные отношения, принадлежащие к сфере права публичного, а не частного»; наказание «стремится быть равным для всех»; «мерами наказания могут быть лишь такие, которые находятся в зависимости от государства» [18, с. 31–32]. Все эти положения, без сомнения, применимы и к уголовно-процессуальному наказанию.

К целям уголовного наказания, т. е. социально и уголовно-политическим результатам, соответствующим задачам и принципам уголовного права и определенным в уголовном законе, которых стремятся достичь законодатель и правоприменитель посредством установления в уголовном законе наказуемости преступлений и назначения этой уголовно-правовой меры лицам, совершившим преступления [19, с. 16], относятся: восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). В целом аналогичные цели преследует и уголовно-процессуальное наказание (естественно, с учетом его специфики).

Понятие справедливости – этическая категория, которая характеризует соотношение определенных явлений с точки зрения добра и зла между людьми (соотношение между их ролью и социальным положением, их правами и обязанностями; соотношение между деянием и воздаянием) [20, с. 107]. Социальная справедливость уголовно-процессуального наказания достигается путем лишения прав участника процесса, и тем самым

карательное его содержание является своеобразным уголовно-процессуальным способом восстановления социальной справедливости.

В качестве второй цели уголовно-процессуального наказания следует назвать исправление лица, допустившего неправомерное поведение и тем самым нарушившего нормальный ход судопроизводства (у уголовного наказания – осужденного). Реальная задача, которую может решить правоприменитель в ходе исправления – убедить и заставить данного участника судопроизводства в дальнейшем не нарушать ход расследования и рассмотрения уголовного дела.

Наконец, целью уголовно-процессуального наказания является предупреждение совершения новых действий, могущих нарушить порядок производства по делу (у уголовного наказания – преступлений), как самим участником процесса, к которому применяются санкционирующие меры (как показывает практика, нередко, однажды «обжегшись», обвиняемые меняют линию направления защиты своих интересов), так и иными лицами (подсудимые, видя удаление одного из них из зала судебного заседания, отказываются от стратегии вызывающего поведения).

Различие между рассматриваемыми нами мерами государственного принуждения состоит в следующем:

– в отличие от уголовного наказания, которое может быть назначено лишь за те действия, которые предусмотрены уголовным законом в качестве преступления (ч. 1 ст. 3, ст. 14 УК РФ), уголовно-процессуальное наказание применяется за действия, которые с точки зрения уголовно-процессуального закона представляют собой поведение участника процесса, нарушающее установленный порядок производства по делу, или связаны с ненадлежащим исполнением возложенных на него обязательств (например, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) и т.д.;

– применение уголовно-процессуального наказания (что отчасти вытекает из предыдущего положения) может допускаться к лицу, в отношении которого еще не была опровергнута презумпция невиновности, что подчеркивает его исключительно процессуальную природу;

– уголовное наказание назначается только по приговору суда, а решение о лишении субъективного права может принимать более широкий круг субъектов уголовного процесса в лице должностных лиц и государственных органов;

– уголовное наказание влечет за собой такое уголовно-правовое последствие, как судимость, последствием же уголовно-процессуального наказания является потеря участником процесса возможности использования предоставленного ему законом субъективного права.

Выводы

Отказываясь от субъективного права, лицо, попавшее в сферу уголовного судопроизводства, выбирает один из вариантов возможного поведения и отказывается от предоставляемого ему блага. Оно оценивает это благо с точки зрения его ценности и пользы для себя и принимает решение: нужно или ненужно ему это благо для достижения своих личных целей.

Исследование природы отказа от субъективного права в уголовном процессе позволяет сформулировать вывод о том, что таковой может иметь место только при условии правомерного поведения лица, отстаивающего в деле свой признанный законом интерес, в противном случае, т. е. если он (отказ) выражается в форме неправомерного (противоправного) деяния, имеет место лишение участника уголовного судопроизводства его субъективного права.

Лишение права как уголовно-процессуальное наказание представляется собой правовую форму государственного принуждения и выступает одним из инструментов, применение которого обес-

печивает нормальный ход уголовного судопроизводства. Природа и признаки уголовно-процессуального наказания во многом схожа с природой и признаками уголовного наказания. Основной отличительной его чертой является то, что оно допускается к лицу, в отношении которого еще не была опровергнута презумпция невиновности.

От мер уголовно-процессуального принуждения уголовно-процессуальное наказание отличает его исключительно санкционирующий характер, предполагающий, что данное наказание не может применяться исключительно в целях превенции.

Уголовно-процессуальное наказание, проявляемое в лишении участника уголовного судопроизводства его субъективного права – закономерное последствие его неправомерного поведения.

Список литературы

1. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / отв. ред. М. С. Строгович. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.

2. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.

3. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права: курс лекций. Вып. 2. Нормы права и правоотношения / ред. Г. И. Петрищева. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1964. 226 с.

4. Иоффе О. С., Шаргородский Д. М. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.

5. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972. 292 с.

6. Селиванова О. Ю. Субъективное право: Сущность, структура, ценность: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 155 с.

7. Масленникова Л. Н. Субъективные права и юридические обязанности – внутрисистемные факторы, определяющие тенденции // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 2. С. 38–46.

8. Гамбарян А. С. Отказ от права и вопросы уголовно-процессуального вмешательства / под ред. проф. А. В. Смирнова. М.: Юрлитинформ, 2018. 332 с.

9. Пьянов Н. А. Правовое поведение: понятие и виды // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 11–14.

10. Богатырев В. Н. Отказ в совершении нотариального действия и правомерное поведение граждан // Вестник Саратовской юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 221-224.

11. Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): дис. … д-ра юрид. наук. Киев, 1990. 374 с.

12. Казаков В. Н. Правомерное поведение и правопорядок: дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. 185 с.

13. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. 3-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2019. 578 с.

14. Александров А. С., Кухта А. А. Судебные факты // Российский судья. 2007. № 8. С. 4–5.

15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: http://www.litmir.me/br/?b=123940&p=1 (дата обращения: 05.06.2021).

16. Щербаков М. Г. К вопросу о квазисанкциях // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 4. С. 85–90.

17. Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 10–17.

18. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М.: Добросвет-2000: Городец, 2000. 464 с.

19. Анощенкова С. А. Цели наказания как символы уголовной политики // Вестник Мордовского университета. 2006. № 1. С. 16–24.

20. Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М.: Юрист, 1998. 512 с.

References

1. Kechek'yan S. F. Pravootnosheniya v socialisticheskom obshchestve [Legal relations in a socialist society]; ed. by M. S. Strogovich. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958. 187 p.

2. Aleksandrov N. G. Zakonnost' i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve [Legality and legal relations in Soviet society]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955. 176 p.

3. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya socialisticheskogo prava: kurs lekcij. Is. 2. Normy prava i pravootnosheniya [General theory of socialist law: course of lectures. Vol. 2. Norms of law and legal relations]; ed. by G. I. Petrishcheva. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo, 1964. 226 p.

4. Ioffe O. S., Shargorodskij D. M. Voprosy teorii prava [Questions of the theory of law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 381 p.

5. Matuzov N. I. Lichnost'. Prava. Demokratiya [Personality. Rights. Democracy]. Saratov, Saratov Univ. Publ., 1972. 292 p.

6. Selivanova O. Yu. Sub"ektivnoe pravo: Sushchnost', struktura, cennost'. Diss. kand. yurid nauk [Subjective law: Essence, structure, value. Cand. legal sci. diss.]. Nizhnii Novgorod, 2001. 155 p.

7. Maslennikova L. N. Sub"ektivnye prava i yuridicheskie obyazannosti – vnutrisistemnye faktory, opredelyayushchie tendencii [Subjective rights and legal obligations - intra-system factors determining trends]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the O. E. Kutafin University*, 2018, no. 2, pp. 38–46.

8. Gambaryan A. S. Otkaz ot prava i voprosy ugolovno-processual'nogo vmeshatel'stva [Waiver of the right and issues of criminal procedural intervention]; ed. by A. V. Smirnov. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 332 p.

9. P'yanov N. A. Pravovoe povedenie: ponyatie i vidy [Legal behavior: concept and types]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2004, no. 4, pp. 11–14.

10. Bogatyrev V. N. Otkaz v sovershenii notarial'nogo dejstviya i pravomernoe povedenie grazhdan [Refusal to perform a notarial act and lawful behavior of citizens]. *Vestnik Saratovskoj yuridicheskoj akademii = Bulletin of the Saratov Law Academy*, 2013, no. 4 (93), pp. 221–224.

11. Oksamytnyj V. V. Pravomernoe povedenie lichnosti (teoreticheskie i metodologicheskie problemy). Diss. dokt. yurid. nauk [Lawful behavior of a person (theoretical and methodological problems). Dr. legal sci. diss.]. Kiev, 1990. 374 p.

12. Kazakov V. N. Pravomernoe povedenie i pravoporyadok. Diss. kand. yurid. nauk [Lawful behavior and law and order. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 1999. 185 p.

13. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and law]; ed. by V. K. Babaev. 3th ed. Moscow, Yurajt Publ., 2019. 578 p.

14. Aleksandrov A. S., Kuhta A. A. Sudebnye fakty [Judicial facts]. *Rossijskij sud'ya = Russian judge*, 2007, no. 8, pp. 4–5.

15. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: http://www. litmir.me/br/?b=123940&p=1 (accessed 05.06.2021)

16. Shcherbakov M. G. K voprosu o kvazisankciyah [On the issue of quasi-sanctions]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 85–90.

17. Kaplunov A. I. Ob osnovnyh chertah i ponyatii gosudarstvennogo prinuzhdeniya [About the main features and the concept of state coercion]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 2004, no. 12, pp. 10–17.

18. Fojnickij I. Ya. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow, Dobrosvet-2000 Publ., Gorodec Publ., 2000. 464 p.

19. Anoshchenkova S. A. Celi nakazaniya kak simvoly ugolovnoj politiki [The goals of punishment as symbols of criminal policy]. *Vestnik Mordovskogo universiteta = Bulletin of the Mordovian University*, 2006, no. 1, pp. 16–24.

20. Fletcher Dzh., Naumov A. V. Osnovnye koncepcii sovremennogo ugolovnogo prava [Basic concepts of modern criminal law]. Moscow, Yurist Publ., 1998. 512 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Пашутина Олеся Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Olesya S. Pashutina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Ревина Ирина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ivrevina@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9982-8833

Irina V. Revina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ivrevina@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9982-8833

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-167-178

CC BY 4.0

К вопросу современного этапа развития политико-экономических исследований в российской политической науке: «политическая экономия» или «экономическая политология»?

Е. С. Устинович [1] ✉

[1]Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И.И. Иванова
ул. Карла Маркса 70, г. Курск 305004, Российская Федерация

✉ e-mail: lenausti@mail.ru

Резюме

Актуальность *темы исследования обоснована необходимостью формирования комплексного представления о сущности и содержании современных экономических отношений и роли государственной политики в их регулировании, а также реализации современной экономической политики государства с учетом сложившейся системы государственного управления экономической сферой.*

Цель исследования *– анализ и обобщение опыта современных российских политологов новейших направлений исследований в современной российской политической науке на примере экономической политологии.*

Задачи: *обоснование актуальности развития экономической политологии как важнейшего, новейшего направления развития современной российской политической науки; анализ позиций российских ученых, представителей политической науки относительно предмета экономической политологии как науки и учебной дисциплины; анализ состояния представленности направлений подготовки по экономической политологии, учебной дисциплины «Экономическая политология» в российских образовательных учреждениях высшего образования; обоснование необходимости введения дисциплины «Экономическая политология» для студентов направлений подготовки по политологии, государственному управлению и экономике.*

Методология *научного исследования основана на авторском подходе, гипотезе автора о недостаточности исследований политико-экономического характера в современной российской политической науке. Использованы общенаучные методы анализа и синтеза информации, а также политологического и экономического анализа.*

Результаты. *Обоснованы актуальность развития экономической политологии как важнейшего, новейшего направления развития современной российской политической науки и необходимость введения дисциплины «Экономическая политология» для студентов направлений подготовки по политологии, государственному управлению и экономике. Осуществлен анализ позиций российских ученых, представителей политической науки относительно предмета экономической политологии как науки и учебной дисциплины.*

Вывод. *Исследование позволило сделать вывод о необходимости развития направления политико-экономических исследований в соответствии с положениями, закрепленными на уровне приказа Министерства науки и образования №118.*

Ключевые слова: *российская политическая наука; политико-экономические исследования; политическая экономия; экономическая политология; область исследований.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

© Устинович Е. С., 2021

Для цитирования: Устинович Е. С. К вопросу современного этапа развития политико-экономических исследований в российской политической науке: «политическая экономия» или «экономическая политология»? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 167–178. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-167-178.

Поступила в редакцию 21.08.2021 Принята к публикации 20.09.2021 Опубликована 22.10.2021

To the Question of the Current Stage of Development of Political and Economic Research in Russian Political Science: "Political Economy" or "Economic Political Science"?

Elena S. Ustinovich[1] ✉

[1]Kursk State Agricultural Academy named after Professor I. I. Ivanova
70 Karl Marx str., Kursk 305004, Russian Federation

✉ e-mail: lenausti@mail.ru

Abstract

The relevance *of the research topic is justified by the need to form a comprehensive understanding of the essence and content of modern economic relations and the role of state policy in their regulation, as well as the implementation of modern economic policy of the state, taking into account the existing system of state management of the economic sphere.*

The purpose *of the study is to analyze and generalize the experience of modern Russian political scientists in the latest research areas in modern Russian political science using the example of economic political science.*

Objectives *substantiation of the relevance of the development of economic political science as the most important, newest direction in the development of modern Russian political science; analysis of the positions of Russian scientists, representatives of political science regarding the subject of economic political science as a science and academic discipline; analysis of the state of representation of areas of training in economic political science, the discipline "Economic political science" in Russian educational institutions of higher education; justification of the need to introduce the discipline "Economic Political Science" for students of training areas in political science, public administration and economics*

The research methodology *is based on the author's approach, the author's hypothesis about the lack of political and economic research in modern Russian political science. The methods used are general scientific methods of analysis and synthesis of information, as well as political science and economic analysis.*

Results. *The urgency of the development of economic political science as the most important, newest direction of development of modern Russian political science and the need to introduce the discipline "Economic political science" for students of training areas in political science, public administration and economics are substantiated. The analysis of the positions of Russian scientists, representatives of political science regarding the subject of economic political science as a science and academic discipline is carried out.*

Conclusion. *The study made it possible to conclude that it is necessary to develop the direction of political and economic research in accordance with the provisions enshrined at the level of the order of the Ministry of Science and Education No. 118.*

Keywords: *Russian political science; political and economic research; political economy; economic political science; research area.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ustinovich E. S. To the Question of the Current Stage of Development of Political and Economic Research in Russian Political Science: "Political Economy" or "Economic Political Science"? *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 167–178. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-167-178.

Received 21.08.2021 Accepted 20.09.2021 Published 22.10.2021

Введение

Российская политическая наука прошла уже более чем тридцатилетний путь своего становления и развития и заняла достойное место среди отечественных общественных наук.

В течение всего периода развития политической науки в России все больше возникало ее новейших направлений, областей исследований. Сегодня одним из таких направлений по праву следует считать экономическую политологию.

Научный и практический интерес к экономической политологии возник в российском политологическом сообществе в сфере высшего образования более 10 лет назад. Тогда появились первые исследования, были разработаны первые (но немногие) авторские подходы к содержанию предмета экономической политологии.

В среде ученых-политологов возникала дискуссия о предмете экономической политологии, которую, как мы полагаем, следует считать до сегодняшнего дня незавершенной и которую следует продолжить.

Методология

В исследовании использованы общенаучные методы исследования – анализа и синтеза информации при включении методов политического и экономического анализа. Данный методологический подход позволяет автору агрегировать результаты научных исследований по заявленной научной проблеме ученых-политологов и ученых-экономистов, занимающихся развитием новой экономической политологии. В свою очередь, полученный научный результат определяет пробелы в современной политической науке, связанные с количественной и качественной недостаточностью политико-экономических исследований.

Результаты и их обсуждение

В продолжение актуальности рассматриваемой проблемы в рамках данной статьи следует обратить внимание на то, что некоторые ведущие вузы страны, такие как Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), МГИМО, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации активно развивают такое направление подготовки, как «Экономическая политология», или же, как минимум, включают в учебные планы подготовки будущих политологов и управленцев одноименную дисциплину.

При этом следует отметить, что «учебное» и «научное» развитие экономической политологии в последнее десятилетие в рамках российской политической науки складывается не вполне однозначно.

Интерес к ней настойчиво поддерживается усилиями пока еще небольшой части ученых-политологов, чьи интересы находятся в плоскости междисциплинарных политико-экономических исследований.

Но не только этот фактор стал одним из драйверов развития экономической политологии. В текущем 2021 г. появились вполне конкретные нормативные правовые основания усиления позиций экономической политологии как дисциплины и науки.

Так, в частности, приказ Министерства науки и образования Российской Федерации № 118[1] вносит достаточно серьезные корректировки в понимание содержания и будущих направлений ис-

[1] Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. N 1093: приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 N 118: [зарегистрировано в Минюсте России 06.04.2021 N 62998]. URL: http://publication.pravo. gov.ru/Document/ View/0001202104060043 (дата обращения: 11.09.2021).

следований в рамках современной российской политической науки.

В новый паспорт научных специальностей включена область исследований «Государственное управление и отраслевые политики» по политическим и экономическим наукам. По мнению автора, таким образом заявлены серьезные намерения в развитии политико-экономических исследований, новый исследовательский вектор в политической науке России.

В этой связи становится очевидной необходимость активизации политико-экономических исследований именно в рамках политических наук. Логично возникает и вопрос, в каком направлении следует действовать ученым-политологам.

Считаем, что, прежде всего, российскому политологическому сообществу необходимо ответить на несколько важнейших вопросов современного этапа развития политико-экономических исследований.

Во-первых, это вопрос о том, возрождают ли министерский приказ и активизация политико-экономических исследований утраченные ранее, преимущественно в конце 90-х годов прошлого века, позиции политической экономии или это развитие совершенно нового направления в рамках российской политической науки – экономической политологии?

Во-вторых, это вопрос о том, как сегодня представляется учеными общественных наук область исследований и предмет экономической политологии? Как уже было сказано выше, дискуссия о предмете экономической политологии не завершена, но и не продолжена. Считаем, что ответ на данный вопрос принципиально важен для понимания вектора дальнейшего развития современной российской политической науки на стыке политической и экономической науки.

Тридцатилетний путь развития российской политической науки, несомненно, упрочил ее позиции среди современных российских общественных наук и она вполне достойно прошла этот путь. Активно развивались такие разделы современной российской политической науки, как: теория политики, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика и этнополитика, политические проблемы международных отношений и т.д.

Однако личный, почти четвертьвековой опыт исследовательской, преподавательской и экспертной деятельности автора статьи по политическим наукам позволяет с уверенностью утверждать о крайней недостаточности количества научных работ за указанный период на стыке политических и экономических наук. По мнению автора, это вполне объяснимо целым рядом причин. Важнейшая из них, как мы полагаем, состоит в том, что такого рода политико-экономические исследования возможны к проведению и реализации специалистами, прежде всего являющимися специалистами в области экономических наук. В любом случае качественные политико-экономические исследования невозможно проводить, глубоко не разбираясь в тонкостях макро- и микроэкономики, экономической политики государства и субъектов экономической деятельности в национальном экономическом пространстве и при осуществлении внешнеэкономической деятельности.

Прорыва в направлении развития политико-экономических исследований за прошедшие три десятилетия не произошло также в силу необходимости укрепления собственно позиций политической науки, развития предметного поля но-

вейшей российской политической науки, среди которых важнейшими стали политические институты, процессы и технологии, а также политические проблемы международных отношений. При этом, справедливости ради, следует отметить, что утративший силу прежний паспорт научных специальностей по политическим наукам содержал в себе такую предметную область политологических исследований, как «Виды государственной политики». Однако это обстоятельство не стало фактором развития политико-экономических исследований.

Ответ на заявленный выше вопрос – куда ушла политическая экономия, на наш взгляд, объясняется достаточно просто, что также подтверждается мнением именитых российских ученых-экономистов, занимающихся данной проблематикой, среди которых, в первую очередь, следует назвать Н. В. Сычева (Институт экономики РАН). В своей научной статье «Диалектика (логика) «Капитала» К. Маркса: к вопросам трактовки» Н. В. Сычев вполне справедливо определяет политическую экономию в качестве фундаментальной экономической науки, вынужденно переосмысленной, прежде всего, в связи с политическими и общественно-экономическими трансформациями 90-х годов прошлого века.

Ученый, в частности, отмечает: «На волне этих преобразований началось радикальное переосмысление выработанных в течение ряда десятилетий теоретических представлений о предмете и методе фундаментальной экономической науки (таковой является политическая экономия), приведшее к кардинальной смене ее парадигмы.

В качестве такой парадигмы была принята западная экономическая теория (Экономикс). В соответствии с ней, руководствуясь отнюдь не научно-теоретическими, а политико-идеологическими соображениями, чиновники от науки… негласно в "лихие 90-е" приняли решение о ликвидации политической экономии как общетеоретической дисциплины.

В итоге политическая экономия оказалась упраздненной из учебного процесса. Вместо этой науки в российских высших и средних учебных заведениях были введены нейтральные в социально-политическом отношении общеобразовательные дисциплины рыночного толка – "экономическая теория", "экономика", "рыночная экономика" и т. п., в которых излагаются основные концептуальные идеи англо-американских курсов Экономикс.

Последняя ориентирована главным образом на простое описание (посредством обширного математического инструментария) рыночных процессов, совершающихся на уровне микро- и макроэкономики» [1].

Действительно, согласно данным Российской государственной библиотеки (РГБ), последние исследования по политической экономике были проведены и датированы 2000 г. Например, это исследования таких проблем, как «Совершенствование социалистического природопользования: (Политико-экономический анализ)» (Н. М. Иманов) [2], «Теоретические основы многоукладной экономики: Политико-экономические аспекты» (Н. В. Сычев) [3], «Самоуправление трудового коллектива при переходе к рыночной экономике: Политико-экономические проблемы» (Н. В. Бартош) [4], «Малое предприятие трудового типа: Политико-экономический аспект» (И. А. Ерахтина) [5] и др.

После 2000 г. политико-экономические исследования стали относиться исключительно к экономической теории. Здесь можно назвать диссертационные

работы таких исследователей, как: И. В. Жабина «Коммерческий банк как квазиобщественная организация: Политико-экономический аспект» [6], А. И. Страхов «Теоретические основы обеспечения безопасности общества: Политико-экономические аспекты» [7], К. Н. Бабаев «Структурные изменения в экономике современной России: политико-экономические аспекты» [8], Е. В. Кочкурова «Структурные изменения в экономике современной России: политико-экономические аспекты» [9], О. О. Комолов «Тенденции монополизации современной рыночной экономики: политико-экономический аспект» [10] и др.

Проанализировав несколько десятков авторефератов защищенных диссертационных исследований кандидатского и докторского уровней в 90-х годах прошлого века и начала двадцать первого века в Российской государственной библиотеке (РГБ) с включенным в название исследований дефиниции «политико-экономический», можно сделать вполне определенный вывод, а именно весь период так называемых девяностых годов указанные диссертационные исследования защищались только по экономическим наукам, причем преимущественно по шифру научных специальностей 08.00.01.

Период начиная с 2014 г. отмечен появлением первых диссертационных работ политико-экономического характера, защищенных в рамках политических наук. В частности, это работы Г. А. Колобовой «Специфика политико-государственных механизмов регулирования экономики в современной России» [11] и Т. С. Тараканової «Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества: проблемы политико-экономического взаимодействия» [12].

Этот факт свидетельствует о том, что, по сути, первые глубокие политико-экономические исследования появились в рамках российской политической науки только в самое последнее время.

Именно в этой связи представляют научную ценность уже представленные в научном публичном пространстве отдельные научные политико-экономические разработки, например, относительно развития категориального аппарата исследований экономической политики, структуры категорий и совершенствования методологии формирования и реализации экономической политики последних нескольких лет [13, с. 132–140; 14, с. 55–62; 15, с. 63–69; 16, с. 123–128].

Проведенный нами контент-анализ научных работ фактически свидетельствует о постепенном нарастании научного интереса к политико-экономическим исследованиям в рамках политических наук [17, с. 56]. При этом также следует обратить внимание на важное обстоятельство. По нашему мнению, политико-экономические научные исследования несколько запоздали по сравнению с фактом появления учебной литературы по экономической политологии. Это важное обстоятельство, на наш взгляд, объясняет возникшую дискуссию в 2016 г. относительно предмета экономической политологии, которая, к сожалению, как мы полагаем, не была подхвачена политологическим сообществом в то время.

Понятие экономической политологии рассмотрел в своей научной статье «Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России» А. Д. Богатуров в 2011 г. В частности, он подчеркнул, что «экономическая политология формируется как дисциплина об общих закономерностях отношений бизнеса с государством и обществом и специфике этих отношений в любых

странах, которые могут интересовать бизнес с точки зрения политических условий для его активности» [18, с. 8–19].

С такой позицией не согласна Г. А. Колобова. В 2016 г. в научной статье «О предметном поле экономической политологии» Г. А. Колобова вступила в дискуссию с А. Д. Богатуровым и отметила важную роль государства в формировании и реализации экономической политики и т.д. [19]

Автору настоящей статьи более близка позиция Г. А. Колобовой. Ведь даже через призму макроэкономической науки государство является одним из четырех важнейших экономических агентов наряду с фирмами, домохозяйствами и иностранным сектором.

В 2018 г. в свет вышла монография под редакцией Л. Е. Ильичевой и В. С. Комаровского «Предметное поле экономической политологии», в которой оно было расширено за счет такой проблематики, как: экономическая политология в ракурсе дискурса государственного управления, политического менеджмента, правового регулирования экономических отношений и др. [20]

Таким образом, более раннее появление «Экономической политологии» как учебной дисциплины в учебных планах подготовки бакалавров и магистров по политологическим и управленческим направлениям подготовки в вузах дало возможность авторам такого рода учебной литературы предложить собственное видение ее содержания и предмета.

Выводы

Считаем, что зарегистрированный в Минюсте России в апреле 2021 г. приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 возвращает утраченные «экономические» позиции политической науки России. Он вводит область исследования «Государственное управление и отраслевые политики» и определяет ее в качестве области исследований для политических наук и экономических наук.

По сути, изменения 2021 г., связанные с введением в область исследования политической науки государственного управления и отраслевых политик, становятся основным фактором активизации научных исследований и разработок политико-экономических проблем.

Сказанное объясняет актуальность исследования и ставит, в первую очередь, вопрос о состоянии междисциплинарных политико-экономических исследований в настоящее время.

Между тем следует отметить, что в самое последнее время интерес к политологии как, прежде всего, дисциплине в российских вузах заметно снизился и далеко не все учебные заведения принимают решение о ее сохранении (тем более, введении) в учебных планах подготовки бакалавров, специалистов и магистров. Во многом это зависит от наличия специалистов, способных качественно прочитать данный курс академического или университетского уровня, которых, к сожалению, тоже не так много.

К такого рода специалистам следует относить, прежде всего, тех, кто, работая в качестве преподавателя вуза, имеет ученую степень кандидата или доктора политических наук, а также тех преподавателей, которые находились у истоков становления российской политической науки и прошли вместе с ней долгий путь к ее становлению.

Но и этого, как оказывается, недостаточно. Для полноценного развития политологии как вузовской дисциплины необходимы также и соответствующие решения, энтузиазм преподавателей, считающих ее необходимой для подготовки современного специалиста.

В Курской области необходимо отметить важные усилия по развитию политологии таких высших учебных, как Юго-Западный государственный университет, где на протяжении многих лет дисциплина «Политология» преподавалась на большинстве направлений подготовки бакалавров и специалистов, в том числе на экономическом факультете. В 2021 учебном году в учебные планы нового поколения подготовки экономистов и менеджеров в Курской государственной сельскохозяйственной академии имени И. И. Иванова введена дисциплина «Экономическая политология».

В целом, мы считаем необходимым введение такой дисциплины, как «Экономическая политология», в учебные планы тех направлений подготовки, которые, прежде всего, относятся к экономико-управленческому блоку. Преподавание исключительно экономической теории, без учета современных, новейших изменений политико-экономического характера в развитии общества и государства, не отвечает современным условиям общественно-политического и социально-экономического развития России.

Список литературы

1. Сычев Н. В. Диалектика (логика) «капитала» К. Маркса: к вопросам трактовки // Вопросы экономики и права. 2018. № 122. С. 21–29.

2. Иманов Н. М. Совершенствование социалистического природопользования: (Политико-экономический анализ): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1990.

3. Сычев Н. В. Теоретические основы многоукладной экономики: Политико-экономические аспекты: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2000. 47 с.

4. Бартош Н. Ф. Самоуправление трудового коллектива при переходе к рыночной экономике: Политико-экономические проблемы: автореф. дис. … канд. экон. наук. Ростов н/Д, 1996. 23 с.

5. Ерахтина И. А. Малое предприятие трудового типа: Политико-экономический аспект: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Иваново, 2000. 18 с.

6. Жабина И. В. Коммерческий банк как квазиобщественная организация: Политико-экономический аспект: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Иваново, 2004. 20 с.

7. Страхов А. И. Теоретические основы обеспечения безопасности общества: Политико-экономические аспекты: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2002. 46 с.

8. Бабаев К. Н. Экономическая безопасность региона: Политико-экономический аспект: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Кострома, 2000. 19 с.

9. Кочкурова Е. В. Структурные изменения в экономике современной России: политико-экономические аспекты: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012. 26 с.

10. Комолов О. О. Тенденции монополизации современной рыночной экономики: политико-экономический аспект: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2016. 27 с.

11. Колобова Г. А. Специфика политико-государственных механизмов регулирования экономики в современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Казань, 2014. 49 с.

12. Тараканова Т. С. Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества: проблемы политико-экономического взаимодействия: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2017. 25 с.

13. Устинович Е. С., Куликов М. В. Политико-административные и экономико-правовые проблемы развития предпринимательства в регионах России (опыт Курской области) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 1. С. 132–140.

14. Устинович Е. С., Бочанов М. А. Политико-экономические барьеры разработки государственной политики по созданию институтов регионального развития // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7, № 1. С. 55–62.

15. Устинович Е. С. Вопросы операционального определения категории «Государственная региональная экономическая политика» и «Региональная экономическая политика» в современной политической науке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 63–69.

16. Устинович Е. С. Вопросы структуры категории «региональная экономическая политика» в современной политической науке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 123–128.

17. Устинович Е. С. Политико-экономические барьеры разработки государственной политики по созданию институтов регионального развития // Проблемы постсоветского пространства. 2020. №1. С. 55–63.

18. Богатуров А. Д. Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 4. С. 8–19.

19. Колобова Г. А. О предметном поле экономической политологии // Власть. 2016. Т. 24, № 12. С. 156–159.

20. Ильичева Л. Е., Комаровский В. С. Предметное поле экономической политологии: монография. М.: Аспект-Пресс 2018. 240 с.

References

1. Sychev N. V. Dialektika (logika) "kapitala" K. Marksa: k voprosam traktovki [Dialectics (logic) of K. Marx's "capital": to questions of interpretation]. *Voprosy ekonomiki i prava = Questions of economics and law*, 2018, no. 122, pp. 21–29.

2. Imanov N. M. Sovershenstvovanie socialisticheskogo prirodopol'zovaniya: (Politiko-ekonomicheskij analiz). Avtoref. diss. dokt. ekon. nauk [Improvement of socialist environmental management: (Political and economic analysis). Dr. econ. sci. abstract dis.]. Moscow, 1990.

3. Sychev N. V. Teoreticheskie osnovy mnogoukladnoj ekonomiki: Politiko-ekonomicheskie aspekty. Avtoref. diss. dokt. ekon. nauk [Theoretical foundations of a multi-layered economy: Political and economic aspects. Dr. econ. sci. abstract dis.]. Moscow, 2000. 47 p.

4. Bartosh N. F. Samoupravlenie trudovogo kollektiva pri perekhode k rynochnoj ekonomike: Politiko-ekonomicheskie problemy. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Self-management of the labor collective during the transition to a market economy: Political and economic problem. Dr. econ. sci. abstract dis.]. Rostov-on-Don, 1996. 23 p.

5. Erahtina I. A. Maloe predpriyatie trudovogo tipa: Politiko-ekonomicheskij aspect. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Small labor-type enterprise: Political and economic aspect. Cand. econ. sci. abstract dis.]. Ivanovo, 2000. 18 p.

6. Zhabina I. V. Kommercheskij bank kak kvaziobshchestvennaya organizaciya: Politiko-ekonomicheskij aspect. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Commercial bank as a quasi-public organization: Political and economic aspect. Cand. econ. sci. abstract dis.]. Ivanovo, 2004. 20 p.

7. Strahov A. I. Teoreticheskie osnovy obespecheniya bezopasnosti obshchestva: Politiko-ekonomicheskie aspekty. Avtoref. diss. dokt. ekon. nauk [Theoretical foundations of ensuring the security of society: Political and economic aspects. Dr. econ. sci. abstract dis.]. M., 2002. 46 p.

8. Babaev K. N. Ekonomicheskaya bezopasnost' regiona: Politiko-ekonomicheskij aspect. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Economic security of the region: Political and economic aspect. Cand. econ. sci. abstract diss.]. Kostroma, 2000. 19 p.

9. Kochkurova E. V. Strukturnye izmeneniya v ekonomike sovremennoj Rossii: politiko-ekonomicheskie aspekty. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Structural changes in the Economy of Modern Russia: Political and economic aspects. Cand. econ. sci. abstract diss.]. Moscow, 2012. 26 p.

10. Komolov O. O. Tendencii monopolizacii sovremennoj rynochnoj ekonomiki: politiko-ekonomicheskij aspect. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Trends of monopolization of the modern market economy: political and economic aspect. Cand. econ. sci. abstract dis.]. Moscow, 2016. 27 p.

11. Kolobova G. A. Specifika politiko-gosudarstvennyh mekhanizmov regulirovaniya ekonomiki v sovremennoj Rossii. Avtoref. diss. dokt. polit. nauk [The specifics of political and state mechanisms of economic regulation in modern Russia. Dr. polit. sci. abstract dis.]. Kazan', 2014. 49 p.

12. Tarakanova T. S. Rossiya i Kitaj v Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva: problemy politiko-ekonomicheskogo vzaimodejstviya. Avtoref. diss. kand. polit. nauk [Russia and China in the Shanghai Cooperation Organization: problems of Political and economic cooperation. Cand. polit. sci. abstract diss.]. St. Petersburg, 2017. 25 p.

13. Ustinovich E. S., Kulikov M. V. Politiko-administrativnye i ekonomiko-pravovye problemy razvitiya predprinimatel'stva v regionah Rossii (opyt Kurskoj oblasti) [Political-administrative and economic-legal problems of entrepreneurship development in the regions of Russia (experience of the Kursk region)]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional problems of economic transformation*, 2020, no. 1, pp. 132–140.

14. Ustinovich E. S., Bochanov M. A. Politiko-ekonomicheskie bar'ery razrabotki gosudarstvennoj politiki po sozdaniyu institutov regional'nogo razvitiya [Political and economic barriers to the development of state policy on the creation of regional development institutions]. *Problemy postsovetskogo prostranstva = Problems of the post-Soviet space*, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 55–62.

15. Ustinovich E. S. Voprosy operacional'nogo opredeleniya kategorii "Gosudarstvennaya regional'naya ekonomicheskaya politika" i "Regional'naya ekonomicheskaya politika" v sovremennoj politicheskoj nauke [Issues of operational definition of the category "State regional economic policy" and "Regional economic policy" in modern political science]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 63–69.

16. Ustinovich E. S. Voprosy struktury kategorii "regional'naya ekonomicheskaya politika" v sovremennoj politicheskoj nauke [Questions of the structure of the category "regional economic policy" in modern political science]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 123–128.

17. Ustinovich E. S. Politiko-ekonomicheskie bar'ery razrabotki gosudarstvennoj politiki po sozdaniyu institutov regional'nogo razvitiya [Political and economic barriers to the development of state policy on the creation of regional development institutions]. *Problemy postsovetskogo prostranstva = Problems of the post-Soviet space*, 2020, no. 1, pp. 55–63.

18. Bogaturov A. D. Ponyatie ekonomicheskoj politologii i osobennosti ee problemnogo polya v Rossii [The concept of economic political science and the features of its problem field in Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political studies*, 2011, no. 4, pp. 8–19.

19. Kolobova G. A. O predmetnom pole ekonomicheskoj politologii [About the subject field of economic political science]. *Vlast' = Power*, 2016, vol. 24, no. 12, pp. 156–159.

20. Il'icheva L. E., Komarovskij V. S. Predmetnoe pole ekonomicheskoj politologii [The subject field of economic political science]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2018. 240 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Устинович Елена Степановна, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики, управления и гуманитарных наук, Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И. И. Иванова; руководитель Курского отделения Национального союза политологов, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: lenausti@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7690-8504

Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics, Management and Humanities, Kursk State Agricultural Academy named after Professor I. I. Ivanova; Head of the Kursk branch of the National Union of Political Scientists, Kursk, Russian Federation,
e-mail: lenausti@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7690-8504

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-178-190

CC BY 4.0

Реализация внешнеполитической повестки США на постсоветском пространстве в период президентства Д. Трампа: опыт взаимодействия с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан

Е. С. Шевченко[1] ✉

[1]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
проспект Вернадского 82, г. Москва 119571, Российская Федерация

✉ e-mail: katerina.shevv@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Экспорт американских политических нарративов и принципов продуцирует оформление в контексте американской политической традиции определенных смысловых компонентов внешнеполитической повестки США и порядка ее реализации с учетом специфики взаимодействия с остальными политическими акторами. В рамках происходящих процессов и существующих процедур межгосударственного взаимодействия на постсоветском пространстве политическим руководством США формулируется арсенал инструментов и техник реализации заявленных целей и задач.*

Цель. *Основной целью написания статьи является формулирование сценариев реализации внешнеполитической повестки США в период президентства Д. Трампа на постсоветском пространстве в отношении Республики Беларусь и Республики Казахстан.*

Задачи: *формулирование направлений взаимодействия США с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан в период президентства Д. Трампа; выявление специфики президентства Д. Трампа в контексте реализации внешнеполитической повестки США в отношении Республики Беларусь и Республики Казахстан.*

Методология. *Автором использована преимущественно следующая группа методов в процессе написания статьи: информационный анализ, контент-анализ, ивент-анализ, многофакторный анализ.*

Результаты. *Автором определена целесообразность формулирования ключевых сценариев реализации внешнеполитической повестки США на постсоветском пространстве исходя из опыта взаимодействия США с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан в период президентства Д. Трампа с учетом заявленной проблематики.*

Вывод. *Период президентства Д. Трампа характеризуется пересмотром некоторых традиционных с точки зрения соответствия узловым категориям американской зарубежной политической практики концептов и уточнением внешнеполитической повестки США на постсоветском пространстве в отношении Республики Беларусь и Республики Казахстан в направлении интенсификации сотрудничества по конкретным вопросам финансово-экономического развития.*

Ключевые слова: *Республика Беларусь; Республика Казахстан; постсоветское пространство; внешнеполитическая повестка; межгосударственное взаимодействие.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Шевченко Е. С. Реализация внешнеполитической повестки США на постсоветском пространстве в период президентства Д. Трампа: опыт взаимодействия с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 178–190. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-178-190.

Поступила в редакцию 17.08.2021 Принята к публикации 20.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Шевченко Е. С., 2021

Realization of the us Foreign Policy Agenda in Post-Soviet Space in the Period of D. Trump's Presidency: Experience of Interaction with the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan

Ekaterina S. Shevchenko[1] ✉

[1]Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Prospect Vernadskogo, Moscow 119571, Russian Federation

✉ e-mail: katerina.shevv@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Export of American political narratives and principles produces the design of certain meaningful components of the US foreign policy agenda and order of its realization with regard to the specificity of interaction with other political actors in the context of American political tradition. Within the framework of current processes and existing procedures of interstate interaction in Post-Soviet space the US political elite is formulating the arsenal of tools and techniques of realization of stated goals and tasks that means appeal to the next concepts.*

Purpose. *The main purpose of this article is to formulate scenarios of realization of the US foreign policy agenda in Post-Soviet space in the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan in the period of D. Trump's presidency.*

Objectives: *formulation of directions of interaction between the Unites States and the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan in the period of D. Trump's presidency, reveal of specific of D. Trump's presidency in the context of realization of the US foreign policy agenda in the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan.*

Methodology. *The author mainly used the following group of methods in the process of writing this article: information analysis, content analysis and event analysis, multifactor analysis.*

Results. *The author identifies reasonability of formulation the key scenarios of realization of the US foreign policy agenda in Post-Soviet space from experience of interaction between the Unites States and the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan in the period of D. Trump's presidency with regard to the declared problematic.*

Conclusion. *The period of D. Trump's presidency is characterized by revision of some traditional concepts in terms of compliance with the central categories of American foreign political practice and correction of the US foreign policy agenda in Post-Soviet Space in the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan in the direction of intensification of cooperation on specific issues of financial and economic development.*

Key words: *Republic of Belarus; Republic of Kazakhstan; Post-Soviet space; foreign policy agenda; interstate cooperation.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Shevchenko E. S. Realization of the us Foreign Policy Agenda in Post-Soviet Space in the Period of D. Trump's Presidency: Experience of Interaction with the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 178–190. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-178-190.

Received 17.08.2021 Accepted 20.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Одним из аспектов политической деятельности США в период президентства Д. Трампа является реализация внешнеполитической повестки в отношении таких влиятельных игроков на постсоветском пространстве, как Республика Беларусь и Республика Казахстан (в целом данный период рассматривается в качестве переломного в контексте реализации политического потенциала США на глобальном уровне [1, p. 7]). Корректировка внешнеполитического курса с утверждением Д. Трампа на посту президента

США сопряжена с выбором таких императивов, как формулирование наиболее выгодных в финансово-экономическом отношении траекторий политического сотрудничества, диверсификация политических механизмов поддержания влияния американских компаний [2, с. 112; 3, с. 60]. Понимание перспективности и эффективности выстраивания взаимодействия конкретно с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан американским политическим руководством связано по большей части с использованием имеющегося ресурсного потенциала и осуществлением контроля над реализацией политических и экономических интересов данных государств, причем в качестве перспективного используется инструментарий, предлагаемый политическим опытом медиатизации политики [14, p. 14]. В данном смысле выстраивание совместной деятельности и оформление специфики двусторонних проектов (преимущественно в контексте межгосударственного экономического развития) происходят сквозь призму утверждения конкретных сценариев реализации внешнеполитической повестки США в данном регионе, при этом необходимо иметь в виду оформленную Д. Трампом практику обращения к политическим концептам, не интегрированным в рамках утвержденной на мировом уровне политико-исторической символики [5, p. 437; 6, p. 91].

Методология

Методологической основой написания статьи является преимущественно следующая группа методов: информационный анализ (в части анализа информационных источников и ресурсов), контент-анализ (в части анализа релевантной источниковой тематической базы), ивент-анализ (в части анализа взаимодействия США с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан в период президентства Д. Трампа относительно политических процессуальных аспектов), многофакторный анализ (в части анализа факторов обусловленности внешнеполитической повестки США на постсоветском пространстве спецификой президентства Д. Трампа).

Результаты и их обсуждение

Реализация внешнеполитической повестки США в период президентства Д. Трампа в отношении Республики Беларусь фокусируется в рамках следующих сценариев:

1. Встраивание утвержденных форматов и используемых инструкций двустороннего сотрудничества в канву адресно формулируемых санкционных мер и ограничительных мероприятий, профилирование и диверсификация которых зависят от действий, предпринимаемых на уровне таких учреждений, как Министерство финансов США (Управление по контролю за иностранными активами), Министерство торговли США (Бюро промышленности и безопасности). Кроме того, органами государственной власти США осуществляется подготовка специальных обзоров санкционной политики, предоставляются материалы по направлению FAQ. Под прицелом со стороны американского санкционного давления оказываются преимущественно белорусские частные предприятия (нефтехимическое производство, реализация сельскохозяйственной продукции) и конкретные персоналии (Лидия Ермошина, Виктор Шейман)[1]. При этом американским политическим руководством предусмотрены некоторые решения аппроксимирующего или «смягчающего» свойства: гарантируется выдача особых лицензий

[1] Text of a Notice on the Continuation of the National Emergency With Respect to Belarus // White House. 2020. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/text-notice-continuation-national-emergency-respect-belarus-2/ (дата обращения: 20.06.2021); US Prolongs Sanctions Against Belarus President // Emerging Europe. 2019. URL: https://emerging-europe.com/news/us-prolongs-sanctions-against-belarus-president/ (дата обращения: 20.06.2021).

(Belarus General License 2-F, Belarus General License 2-G), предоставляющих право совершения тех или иных подлежащих запрету транзакций, а также происходит отмена некоторых ранее введенных санкционных режимов.

2. Формулирование критики и обвинительной риторики в адрес публичных и влиятельных представителей политической элиты Республики Беларусь на основе следующих основных индикаторов: характер и уровень соблюдения прав человека в государстве (согласно данным Country Reports on Human Rights Practices, Республика Беларусь признана государством, в котором государственная власть сосредоточивается в одних руках и отсутствует приемлемая система сдержек и противовесов, а также происходит вмешательство в личную жизнь граждан и вводятся ограничения активности политических субъектов; отдельно отмечается низкое качество нормотворческой деятельности и несоответствие декларируемых пределов действия правовых норм фактической ситуации в стране[1]); характеристика стиля принятия политических решений и политической обстановки внутри государства (утверждение авторитарного политического режима, что не позволяет в более транспарентной манере и с учетом принципа взаимоприемлемости развивать и поддерживать политические и иные отношения между государствами); специфика развития российско-белорусских отношений (демонстрация излишней взаимозависимости систем обоих государств в политическом и экономическом отношении, а также допущение давления российской стороны, преследующей собственные узкоориентированные интересы); направленность и специфика внешнеполитической деятельности (непринятие конкретных политических практик, формулируемых представителями международного сообщества, в результате чего в государстве утверждается собственная, независимая политическая повестка, – эксплицитно данный тренд просматривается на фоне событий, связанных с распространением COVID-19).

3. Поиск адаптированных механизмов и атрибутов организации экспортно-импортных отношений, подразумевающий анализ рынков сбыта влиятельных компаний и предприятий США и Республики Беларусь, а также определение факторов рентабельности и самодостаточности конкретных отраслей и проблемных зон, требующих более оптимизированного финансового регулирования и уменьшения количества расходных статей. Со стороны американских и белорусских бизнесменов и руководителей коммерческих организаций показательна заинтересованность в проведении совместных мероприятий, организации обмена имеющимся в данной отрасли опытом (относительно недавно на высшем управленческом уровне обсуждались деловое и инвестиционное сотрудничество субъектов американского и белорусского бизнеса, обеспечение доступа белорусской продукции на американский рынок через площадки Walmart и Sam's Club). Что касается внешнеторгового оборота между государствами, то за последние годы динамика в принципе позитивна (в 2017 г. товарооборот между США и Республикой Беларусь составил примерно 603 млн долл., в 2018 г. – примерно 711 млн долл.), однако в 2019 г. наметилось заметное снижение показателей, вызванное действием некоторых инициируемых американской стороной санкционных мероприятий в отношении белорусских поставщиков и производителей. При этом в Республике Беларусь продолжают успешно функционировать такие американские корпорации, как EPAM Systems, Microsoft, HP, Culligan, а ведущие позиции в белорусском экспорте в США за-

[1] 2019 Country Reports on Human Rights Practices // United States Department of State. 2020. URL: https://www.state.gov/reports/2019-country-reports-on-human-rights-practices/ (дата обращения: 26.07.2021).

нимают металлопродукция, сельскохозяйственные удобрения, оптическое оборудование, текстильные изделия.

4. Предложение актуализированных рамочных условий и данных с целью достижения договоренности не только относительно нефтепоставок из США в Республику Беларусь, но и с расчетом на укрепление и интенсификацию сотрудничества между государствами по обширному спектру вопросов, касающихся использования топливно-энергетических ресурсов и регулирования ценообразования. Помимо этого американской стороной формулируется идея относительно необходимости определения вариантов и программ заполнения имеющегося вакуума в отдельных сегментах и локусах двусторонних отношений по ряду вопросов в области экономики и торговли, а также разумности поиска и обсуждения приемлемых для обеих сторон альтернатив.

5. Выстраивание сотрудничества в области региональной безопасности и определение контуров дальнейшей кооперации по поводу поставок военного оборудования и организации совместных обеспечительных мероприятий. В частности, зимой 2020 г. была организована встреча государственного секретаря Совета безопасности Республики Беларусь Андрея Равкова и временного поверенного в делах США в Республике Беларусь Дженифер Мур (Jenifer Moore) с участием военных атташе: в ходе встречи обсуждались военные учения Defender Europe 2020, предъявляемые требования относительно военно-технической политики современных государств, существующие практики и процедуры выстраивания конструктивного диалога по военным поставкам и обмену опытом, гарантии обеспечения открытых отношений в области региональной и международной безопасности[1]. При этом Республика Беларусь доктринально позиционируется в качестве гаранта безопасности в данном регионе – в соответствии с концепцией строительства и развития ВС Республики Беларусь до 2030 года и плана обороны Республики Беларусь на 2020–2024 годы в государстве формируется независимая архитектура национальной безопасности, утверждающая автономность и суверенность белорусского государства, не подразумевающая военно-политическую изоляцию и выведение из фокуса актуальных вопросов развития военного сотрудничества с другими государствами. В данном смысле политическому руководству Республики Беларусь необходимо сосредоточиться в том числе на поиске вариантов и возможностей поэтапного сокращения зависимости от поставок российской военной техники. Кроме того, одним из аспектов двустороннего взаимодействия в контексте проблематики региональной безопасности является подписание весной 2019 г. ряда документов в области контроля над наркотиками между Управлением по борьбе с наркотиками в составе Министерства юстиции США (Drug Enforcement Administration) и рядом правительственных структур Республики Беларусь[2]. Данная документация ориентирована на противодействие противозаконной торговле наркотическими веществами и легализации денежных средств, а также на обмен доступной информацией, связанной с возможностью обнаружения правонарушений и их расследования.

6. Использование имеющихся противоречий между Минском и Москвой в процессе нейтрализации жесткости и бескомпромиссности предъявляемых встречных требований с учетом формулирования решения той или иной про-

[1] Белоруссия и США обсудили размещение американских войск у границ республики // РИА Новости. 2019. URL: https://ria.ru/20191029/1560369805.html (дата обращения: 10.06.2021).

[2] Беларусь и США подписали ряд документов о сотрудничестве в борьбе с наркотиками // Посольство США в Республике Беларусь. 2019. URL: https://by.usembassy.gov/be/belarus-and-usa-sign-memoranda-on-drug-trafficking/ (дата обращения: 04.06.2021).

блемы и урегулирования создавшегося рассогласования с американскими правительственными структурами, представителями дипломатического корпуса, финансовыми институтами, коммерческими организациями с целью усиления геополитической статусности и закрепления политических императивов США в существующей глобальной политической конъюнктуре, позиционирования американского государства в качестве амбициозного политического игрока и влиятельного экспортера наиболее эффективных проектов и концептов (здесь же необходимо отметить специфику политической деятельности непосредственно президента США с точки зрения усиления и популяризации авторитарно обусловленных имиджевых и репутационных политических позиций, приоритетность чего была обозначена Д. Трампом в 2016 г. [7, p. 18; 8, p. 210]). Данная карта разыгрывается не первый год американскими президентами, претерпевая при этом некоторые корректировки, вместе с тем она является стандартной в смысле понимания смысловых и инструменталистских аспектов реализации политических интересов США [9, с. 105–106].

Итоги развития американо-белорусских отношений можно считать в целом позитивными, хотя в данном контексте президентство Д. Трампа подразумевает корректировку стиля ведения переговоров, методологии реализации внутри- и внешнеполитических задач и т. д. [10, с. 2286] Это достигнуто в результате пересмотра некоторых введенных политическим руководством США ограничений и запретов, готовности обеих сторон к установлению конструктивного диалога, обновления картотеки подлежащих обсуждению вопросов и проблем, выстраивания взаимодействия в форме консультаций и переговоров исходя из нового понимания целей и задач межгосударственной коммуникации (при этом, однако, не выносятся за скобки беспрецедентный отход Д. Трампа от утвержденных практик президентской активности и сформированный им вызов существующим правилам игры на мировой политической арене [11, p. 317; 12, p. 176]). Особое значение приобретает общение на уровне высокопоставленных официальных лиц и сотрудников органов исполнительной власти, центральной идеей которого является определение и закрепление стратегически важных и взаимовыгодных направлений развития двустороннего сотрудничества, что предполагает выстраивание стабильных союзнических отношений и соблюдение своего рода «красных линий».

Реализация внешнеполитической повестки США в период президентства Д. Трампа в отношении Республики Казахстан фокусируется в рамках следующих сценариев:

1. Участие в нормативно-правовом оформлении ряда вопросов в таких областях, как финансовая отчетность и налогообложение, транспортно-транзитные отношения, обеспечение коммуникации на высшем уровне, безопасность информации, воздушно-транспортное сообщение, создание благоприятных условий для выстраивания эффективной совместной работы сотрудников консульских и дипломатических служб государств: Соглашение о совершенствовании международной налоговой дисциплины (2017 г.), изменения в Соглашение об обеспечении коммерческого железнодорожного транзита специального груза через территорию Республики Казахстан в связи с участием США в усилиях по стабилизации и восстановлению Исламской Республики Афганистан в связи с добавлением портов Курык и Актау в действующий маршрут транзита специального груза в Афганистан (2018 г.)[1], Соглашение о

[1] Назарбаев сказал «да»: спецгрузы США будут идти в Афганистан через порты РК // Forbes Kazakhstan. 2018. URL: https://forbes.kz/process/nazarbaev_skazal_da_spetsgruzyi_ssha_budut_idti_v_afganistan_cherez_portyi_rk/ (дата обращения: 04.06.2021).

прямой телефонной связи между президентами США и Республики Казахстан (2019 г.), Соглашение касательно мер безопасности по защите секретной информации (2019 г.), Соглашение о воздушном сообщении (2020 г.), Соглашение между США и Республикой Казахстан о консульских привилегиях и иммунитетах (2020 г.)[1].

2. Использование имеющегося потенциала в процессе выстраивания бизнес-кооперации на уровне ведущих коммерческих организаций обоих государств – соглашения между НПЦЗХ имени А. И. Бараева и Valmont Industries (внедрение инновационных агротехнологий и оптимизация использования современного оборудования), КТЖ и General Electric (поставка локомотивов и обслуживание используемого оборудования), Фондом национального благосостояния «Самрук-Казына» и GE Digital (стратегическое партнерство), казахстанскими авиакомпаниями (SCAT Airlines, Air Astana) и американской корпорацией Boeing (закупка пассажирских самолетов)[2]. Не менее важными являются содействие фармацевтической компании Pfizer закреплению реализации американской продукции на казахстанском рынке и установление взаимодействия в рамках энергетического сотрудничества в форме технических консультаций и реинвестирования в казахстанские проекты со стороны некоторых американских энергетических компаний. В данный период также подписаны со стороны бизнес-элиты Республики Казахстан соглашения с Baron Services (метеорология), Sierra Nevada Corporation (авиастроение), Honeywell и DTN (цифровизация)[3].

Как правило, широкоформатное обсуждение вопросов, связанных со структуризацией торгово-экономических отношений между государствами, организуется на уровне представителей Посольства США в Республике Казахстан, Корпорации зарубежных частных инвестиций (Overseas Private Investment Corporation), руководящего состава крупных американских компаний (Microsoft, HP, Netflix, Uber), американской биржи NASDAQ и представителей Министерства иностранных дел Республики Казахстан, Делового совета по международному взаимопониманию (Business Council For International Understanding), руководителей ведущих компаний Республики Казахстан, Международного финансового центра «Астана». Особого внимания требуют локализация специальных экономических и индустриальных зон, достижение необходимого уровня преференциальной политики, формулирование специальных программ упрощения валютного и трудового режимов, применение современных финансовых инструментов.

3. Утверждение оптимальных режимов поддержания стратегического энергетического диалога и расширение границ выстраивания кооперации в таких вопросах, как ядерное нераспространение, развитие гражданских ядерных технологий, энергетическая безопасность, грамотное и эффективное использование энергетических ресурсов, партнерство в нефтегазовой отрасли, разработка соответствующей документации в рамках создания нормативно-правового поля (подписанное в 2017 г. Соглашение «О совместном заявлении о сотрудничестве в области энергетики»; подписанный в

[1] Парламент Казахстана принял соглашение с США о консульских привилегиях и иммунитетах // Sputnik Kazakhstan. 2020. URL: https://ru.sputniknews.kz/politics/20200409/13628494/parlament-kazakhstan-soglashenie-usa.html (дата обращения: 04.06.2021).

[2] Казахстан подписал с американскими компаниями соглашения на $2,5 миллиарда // РИА Новости. 2018. URL: https://ria.ru/20180117/1512744669.html (дата обращения: 10.06.2021).

[3] Что значат США для Казахстана? Цифры и факты // Forbes Kazakhstan. 2019. URL: https://forbes.kz//life/opinion/chto_znachit_ssha_dlya_kazahstana_tsifryi_i_faktyi/? (дата обращения: 10.06. 2021).

2019 г. Меморандум о взаимопонимании, предусматривающий развитие Центрально-Азиатского регионального рынка электроэнергии). В контексте формулирования единой энергетической повестки определяется важность таких вопросов, как утверждение на программном уровне институционального дизайна сотрудничества, разработка требований и стандартов определения энергоэффективности. Утверждению центральных ориентиров единой программы развития в области энергетики между США и Республикой Казахстан способствует формулирование интегрированного подхода в отношении данного вопроса, основанного на принятии перспективности инновационного развития, целесообразности разграничения участия государственного и частного секторов в процессе проектирования и строительства энергетических объектов, необходимости поддержания устойчивости и эффективности развития энергосистем, важности расширения и укрепления энергетических рынков. В качестве отдельных вех межгосударственного взаимодействия в контексте энергетических вопросов отмечаются обучение казахстанских ученых на базе американских научно-исследовательских институтов (Idaho National Laboratory); разведка и транспортировка нефти и газа американскими частными компаниями на территории Республики Казахстан (Exxon Mobil Corporation); участие Chevron Corporation в строительстве трубопровода КТК на базе таких месторождений казахстанской нефти, как Тенгиз и Кашаган; открытие банка низкообогащенного урана в Республике Казахстан при поддержке США[1].

4. Корректировка реализации существующей в Республике Казахстан модели цифровой экономики параллельно с аккумулированием инвестиционного потенциала и применением технологий цифрового маркетинга американских коммерческих структур, заключающаяся: во-первых, в адаптации практик организации высокотехнологичного производства с учетом специфики казахстанских предприятий; во-вторых, в развитии наукоемких отраслей и раскрытии научно-технического потенциала национальной экономики Республики Казахстан; в-третьих, во внедрении существующих стандартов и техник в области передовых цифровых и информационных технологий; в-четвертых, в предложении эффективных стратегий осуществления мониторинга состояния цифровой трансформации и оптимизации расходных статей реализации заявленных инициатив и мероприятий в ключе цифровизации. Данный тренд запущен относительно недавно, но в принципе является позитивным, особенно с учетом оптимистичности предварительных итогов реформирования казахстанской системы здравоохранения. Особое внимание следует уделить таким направлениям взаимодействия, как участие в широкоформатных обсуждениях актуальной цифровой повестки (международный форум «Digital Almaty: цифровое будущее глобальной экономики»[2], международный форум Digital Bridge[3]) и переформатирование концептуального и процессуального аспектов, в частности программы Digital Kazakhstan на 2018–2022 годы и Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года.

5. Сотрудничество в области реализации ряда инфраструктурных социальных проектов: в данном смысле в 2018 г. финансовая помощь США в отношении Республики Казахстан составила примерно 10,1 млрд долл. Приоритетным

[1] Зачем в Казахстане создают банк низкообогащенного урана // Forbes Kazakhstan. 2019. URL: https://forbes.kz/process/energetics/yadernyiy_zapas_1550677945 (дата обращения: 10.06.2021).

[2] Digital Future of Global Economy Forum Starts In Almaty // KAZINFORM. 2020. URL: https://www.inform.kz/en/digital-future-of-global-economy-forum-starts-in-almaty_a3609640 (дата обращения: 16.07.2021).

[3] 35 лучших IT-компаний выбрали в Казахстане // Forbes Kazakhstan. 2019. URL: https://forbes.kz/news/2019/12/18/newsid_214992 (дата обращения: 04.06.2021).

признается взаимодействие с целью рационализации применения существующих подходов в части аккумулирования инфраструктурного потенциала коммерческих структур Республики Казахстан в рамках концепта «Сеть голубых точек» (Blue Dot Network), что предполагает обращение к механизмам брендирования в соответствии с мировыми стандартами, упрочение деловых связей, оформление корпоративной культуры, заключение взаимовыгодных сделок[1].

В последние годы определилась также интенсификация взаимодействия в области образования, связанного преимущественно с запуском в тестовом режиме американских образовательных программ в передовых образовательных учреждениях Республики Казахстан[2]. По словам посла США в Республике Казахстан Уильяма Мозера (William Moser) в рамках интервью Forbes, американская сторона ежегодно направляет более 1 млн долл. на поддержку в части предоставления грантов в области изучения английского языка учащимся образовательных учреждений Республики Казахстан: в направлении данной инициативы формируются специальные кластеры, предоставляющие необходимые ресурсы и возможности (Maker-Spaces), а также действуют специальные программы обмена (Summer Work Travel). Со стороны США активно поддерживается цифровизация существующей в Республике Казахстан системы здравоохранения, что предполагает совместную работу как на уровне отдельных объектов на территории Республики Казахстан, так и на уровне Центров по контролю и профилактике заболеваний США (Centers for Disease Control and Prevention), Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (Food and Drug Administration). Не меньшую популярность имеют мероприятия в области киноискусства и музыкальной индустрии. Ключевая ставка делается на содействие США оформлению способности представителей руководящего состава и бизнес-сообщества Республики Казахстан к определению базовых категорий и организации непосредственно процесса аугментации инфраструктурного потенциала и налаживанию управления реализацией программных документов и стратегических инициатив.

6. Обсуждение вопросов, связанных с определением мероприятий и режимов формализации и структуризации имеющихся предложений и идей, на таких диалоговых площадках, как Центрально-Азиатский торговый форум (Central Asia Trade Forum), Казахстанско-американский бизнес-форум «Конкурентоспособный Казахстан» (Kazakhstan-American Business Forum «Competitiveness Kazakhstan»), Казахстанско-американская бизнес-ассоциация (Kazakhstan-American Business Association), Диалог по расширенному стратегическому партнерству между США и Республикой Казахстан (Dialogue on the Enhanced Strategic Partnership Between the United States and the Republic Of Kazakhstan). Тематику обсуждения составляют такие вопросы, как торговая политика, органическое производство, стимулирование инноваций, создание единой экосистемы по работе с партнерами и инвесторами, цифровизация и модернизация, технологичное развитие.

Принципиальная позиция США заключается в понимании конструктивности поиска и предложения политическому руководству Республики Казахстан более удобных и существенно не ограниченных какими-либо условиями и факторами сюжетов и форм институционали-

[1] Посол США в Казахстане – о нефти, коронавирусе и казахском языке // Forbes Kazakhstan. 2020. URL: https://forbes.kz//life/posol_ssha_v_ kazahstane_o_nefti_koronaviruse_i_kazahskom_ yazyike/? (дата обращения: 04.06.2021).

[2] США намерены развивать работу сети своих культурных центров в Казахстане // RT. 2020. URL: https://russian.rt.com/ussr/news/773263-gosdep-ssha-kazahstan-obrazovanie (дата обращения: 26.07.2021).

зации политической коммуникации между государствами. Менее предметное, но при этом более-менее стабильное взаимодействие выстраивается между США и Республикой Казахстан на уровне более интерсубъективных и многосторонних связей в рамках таких институтов, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), что предполагает концептуализацию и утверждение преимущественно системных ориентиров совместного политического развития отдельных государств на евразийском континенте, а также уточнение и закрепление геостратегической роли некоторых влиятельных политических игроков в отношении государств данного региона. Это, в свою очередь, тем или иным образом запускает корректировку и адаптацию ресурсных возможностей и политических и экономических преференций в отношении как США, так и Республики Казахстан в соответствии с происходящими изменениями относительно баланса политических сил и ключевых компонентов глобальной политической повестки (в данном контексте выработка американской политики Д. Трампом имеет собственную противоречивую специфику [15, p. 340]).

Президентство Д. Трампа в действительности проецирует ряд принципиально важных доказательств в пользу переоформления (переустройства) внешнеполитической активности США, являющихся новыми с точки зрения соответствия привычной объективно обусловленной политико-исторической традиции (особенно отчетливо и рельефно это проявляется относительно американских политических проектов, реализуемых Д. Трампом в расчете на осуществление влияния на глобальную политическую специфику [14; 15; 16; 17]). Применительно к установлению деловых и политических связей и контактов с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан политическая команда 45-го президента США оперирует аргументацией в пользу существенной корректировки контура мирового политического порядка [18, p. 51].

Выводы

В процессе реализации внешнеполитической повестки США на постсоветском пространстве формируются идейная привлекательность и финансово-экономическая состоятельность американских частных инициатив и коммерческих проектов: опыт Республики Беларусь и Республики Казахстан свидетельствует о позитивной динамике межгосударственного сотрудничества по ряду показателей (в данном контексте обновление системы норм и принципов межгосударственного сотрудничества, в частности, с учетом терминологии целесообразности и эффективности, инициируемое политической деятельностью Д. Трампа, проявляет действительно показательный уровень переориентации как в концептуальном, так и в функциональном отношении). При этом особое значение приобретает вопрос рефлексии политического руководства данных государств на тему соотношения геополитических и экономических стратегий, согласованности искомых моделей развития, соответствия критериев взаимодействия заявленным принципам, релевантности утверждаемого политического влияния США. Очевидным представляется тот факт, что следование принципам транспарентности и взаимоуважения позволяет сторонам избежать потенциальной эскалации напряженности и установить более-менее стабильные отношения. В целом геополитические и геостратегические последствия президентства Д. Трампа видятся весьма противоречивыми с учетом заявленных обновленных требований к актуализируемой на межгосударственном уровне политической повестке.

Список литературы

1. Brands H. The unexceptional superpower: american grand strategy in the age of Trump // Survival. 2017. Vol. 59, is. 6. P. 7–40.

2. Бурда М. А., Гришин О. Е. Политическая повестка США в период правления Д. Трампа: факторы, подходы, инструменты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 20, № 2. С. 107–117.

3. Шевченко Е. С. Концептуальные основы формирования и реализации политической повестки Д. Трампом: выбор инструментария принятия решений // PolitBook. 2018. № 2. С. 58–71.

4. Hallin D. Mediatisation, neoliberalism and populisms: the case of Trump // Contemporary Social Science. 2019. Vol. 14, is. 1. P. 14–25.

5. Barkun M. President Trump and the "Fringe" // Terrorism and Political Violence. 2017. Vol. 29, is. 3. P. 437–443.

6. Jones M., McBeth M. Narrative in the time of Trump: is the narrative policy framework good enough to be relevant? // Administrative Theory & Praxis. 2020. Vol. 42, is. 2. P. 91–110.

7. Chun R. Visual rhetoric of the presidency: an analysis of the Trump and Obama white House messaging in their first 100 days in flickr images // Journal of Visual Literacy. 2018. Vol. 37, is. 1. P. 18–39.

8. Smith D. Authoritarianism reimagined: the riddle of Trump's base // The Sociological Quarterly. 2019. Vol. 60, is. 2. P. 210–223.

9. Бурда М. А., Гришин О. Е. Некоторые политические доктрины и теории как ключевой аспект конструирования политической повестки США // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: материалы V Международной научно-практической конференции. Витебск: Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2020. С. 105–108.

10. Шевченко Е. С., Попов С. И., Шуленина Н. В. Конструирование политического образа Д. Трампа авторитетными американскими медиаисточниками: к вопросу формулирования инструментария // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 8(72). С. 2284–2295.

11. Bernhard M., O'Neill D. Trump: causes and consequences // Perspectives on Politics. 2019. Vol. 17, is. 2. P. 317–324.

12. Edwards J. Make America Great Again: Donald Trump and redefining the U.S. role in the world // Communication Quarterly. 2018. Vol. 66, is. 2. P. 176–195.

13. Shafer B., Wagner R. The Trump presidency and the structure of modern american politics // Perspectives on Politics. 2019. Vol. 17, is. 2. P. 340–357.

14. Gardner H. World war Trump: the risks of america's new nationalism. Prometheus Books, 2018. 399 p.

15. Luttrell R. Trump tweets, the world reacts: understanding what is relevant and why. Lexington Books, 2018. 178 p.

16. Trump D. President Trump. The Collected Speeches (2017-2020). Extended Edition. Historical Audiobooks LLC, 2020. 328 p.

17. Trump D. Time to get tough: make America Great Again! Regnery Publishing, 2015. 256 p.

18. Boyle M. America and the illiberal order after Trump // Global Politics and Strategy. 2020. Vol. 62, is. 6. P. 51–76.

References

1. Brands H. The unexceptional superpower: american grand strategy in the age of Trump. *Survival*, 2017, vol. 59, is. 6, pp. 7–40.

2. Burda M. A., Grishin O. E. Politicheskaya povestka SSHA v period pravleniya D. Trampa: faktory, podhody, instrumenty [The political agenda of the United States during the reign of D. Trump: factors, approaches, tools]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2020, vol. 20, no. 2, pp. 107–117.

3. Shevchenko E. S. Konceptual'nye osnovy formirovaniya i realizacii politicheskoj povestki D. Trampom: vybor instrumentariya prinyatiya reshenij [Conceptual foundations for the formation and implementation of D. Trump's political agenda: the choice of decision-making tools]. *PolitBook*, 2018, no. 2, pp. 58–71.

4. Hallin D. Mediatisation, neoliberalism and populisms: the case of Trump. *Contemporary Social Science*, 2019, vol. 14, is. 1, pp. 14–25.

5. Barkun M. President Trump and the "Fringe". *Terrorism and Political Violence*, 2017, vol. 29, is. 3, pp. 437–443.

6. Jones M., McBeth M. Narrative in the time of Trump: is the narrative policy framework good enough to be relevant? *Administrative Theory & Praxis*, 2020, vol. 42, is. 2, pp. 91–110.

7. Chun R. Visual rhetoric of the presidency: an analysis of the Trump and Obama white House messaging in their first 100 days in flickr images. *Journal of Visual Literacy*, 2018, vol. 37, is. 1, pp. 18–39.

8. Smith D. Authoritarianism reimagined: the riddle of Trump's base. *The Sociological Quarterly*, 2019, vol. 60, is. 2, pp. 210–223.

9. Burda M. A., Grishin O. E. Nekotorye politicheskie doktriny i teorii kak klyuchevoj aspekt konstruirovaniya politicheskoj povestki SSHA [Some political doctrines and theories as a key aspect of constructing the US political agenda]. *Aktual'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij i diplomatii. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Actual problems of international relations and diplomacy: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference]. Vitebsk, Vitebsk St. univ. named after P. M. Masherov, 2020, pp. 105–108.

10. Shevchenko E. S., Popov S. I., Shulenina N. V. Konstruirovanie politicheskogo obraza D. Trampa avtoritetnymi amerikanskimi mediaistochnikami: k voprosu formulirovaniya instrumentariya [Constructing the political image of D. Trump by authoritative American media sources: on the issue of formulating tools]. *Voprosy politologii = Questions of political science*, 2021, vol. 11, no. 8 (72), pp. 2284–2295.

11. Bernhard M., O'Neill D. Trump: causes and consequences. *Perspectives on Politics*, 2019, vol. 17, is. 2, pp. 317–324.

12. Edwards J. Make America Great Again: Donald Trump and redefining the U.S. role in the world. *Communication Quarterly*, 2018, vol. 66, is. 2, pp. 176–195.

13. Shafer B., Wagner R. The Trump presidency and the structure of modern american politics. *Perspectives on Politics*, 2019, vol. 17, is. 2, pp. 340–357.

14. Gardner H. World war Trump: the risks of america's new nationalism. Prometheus Books, 2018. 399 p.

15. Luttrell R. Trump tweets, the world reacts: understanding what is relevant and why. Lexington Books, 2018. 178 p.

16. Trump D. President Trump. The Collected Speeches (2017-2020). Extended Edition. Historical Audiobooks LLC, 2020. 328 p.

17. Trump D. Time to get tough: make America Great Again! Regnery Publishing, 2015. 256 p.

18. Boyle M. America and the illiberal order after Trump. *Global Politics and Strategy*, 2020, vol. 62, is. 6, pp. 51–76.

Информация об авторе / Information about the Author

Шевченко Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: katerina.shevv@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9877-3161

Ekaterina S. Shevchenko, Post-Graduate Student of the Department of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation,
e-mail: katerina.shevv@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-9877-3161

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-191-204

CC BY 4.0

Security Challenges and Migration in the Central Africa

Mugadam Mahamat Mugadam[1]✉, Oumar Sidibe[2]

[1] RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow 117198, Russian Federation

✉ e-mail: omersidibe@gmail.com e-mail: mmougadammahamat@gmail.com

Резюме

Relevance. *In modern society, migration issues are closely related to security. The dynamics of the migration crisis in the context of Central African countries reflects civil wars, political and economic instability, hunger, massacres, impoverishment, and in addition to these, the phenomenon of terrorist threats has appeared.*

Purpose. *The purpose of this article is to highlight situations with internal migration, aspects of the geopolitics of insecurity, threats, and security restrictions. The authors also analyze the link between security and migration.*

Objectives*. Obtain more information on the properties of the compared phenomena and examine the direct and indirect relationship between migration and security in Central Africa.*

Methodology. *To find out the reasons for the existing difficulties, set goals, develop methods and options for eliminating problems, a system analysis was used. And the authors used the method of comparative analysis to obtain added information about the properties of the compared phenomena, about their direct and indirect relationships and, about the general trend of their functioning and development.*

Results*. According to researchers, in recent years, the relationship between migration and security has been of different nature. We can consider the problem of the security of African communities, societies and states affected by various problems of migration flows, and we can also consider the security aspect of African migrants in Central African countries.*

Conclusions. *The African continent has now fully entered economic globalization and the international community, and it would be inevitable to question this statement in the name of preserving political, economic difficulties, security, migration, and refugees. The AU is in fact moving towards greater liberalization of intra-African movement, in a critical spirit of the European approach. The increasingly growing intra-African migratory movements are mainly and very often regional.*

Keywords: *Intra-African migration; migration; security; refugees; Central Africa; terrorism; conflicts.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Mugadam Mahamat Mugadam, Oumar Sidibe. Security Challenges and Migration in the Central Africa. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 191–204. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-191-204.

Received 08.08.2021 Accepted 15.09.2021 Published 22.10.2021

© Mugadam Mahamat Mugadam, Oumar Sidibe, 2021

Угрозы политической безопасности и миграция в Центральной Африке

Мугадам Махамат Мугадам[1] ✉, Умар Сидибе[2]

[1]Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая 6, г. Москва 117198, Российская Федерация

✉ e-mail: mmougadammahamat@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В современном обществе вопросы миграции тесно связаны с безопасностью. Динамика миграционного кризиса в контексте стран Центральной Африки отражает гражданские войны, политическую и экономическую нестабильность, голод, массовые убийства, обнищание, в дополнение к этому возник феномен террористических угроз.*

Цель *этой статьи – осветить ситуацию с внутренней миграцией, аспекты геополитики незащищенности, угрозы и ограничения безопасности. Авторы также анализируют связь между безопасностью и миграцией.*

Задачи: *получить дополнительную информацию о свойствах сравниваемых явлений и изучить прямую и косвенную связь между миграцией и безопасностью в Центральной Африке.*

Методология. *Для выяснения причин имеющихся трудностей, постановки целей, разработки методов и вариантов устранения проблем был использован системный анализ. Также авторы использовали метод сравнительного анализа, чтобы получить дополнительную информацию о свойствах сравниваемых явлений, об их прямых и косвенных отношениях, и также об общей тенденции их функционирования и развития.*

Результаты. *По мнению исследователей, за последние годы связь между миграцией и безопасностью имеет разные характеры. Авторы рассматривают проблему безопасности африканских общностей, обществ и государств, затрагиваемых разными проблемами миграционных потоков, также аспект безопасности африканских мигрантов в странах Центральной Африки.*

Выводы. *Африканский континент теперь полностью вступил в экономическую глобализацию и международное сообщество, и было бы неизбежно подвергнуть сомнению это заявление во имя сохранения политических, экономических трудностей, безопасности, миграции и беженцев. Фактически, АС движется к большей либерализации внутриафриканского движения в критическом духе европейского подхода. Все более растущие внутриафриканские миграционные потоки носят в основном и очень часто региональный характер.*

Ключевые слова: *внутриафриканская миграция; миграция; безопасность; беженцы; Центральная Африка; терроризм; конфликты.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Мугадам Махамат Мугадам, Умар Сидибе. Угрозы безопасности и миграция в Центральной Африке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 191–204. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-191-204.

Поступила в редакцию 08.08.2021 Принята к публикации 15.09.2021 Опубликована 22.10.2021

***

Introduction

Compared to other regions of the African continent, Central Africa is often viewed as a zone of intense and recurrent tensions. According to observers, Central Africa is an African subregion in which the diversification of conflicts, the problem of migration and refugees, terrorist groups, criminal networks and new security risks are linked to problems of governance and sustainable development. Most of the countries of Central Africa have experienced cycles of violence in their pre- and post-colonial history. It should be noted that to say that the colonial legacy has greatly influenced the current situation in Central Africa, as well as throughout the continent [1].

All these factors highlight the seriousness of security and stability problems in Central Africa and allow us to consider improving the governance of security and migration issues. Since the independence of the countries of Central Africa and all African countries in general, all violent conflicts have been associated with the creation and consolidation of states because of their colonization [2].

Methodology

To find out the reasons for the existing difficulties, set goals, develop methods and options for eliminating problems, a system analysis was used. And the authors used the method of comparative analysis to obtain added information about the properties of the compared phenomena, about their direct and indirect relationships and, about the general trend of their functioning and development.

Results and their discussion

Migration situation in Central Africa: causes and consequences

Migration and security issues in Central African countries are complex and serious problems. Due to the lack of informational data of migrants or refugees and weak border controls, the countries of Central Africa cannot improve with these tasks [3]. Central Africa is a vast region of 9 densely populated countries with an area of 6,613,000 km2, home to approximately 179,595,124 people, or just over 6% of the world's population[1].

The dynamics of migration in the context of Central Africa is a consequence of civil wars, political instability, hunger, massacres, or external pressures that participate in massive transformations and population movements and form new migration patterns[2]. In 2017, the number of migrants to Africa is estimated at over 7 million from around the world. In 2017, the number of intra-African migration according to the estimates of the International Organization for Migration (IOM) in Central Africa was 2,898,797 people, immigrants accounted for 65.95% of the total resident population.

Migration in Central Africa is often associated with poverty, but other factors such as youth unemployment, urbanization and climate change are at the root of this phenomenon. Massive population movements are also associated with an unstable environment in Central African countries [4, p. 9].

Migration in Central Africa is often associated with poverty, but other factors such as youth unemployment, urbanization and climate change are at the root of this phenomenon. Massive population movements are also associated with an unstable environment in Central African countries[3].

The weakening of the poles of political and economic stability, and the conflicts in the Central African Republic and the two Congos, which have led to large movements of refugees. In addition to that, the gradual closure of legal immigration routes to Europe, the strengthening of European and Maghreb border controls and interception operations off the West African coasts, forcing populations to move towards the countries from Central Africa.

For the Central African Community like all the communities of other African regions, intraregional movements are also seen in their positive dimension, as the cor-

[1] Age pyramids for the entire world from 1950 to 2100. URL: https://www. populationpyramid.net/fr/afrique-centrale-middle-africa/2020/. (accessed 25.03.2021)

[2] Mercklé P. Migrations en Afrique centrale: recompositions territoriales et dynamiques extérieures // Chamada de trabalhos, Calenda, Publicado terça, 2005. URL: https://calenda.org/197800. (accessed 25.03.2021)

[3] Robinet C. Conflicts, uncontrolled migration, jihadism, criminal networks, failed states: in Africa, new security risks are now primarily linked to issues of (bad) governance and (bad) development. 2018. URL: https://www.vie-publique.fr/parole-dexpert/271196-afrique-le-defi-de-la-securite. (accessed 19.03.2021)

nerstone of the subregional integration process. But unfortunately, until the day the countries of Central Africa do not have an undeniable advantage: that of having a subregional legal framework establishing freedom of movement, establishment, and residence for all nationals as well as West Africa (ECOWAS). In addition, ECOWAS also has a relatively advanced legal framework for the protection of the rights of migrant workers and the protection of human rights in general.

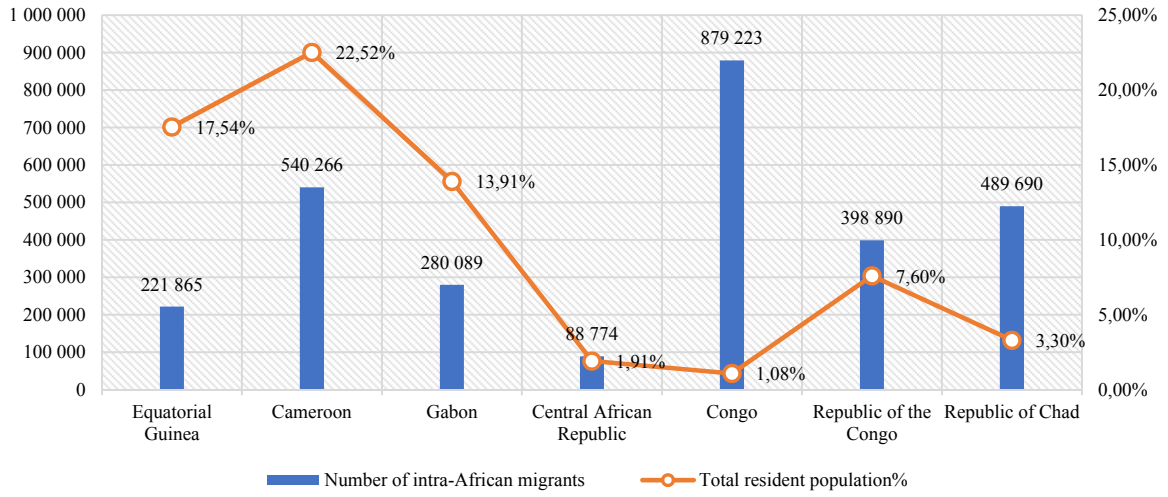

Fig. 1. Number of intra-African migrants and total resident population of Central African countries in 2017

It is important to note that about the protection of refugees more specifically, Central African states have developed national asylum laws, which also protect the rights of refugees[1]. Migrants and refugees face so far, in practice, different difficulties in moving freely and settling in the subregion. During their journey, as in their country of installation, nationals but also non-nationals of Central Africa are not always protected against the risk of violations of their fundamental rights.

Border crossing remains difficult, subject to informal taxes, discriminatory practices, and arbitrary violence or detention, human trafficking which is considered one of the major concerns for the International Organization for Migration (IOM) and intolerance towards migrants are the consequences of ineffective management of migrants. Forced intra-African migration has been caused by several reasons, such as environmental degradation and natural disasters, land disputes, electoral violence, violent conflict, political, and economic instability have led to forced migration of people [4, p. 19].

It should be noted that all migrants, including legal and political migrants, are mainly people who are forced to leave their usual place of residence and seek asylum in a new place, and many believe that these migrants are considered "refugees". However, this perception seems intolerant of the fact that a significant number of migrants remain in their country of origin. This paper discusses how the actions of the Boko Haram rebels triggered different types of forced migration in Central African countries[2].

[1] Robert Ebénezer Nsoga. Refugee protection in Central Africa: what governance of forced migration for Central African States? // The case of Cameroon. URL: https://tel. archives-ouvertes.fr/tel-02997878/document. (accessed 24.03.2021)

[2] Yahaya Umar Namahe. Boko Haram uprising and forced migration in Nigeria // Journals at IDEAS. 2018. URL: https://ideas. repec. org/p/sek/iacpro/7209183.html. (accessed 04.04. 2021)

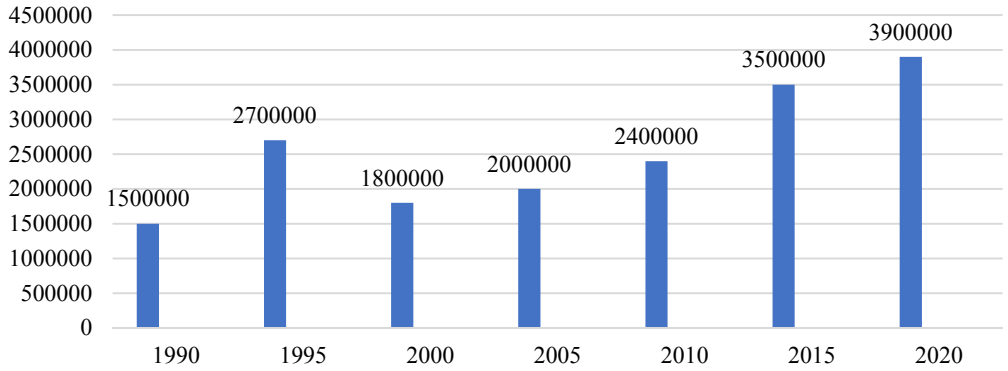

Fig. 2. Statistics of international migrants in Central Africa (1990–2020)

Here we look at statistics pertaining to the population of international migrants in Central Africa (1990–2020), which includes all residents of the country who were born abroad, regardless of when they arrived in the country. For countries that do not have data on persons born abroad, the UN Department of Economic and Social Affairs relies on data on foreign nationals[1].

We cannot talk about migration in Central Africa without mentioning the refugee phenomenon for which this region is breaking a record in Africa. Asylum seekers fleeing conflict can be found in countries such as Cameroon, Nigeria, Democratic Republic of the Congo, Chad, Sudan, and Congo. Even though it is in Central Africa that we find the largest number of refugees in the world who are displaced persons, but with the difference that they find refuge in other countries,

Take the recent case in the Central African Republic: the number of people fleeing from the CAR to Cameroon, the Republic of the Congo, Sudan, Chad, and DRC until February 2021 due to the electoral situation was 647,798 people. This dramatically current and humanely burning situation is one of the serious problems for the entire region[2].

In this crisis, a migration and refugee governance structure are needed that ensures practical, humane, and respectful human rights. Strengthening mobility mechanisms in the region will smooth and balance the migration process, allowing people to legally work abroad and then return to their country to participate in the sustainable development of their states[3]. At the beginning of March, the number of new asylum seekers arriving in the Republic of the Congo reached about 1,000 per week. Cameroon, Chad, and DRC did not report significant increases in new arrivals. Central African refugees and internally displaced children deprived of their basic right to education[4].

By analyzing the normative and institutional mechanisms for the protection of refugees in Central African countries, we can criticize and consider the shortcomings of the refugee protection system in Central Africa, which are reflected in the mechanisms of legal protection and in the care of refu-

[1] Migration data portal. URL: https:// migrationdataportal.org/fr/data?focus=profile&t=2020&i=stock_abs_&cm49=148. (accessed: 26.03.2021)

[2] Refugees from the Central African Republic // Source - UNHCR, Government, COR. URL: https://data2.unhcr.org/fr/situations/car. (accessed 17.03.2021).

[3] Robert Ebénezer Nsoga. Refugee protection in Central Africa: what governance of forced migration for Central African States? // The case of Cameroon. 2020. URL: https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-02997878. (accessed 21.03.2021).

[4] UNHCR External Update - CAR Situation - 15 March 2021. URL: https://data2.unhcr.org/fr/documents/details/85509. (accessed 18.03.2021).

gees by humanitarian organizations host countries.

The central problem underlying this complex issue is the issue of uncoordinated management of refugees in the migration process between the countries of Central Africa, to what extent migrants and refugees, among other things, cannot be supported by organizations such as the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees and others. This in no way relieves the suffering they endure. The socio-political context underlying asylum is the same as for forced internal displacement in Central African countries [5].

Impact of terrorist activities on migration movements in Central Africa

Terrorism is a growing concern of the international community, which has witnessed several attacks by terrorist groups in the recent past. Speaking about terrorism, which has a national dimension, and even the system of state terror, we can say that they remain one of the real phenomena for the African continent, but also dividing all of humanity [6].

The globalization of the terrorist threat is partly due to human mobility. The world has faced a sharp increase in migration flows since the beginning of the war in countries in Africa and the Middle East and others.

The issue of the link between migration and terrorism has received attention in recent years, although conceptual thinking remains limited. The true link between migration and violent extremism remains largely unexplored and is the subject of new research [7]. Note that, according to statistics, the number of migrants involved in violent extremism is negligible, and disputes the opinion that communities affected by terrorism are themselves terrorists, as far as there is no empirical data in Africa confirming a direct link between migration and extremism. The issue of terrorism is becoming a common phenomenon not only in the countries of Central Africa, but throughout Africa. Therefore, it is now impossible to think about the fight against terrorism without having in mind the fight against illegal immigration.

In recent years, large numbers of people displaced by Boko Haram receive relatively little assistance and take refuge where they are received. Some travel hundreds of kilometers, crossing the border with neighboring Chad, Niger, or Cameroon.

The phenomenon of terrorist activity can affect different countries [8]. One of the conclusions reached by various researchers is the idea that rich and successful states deal with the economic consequences of terrorist threats much more easily than in the case, for example, when it comes to poor developing states[1].

Wealthy and successful states can better control the arrival of potential terrorists, access to national and regional territories, which require the creation of control instruments that, as a result, affect the admission of migrants and the right of asylum [9].

As we saw with the example of Boko Haram, with the emergence of this terrorist organization in the region, this terrorist organization turned into one of the deadliest terrorist groups operating on the African continent. Boko Haram[2]. and related actors have conducted hundreds of terrorist attacks, resulting in more than 5,000 deaths in 2014 and 6,000 in 2015 [10].

Terrorists have no borders, they do not target a specific nationality, they do not respect any religion, and they do not allow any exceptions. Terrorism threatens human security and has a devastating impact on development. Terrorist attacks are becoming more destructive every day, and the terrorist

[1] Inozemtsev V. Disease of the poor: how terrorism affects the economy "Yarovaya Law" // RBK. 2016. URL: https://www.rbc.ru/opinions/society/30/03/2016/56fb68fd9a7947f07c04e6b7. (accessed 23.03.2021)

[2] Global Terrorism Index 2015 // Institute for Economics and Peace 2015. URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/ uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf. (accessed 21.03.2021)

threat poses unprecedented dangers. The economies of Central African countries are not seriously dependent on themselves, and fears of threats and instability affect investor sentiment very strongly. In addition, in recent years, for most governments of Central African countries, the fight against terrorism has been one of the priorities, since today terrorism is not only a regional phenomenon, but also a phenomenon at the national and international levels. In recent years, Chad has deployed troops to fight jihadists in Mali and counter the expansion of the Boko Haram terrorist sect in Nigeria and Cameroon. The costs associated with various interventions by the Chadian Defense and Security Forces in the fight against terrorism in the subregion currently amount to more than 250 billion CFA francs, approximately $ 500 million).

Since 2003, it has also hosted a considerable number of refugees, estimated at over 750,000 and 130,000 Chadian returnees from the Central African Republic (CAR). In this extremely tense context, especially in economic and financial terms, it is important to give new impetus to budget support.

Precarious security conditions in Central Africa, including attacks on civilians in Cameroon and the Lake Chad Basin, continued to be of concern to the Security Council[1].

Security situation in the region (political instability - proliferation of small arms and light weapons)

The colonial system in Africa has spawned new states whose territories are well divided but include populations whose history remains tied. This is how one can understand contemporary relations between the states of Central Africa. The most striking example is the contradictory relations between Greater Congo and states such as Uganda, Rwanda, Burundi.

Since gaining independence in 1960, Central African countries have experienced political crises and regional civil wars. From the 1994 genocide in Rwanda, which killed more than 700,000 people, to the war in the Congo, which killed 3 million people, conflicts are intensifying and destabilizing the region.

In Chad, for example, a form of cyclical violence in the name of power has continued since 1960. This security and political crisis confront a rebel group whose danger depends on its external support (often Libya or Sudan) by the militarily backed state of Chad[2]. The case of Chad and Sudan is a good example of this. The Sudanese regime supported opponents of the Chadian regime based in Darfur, and Chad supported the Darfur rebels who opposed the Khartoum regime [11].

It was in the same dynamics that on February 25 and 26, 1999, the conference of Heads of State and Government of the member countries of the United Nations Standing Advisory Committee on Security Issues in Central Africa took place in Yaoundé. At this meeting, various questions were raised about the role and future of the sub-regional body for conflict prevention.

Thus, the Secretary-General of the United Nations on 28 May 1992, in accordance with resolution 46/37 B of 6 December 1992, created an instrument of preventive diplomacy aimed at preventing conflicts within and between the Member States of the Community. African States (Economic Community of Central African States).

However, these various initiatives have failed to make a significant contribution to peace in the region. Border conflicts were ongoing (Cameroon-Nigeria; Rwanda-Burundi; DRC (Democratic Republic of the Congo, former Zaire) - Rwanda; Burundi-Democratic Republic of the Congo); Internal conflicts escalated (Rwanda, Burundi, Con-

[1] La situation sécuritaire en Afrique centrale, sur fond de pandémie, reste une source de grande préoccupation pour le Conseil de sécurité. UN SC Posted 10 Dec. 2020.

[2] Beginning of the civil war in Chad. 1979. URL: https://perspective.Usherbrooke.ca/bilan/servlet/BMEve/551. (accessed 26.03.2021)

go, Angola) and the arms trade flourished (Chad, Angola, Congo).

These various problems were often politically motivated, such as defending national interests, seeking sub-regional leadership. In addition, they often manifested themselves in the non-signing of regional pacts in favor of security and peace [12]. It should be recalled that the security situation in this area is characterized by spaces and regions remote from the centers of national politics and security.

These regions receive little or often no public investment. However, they are subject to very intense cross-border trade in all types of products: from agriculture to weapons[1]. It should be noted that the permeability of borders and the inability of various states to fully control the situation is an essential security factor.

Even if they are not the direct cause of the armed conflicts tearing apart Central Africa and other parts of the continent, the proliferation of small arms is at least their catalyst. When civilians or insurgent groups feel a violation of their rights and possess a weapon, they are far more likely to use it to get their voices heard than to sit at a discussion table. In other words, if the accumulation of weapons does not in itself cause civil wars, the fact remains that their anarchist propaganda encourages resorting to violence, which is perceived as a solution to disputes and tends to stir up conflicts and make them more deadly. For example, the 1994 genocide in Rwanda could have been avoided if weapons had not been distributed to the population in advance.

In addition, the nationalist movements of the 1950s seriously questioned the stability of states that are still very fragile. Ethnic conflicts also erupted. To rise to the top of state power or to be represented in various political institutions, each ethnic group does not hesitate to resort to illegal means and force. This illegal and anti-democratic method of seizing power, used by some political elites in Central Africa, has caused frustration and deep resentment among the population, who accepted arms to rebel against the existing anti-democratic regime.

At the beginning of independence, in the years after it, and after the end of the Cold War, countries in Central Africa experienced bloody civil wars or became involved in them. By way of illustration, the ongoing war in Chad in 1970–1980, long-standing armed conflict in Angola, ethnic conflict in Rwanda in 1994, civil war in the Republic [13].

Moreover, in the 1990s, when numerous conflicts erupted in Central Africa, the use of children increased. There are thousands of them in Central Africa: 10,000 currently in Burundi and up to 14,000, according to some sources[2], over 6000 in the Republic of the Congo[2]; more than 20,000 people would have taken part in hostilities in the DRC from 1996-97[3], and a similar number of child soldiers were reported to have fought in Rwanda.

The scale of exploitation of children during the war is significant. In fact, attacks by the Boko Haram terrorist organization continue in the Lake Chad Basin, where they have used significant numbers of children as suicide bombers.

According to the organization's 2017 Annual Report, Child Soldiers, there were 203 confirmed cases of recruitment in 2017 in Nigeria and Cameroon. In 2017, there were over 3,000 cases of recruitment by armed groups in the Democratic Republic of the Congo and at least 19,000 children under

[1] In Central Africa, insecurity is cross-border and linked to other regions. URL: https://news.un.org/fr/story/2020/12/1084182. (accessed 24.03.2021)

[2] Watch List on Children and Armed Conflict: Burundi. Watchlist on Children and Armed Conflict, 2002. URL: https://reliefweb.int/report/burundi/watch-list-children-and-armed-conflict-burundi. (accessed 26.03.2021)

[3] Singer P. W. Child soldiers. Paperback // USA: University of California Press. 2006. April. URL: https://www.chegg.com/textbooks/children-at-war-1st-edition-9780520248762-0520248767. (accessed 24.03.2021)

the age of 18. 18 of them will be involved in the conflict in South Sudan and we are seeing an increase in the recruitment of children in the Middle East.

A distinction must be made between the landlocked states of Central Africa such as Angola, Cameroon, Congo, and landlocked states such as Rwanda, Burundi, and Chad. This distinction is necessary, although all states are prone to piracy on rivers and lakes, because they all have inland rivers and lakes, sea piracy only affects countries with a coastline. Acts of piracy on rivers and lakes also occur regularly in Central Africa, whether in lakes (Chad, Tanganyika, Albert, Mweru ...) or along rivers (Ubangi, Sangha, Chari, Vuri, Benue, Congo, Ogoue).

Cross-border terrorist activities in the region

The activity of terrorists inevitably increases the costs of states for security. After terrorist attacks in a particular country, the volume of retail trade can rapidly decrease. The tourism and entertainment industry are particularly at risk. Airlines and insurance companies can face the most serious difficulties. Terrorist attacks can exacerbate the process of falling stock prices in the stock market.

Any terrorist activity gives the impression that such attacks will continue. This impression has an impact on the economy of the sphere, for example, on a business that begins to consider investments in this city, region, or country risky and initially tries to include an additional risk premium in the cost of their goods or services, which leads to a decrease in business activity and an increase in prices. In addition to terrorist attacks, it can force businesses to spend money on their own security, making less more productive investments. Since the relations between Africa and Russia cannot be explained by geographical imperatives and by the demands of history.

In Central Africa, the threat of al-Qaeda and Salafi jihad does not seem as important and complex as in the Sahel-Sahara zone. One of the most serious terrorist threats in the area is the threat from Boko Haram. Boko Haram's activities threaten both West and Central Africa. We saw this in the recent French hostage-taking in northern Cameroon, on the border with Nigeria. Furthermore, some analysts have established that this aggressive group has developed close relationships with AQIM and Ankar Eddin in Mali and with Shabaab in Somalia, who will be engaged in the ideological and military training of their fighters[1].

In the first half of 2015, Boko Haram was responsible for 1,059 deaths in northern Nigeria. The violence that originated in Nigeria has spread to neighboring countries Cameroon, Chad, and Niger, where a series of deadly terrorist attacks have been conducted against government and civilian targets[2]. Boko Haram remains a serious threat in the Lake Chad Basin, with an increase in attacks and kidnappings[3].

In Central Africa, as well as in West Africa, there is a relationship between a mix of terrorist groups of various natures working with militant political and armed groups as well as criminal organizations. They are scattered across Africa, but interact with each other in varying degrees of cooperation, advancing the interests of their individual organizations [14]. Although the West African region is one of the preferred routes for criminal organizations operating in Latin America and Asia to bring drugs to Europe[4],

[1] Zeïni Moulaye. The problem of transnational crime and democratic control of the security sector. 2014. P. 1–33.

[2] Global Terrorism Index 2015. Measuring and understanding the impact of terrorism. URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/ uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf. (accessed 24.03.2021)

[3] Report of the Secretary-General: The situation in Central Africa and the activities of the United Nations Regional Office for Central Africa. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf /cf /%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2020_1154.pdf. (accessed 24.03.2021)

[4] U.S. Department of Justice Drug Enforcement Administration. FY 2016 Performance Budget Congressional Submission. URL:

some recent reports suggest that drugs may begin to be manufactured in Europe, West Africa, and Central Africa.

Some terrorist organizations, such as MUJAO, are said to be directly involved in drug trafficking. AQIM plays a different role and mainly levies "transit taxes" or provides protection[1] AQIM there is not only in West Africa and especially in the Sahel region, but also in Central Africa.

Moreover, among the terrorist activities in the region, one cannot fail to mention the participation of terrorist organizations in the illegal circulation of gold, diamonds, and other natural resources. These activities are difficult to detect, and although there is intelligence information about these activities.

According to the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), in 2015, transnational crime revenues were $ 1.6 trillion[2].

Terrorist groups such as AQIM and MUJAO identified as directly or indirectly involved in human trafficking activities[3]. These terrorist groups are accused of smuggling small groups of people and or protecting and facilitating smuggling networks of illegal migrants in exchange for financial compensation.

On the other hand, Boko Haram has recently become a priority for discussion in the Economic Community of Central African States. Over the past two years, the armed conflict in northeastern Nigeria, where an armed group has been waging a war against the Nigerian state since 2009, has spread to neighboring countries, including Central African countries. Chad and Cameroon, two member states of the Economic Community of Central African States affected by armed conflict, provide troops for the Joint Multinational Force (FMM)[4] created by the Lake Chad Basin Commission (LCBC), which are currently under the mandate of the African Union. The heads of state of the Economic Community of Central African States have pledged their support for the FMM, and the Economic Community of Central African States is collaborating with its West African counterpart, ECOWAS.

Counterterrorism Mechanism and Initiatives to Stabilize the Region (Peacekeeping, Public Policy and Regional)

Armed conflicts that are spreading in some member states of the Economic Community of Central African States pose a serious threat to peace and security in the region. The organization's responses were varied. For example, during the crisis in the Central African Republic, the states of the region used a military presence in the Central African Republic.

Since 2008, the Economic Community of Central African States took the lead in resolving the conflict when the CAR plunged into a new cycle of violence in 2013. The same cannot be said for the peacekeeping mission. MIKOPAX is a world that, despite growing from 700 to 2,000 soldiers and a strengthened mandate, has failed to achieve its goals, in particular the protection of civilians.

https://www.justice.Gov/about/congressional-budget-submission-2016. (accessed 24.03.2021)

[1] Mutual Evaluation Report. Measures against money laundering, terrorist financing, Mali. 2019. URL: https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/mer-fsrb/French-GIABA-Mutual-Evaluation-Mali-2019.pdf. (accessed 22.03.2021)

[2] Transnational organized crime: the globalized illegal economy. URL: https:// www.unodc.org/toc/en/crimes/organized-crime.html. (accessed 22.03.2021)

[3] Africa Center for Strategic Studies African migration funds criminal and terrorist networks. URL: https://issat.dcaf.ch/Learn/ Resource-Library/Policy-and-Research-Papers/Les-migrations-africaines-financent-les-reseaux-criminels-et-terroristes. (accessed 22.03.2021)

[4] International Crisis Group. Report 291 / Africa 7 july 2020. Quel rôle pour la force multinationale mixte dans la lutte contre Boko Haram? URL: https:// www.crisisgroup.org/fr/africa/west-africa/what-role-multinational-joint-task-force-fighting-boko-haram. (accessed 15.03.2021)

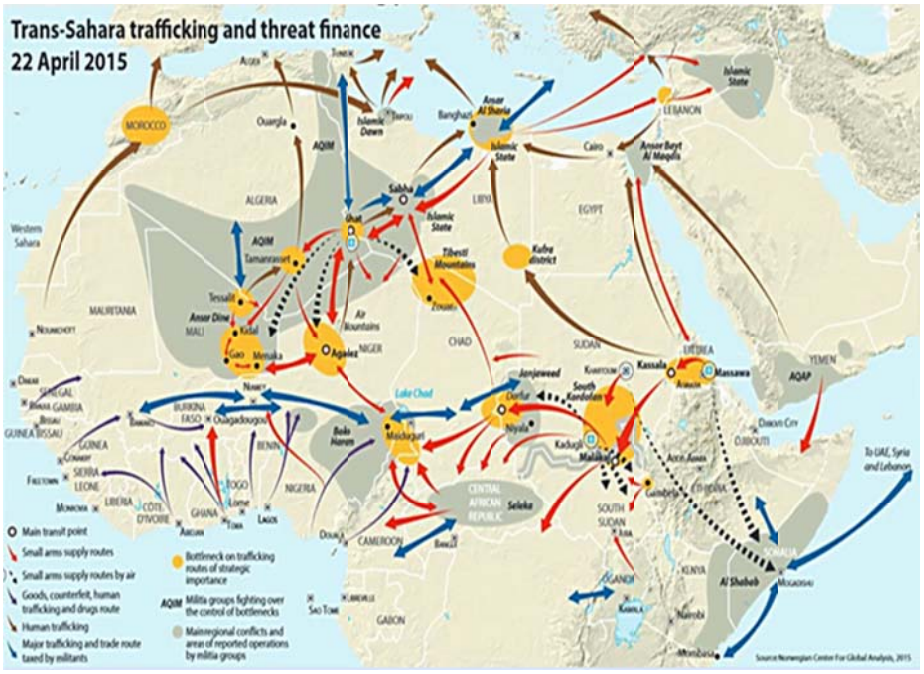

Fig. 3. Map of various trafficking routes Source: Norwegian Center for Global Analysis, 2015

Most ECOWAS member states continued to participate in the CAR, contributing significant troops to AFISCA and the subsequent UN mission MINUSCA[1]. Seven member states of the Economic Community of Central African States share the coast of the Gulf of Guinea, an area where piracy has grown steadily over the past decade. Attacks on ships, theft of oil and smuggling threaten both the security and economic development of the member states of the Economic Community of Central African States.

Faced with this challenge, the member States of the Economic Community of Central African States have made efforts to strengthen the observation of resources at sea and along the coast. To date, the most notable results have been achieved in the maritime zone controlled by Cameroon, Equatorial Guinea, and Gabon, where attacks have declined since 2010.

It is important to emphasize that the Economic Community of Central African States was the first regional organization to establish the 2009 Maritime Security Strategy against piracy. Strategies to combat this scourge are not only regional, but also interregional.

Four maritime focal points have been established: an interregional focal point in Cameroon linking the Economic Community of Central African States and ECOWAS, a CRESMAC regional focal point in the Republic of the Congo, a multinational focal point for maritime areas established in Cameroon and Angola, respectively; and national maritime centers. However, the effectiveness of these focal points is hampered by a lack of technical equipment, financial resources, and highly qualified personnel. Therefore, even if the structure exists, none of the centers is yet fully functional.

[1] Amanda Lucey, Gustavo De Carvalho. Consolidation of fractured peace in the Central African Republic Lessons for the engagement of the African Union. 2016. URL: https:// issafrica.org/fr/recherches/note-danalyse/console-dation-de-la-paix-fracturee-en-republique-centrafricaine. (accessed 27.02.2021).

States in the region are also aware of transnational smuggling flows that undermine their construction and keep Central Africa insecure. Until now, the Economic Community of Central African States has focused primarily on the military, but the organization has identified the need to develop tools for collecting and sharing intelligence, and to facilitate both strategic cooperation and technical cooperation between neighboring states.

The weakness of the states of the region, manifested in their inability to control the entire territory of Central Africa, gives illegal armed groups the opportunity to exploit the vast and valuable natural resources of the region, which contributes to instability and conflict. These armed groups participate in the trade in minerals, drugs, wildlife, and the smuggling of migrants and small arms and light weapons circulating in the region. To address this issue, the Economic Community of Central African States established the Criminal Border Program in 2008.

Until now, the Economic Community of Central African States has focused on military action, but recently it has identified the need to develop tools for collecting and sharing intelligence. It is for this reason that the Economic Community of Central African States has established several training centers, one of which specializes in police training.

The region faces several security challenges that require preventive action to tackle issues such as the rise in terrorism in West Africa [15].

Chad is part of the Sahel Five operating in the Sahel region. This demonstrates interregional mobilization to counter the rise of terrorism in the region. The brutality of the Sahelian War forced the Sahelian states to unite militarily to counter the threat. One of the consequences of this war was the creation of the G5 Sahel in 2014 by Mauritania, Mali, Burkina Faso, Niger, and Chad. A year later, the heads of state (G5 Sahel) announced in N'Djamena the formation of a joint anti-terrorist armed forces.

Conclusion

Africa, as the youngest continent, is racing against time, so it is essential that economic development must address the root causes of insecurity and instability. It is important to note that the only guarantee of security in the long term is paramount for all Central African countries.

The African continent has now fully entered economic globalization and the international community, and it would be inevitable to question this statement in the name of preserving political, economic difficulties, security, migration, and refugees. Political analysts and observers argue that most of the post-independence crises of insecurity on African borders are the result of colonial legacies and the introduction of new socio-economic and political structures. It is obvious that for a long time several African leaders have been practicing a system of differentiated and preferential treatment of the population of the African continent, based on regional, tribal, status and ethnic differences.

The AU is in fact moving towards greater liberalization of intra-African movement, in a critical spirit of the European approach. The increasingly growing intra-African migratory movements are mainly and very often regional. Since the early 2000s the African Union, in coordination with regional organizations, have adopted a roadmap as well as a large number of policies and legal frameworks and normative without forgetting the brand-new revised Midfielder Policy Framework for Africa and 2018-2030 Action Plan (MPFA) heralds an important paradigm shift. The most important question is whether all the countries

of Central Africa really consider Migration as a factor of development?

Instead of the African Union understanding migration in its entirety, by broadening legal avenues to fight against migrant trafficking networks, African countries must first focus on intra-African irregular migration.

Indeed, Africa needs peace and security to give more hope to its populations and preserve its meager infrastructure resources essential for economic development. In this regard, good governance is an essential factor in creating the conditions for the functioning of strong institutions to induce confidence and release energies for the benefit of development.

All African regions can offer great investment opportunities, but it appears that in several areas, political instability, security, and governance problems are hampering investment in sectors that would be promising such as infrastructure, transport, agriculture, and telecommunications.

Unfortunately, the profitability and viability of investments are often threatened by governance problems, political instability, and terrorist threats, despite the enormous potential offered to investors.

Today, Africa has a priority and immediate need, that of resolving its conflicts, promoting national reconciliation, and creating favorable conditions for the reconstruction of the economies of countries emerging from crisis situations.

We suggest the interest of questioning the future of Russian-African relations not only in the context of secretarial management, but also in the field of investments, strengthening of educational systems.

References

1. Braeckman C. African terror. Burundi, Rwanda, Zaire: The Roots of Violence. *Foreign Policy*, 1997, no. 62, is. 1, pp. 215–216.

2. Abramova I. O. African migration: a regional issue or a global problem? *Problems of the modern economy*, 2007, no. 4 (24). (In Russ.) Available at: www.m-economy.ru/art.php? nArtId=1635. (accessed 24.03.2021)

3. Kommegni Fongang J. P. Forced Migration in Sub-Saharan Africa. *Vestnik RUDN. International relations*, 2019, no. 19 (2), pp. 264–273. (In Russ.)

4. Yao Konan S., Anich R., Van Lidth T., Mona P. International Organization for Migration (IOM): Migration in West and Central Africa. *Regional Overview*, 2011.

5. Cambrézy L. Refugees and exiles: Crisis of societies Crisis of territories. Editions of contemporary archives, 2001. P. 218.

6. Cilliers J. Africa and Terrorism. *Contemporary Africa*, 2004, no. 209, pp. 81–100.

7. Jean-Baptiste Meyer. Le lien entre migration et terrorisme. *Hommes & migrations*, 2016, no. 1315, pp. 49–57.

8. Davydov N. D., Min S. Military-political features of international terrorism. *Vestnik RUDN. Series: Political science*, 2006, no. 1 (6), p. 21–36. (In Russ.)

9. Baumberger M. Influence de la lutte contre le terrorisme sur le droit d'asile en Allemagne et en France. (Mémoire M2 Recherche Droit public compare). Paris, 2019. p 107.

10. Terrorist financing in West and Central Africa. FATF-GIABA-GABAC, 2016. P. 50.

11. Tubiana J. The proxy war between Chad and Sudan and the "Darfourization" of Chad: Myths and Reality. Geneva, Small Arms Survey, 2008, pp. 1–45.

12. Ela Ela E. Conflict prevention mechanisms in Central Africa. *World wars and contemporary conflicts*, 2001, no. 202–203, pp. 227–239.

13. Fusibet F. Pierre Dufour, France in Chad, since 1969. *Historical review of the armies*, 2011, vol. 262. 191 p.

14. Terrorist financing in West and Central Africa Paris, FATF-GIABA-GABAC, 2016. 50 p.

15. Davidov N. D., Antonio N. G. Antonio. Migration expansion in the EU: causes, mechanisms, consequences. *Questions of political science*, 2016, is. 1 (21), pp. 184–191. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Мугадам Махамат Мугадам, аспирант кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: mmougadammahamat@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-5533-5655

Умар Сидибе, аспирант кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: omersidibe@gmail.com

Mugadam Mahamat Mugadam, Post-Graduate Student of the Department of Political Analysis and Management, RUDN University, Moscow, Russian Federation,
e-mail: mmougadammahamat@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-5533-5655

Oumar Sidibe, Post-Graduate Student of the Department of Political Analysis and Management, RUDN University, Moscow, Russian Federation
e-mail: omersidibe@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-205-216

CC BY 4.0

«Господи, помоги мне сдать экзамен»: православные практики советских учащихся в 1940–1960-е годы

А. В. Апанасенок[1] ✉

[1]Региональный открытый социальный институт
ул. Маяковского 85, г. Курск 305090, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность *темы исследования обусловлена необходимостью отражения в гуманитарной науке процесса функционирования и воспроизводства традиционной православной культуры в СССР, а также важностью адекватного научного осмысления духовного мира «советского человека».*

Цель исследования *– осмысление феномена массовой вовлеченности советских учащихся (школьников, студентов ссузов и вузов) в православные практики в 1940–1960-е годы.*

Задачи: *анализ степени распространения православных практик в среде советской молодежи в послевоенные десятилетия; изучение форм участия школьников и студентов в церковной жизни рассматриваемого периода; выявление степени устойчивости этих форм на фоне государственного противодействия развитию конфессиональной культуры.*

Методология*. В ходе работы автором использовались историко-аналитический, историко-генетический и историко-статистический методы, а также элементы микроисторического анализа.*

Результаты*. В работе показано, что степень приобщения советских учащихся к православным практикам в 1940–1960-е годы была существенно выше, чем это пыталась представить советская пропаганда. Церковные службы отнюдь не были уделом лишь старшего поколения, в послевоенные десятилетия они активно посещались детьми школьного возраста и студентами. В местах, где ощущался явный дефицит православных священнослужителей и храмов, молодежь вовлекалась в стихийные практики народного богопочитания.*

Выводы. *В ходе исследования делается вывод о том, что главными моментами передачи конфессиональных традиций детям и молодым людям в СССР были религиозные праздники, прежде всего Рождество, Крещение, Пасха. Религиозное измерение для части школьников имел и День знаний. Государственная политика оказывала существенное влияние на формы приобщения детей и молодежи к церковной жизни. Антирелигиозные действия властей снижали уровень присутствия учащихся в публичном церковном пространстве, однако не уничтожали интереса молодых людей к православной культуре. Большую роль в поддержании этого интереса играл полупатриархальный уклад, сохранявшийся в послевоенные десятилетия во многих советских семьях.*

Ключевые слова: *история СССР; послевоенный период; религиозная культура; православие; молодежь; конфессиональные практики.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование*: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21-09-43066.*

Для цитирования: Апанасенок А. В. «Господи, помоги мне сдать экзамен»: православные практики советских учащихся в 1940–1960-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 205–216. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-205-216.

Поступила в редакцию 27.08.2021 Принята к публикации 24.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Апанасенок А. В., 2021

"Lord, Help me to Pass the exam": Orthodox Practices of Soviet Pupils in the 1940s-1960s

Alexander V. Apanasenok[1] ✉

[1]Regional Open Social Institute
85 Mayakovsky str., Kursk 305090, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance *of the research topic is due to the need to reflect the process of functioning and reproduction of traditional legal culture in the USSR in the humanities, as well as the importance of an adequate academic understanding of the spiritual world of the "Soviet person".*

The purpose *of the paper is understanding the phenomenon of mass involvement of Soviet pupils (schoolchildren, students of colleges and universities) in Orthodox practices in the 1940s-1960s.*

Objectives: *analysis of the the extent of the spread of Orthodox practices among Soviet youth in the post-war decades; studying the forms of participation of schoolchildren and students in the church life of the period under review; identification of the degree of stability of these forms in conditions of state opposition to the development of confessional culture.*

Methods. *The main methods that were used in the course of the research were historical-analytical, historical-genetic and historical-statistical methods, as well as elements of micro-historical analysis.*

Results. *The paper shows that the degree of familiarization of Soviet pupils with Orthodox practices in the 1940s-1960s was significantly higher than Soviet propaganda tried to imagine. Church services were attended not only by representatives of the older generation, in the post-war decades they were actively attended by school-age children and students. In places where was a clear shortage of Orthodox priests and churches, young people were involved in spontaneous practices of a folk worship.*

Conclusions. *The paper concludes that the main moments of the transfer of confessional traditions to children and young people in the USSR were religious holidays, primarily Christmas, Epiphany, Easter. The Day of Knowledge also had a religious dimension for some schoolchildren. State policy had a significant impact on the forms of introducing children and young people to church life. The anti-religious actions of the authorities reduced the level of pupils' presence in the public church space, but did not destroy the interest of young people in Orthodox culture. An important role in maintaining this interest was played by the semi-patriarchal way of life that persisted in many Soviet families in the post-war decades.*

Keywords: *history of the USSR; post-war period; religious culture; Orthodoxy; youth; confessional practices.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding*: The research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43066.*

For citation: Apanasenok A. V. "Lord, Help me to Pass the exam": Orthodox Practices of Soviet Pupils in the 1940s-1960s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 205–216. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-205-216.

Received 27.08.2021 Accepted 24.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

СССР был атеистически ориентированным государством. Материализм и сциентизм, лежавшие в основе коммунистической идеологии, позволяли ее последовательным носителям рассматривать религию лишь в качестве «пережитка». Теоретически реализация принципов социальной справедливости, рост материального благосостояния и уровня образования масс должны были лишить всякую религиозную культуру ее фундамен-

тальных основ (каковыми считались социальные антагонизмы, бедность и невежество). «Союз воинствующих безбожников», указывая на быстрое преображение советского общества, обещал покончить с «религиозным дурманом» уже в 1930-е гг. [1, с. 5] После его краха последующие борцы с религией были менее радикальны, однако сам тезис об отмирании религиозного сознания под сомнение не ставился. «Подавляющее большинство советских людей навсегда порвало с религией», – можно прочитать в типичной брошюре «О преодолении религиозных предрассудков», изданной еще в 1951 г. и тогда же широко растиражированной [2, с. 18]. Здесь же представлены рассуждения об отсутствии у религии социальной базы, а следовательно, и возможностей влиять на новые поколения советских людей. В последующих изданиях такого рода вплоть до перестройки регулярно отмечалось торжество научного мировоззрения, церковная жизнь при этом обычно характеризовалась как удел «старух». Молодой человек из советской семьи в церкви – это нонсенс, исключение из правил, – эта мысль проводится едва ли не в каждом издании, посвященном научному атеизму. Однако оживление общественной жизни в конце 1980-х гг. и, особенно, события, связанные с празднованием тысячелетия Крещения Руси, показали, что советские идеологи порой преувеличивали, выдавая желаемое за действительное. В марте 1988 г. глава Совета по делам религии при Совете Министров СССР К. М. Харчев заявил, что в стране около 70% населения составляют верующие. При этом их численность не сокращается, а в православных храмах можно встретить отнюдь не только «бабок», но трудоспособное население и много молодых людей [3].

Если исходить из того, что высокопоставленный советский функционер озвучил данные, более-менее близкие к действительности, надо признать, что носителями религиозного сознания в той или иной мере было более половины населения СССР и в предшествующие десятилетия. Любая традиция существует постольку, поскольку действуют механизмы ее ретрансляции из поколения в поколение. Каковы были эти механизмы в СССР? Каким образом конфессиональные традиции передавались от старших к младшим в условиях «развитого социализма»? В данной статье автор старается приблизиться к ответам на эти вопросы, анализируя факты приобщения к православным практикам советских учащихся (школьников, студентов ссузов и вузов) в послевоенные десятилетия.

Методология

С концептуально-методологической точки зрения важными для проведенного исследования стали положения теории модернизации. В частности, определенное значение имеет тезис о секулярном характере советской модернизации. Модернизация данного типа предопределяет проблему утверждения ценностей позднего модерна через отрицание комплекса традиционных (прежде всего конфессиональных) установок, а потому неизбежно порождает «культурный протест» в среде традиционалистски ориентированной части социума. Этот «культурный протест» выражается в том числе в стремлении старших поколений передать ранее устоявшиеся традиции (в том числе конфессиональные) новым поколениям. «Культурный протест» порождает «культурный конфликт» носителей старых и новых ценностей. Мировоззрение молодежи оказывается полем для столкновения этих ценностей, а школьная (студенческая) среда – ареной развития «культурного конфликта».

В ходе работы автором использовались историко-аналитический, историко-генетический и историко-статистический методы, а также элементы микроисторического анализа. Основой формирования источниковой базы выступила архивная работа в Государственном архиве Рос-

сийской Федерации и Государственном архиве Курской области, ориентированная на сбор информативных документов центрального аппарата Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР и его уполномоченных на местах.

Результаты и их обсуждение

В октябре 1948 г. из аппарата Совета по делам Русской православной церкви в Совет Министров поступил интересный рапорт относительно религиозных практик жителей Ленинграда. Одним из центральных сюжетов в нем стало своеобразное паломничество верующих на территорию кладбища «Введенские горы». Согласно рапорту, на одной из расположенных здесь старых, дореволюционных могил была установлена большая статуя Иисуса Христа черного цвета (прозванная в просторечии «Черный Спаситель»), некогда привезенная из Рима. Невзирая на иностранное происхождение скульптуры (а может, и не зная о нем), во время Великой Отечественной войны к ней стали приходить верующие с тем, чтобы помолиться и оставить записки с просьбами. В послевоенные годы это «паломничество» не прекратилось, а, напротив, увеличило масштабы. В обычные дни в любую погоду в течение часа к «Черному Спасителю») подходило по 60–70 верующих, в праздники здесь можно было увидеть 100–150 человек одновременно. В июне 1948 г. по указанию Мосгорисполкома территория вокруг скульптуры была заколочена досками, однако поток верующих от этого не уменьшился. Люди стали молиться около забора, оставляя надписи с просьбами на досках, а также прикалывая сюда свои записки. При этом более 600 человек подписали прошение Патриарху с просьбой поспособствовать «избавлению Спасителя из темницы» путем переноса скульптуры в местную Петропавловскую церковь [4, л. 13–14]. Пока шло соответствующее разбирательство, уполномоченный Совета по делам религий выяснил, что моления происходят не только около данной статуи – объектами притяжения верующих стали и другие скульптурные изображения Христа, а также надмогильная часовня и иконы, расположенные рядом с могилами. Про иконы и часовню в донесении говорится, что они оказались не менее привлекательны для приходящих на кладбище, чем упомянутая скульптура [4, л. 14–15].

Пожалуй, расцвет религиозных практик в духе «народного православия» и массовое «паломничество» на старое кладбище жителей Ленинграда, испытывавшего в 1940-е гг. острый дефицит в священнослужителях и храмах, – вполне объяснимая вещь. Однако соответствующие документы указывают еще на один факт – большое количество молодых людей школьного и студенческого возраста, посещающих кладбище «Введенские горы» с религиозными целями (на это особо указывают составители рапорта в Совет Министров). А судя по приводимым текстам «обращений к Богу», учащаяся молодежь вообще преобладала среди таких посетителей. Из семи цитат, помещенных в рапорт в качестве примеров, шесть явно принадлежат молодым людям: «Господи, помоги мне сдать экзамен», «Господи, помоги мне перейти в 7 класс», «Господи, помоги мне перейти на 4 курс», «Господи, помоги мне сдать экзамен на хорошо и отлично, поступить в техникум», «Господи, помоги мне защитить диплом», «Господи, помоги моей маме выйти из тюрьмы» [4, л. 15].

Приведенный факт внушает мысль о массовом стремлении подростков и молодых людей из северной столицы к православному опыту в той или иной (в том числе и не вполне канонической) форме. Однако было ли такое стремление повсеместным? Если да, то как долго участие в православных практиках (официально-церковных или «народных») молодых людей оставалось распространённым явлением?

Изучение широкого круга документов Совета по делам Русской православной церкви дает возможность ответить на первый вопрос утвердительно. Уполномоченные этого органа практически из всех регионов страны в 1940-е гг. в своих отчетах и донесениях регулярно отмечали присутствие детей и молодежи на церковных службах, участие подростков в крестных ходах и импровизированных паломничествах. Например, уполномоченный по Свердловской области в 1945 г. отмечал факты массового крещения детей от 5 до 10 лет на фоне «оживления религиозных настроений молодежи» [5, л. 76]. О том же писал уполномоченный из Сталинградской области, указывая при этом на большие наплывы местных студентов в открытые храмы. В соответствующем документе цитируется рассказ учащейся Дубовского педагогического училища, поделившейся своими впечатлениями о церковной службе: «Вчера была у заутрени в церкви. Народу было очень много, даже и повернуться негде. Большинство присутствовавших – молодежь из нашего педучилища и других школ. Так там было хорошо, так хорошо пели» [5, л. 76].

Представитель Совета по Новосибирской области в 1940-е гг. указывал на систематическое посещение городской церкви студентами института военных инженеров и транспорта, а также мединститута, при этом приводя примеры крещения как студентов, так и демобилизованных военнослужащих [6, л. 76]. Уполномоченный по Полоцкой области Белорусской ССР также отмечал большую популярность церковных служб среди местных учащихся после войны. При этом, характеризуя православную жизнь в городе, он обращает внимание на стремление молодых людей как можно более активно участвовать в приходской жизни. «В церковном хоре, – читаем в донесении, – состоит почти исключительно молодежь и это участие… они считают большой заслугой» [6, л. 41].

Такого рода картину можно было наблюдать не только в традиционно «православных» регионах, но и в православных сообществах азиатских республик Советского Союза. О массовом участии детей и молодежи в церковных службах и таинствах в послевоенное время можно прочитать, например, в информационных справках по Киргизской и Казахской ССР. Здесь отмечается массовое крещение лиц от 5 до 25 лет, а также «наплыв» верующих всех возрастов, «далеко превышающий вместимость церковных зданий» [6, л. 42–43].

Был ли связан наплыв молодежи в православные храмы с общим церковным подъемом середины 1940-х гг.? Несомненно, и это постоянно отмечают советские функционеры. «В этот период, – писал один из уполномоченных Совета по делам РПЦ, – обстановка исключительно благоприятствовала церковникам для широкого распространения своего влияния среди населения. Еще не прошло впечатление от участия церкви в патриотической работе в период войны. Культурно-просветительская работа не была надлежащим образом развернута» [7, л. 63–64].

Однако донесения тех же функционеров свидетельствуют, что молодые люди не перестали участвовать в православных обрядах и в 1950-е гг. Например, в обзорах инспекторов Совета, составленных по итогам анализа отчетов местных уполномоченных за 1952 г., по-прежнему можно встретить констатацию значительной посещаемости православных церквей детьми школьного возраста и молодежью 17–20 лет. «Большая посещаемость церквей детьми, – читаем в сюжете про Северный Урал, – наблюдается, главным образом, в дни больших церковных праздников, совпадающих с каникулярным периодом школьников. Так, например, 14 августа так называемый “Первый спас” и дети в этот день составляют не менее половины числа посетителей. На Пасху тоже бывает много детей в

церкви» [8, л. 33]. Курский уполномоченный Совета по делам РПЦ в 1951 г. писал о своих консультациях с колхозными руководителями, которые жаловались ему на то, что «ребят школьного возраста матери просто гонят в церковь». При этом убежденным коммунистам, отстаивающим основы материалистического мировоззрения, не помогают ни разговоры с родителями, ни убеждение детей: «когда с молодыми людьми пытаются разговаривать, то эта молодежь ссылается на Конституцию» [9, л. 57].

В источниках отражено немало фактов, свидетельствующих об участии детей и молодежи в народных паломничествах к тем или иным конфессионально значимым объектам. Например, на протяжении 1950-х гг. регулярно фиксировалось массовое присутствие представителей подрастающего поколения в стихийных крестных ходах к закрытой Курской Коренной пустыни. Ребята постарше год из года шли к месту легендарного обретения Коренной иконы «Знамение» сами, а те, кто помладше – с матерями и бабушками [10, л. 31; 11, л. 150]. Это действо зачастую рассматривалось молодыми людьми как праздник: наблюдатели отмечали присутствие большого количества девушек в венках, наряжавших лучшие платья и носивших цветы [12, л. 110].

Праздники – официально-церковные или народно-православные – стали в советское время главными моментами ретрансляции конфессиональных традиций. Регулярное участие в православных действах в условиях советской действительности, несомненно, было проблематично для подавляющего большинства семей. Поэтому наплывы школьников или студентов в церкви можно было наблюдать на Рождество, Крещение, Пасху, Троицу и т. д. Например, курский уполномоченный Совета по делам РПЦ в 1955 г. насчитал на пасхальных службах в девяти действовавших на тот момент городских церквях около двадцати тысяч человек и при этом отметил, что существенную часть из них составили молодые люди. Поскольку только в одной маленькой Успенской церкви (сильно уступавшей размерами кафедральному собору и некоторым другим курским храмам) оказалось более двухсот подростков 12–16 лет (многие из которых стояли на службе с горящими свечами) [10, л. 29], можно предположить, что общее количество лиц школьного и студенческого возраста на пасхальных богослужениях в тот момент доходило до двух-трех тысяч – немало для небольшого провинциального города середины XX в., недавно преодолевшего стотысячный рубеж.

В 1950-е гг. эта картина повторялась из года в год, причем школьников в большом количестве можно было видеть и накануне Пасхи, во время освящения куличей. Тот же чиновник в 1956 г. констатировал, что практически каждая пожилая женщина, приносящая кулич в церковь, ведет с собой ребенка дошкольного или школьного возраста, а многие приходят с двумя или тремя детьми, которые стоят рядом во время освящения. Тут же добавляется: «довольно много и подростков, которые приносят освящать пасхи самостоятельно» [10, л. 47]. Характеризуя ситуацию по стране в целом, известный советский лектор-атеист А. Валентинов в 1960 г. с возмущением писал о том, что в некоторых православных церквях на Пасху подрастающее поколение играет чуть ли не ведущую роль: по 100–150 детей, одетых в специальные костюмы, идут в голове крестного хода, неся иконы и посыпая дорожку цветами, а в специальные дни даже проводятся службы для детей [13, с. 30].

Аналогичную ситуацию можно было видеть в советских городах середины XX в. (не говоря уже о сельской местности) на Рождество и Крещение. Представители государства, призванные наблюдать за религиозной активностью граждан, регулярно отмечали высокую степень вовлеченности в праздничные риту-

альные действа советских учащихся, десятками, а то и сотнями приходивших в действующие церкви [14, л. 6–7; 15, л. 44–45].

Как ни странно, еще одним праздником, в послевоенные десятилетия регулярно выступавшим поводом для похода в православный храм для многих школьников, оказался День знаний – 1 сентября. В середине XX в. во многих семьях сохранялась дореволюционная традиция отправлять детей на богослужение накануне очередного учебного года «испросить ума» у Бога. Например, в последние дни августа 1954 г. уже упоминавшийся курский уполномоченный Совета по делам РПЦ посетил пять из девяти действовавших в городе церквей, после чего вынужден был отметить присутствие на богослужениях «порядочного числа детей школьного возраста в школьной форме» [16, л. 78]. В письме, адресованном в курский горком, он указывает численность юных прихожан, найденных им в каждой из церквей. Из этих данных видно, что в течение периода с 29 по 31 августа в отдельно взятом храме одновременно можно было застать несколько десятков школьников [10, л. 29].

В последующие годы их количество увеличивалось, что заставило того же функционера написать секретарю местного обкома КПСС специальную служебную записку «О посещении школьниками церковных служб в г. Курске в канун первого учебного года». В записке констатируется, что определенная часть учащихся городских школ, училищ и техникумов отправились на праздничные линейки, накануне посетив православные богослужения и помолившись вместе со взрослыми о благополучии на школьной ниве. Вот характерные выдержки: «В Троицкой церкви… из общего числа участников (около 200) было 50 человек школьников, все они исповедовались и причастились… в Успенской церкви на службе было еще больше – 400 человек, присутствовало около 60 детей… В Вознесенской церкви на службе было около 150 верующих. Из них 60 человек были детьми школьного возраста... Священник Вересин обращался к ним со словом, в котором призывал хорошо учиться в школе, слушаться родителей и наставников и не забывать бога, посещать храм. Член церковного совета Латышева сказала мне, что уже третий день ребята ходят в церковь и служат молебны» [16, л. 82]. В этом же документе говорится, что посещение учащимися церкви перед 1 сентября – распространенное явление. Ребята приходят в храмы, когда в них по традиции служат молебны пророку Науму, т. к. последний считается святым покровителем всех, стремящихся к образованию (что находит свое выражение и в распространенной поговорке «Наум – прибавит ум») [5, оп. 5, д.13, л. 82].

1 сентября 1957 г. в курских церквях на богослужениях присутствовало 270 школьников. Конечно, эта цифра не выглядела огромной, однако сами же советские чиновники понимали, что она не отражает реальных масштабов вовлеченности учащихся в православные практики. Характеризуя проблему, местный уполномоченный писал о необходимости серьезно оценить явление, «поскольку и до этого в течение нескольких дней дети ходили в церковь и заказывали молебен, чтобы хорошо учиться, а в этот день в церкви пришли дети самых смелых родителей, которые не побоялись продемонстрировать, что их дети-школьники (часть даже в школьной форме) перед началом учебного года молились» [16, л. 146].

«Молодой» состав православных прихожан в советских городах отмечали и иностранцы. Влиятельное эмигрантское издание «Вестник русского христианского студенческого движения», внимательно следившее за состоянием церковной

жизни в СССР, в 1957 г. сообщало, что, согласно многочисленным отзывам побывавших в Советском Союзе, Русскую православную церковь от других церквей отличает стабильно большое количество молодых людей и детей на богослужениях. Это обстоятельство даже было отмечено в официальном заявлении финской делегации, тогда же посетившей нашу страну [17, с. 25].

Значительные масштабы вовлечения молодежи в православные практики подтверждаются и тем исключительным вниманием, которое им уделялось со стороны государственных и партийных структур. Практически во всех отчетах (донесениях, рапортах) местных уполномоченных о посещаемости церквей гражданами присутствуют описания того, сколько детей/молодых людей пришло на ту или иную службу, как они себя вели, причащались ли и т.п. Эта тема обсуждалась в горкомах, обкомах, в Совете Министров СССР. Значительная вовлеченность подрастающего поколения в церковную жизнь ставила под сомнение важный для КПСС постулат об отмирании религиозной культуры в советском обществе, а это, в свою очередь, подрывало доверие к советской идеологии в целом. Если с посещением церквей представителями старшего поколения можно было мириться, объясняя его свойственным пожилым людям консерватизмом или просто отсталостью, то участие в богослужениях октябрят, пионеров и комсомольцев означало провал советского атеистического воспитания. Не удивительно, что во время разгоревшейся в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. антирелигиозной кампании недопущение молодежи в храмы стало одним из приоритетов борцов с «пережитками».

Начиная с 1959 г. в советских городах регулярно организуется «общественный контроль» за посещением богослужений, на практике выражавшийся в дежурствах школьных учителей и преподавателей ссузов около православных церквей в воскресные и, особенно, праздничные дни [15, л. 51–52]. Очевидно, это далеко не всегда помогало, поэтому в ряде случаев особо «исполнительные» педагоги запугивали родителей, обещая лишить их права воспитывать собственных детей. На угрозы такого рода на рубеже 1950–1960-х гг. регулярно жаловались в Совет по делам РПЦ православные епископы с мест [18, с. 286]. По данным Д. В. Поспеловского, в начале 1960-х гг. в отдельных случаях у религиозных верующих родителей действительно отнимали детей под предлогом «фанатичного религиозного воспитания», отдавая в интернаты [18, с. 295]. В 1960 г. выходит официальный запрет привлекать лиц до 18 лет для прислуживания в храмах [19, л. 148], в это же время местные уполномоченные Совета начинают устно запрещать священнослужителям начинать службы, пока в церквях находятся дети [18, с. 295].

Добились ли государственно-партийные структуры нужного им эффекта? По-видимому, не сразу, при этом не слишком серьезного. Еще весной 1960 г. курский уполномоченный по итогам наблюдения за верующими на пасхальных службах отмечал, что «такой массы молодежи наблюдать раньше не приходилось» [15, л. 62]. В последующие годы наблюдатели фиксируют спад посещаемости православных храмов учащимися, а также минимизацию паломнических практик с участием детей [20].

Однако после отставки Н. С. Хрущева в 1964 г. и ослабления натиска на религию интерес части подрастающего поколения к православной культуре вновь становится очевиден. На пасхальных службах 1965 г. в отдельно взятых небольших городских церквях вновь можно было увидеть десятки школьников [21, л. 57–58], а к кафедральному Сергиево-Казанскому собору пришло более тысячи

молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет. Многим из них удалось побывать на богослужении внутри собора. Разошлась основная масса молодых людей только к трем часам ночи [21, л. 55].

Сообщения о массовом участии детей школьного возраста стали приходить также из сельской местности. Например, советский чиновник, заехавший на Пасху в небольшое село в Щигровском районе Курской области, обнаружил в местном молитвенном доме 21 школьника [21, л. 62]. Аналогичная ситуация имела место в старообрядческих молитвенных домах в 1965–1966 гг. [22, л. 34].

Очередное оживление религиозной жизни с активным участием молодых людей после окончания хрущевской антирелигиозной кампании можно было наблюдать и в столичных городах. Например, один из иностранных граждан (уроженец Парижа), обучавший в московской семинарии, а затем служивший в Ленинграде, так описывает конфессиональную жизнь в конце 1960-х – начале 1970-х гг.: «Я был поражен религиозным рвением окружающих меня людей. Хотя обычно считается, что приходят в церковь “бабушки”, я скоро обнаружил, что среди этих “бабушек” примерно 30% составляют молодые люди, не достигшие 25 лет… Молодые люди составляют 30–40% паствы на Акафистах… Обычное зрелище во входном вестибюле семинарии, на соседней улице и у главного входа – группы молодых людей, оживленно беседующих с семинаристами… Почти каждый день кто-нибудь подходил ко мне и задавал вопросы, касающиеся религии… Потом я временно служил в Троицком соборе в Ленинграде… Почти всегда часть паствы составляли молодые люди… особенно во время школьных экзаменов» [23, с. 207–208].

Каковы причины успешной ретрансляции конфессиональных традиций в значительной части советских семей в 1940–1960-е гг.? Почему заметное количество советских учащихся участвовало в этот период в православных практиках, пренебрегая возможными неблагоприятными последствиями? Факторов, определивших соответствующие культурные процессы, немало (и они требуют самостоятельного изучения), однако очевидно, что главенствующую роль здесь играли сохранявшиеся традиции религиозного воспитания в семье. Конечно, в середине XX в. в СССР уже шли модернизационные процессы, предопределявшие трансформацию среднестатистической семьи из большой («патриархальной», в которой представлено несколько поколений) в малую («современную», представленную родителями и детьми).

Однако в рассматриваемый период эта трансформация еще не стала критической: как справедливо подчеркивает американский историк А. Стоун, семьи чаще всего сохраняли «полупатриархальные очертания», а большинство советских детей и юношей проживало вместе или рядом с дедушками и (что особенно важно) бабушками [24, с. 297]. Последние, по многочисленным свидетельствам, чаще всего являлись инициаторами крестин и походов на богослужения и, по выражению одного из инспекторов Совета по делам РПЦ, «смиренно брали на себя ответственность» за приобщение детей к православной культуре [6, л. 42]. В большой традиционной семье существовало множество путей для передачи православных традиций. Кроме наставлений «бабушек» и эпизодически организуемых ими походов на богослужения в храмы, важную роль играла сама атмосфера, формы общения, быт. В таких семьях ребенок с раннего детства мог наблюдать крестики, «бабушкины» иконы, видеть почтительное отношение к ним со стороны старших. Какие-то элементы православного мировоззрения закреплялись (в том числе неосознанно) через используе-

мую старшими членами семьи лексику, нередко содержавшую библейские выражения («хлеб насущный», «как зеницу ока», «волк в овечьей шкуре», «в плоть и кровь» и т.д.). На воздействие такого рода указывали советские функционеры, объяснявшие неудачи школьной атеистической пропаганды. «Влияние семьи, воспитание в семье, которое ведется не от случая к случаю и не по-книжному, а систематически и повседневно, часто незаметно во всех делах, действиях и поведении дома. Оно значительно еще и в религиозном отношении», – писал один из них в 1957 г. [15, л. 2]

Выводы

Рассмотрение источников 1940–1960-х гг. убеждает, что степень приобщения советских учащихся к православным практикам в данный период была существенно выше, чем это пыталась представить советская пропаганда. Церковные службы отнюдь не были уделом «старух», в послевоенные десятилетия они активно посещались детьми школьного возраста и студентами. В местах, где ощущался явный дефицит православных священнослужителей и храмов, молодежь оказывалась вовлекаема в различные формы «народного православия» (стихийные паломничества, поклонение Богу через скульптурные и иконографические изображения).

Главными моментами передачи конфессиональных традиций детям и молодым людям в СССР были религиозные праздники, прежде всего Рождество, Крещение, Пасха. В соответствующие дни действующие храмы были неизменно переполнены верующими, среди которых заметную часть, как правило, составляли лица школьного возраста. Религиозное измерение для части школьников имел и День знаний, накануне которого многие молились пророку Науму ради успехов в учебе. Последнее обстоятельство было особенно неприятно для советских идеологов, т. к. 1 сентября в СССР было призвано символизировать прогресс и победу научного мировоззрения над «невежеством» и традициями «старого мира».

Несомненно, государственная политика оказывала существенное влияние на формы приобщения детей и молодежи к церковной жизни. Церковный ренессанс первых послевоенных лет привел к массовым крещениям не крещенных до этого школьников и притоку учащихся в храмы и иные конфессионально значимые места. Антирелигиозная компания конца 1950-х – начала 1960-х гг. снизила уровень их присутствия в публичном церковном пространстве, однако не убила интереса молодых людей к православной культуре: в середине 1960-х гг. он вновь выходит из латентного состояния и заставляет говорить о себе советских функционеров. Большую роль в поддержании этого интереса играет полупатриархальный уклад, сохраняющийся в послевоенные десятилетия во многих советских семьях.

Список литературы

1. Peris D. Storming the heavens: The Soviet League of the Militant Godless. Cornell University Press, 1998. 237 p.

2. Худяков С. Н. О преодолении религиозных предрассудков. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1951. 32 с.

3. Религия и перестройка // Русская мысль. 1988. 22 мая.

4. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 291.

5. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 30.
6. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63.
7. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-5027. Оп. 2. Д. 8.
8. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 970.
9. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 3.
10. ГАКО. Ф. Р-5207. Оп. 5. Д. 10.
11. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 2. Д. 16.
12. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 12.
13. Валентинов А. Религия и церковь в СССР. М.: [Б. и.], 1960. 64 с.
14. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 18.
15. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 22.
16. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 13.
17. Струве Н. Религиозная жизнь в Советской России // Вестник русского христианского студенческого движения. 1957. № 4 (47). С. 23–33.
18. Поспеловский Д. В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
19. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 948.
20. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 68.
21. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 67.
22. ГАКО. Ф. Р-5200. Оп. 1. Д. 74.
23. Иеромонах Никон. Впечатления очевидца // Вестник русского студенческого христианского движения. 1980. № 3-4 (132). С. 206–209.
24. Stone A. “Overcoming Peasant Backwardness”: The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union // Russian Review. 2008. Vol. 67, no. 2. P. 296–320.

References

1. Peris D. Storming the heavens: The Soviet League of the Militant Godless. Cornell University Press, 1998. 237 p.
2. Hudyakov S. N. O preodolenii religioznyh predrassudkov [About overcoming religious prejudices]. Kishinev, Gos. izd-vo Moldavii, 1951. 32 p.
3. Religiya i perestrojka [Religion and Perestroika]. *Russkaya mysl'* = *Russian Thought*, 1988, May 22.
4. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 6991, op. 1, d. 291.
5. GARF, f. 6991, op. 1, d. 30.
6. GARF, f. 6991, op. 1, d. 63.
7. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. R-5027, op. 2, d. 8.
8. GARF, f. 6991, op. 1, d. 970.
9. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 3.
10. GAKO, f. R-5207, op. 5, d. 10.
11. GAKO, f. R-5027, op. 2, d. 16.
12. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 12.
13. Valentinov A. Religiya i cerkov' v SSSR [Religion and the Church in the USSR]. Moscow, 1960. 64 p.
14. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 18.

15. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 22.
16. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 13.
17. Struve N. Religioznaya zhizn' v Sovetskoj Rossii [Religious Life in Soviet Russia]. *Vestnik russkogo hristianskogo studencheskogo dvizheniya = Bulletin of the Russian Christian Student Movement*, 1957, no. 4 (47), pp. 23–33.
18. Pospelovskij D. V. Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p.
19. GARF, f. 6991, op. 1, d. 948.
20. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 68.
21. GAKO, f. R-5027, op. 5, d. 67.
22. GAKO, f. R-5200, op. 1, d. 74.
23. Ieromonah Nikon. Vpechatleniya ochevidca [Eyewitness impressions]. *Vestnik russkogo studencheskogo hristianskogo dvizheniya = Bulletin of the Russian Student Christian Movement*, 1980, no. 3-4 (132), pp. 206–209.
24. Stone A. "Overcoming Peasant Backwardness": The Khrushchev Antireligious Campaign and the Rural Soviet Union. *Russian Review*, 2008, vol. 67, no. 2, pp. 296–320.

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, проректор по науке и международным связям, Региональный открытый социальный институт, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector on Research and International Relations, Regional Open Social Institute, Kursk, Russian Federation,
e-mail: apanasenok@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-217-227

CC BY 4.0

Жалобы солдатских семей Воронежской губернии на действия уездных земств во время Русско-японской войны 1904–1905 годов

А. И. Чубаров[1] ✉

[1]Курский областной краеведческий музей
ул. Луначарского 6, г. Курск 30500, Российская Федерация

✉ e-mail: chubar1991@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В настоящее время призрение семей нижних чинов призванных по мобилизации во время Русско-японской войны 1904–1905 годов является слабо изученной темой в отечественной исторической науке. Данная статья призвана выявить и обобщить жалобы крестьян Воронежской губернии на неправомерную, по их мнению, деятельность уездных земств при назначении их семействам выплат, положенных по закону.*

Целью исследования *является рассмотрение причин отклонения прошений о назначении семьям нижних чинов продовольственного пособия.*

Задача *– изучение практического применения «Временных правил о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу» на территории Воронежской губернии.*

Методология. *Методологической основой исследования являются общенаучные (анализ, синтез, обобщение) и специальные исторические методы (системный и сравнительно-исторический).*

Результаты. *Впервые массовое применение «Временных правил…» от 25 июня 1877 года произошло в Российской империи во время Русско-японской войны 1904–1905 годов. Тогда из-за системы частных мобилизаций в армию были призваны запасные старших сроков службы, имевшие большие семьи. Местных средств, которые должны были компенсировать семейству нижнего чина отсутствие главы семьи и кормильца, как правило, не хватало. Поэтому местные власти стремились трактовать положения закона по-своему, что приводило к массе жалоб на действия уездных земств.*

Выводы. *При назначении продовольственного пособия семьям мобилизованных нижних чинов уездные земства Воронежской губернии зачастую стремились сократить число призреваемых лиц, что вызывало протестные настроения в среде солдаток и недовольство действиями земства со стороны нижних чинов.*

Ключевые слова: *Русско-японская война; социальная политика; земство; жалобы; призрение солдатские семьи.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование: *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00494 (а).*

Для цитирования: Чубаров А. И. Жалобы солдатских семей Воронежской губернии на действия уездных земств во время Русско-японской войны 1904–1905 годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 217–227. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-217-227.

Поступила в редакцию 11.08.2021 Принята к публикации 09.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Чубаров А. И., 2021

Complaints of Soldiers' Families of the Voronezh Province Against the Actions of the County Zemstvos During the Russian-Japanese War of 1904-1905

Aleksei I. Chubarov[1] ✉

[1]Kursk Regional Museum of Local History ang Geography
6 Lunacharsky str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: chubar1991@mail.ru

Abstract

Relevance. *Currently, the charity of the families of the lower ranks called up for mobilization during the Russo-Japanese War of 1904-1905 is a poorly studied topic in Russian historical science. This article is intended to identify and summarize the complaints of the peasants of the Voronezh province about the illegal, in their opinion, activities of the county zemstvos when assigning payments to their families that are required by law.*

The purpose of the study *is to consider the reasons for rejecting applications for assigning food allowances to families of lower ranks.*

The objectives *is to study the practical application of the "Temporary Rules on the recognition of families of reserve ranks and soldiers of the state militia called up for service in wartime" on the territory of the Voronezh province.*

Metodology. *The methodological basis of the research is general scientific (analysis, synthesis, generalization) and special historical methods (system and comparative historical method).*

Results. *The first mass application of the "Temporary Rules..." of June 25, 1877 occurred in the Russian Empire during the Russo-Japanese War of 1904-1905. Then, due to the system of private mobilization, spare senior service members who had large families were called up to the army. Local funds, which were supposed to compensate for the absence of the head of the family and the breadwinner, were usually not enough for the family of the lower rank. Therefore, the local authorities sought to interpret the provisions of the law in their own way, which led to a mass of complaints about the actions of the county zemstvos.*

Conclusions. *When assigning a food allowance to the families of the mobilized lower ranks, the district zemstvos of the Voronezh province often sought to reduce the number of people being looked after, which caused protest moods among the soldiers and dissatisfaction with the actions of the Zemstvo from the lower ranks.*

Keywords: *Russian-Japanese war; social policy; zemstvo; complaints; support; soldiers' families.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding: *The research was performed with financial support RFBR, within a research project No. 19-09-00494 (a).*

For citation: Chubarov A. I. Complaints of Soldiers' Families of the Voronezh Province Against the Actions of the County Zemstvos During the Russian-Japanese War of 1904-1905. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 217–228 (In Russ.). https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-217-227.

Received 11.08.2021 Accepted 09.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

С началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. с 27 января 1904 г. в Российской империи стали проводиться частичные (частные) мобилизации нижних чинов Московского и Киевского военных округов. С 24 февраля 1904 г. всеобщая мобилизация была объявлена в Сибирском [1, с. 69] и Приамурском [2, с. 166] военных округах. Более того, в Сибири было сформировано 24 дружины народного ополчения, которые заменили части, отправленные на фронт [3, с. 1600–1604].

Мобилизованные во время войны с Японией стали основным источником

пополнений частей действующей армии, поскольку из-за обострения внутренней и внешней политической обстановки царское правительство опасалось перебросить на театр боевых действий кадровые части, оголив тем самым европейские границы и центр страны [4, с. 63].

При системе частичных мобилизаций, разработанной военными теоретиками Главного штаба в конце XIX в. на случай «локальных войн, не требующих напряжения всех сил страны» [4, с. 63], призыв запасных нижних чинов производился выборочно, в том числе в границах одной губернии. При таком подходе из одного определенного уезда «под ружье» ставились нижние чины всех призывных возрастов, а в соседнем уезде мобилизационные мероприятия не проводились [5, с. 250–241]. Всего за 1904–1905 гг. на территории Московского и Киевского военных округов было проведено 9 таких мобилизаций (последняя – 6 августа 1905 г. – накануне подписания мирного договора).

На практике система частичных мобилизаций показала свою слабую эффективность, вызвав множество нареканий и негативных последствий. С одной стороны, в уездах, не попавших под мобилизацию, имелась молодежь, недавно вернувшаяся с действительной службы и знакомая с новыми образцами вооружения Российской императорской армии (в том числе винтовкой системы С. И. Мосина). С другой стороны, Закон «О всеобщей воинской повинности» устанавливал одинаковые правила для всех категорий запасных, не делая послаблений из-за семейного положения. На практике это приводило к возмущению среди многосемейных нижних чинов старших сроков службы, которые были вынуждены оставлять свои семьи без кормильца. Во многом это способствовало беспорядкам, нередко принимавшим широкий размах. Буйные толпы запасных описывает в своих воспоминаниях В. В. Вересаев [6, с. 17–18].

Как отмечали историки русской армии, на начальных этапах конфликта при мобилизациях предпочтение отдавалось «запасным… старших сроков 39–43 лет» [7, с. 60]. В некоторых частях они составляли 20% от штатного списка [8, с. 6]. Уже во время 2-й частной мобилизации предпринимались попытки освободить от призыва многосемейных [9, с. 45], однако от мобилизации запасных старших сроков и многосемейных отказались по указу Николая II только при 5-й и 6-й частичных мобилизациях [10, с. 218–219]. Всего за время войны было мобилизовано 65% от общего количества запасных – 1 045 909 солдат [11, с. 11].

Призрение семей мобилизованных нижних чинов осуществлялось на основании «Временных правил о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу», утвержденных правительством Александра II 25 июня 1877 г. Данный закон был спешно разработан во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Его принятию послужил отказ от рекрутской системы комплектования Вооруженных сил Российской империи и переход с января 1874 г. к системе всеобщей воинской повинности.

Методология

Исследование основано на принципах историзма и научной объективности. Данный подход позволяет объективно проанализировать первичные и опубликованные источники с использованием системного и сравнительно-исторического методов.

Результаты и их обсуждение

Согласно закону обеспечение членов малой семьи (жен и детей) мобилизованного нижнего чина возлагалось на органы местной власти (земство или губернские распорядительные комитеты, действовавшие в неземских местностях), т. к. с отказом от рекрутчины и отменой кре-

постного права солдатки практически не могли рассчитывать на какую-либо финансовую помощь от помещика и крестьянской общины, как правило, надеясь на поддержку большой семьи или иных родственников [12, с. 173]. Как показали жизненные реалии, помощь со стороны родни носила крайне ограниченный характер.

Обязательному призрению применительно для рассматриваемой Воронежской губернии со стороны земства подлежали жены и несовершеннолетние дети мобилизованных. Данная повинность заключалась в ежемесячной выдаче на каждое, без различия возраста (в том числе и на грудных детей), призреваемое лицо определенного набора продуктов питания, а именно 1,28 пуда ржи, 10 фунтов крупы, 4 фунта соли или денежной суммы, необходимой для их покупки [13, с. 751]. На пособие могли рассчитывать только те, кто испытывал финансовые затруднения, вызванные мобилизацией нижнего чина. Если местная власть была не в состоянии обеспечить всех нуждающихся, то, согласно закону, они могли обратиться за финансовыми ассигнованиями к МВД и Государственному казначейству либо же прибегнуть к различного рода позаимствованиям из местных средств [14, с. 218].

Остальные члены большой семьи мобилизованного нижнего чина, к которой относились родители, дедушки и бабушки, братья и сестры, подлежали призрению со стороны тех обществ (сельских, городских и сословных), к которому они были приписаны. На поддержку со стороны сословных обществ они могли рассчитывать, если только они сами были не способны к трудовой деятельности и «кормились трудом призванного». Также сословные общества были обязаны предоставить в случае нужды жене мобилизованного отапливаемое помещение в месте ее проживания. Однако на практике, например, сельские общества до такой степени были обременены всевозможными повинностями, как денежными, так и натуральными, что оказались не способны оказывать необходимую помощь нуждающимся лицам. Однако сословные общества, обремененные разнообразными повинностями, не смогли оказать существенную помощь нуждающимся. В Воронежской губернии земские органы власти взяли на себя эту обязанность [15, с. 9].

«Временные правила…» от 25 июня 1877 г. обеспечивали семью мобилизованного нижнего чина лишь минимальным набором продуктов и крышей над головой. О поддержании домохозяйства в надлежащем порядке и сохранении имущества речи в законе не шло.

Первоначально призрение родственников призванных по мобилизации нижних чинов было возложено на уездные земства. Однако первые же проведенные частичные мобилизации показали, что денежных средств в уездных земствах слишком мало для обеспечения нуждающихся семей нижних чинов.

Воронежское губернское земское собрание постановило, что призрение семейств мобилизованных необходимо осуществлять из общегубернских сумм. Более того, региональное земство дважды направляло правительству вопрос о реализации «повинности призрения» на государственный счет. Отказ в удовлетворении первого ходатайства побудил подготовить второе, в котором указывалось, что обеспечение семейств запасных нижних чинов является государственным делом, поэтому призрение членов малой семьи солдата должно производиться за счет государства [16, с. 35–36].

Сосредоточение призрения нуждающихся семей нижних чинов в земских органах власти вызвало ряд затруднений и привело к значительным нареканиям со стороны крестьян. Во-первых, из-за загруженности прямыми обязанностями уездное земство перекладывало определение имущественной состоятельности (или несостоятельности) на волостные

правления. Они по той же причине – на сельские власти. Во-вторых, подход местной власти к определению имущественного положения заявителей отличался двумя крайностями: или признанием всех без исключения семейств нуждающимися, что противоречило действующему законодательству, или же отказ в назначении пособия без достаточных на то оснований [17, с. 76].

В этой связи отметим жалобу рядового из крестьян с. Раздорное Бирюченского уезда Верхососенской волости Сергея Андреевича Широких: «В призыв 1904 г. взят в армию в 61-й орловский полк. Уволен в запас 25 апреля 1906 г. По возвращении узнал от жены Акулины Павловны, что она с двумя малолетними детьми никакого пособия не получала, потому что при проверке в первый раз имущественного положения моего отца Андрея Тихоновича Широких Верхнесосенским волостным старшиной составлены сведения неправильные, хозяйственное положение написано вдвойне, и что будто бы у моего отца, кроме того, есть 40 десятин земли и жена моя с детьми у него может пропитываться без всякого пособия от земства и когда описывали имущество в то время из семейства моего никого не было и сам старшина имущества моего не знает как не односелец, а сельский староста по негодования против меня сам что хотел излагал. Сведения Бирюченская земская управа не проверила на месте и в выдаче пособия отказали» [18, л. 258–258 об.]. Жалоба была подана на имя губернатора 25 июня 1906 г., после возвращения мобилизованного домой. В выплате пособия ему отказано, т. к. правило о призрении не могло применяться «за прошлое время» [18, л. 257].

Критерии состоятельности четко законом не прописывались, что приводило к определению «на глаз» и разным подходам к оценке в разных местностях [19, с. 637–638]. Так, жене Порфирия Бондаренко «как бездетной и способной к личному труду в пособии отказано» [20, л. 124]. Также в связи с этим приведем жалобу ефрейтора 10-го стрелкового полка Ивана Александровича Алехина, уроженца с. Гнилуша Тешевской волости Задонского уезда Воронежской губернии на неоказание его семье установленного законом пособия от земства, поданную в августе 1905 г. В делопроизводственной переписке сохранилось письмо, отправленное нижнему чину его супругой. Приводим его без каких-либо изменений: «...дорогой мой супруг, уведомляю тебя в том, что я без тебя живу очень плохо, пособия от казны не получаю ничего. Все жены получают пособие тех мужей, которые взяты на войну, по 1 руб. 50 коп. в месяц и дрова получают. А я не получаю ни одной копейки. Летом кой как я прокормила детей, распродала всю новую одежду и питала детей. Теперь мне их кормить нечем.

Нынешний год у нас большой неурожай. И у отца нет хлеба. Так что дети твои кричат голодные и холодные, все истомились. Я на них вся сокрушилась, и не знаю, что мне делать с ними. Постарайся, там попроси начальство свое, т. к. они много учены и рассудливы. Они есть милостивые, может быть охлопочут или научат, как найти способ для прокормления детей своих. С нашей волости только не получают пособие две солдатки. Если не дадут мне способия, то я на свою жизнь наложу руки свои и покину детей. Я ходила с сумкой по миру и мне не дают куска хлеба для пропитания детей» [21, л. 23 об. – 24].

На запрос губернатора местное земство ответило, что «при обследовании, проведенном Задонской земской управой в декабре 1904 г. имущественного и семейного положения И. А. Алехина, оказалось, что жена его с тремя малолетними детьми живет в семье его Алехина родного отца (Алехин от семьи отца не отделен), кроме солдатки с детьми 11 человек, считая и малолетних, при двух работниках. Из продовольственных средств Алехины в то время имели 320 семян

ржи, 65 мер проса и 48 мер картофеля, какового количества продовольственных средств на всех 15 душ семьи достаточно было предположительно до октября 1905 г.

Затем вследствие выявившегося недорода в Задонском уезде хлебов и трав в прошлом 1905 г. управой было вновь проведено обследование всех без исключения мобилизованных нижних чинов, причем у отца последнего... оказалось ржи лишь 24 меры, которой достаточно было бы лишь до сентября 1905 г. почему жене и детям просителя было назначено от земства установленное пособие с 1 сентября 1905 г.» [21, л. 20–21 об.].

При первом обследовании имущественного и семейного положения в январе 1905 г. крестьянки с. Никольское Задонского уезда Елены Константиновны Бондыревой выяснилось, что семья мобилизованного состояла из 6 человек (родители, брат с женой и детьми и жены с детьми). На свое пропитание она располагала 45 копнами ржи, почему жена нижнего чина уездной земской управой была признана «обеспеченною в продовольственном отношении до урожая хлебов в 1905 г.». Пособие было назначено только на двух детей. С сентября 1905 г. семье пособие стало выплачиваться полностью на жену и детей, т. к. вторично собранные сведения, после уборки озимого хлеба, показали, что семья Бондырева «совершенно не обеспеченна в продовольственном отношении до урожая хлебов 1906 г.» [21, л. 74, 80].

Именно из-за такого подхода к определению семейного и имущественного положения часть солдаток уходили на съемное жилье, претендуя не только на получение продовольственного пайка, но и на оплату найма жилого помещения. Так, семья нижнего чина Николая Колесниченко, состоявшая из жены Анны Захаровны Колесниченко и двух детей, стала получать пособие от земства только с 1 декабря 1905 г. «как перешедшая на жительство отдельно от отца и братьев мужа». До этого она была признана не нуждающейся в помощи, поскольку «находилась на жительстве совместно с отцом и братьями нижнего чина, имеющими свои вполне достаточные средства к жизни» [20, л. 154].

Еще одна типичная жалоба для Воронежской губернии, когда земство не назначало пособие на новорожденного ребенка в семье мобилизованного нижнего чина. Так, крестьянка с. Воробьевка Воронеж-Лазовской волости Задонского уезда Воронежской губернии Марины Прокофьевны Кудаевой, просившей назначить ей пособие на новорожденного ребенка, т. к. «остальные его получают». Согласно данным местного земства, пособие жалобщице полностью выплачивалось с 1 января 1905 г. на нее и двух детей, пособие на родившегося в августе 1905 г. третьего ребенка не назначалось, поскольку содержание новорожденного мальчика, по мнению управы, не вызывало «особого расхода». Только с 1 апреля 1906 г. на мальчика было назначено пособие [21, л. 50–51 об.].

Согласно закону призрению подлежали только семейства мобилизованных нижних чинов; семьи солдат, чей «срок службы мирного времени» не закончился, не могли рассчитывать на продовольственное пособие.

Крестьянка сл. Волоконовка Бирюченского уезда Воронежской губернии, проживавшая на хуторе Цыганок Троицкой волости Валуйского уезда, Ирина Никитчна Западнина в 1905 г. дважды, в апреле и в августе, подавала прошение губернатору о выдаче ей с детьми из казны денежного пособия. Ее муж Иван Западня завершил действительную военную службу в 1904 г. Однако из-за начавшейся войны пожелал остаться на военной службе и отправиться из г. Одессы на Дальний Восток вместе со своим полком. В прошении указывается: «Все жены нижних чинов получают с казны денежное пособие, которым и я желаю воспользоваться, потому что я имею крайную нужду, т. к. родители мужа моего

стары и калеки. Отец Денис 70 лет слепой на оба глаза, мать Александра 70 лет. Два его брата старший Алексей (38 лет, вдов, дети его Анна 8 лет, Евфимия 6 лет), второй брат Нестор на действительной военной службе на Дальнем Востоке, жена его Наталья 22 лет, дети их Ульяна 1 год и у меня один Димитрий 2 лет. Всего семейство 2 души, при таком многочисленном семействе и одном работнике я с детьми имею крайнюю нужду в денежном пособии, причем присовокупляю, что отец мужа моего, и мой муж не имеют нигде земельного надела, потому что они из бывших дворовых крестьян, а потому хлебопашеством не занимаются, ремесла никакого не знают, всему нашему семейству приходится нищенствовать» [18, л. 111].

Согласно запросам, сделанным уездной земской управой, удалось установить, что Иван Западнин, нижний чин 15-й Стрелкового Его Величества Короля Черногорского Николая I полка, выступил в поход «состоя на действительной службе, поэтому его жена не имеет права на пособие» [18, л. 111 об. – 112].

Дифференцированный подход к назначению пособий вызвал в сельской местности протестное настроение. Например, Краснянское сельское общество (Веселовское волостное правление Бирюченского уезда Воронежской губернии) 10 декабря 1905 г., обращаясь к Воронежскому губернатору, ходатайствовало об удовлетворении пособием от земства всех запасных «призванных в последнюю мобилизацию на военную службу». Участники схода отмечали: «призванные в 7-ю частичную мобилизацию у нас получают пособие от земства с февраля 1905 г., а некоторые не получают. Имея в виду, что через это происходят волнения в этих семьях, которые, считая местное волостное и сельское правления виновными в противодействии выдачи им пособий, произносят угрозы по адресу последних, а также выражают неудовольствие и на прочих членов общества, которые не постарались об обеспечении оставшихся дома их семей, но т. к. ни со стороны общества, ни со сторон нашего волостного правления не имелось и не имеется препятствий к удовлетворению пособием от земства всех семей нижних чинов, призванных на службу и со времени самого их призыва, поэтому постановили покорнейше ходатайствовать пред воронежским губернатором сделать надлежащие распоряжения об удовлетворении пособием от земства семей нижних чинов с самого их призыва и всех без исключения» [18, л. 18–19 об.].

Основная масса заявлений о назначении пособий (а вместе с ней и волна недовольства действиями местных властей) начала поступать в земские органы власти с началом процесса демобилизации армии. Их инициаторами выступали нижние чины, возвращавшиеся на родину. Их можно разделить на 3 типа. В первых просили о продлении сроков призрения. Например, 50 демобилизованных запасных нижних чинов Иващенковской волости Бирюченского уезда Воронежской губернии в своем ходатайстве губернатору отмечали, что «по случаю нашего возвращения на родину в пособии земской управой отказано, а т. к. мы возвратились на родину в последних числах ноября и декабря, не имеем у себя никаких средств и отсутствием теперь всякого заработка мы со своими семьями не имеем возможности существовать, и если нам будет отказано в пособии, семьям нашим придется погибать. Просим сделать распоряжение о продлении выдачи пособия от земства до 1 мая 1906, т. е. до открытия рабочего времени, а тогда мы сможем себе отыскать какой-нибудь заработок» [18, л. 184–184 об.].

Данное прошение было «оставлено без последствий», т. к. по закону призрение семей мобилизованных нижних чинов продолжалось до их возвращения на родину.

Вторые ходатайствовали о денежном пособии, необходимом для «приведения

в порядок» хозяйств, пришедших в упадок за время отсутствия хозяина. В таком случае заявителям советовали обратиться за вспомоществлением в благотворительные учреждения [9, с. 79].

Третьи, как правило, впервые обращались за назначением продовольственного пособия, зачастую настаивая на выплате денежных средств своей семье за все время своего отсутствия начиная с 1904 г.

Основанием для этих прошений послужил приказ главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, зачитанный в войсках. На основании него запасной нижний чин из крестьян дер. Гагарино Ивовской волости Задонского уезда Петр Иванович Негодяев 4 июня 1906 г. подал прошение на имя губернатора Воронежской области. В нем он указывал, что «в 7 частную мобилизацию я был призван на действительную военную службу. После моего призыва у меня осталась жена моя Марфа Никифоровна без всяких средств к жизни с 2 малолетними детьми. Пособия она получала по 4,5 руб. в месяц всего только за последние 3 месяца, а за все остальное время земство пособие ей не выдавало, она неоднократно обращалась в Задонскую уездную земскую управу с просьбой о выдаче пособия, но все ее просьбы остались не удовлетворенными, и вот жена моя с декабря 1904 г. по день моего возвращения, т. е. по май месяц сего года, терпела нужду и лишения.

Приказом Главнокомандующего Маньчжурской армией нам было объявлено, что всем семьям запасных, несмотря на состояние, должно выдаваться пособие.

Прошу ваше превосходительство предписать Задонской земской управе удовлетворить мою жену пособием за все время пребывания моего на службе считая по 4,5 руб. в месяц» [21, л. 156–156 об.].

Данное обращение отклонено, т. к. «пособие не может быть выдано за прошлое время. Правило это применяется ко всем семействам, просуществовавшим без получения таких пособий» [21, л. 157].

Выводы

Призрение семейств мобилизованных нижних чинов запаса во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. показало неспособность «Временных правил…» от 25 июня 1877 г. гибко реагировать на запросы общества. Разнообразный подход к определению имущественного и семейного положения, попытки исключить из числа призреваемых новорожденных детей, задержки с выплатами способствовали протестным настроениям в сельской местности и наводили мобилизованных нижних чинов на мысль о том, что «местные власти обкрадывали их семьи, пока они воевали». Такая ситуация была характерна не только для рассматриваемой Воронежской губернии. В итоге опыт, накопленный правительством Николая II за время Русско-японской войны 1904–1905 гг., позволил начать пересмотр законодательства о призрении семей мобилизованных нижних чинов. Новый законопроект был принят накануне Первой мировой войны – 25 июня 1912 г.

Список литературы

1. Катцина Т. А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 68–79.

2. Авилов Р. С. «Поверочная мобилизация» войск Приамурского военного округа в 1896 г. как способ оценки мобилизационной готовности военных частей // Ойкумена. 2016. № 1. С. 159–168.

3. В. Р. О частных мобилизациях, произведенных в 1904–1905 гг. // Летопись войны с Японией. 1905. Т. 82–83. С. 1598–1606.

4. Деревянко И. В. «Белые пятна» Русско-японской войны. М.: Эксмо, 2005. 416 с.

5. Куропаткин А. Н. Итоги войны. Берлин: Изд-во J. Ladyschnikow, 1909. VIII, 549 с.

6. Вересаев В. В. Записки врача. На японской войне. М.: Правда, 1986. 560 с.

7. Керсновский А. А. История Русской армии: в 4 т. М.: Голос, 1994. Т. 3. 352 с.

8. Козловский Н. Война с Японией 1904–1905 гг. Санитарно-статистический очерк. Пг.: Военная тип. имп. Екатерины Великой, 1914. IV, 303 с.

9. Чубаров А. И. Социальное призрение семей мобилизованных военнослужащих в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Курск: Изд-во Г. П. Бабкина, 2020. 260 с.

10. Куропаткин А. Н. Записки о Русско-японской войне. М.: Вече, 2015. 480 с.

11. Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. 242 с.

12. Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.

13. О призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 52, отд. 1. С. 751–755.

14. Фаворисов Е. В. Призрение семей нижних чинов, призванных в военное время на действительную службу (1874–1912) // Молодой ученый. 2010. № 9 (20). С. 217–224.

15. Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 12–15 января 1905 г. и Чрезвычайной 3–16 марта 1905 г. Воронеж: Типолитогр. тов-ва «Н. Кравцов и К^0», 1905. 812.

16. Журналы Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 1–3 июля 1905 г. Воронеж: Типолитогр. тов-ва «Н. Кравцов и К^0», 1905. VIII, 22, 40, IV с.

17. Кукуранов П. С. Призрение семейств нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в Русско-японскую войну на действительную службу // Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению. СПб.: Тип. И. В. Леонтьева, 1910. С. 73–79.

18. ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. И. 21. Оп. 1. Д. 1519.

19. К-ов П. Временные правила 25 июня 1877 г. и закон от 25 июня 1912 г. по призрению семей запасных и ратников ополчения // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6–7. С. 635–643.

20. ГАВО. Ф. И. 21. Оп. 1. Д. 1460.

21. ГАВО. Ф. И. 21. Оп. 1. Д. 1517.

References

1. Katcina T. A. Organizaciya i mery social'noj podderzhki naseleniya Sibiri v gody Russko-yaponskoj vojny [Organization and measures of social support of the population of Siberia during the Russian-Japanese War]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke = Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East*, 2015, no. 2, pp. 68–79.

2. Avilov R. S. "Poverochnaya mobilizaciya" vojsk Priamurskogo voennogo okruga v 1896 g. kak sposob ocenki mobilizacionnoj gotovnosti voennyh chastej ["Verification mobilization" of the troops of the Amur Military District in 1896 as a way to assess the mobilization readiness of military units]. *Ojkumena = Oikumena*, 2016, no. 1, pp. 159–168.

3. V. R. O chastnyh mobilizaciyah, proizvedennyh v 1904–1905 gg. [On private mobilizations made in 1904-1905]. *Letopis' vojny s Yaponiej = Chronicle of the war with Japan*, 1905, vol. 82–83, pp. 1598–1606.

4. Derevyanko I. V. "Belye pyatna" Russko-yaponskoj vojny [The "white spots" of the Russian-Japanese War]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 416 p.

5. Kuropatkin A. N. Itogi vojny [Results of the war]. Berlin, Izd-vo J. Ladyschnikow, 1909. VIII, 549 p.

6. Veresaev V. V. Zapiski vracha. Na yaponskoj vojne [Doctor's notes. In the Japanese War]. Moscow, Pravda Publ., 1986. 560 p.

7. Kersnovskij A. A. Istoriya Russkoj armii [History of the Russian Army]. Moscow, Golos Publ., 1994, vol. 3. 352 p.

8. Kozlovskij N. Vojna s Yaponiej 1904–1905 gg. Sanitarno-statisticheskij ocherk [The war with Japan 1904-1905 sanitary and statistical essay]. Petrograd, Voennaya tip. imp. Ekateriny Velikoj, 1914. 303 p.

9. Chubarov A. I. Social'noe prizrenie semej mobilizovannyh voennosluzhashchih v Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX v. [Social support of families of mobilized servicemen in the Russian Empire in the late XIX – early XX century]. Kursk, Izd-vo G. P. Babkina, 2020. 260 p.

10. Kuropatkin A. N. Zapiski o Russko-yaponskoj vojne [Notes on the Russian-Japanese War]. Moscow, Veche Publ., 2015. 480 p.

11. Beskrovnyj L. G. Armiya i flot Rossii v nachale XX v. Ocherki voenno-ekonomicheskogo potenciala [The Army and Navy of Russia in the early twentieth century. Essays on military-economic potential]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 242 p.

12. Shcherbinin P. P. Voennyj faktor v povsednevnoj zhizni russkoj zhenshchiny v XVIII – nachale XX v. [The military factor in the daily life of a Russian woman in the XVIII – early XX century]. Tambov, Yulis Publ., 2004. 508 p.

13. O prizrenii semejstv chinov zapasa i ratnikov gosudarstvennogo opolcheniya, prizvannyh v voennoe vremya na sluzhbu [On the recognition of families of reserve ranks and soldiers of the state militia, called up in wartime for service]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii = The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection 2, vol. 52, ed. 1, pp. 751–755.

14. Favorisov E. V. Prizrenie semej nizhnih chinov, prizvannyh v voennoe vremya na dejstvitel'nuyu sluzhbu (1874–1912) [Prizrenie of families of lower ranks called up for active service in wartime (1874-1912)]. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2010, no. 9 (20), pp. 217–224.

15. Zhurnaly Voronezhskogo gubernskogo zemskogo sobraniya ocherednoj sessii 12–15 yanvarya 1905 g. i Chrezvychajnoj 3–16 marta 1905 g. [Journals of the Voronezh Provincial Zemstvo Assembly of the regular session of January 12-15, 1905 and the Extraordinary Session of March 3-16, 1905]. Voronezh, Tipolitogr. tov-va "N. Krav-cov i K^0", 1905. 812.

16. Zhurnaly Voronezhskogo gubernskogo zemskogo sobraniya chrezvychajnoj sessii 1–3 iyulya 1905 g. [Journals of the Voronezh Provincial Zemstvo Assembly of the extraordinary session of July 1-3, 1905]. Voronezh, Tipolitogr. tov-va "N. Kravcov i K^0", 1905. VIII, 22, 40, IV s.

17. Kukuranov P. S. Prizrenie semejstv nizhnih chinov zapasa i ratnikov gosudarstvennogo opolcheniya, prizvannyh v Russko-yaponskuyu vojnu na dejstvitel'nuyu sluzhbu [To the families of the lower ranks of the reserve and the soldiers of the state militia, called up to active service in the Russian-Japanese War]. Pervyj Vserossijskij s"ezd deyatelej po obshchestvennomu i chastnomu prizreniyu [The First All-Russian Congress of Public and Private Charity Workers]. St. Petersburg, Tip. I. V. Leont'eva, 1910, pp. 73–79.

18. GAVO (Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti) [State Archive of the Voronezh Region], f. I. 21, op. 1, d. 1519.

19. K-ov P. Vremennye pravila 25 iyunya 1877 g. i zakon ot 25 iyunya 1912 g. po prizreniyu semej zapasnyh i ratnikov opolcheniya [K-ov P. Provisional Rules of June 25, 1877 and the law of June 25, 1912 on the care of families of reserve and militia soldiers]. *Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii = Charity and charity in Russia*, 1914, no. 6–7, pp. 635–643.

20. GAVO, f. I. 21, op. 1, d. 1460.

21. GAVO, f. I. 21, op. 1, d. 1517.

Информация об авторе / Information about the Author

Чубаров Алексей Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, Курский областной краеведческий музей, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: chubar1991@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7828-2306

Aleksei I. Chubarov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History, Kursk Regional Museum of Local History ang Geography, Kursk, Russian Federation,
e-mail: chubar1991@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7828-2306

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-228-238

CC BY 4.0

Историография проблемы правового регулирования лесопользования в русском праве XIX – начала XX века

С. А. Никифоров[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Резюме

Актуальность. *В лесном праве России за короткий срок было проведено несколько крупных реформ. Ни одна из них не дала положительного результата. В настоящий момент государство задалось целью выработать новую концепцию управления лесами и использования лесных ресурсов. Использование соответствующего опыта, накопленного отечественным правоведением, представляется целесообразным, и даже необходимым.*

Цель *– изучить доминирующие теоретические концепции в трудах российских правоведов рассматриваемого исторического периода, а также их взгляды на становление и развитие законодательства, регулировавшего лесопользование в России.*

Задачи: *анализ исследований в области лесного права, опубликованных в XIX – начале XX века; оценка степени изученности проблемы правового регулирования лесопользования.*

Методология *исследования основывается на принципах историзма и объективности. Методологической базой исследования является системный подход. Используются сравнительно-исторический метод и метод логического анализа.*

Результаты. *Первые научные работы в области исследования русского лесного права появились в первой половине XIX века. С этого времени развитие правовых концепций использования лесных ресурсов на основе принципа преемственности продолжалось вплоть до 1917 года, когда новые подходы к государственному устройству кардинально изменили направление развития лесного права.*

Выводы. *На протяжении XIX – начала XX века российская наука прошла путь от простого описания фактов становления и развития законодательства в области использования лесных ресурсов к теоретическому обоснованию государственной лесной политики. Исследования лесоводов и правоведов XIX – начала XX века не утратили своей актуальности до настоящего времени и могут быть использованы в деле совершенствования правового механизма рационального использования лесов в современной России.*

Ключевые слова: *историография; лесное право; лесное законодательство; лесные ресурсы; лесопользование; государственное регулирование.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Никифоров С. А. Историография проблемы правового регулирования лесопользования в русском праве XIX – начала XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 228–238. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-228-238.

Поступила в редакцию 20.08.2021 Принята к публикации 24.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Никифоров С. А., 2021

Historiography of the Problem of Legal Regulation of Forest Management in Russian Law in the 19th – Early 20th Centuries

Sergey A. Nikiforov[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru

Abstract

Relevance. *Several major reforms were carried out in the forestry law of Russia in a short period of time. None of them gave a positive result. At the moment, the state has set itself the goal of developing a new concept of forest management and use of forest resources. The use of the relevant experience accumulated by domestic jurisprudence seems appropriate and even necessary.*

The Purpose. *To study the dominant theoretical concepts in the works of Russian legal scholars of the historical period under consideration, as well as their views on the formation and development of legislation regulating forest management in Russia.*

Objectives: *analysis of research in the field of forest law, published in the 19th - early 20th centuries; assessment of the degree of study of the problem of legal regulation of forest use.*

Methodology. *The research methodology is based on the principles of historicism and objectivity. The methodological basis of the study is a systematic approach. The comparative-historical method is used, makes it possible to investigate the available sources in close connection with the and the method of logical analysis.*

Results. *The first scientific works in the field of Russian forest law research appeared in the first half of the 19th century. Since that time, the development of legal concepts for the use of forest resources on the basis of the principle of continuity continued until 1917, when new approaches to the state structure radically changed the direction of development of forestry law.*

Conclusion. *During the XIX - early XX centuries. Russian science has gone from a simple description of the facts of the formation and development of legislation in the field of forest resources use to a theoretical substantiation of the state forest policy. Research of foresters and jurists of the XIX - early XX centuries. have not lost their relevance to this day and can be used to improve the legal mechanism for the rational use of forests in modern Russia.*

Keywords: *historiography; forest law; forest legislation; forest resources; forest management; state regulation.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nikiforov S. A. Historiography of the Problem of Legal Regulation of Forest Management in Russian Law in the 19th – Early 20th Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 228–238. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-228-238.

Received 20.08.2021 Accepted 24.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Большая часть территории России покрыта лесами. Общая площадь земель лесного фонда России, по данным Рослесхоза, составляет 1 млрд 146 млн га[1]. В Российской Федерации совершенствование лесного права является одним из важнейших направлений государственной политики. Использование лесных ресурсов является значимым компонентом экономической сферы. Являясь важней-

[1] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.06.2021).

шим природным ресурсом, лес используется не только для нужд промышленности, но и представляет собой важнейшую среду обитания для множества видов животных и птиц, а также является средством удовлетворения потребностей человека в отдыхе и восстановлении сил (для рекреационных целей).

В соответствии с ч. 1 ст. 9 Конституции Российской Федерации, земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории[1]. Очевидно, что данное положение Конституции применимо и к лесным ресурсам. Таким образом, с конституционно-правовой точки зрения лес необходимо рассматривать в качестве объекта, обеспечивающего потребности и нужды граждан [1], а охрана леса составляет одну из основ российского конституционализма.

Принятый в конце 2006 г. Лесной кодекс Российской Федерации оказался не в состоянии обеспечить рациональное лесопользование и восстановление лесного фонда. Вместо ожидаемой экономической прибыли Лесной кодекс принес лесному хозяйству России хронические убытки: суммарные расходы Российской Федерации и субъектов РФ на управление лесами, на организацию различных работ и мероприятий фактически в два раза превысили доходы от использования этих лесов[2]. Причина столь плачевных последствий кроется не в ошибках в управлении лесной отраслью, а именно в несовершенстве законодательного регулирования. В 2019–2020 гг. государство озаботилось подготовкой концепции нового Лесного кодекса.

Можно выделить три базовых подхода к использованию лесных ресурсов: при опоре на частную собственность, на основе государственной монополии на лесные ресурсы и смешанный способ, сочетающий две вышеназванные формы.

В нашей стране наработан богатый опыт проведения различных вариантов лесной политики. Совершенствование механизма рационального использования лесов в современной России невозможно без глубокого изучения исторического опыта правового регулирования лесных отношений. Российское лесное право XIX – начала XX вв. представляется достаточно разработанным. Правоведы, занимающиеся изучением лесного права России дореволюционного периода, констатируют, что «существовала развитая нормативно-правовая система регулирования лесных правоотношений, включавшая в себя и детально регламентированный режим лесопользования, и развитую систему государственных органов управления лесным хозяйством, и способы борьбы с нарушениями лесного законодательства…» [2].

Методология

Методология исследования основывается на принципах историзма и объективности, которые предполагают изучение научных трудов в области лесного права на основе соблюдения хронологической последовательности, преемственности смены этапов развития юридической науки, а также непредвзятый анализ источников. Методологической базой исследования является системный подход, на основе которого предполагается выявить состояние изученности отдельных проблем лесного права. Используются сравнительно-исторический метод, дающий возможность исследовать имеющиеся источники в тесной связи с историче-

[1] Новый ЛК РФ: последняя попытка // Отраслевой информационно-аналитический журнал «Лесозаготовка. Бизнес и профессия». URL: http://lesozagotovka.com/rybriki/les-i-zakon/novyy-lk-rf-poslednyaya-popytka/ (дата обращения: 06.06.2021).

[2] Состояние лесного фонда Российской Федерации // Федеральное агентство лесного хозяйства. URL: https://roslesinforg.ru/atlas (дата обращения: 01.07.2021).

ской обстановкой, и метод логического анализа, позволяющий раскрыть своеобразие и уникальные особенности правовых исследований рассматриваемого периода.

Результаты и их обсуждение

Первые научные работы в области исследования русского лесного права появились в первой половине XIX в. С этого времени развитие правовых концепций использования лесных ресурсов на основе принципа преемственности продолжалось вплоть до 1917 г., когда новые подходы к государственному устройству кардинально изменили направление развития лесного права.

Первые работы в области лесного права посвящены вопросам возникновения и развития лесного законодательства в России. Одним из первых исследований в этой сфере стал относительно небольшой труд барона В. В. Врангеля «История лесного законодательства Российской империи. С присоединением Очерка истории корабельных лесов России», вышедший в свет в 1841 г. в Санкт-Петербурге [3]. В основу периодизации лесного законодательства России В. Врангель положил хронологию правления русских царей, особо выделив периоды правления Петра I, Екатерины II, Павла I. Несмотря на описательный характер повествования, отсутствие теоретических выводов, работа В. Врангеля имеет значительную научную ценность. В ней впервые дана классификация лесов, принятая до начала петровских преобразований. В этом же труде впервые была обозначена концепция зарождения лесного права в годы правления Петра Великого. Врангель проанализировал законодательные акты в области использования лесных ресурсов допетровского периода, признал их «слишком односторонними и специальными» [3, с. 9] и сделал однозначный вывод: нельзя считать их «началом устройства лесной части в России. Прочное основание лесного управления принадлежит… к царствованию Петра Великого» [3, с. 9–10]. В. Врангель, выразив мнение о зарождении русского лесного права в период правления Петра I, стал основателем целого направления в юридической науке, отрицающего наличие в России системы лесного законодательства до XVIII в. Мнение В. Врангеля было поддержано в ряде последующих исследований. Например, с Врангелем был солидарен в этом вопросе основатель русской школы лесоводства Ф. К. Арнольд [4, с. 207]. Противоположную концепцию выдвинул известный русский историк И. Ф. Токмаков. Он считал, что «Лесное законодательство проявилось у нас с Уложения царя Алексея Михайловича» [5]. Вопрос о времени зарождения лесного права в России до сих пор остается дискуссионным [6, с. 31].

Особое место среди трудов исследователей русского лесного законодательства занимает работа «История русского лесного законодательства», написанная ученым-лесоводом, преподавателем Лесного института Н. В. Шелгуновым. Исследование было напечатано в типографии Министерства государственных имуществ с одобрения специального по лесной части комитета, учрежденного при лесном департаменте Министерства [7]. Как и В. Врангель, Н. В. Шелгунов положил в основу периодизации лесного законодательства России хронологию по царствованиям. В отличие от предшественника Н. В. Шелгунов не ограничился описанием нормативно-правовых актов в области лесного права, в его труде впервые проведена их систематизация, приведено историческое обоснование их появления. В работе имеются выводы и

обобщения: в главе XIII сведены основные идеи нормативно-правовых актов в области лесного права России [7, с. 347–349]. Автор в то же время не уделил внимания теоретическим основам лесного права.

В главе XIII Н. В. Шелгунов классифицировал все виды российских лесов на основании их принадлежности, а также привел их характеристику. Классификация лесов, предложенная Шелгуновым, используется исследователями российского лесного права и лесного хозяйства дореформенного периода уже на протяжении более полутора веков.

Вслед за В. Врангелем Н. В. Шелгунов считал, что «наше лесное законодательство принадлежит к числу постановлений самого позднего развития, только Петр Великий придал лесу истинное значение» [7, с. 1].

В пореформенный период в России публикуется ряд исследований лесного права, авторы которых уделяют внимание теоретическим основам лесного права. Так, профессор полицейского права Санкт-Петербургского университета и Петербургского лесного института С. В. Ведров, защитивший в 1878 г. магистерскую диссертацию на тему «О лесоохранении по русскому праву», в том же году издал свою работу при поддержке юридического факультета Санкт-Петербургского университета [8]. В исследовании С. Ведрова в первой главе приводятся различные теоретические концепции использования лесных ресурсов, автор знакомит читателя с работами западноевропейских теоретиков лесного права [8, с. 11–52]. Российское законодательство о лесах С. В. Ведров охарактеризовал как «полицейское» [8, с. 79–80]. Автор впервые проанализировал особенности российского лесного законодательства пореформенного периода.

С. В. Ведров связывал становление русского лесного права с именем Петра I: «Новая эра лесного законодательства начинается царствованием Петра Великого…» [8, с. 76]. Вместе с тем автор отмечает, что в допетровский период появилось понятие права частной собственности на леса, развились и различные сервитуты, ограничивающие это право [8, с. 77].

Известный лесовод XIX в. М. Г. Романовский в 1881 г. опубликовал свой труд «Курс русского лесного законодательства» [9], предназначенный для изучения лесного права в специальных лесных учебных заведениях, а также для использования в качестве пособия для лесничих. В данной работе главное внимание уделено различным аспектам управления лесами во второй половине XIX в. Вместе с тем автор в первой главе дал обзор развития русского лесного права [9, с. 1–9]. Учебным изданием является и работа Ф. А. Гайковского «Лесное законоведение», которая структурно и содержательно повторяет книгу М. Г. Романовского. Она лишь дополнена более поздними нормативно-правовыми актами [10].

В конце XIX в. в связи с насущной потребностью по подготовке специалистов в области лесного хозяйства издается ряд книг, целью которых было ознакомление учащихся специальных лесных учебных заведений и лесопользователей с основами и особенностями лесного законодательства России [11; 12; 13]. Эти книги представляют значительный интерес для исследователей.

Ценным источником по проблеме правового регулирования использования лесных ресурсов в России в XIX в. являются работы Ф. К. Арнольда. Федор Карлович Арнольд имел специальное образование, он окончил Санкт-Петербург-

ский лесной и межевой институт, ему довелось познакомиться в ходе заграничной командировки с особенностями организации и управлением лесным хозяйством в Европе. В 1840–50-е гг. Ф. К. Арнольд служил на различных должностях в Лесном департаменте и лично участвовал в проведении реформ лесного законодательства. С 1857 г. Арнольд занимался научной и преподавательской деятельностью, став основоположником русского лесоводства. В 1883–1886 гг. Ф. К. Арнольд опубликовал в Лесном журнале свои мемуары [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20], осветившие различные аспекты государственной лесной политики, в выстраивании которой он принял личное участие. «Отец русского лесоводства» [21, с. 152] обобщил свои воспоминания в книге «История лесоводства в России, Франции и Германии» [4]. В работе приведена сравнительная оценка лесного права указанных стран. Примечательно, что автор, излагая историю российского лесного законодательства в хронологической последовательности, отказался от устоявшегося подхода рассматривать процесс его изменения и развития в соответствии со сменой правителей.

Ф. К. Арнольд при описании управления лесным хозяйством России вычленил важнейшие, на собственный взгляд, этапы его развития, связанные с принятием Лесного устава в 1802 г. и учреждением Министерства государственных имуществ в 1837 г. В соответствии с этими рубежными событиями произведена разбивка материала о развитии лесного законодательства и хозяйства России. Автор, отмечая строгий запретительный характер указов Петра I, касающихся лесов, указывает на то, что «характер их соответствовал современному взгляду остальной Европы» [4, с. 209–210]. Таким образом, Ф. К. Арнольд, изучив развитие лесного права во Франции, Германии и России, пришел к выводу о том, что лесное право России с начала XVIII в. стало развиваться по пути, традиционному для европейских государств.

Выдающийся русский лесовод воспринимал становление и развитие русского лесного законодательства до начала XIX в. как постепенный, накопительный процесс. Он не считал принятие Соборного уложения рубежным этапом в формировании лесного права России. Напротив, автор отметил, что «в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года мы не встречаем относительно лесов новых постановлений, там только развиты известные прежде правила… Вообще Уложение царя Алексея Михайловича не есть вновь составленный закон» [4, с. 207]. Не видел Ф. К. Арнольд принципиальных изменений в развитии лесного законодательства и в период правления Петра I. Многочисленные указы Петра Великого, касающиеся леса, он объясняет лишь конъюнктурным интересом государства, которому потребовался ценный военно-стратегический ресурс для строительства флота [4, с. 209]. Работа Ф. К. Арнольда является важным источником по истории развития правового регулирования лесопользования в России.

Ценный материл по проблеме правового регулирования лесопользования в России содержится в «юбилейных» ведомственных обобщающих работах, выход которых был приурочен к памятным датам в истории государственных учреждений, занимающихся управлением лесами и подготовкой специалистов по лесному делу. К их числу относятся «Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства Государственных Имуществ 1837–1887» [22], где вопросам лесопользования уделено главное внимание, «Столетие учреждения

лесного департамента» [23], содержащее фрагменты важных нормативно-правовых актов, в том числе не вошедших в Полное собрание законов Российской империи и отсутствующих в архиве лесного ведомства, «Исторический очерк развития С.-Петербургского лесного института» [24], включающее в себя в том числе периодизацию истории русского лесоводства (до Петра I – «древний», до принятия Устава лесного – «средний» и последний – «новый» [24, с. 1]).

После Первой русской революции вышли работы, в которых содержатся не только история правового регулирования лесопользования в России, но и предприняты попытки связать особенности управления лесной частью в России с теоретическими концепциями, и даже предложения по реформированию государственной политики в области лесопользования и управления лесами. К числу таких работ относятся труды лидера отечественного лесоуправления, лесоустройства и лесной экономики М. М. Орлова [25, с. 9; 26; 27; 28].

Выводы

На протяжении XIX – начала XX в. российская наука прошла путь от простого описания фактов становления и развития законодательства в области использования лесных ресурсов к теоретическому обоснованию государственной лесной политики.

Большинство исследователей первой половины XIX в. считало рубежным этапом в развитии отечественного лесного права период царствования Петра I. К концу XIX – началу XX в. представления об этапах развития законодательства по лесной части в России претерпели существенные изменения. Исследователи отказались от периодизации развития лесного права по царствованиям, в основу периодизации были положены факты издания важнейших сводов документов в области лесного права и учреждение соответствующих государственных учреждений. Исследователи также пришли к мысли об определяющем влиянии на реформы Петра Великого, касающихся управления лесами и использования лесных ресурсов, соответствующих правовых концепций и принципов, принятых в европейских странах.

Исследования лесоводов и правоведов XIX – начала XX в. не утратили своей актуальности до настоящего времени и могут быть использованы в деле совершенствования правового механизма рационального использования лесов в современной России.

Список литературы

1. Юрковский А. В., Тугутова Д. А. Исследование правовой категории «интересы» во взаимосвязи с правовыми категориями «нужда» и «потребность»: на примере Российской Федерации и государств Северо-Восточной Азии // Современная научная мысль. 2016. № 2. С. 254–264.

2. Блинников Р. В. Правовой режим земель государственного лесного фонда в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 206 с.

3. Врангель В. История лесного законодательства Российской империи. С присоединением Очерка истории корабельных лесов России. СПб.: Привилег. тип. Фишера, 1841. 156 с.

4. Арнольд Ф. К. История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1895. 403 с.

5. Токмаков И. Краткий обзор материалов к истории Лесоводства, по документам Московских архивов. СПб.: Тип. Канцелярия СПб. Градоначальника, 1887. 8 с.

6. Рыбалкин А. И. Источники и историография лесного дела в Российской империи: монография. Воронеж: Воронеж. гос. аграрный ун-т им. Петра I, 2013. 206 с.

7. Шелгунов Н. В. История русского лесного законодательства. СПб.: Тип. М-ва гос. имуществ, 1857. VIII, 378 с.

8. Ведров С. О лесоохранении по русскому праву: Исслед. Сергея Ведрова. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1878. IV, 224 с.

9. Романовский М. Г. Курс русского лесного законодательства. СПб.: А. Ф. Девриен, 1881. IV, 353 с.

10. Гайковский Ф. А. Лесное законоведение. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1895. X, 178, 72 с.

11. Коньшин А. Ю. Об ответственности за лесные нарушения и о порядке привлечения к оной. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1889. 362 с.

12. Малевич Б. Лес и лесоустройство. Очерк из практики лесоустроительных и оценочных работ. М.: Тип. Тов-ва И. Д. Сытина, 1903. 239 с.

13. Эттинген А. Сборник важнейших узаконений о лесах, находящихся в частном владении. Ревель: Изд. Франца Клюге, 1898. 208 с.

14. Арнольд Ф. К. К истории русского государственного лесного управления // Лесной журнал. 1883. № 1. С. 4–16.

15. Арнольд Ф. К. К истории русского государственного лесного управления // Лесной журнал. 1883. № 9. С. 457–468.

16. Арнольд Ф. К. К истории русского государственного лесного управления // Лесной журнал. 1883. № 10. С. 503–522.

17. Арнольд Ф. К. К истории русского государственного лесного управления // Лесной журнал. 1883. № 12. С. 635–648.

18. Арнольд Ф. К. К истории русского государственного лесного управления // Лесной журнал. 1884. № 2. С. 73–91.

19. Арнольд Ф. К. К истории русского государственного лесного управления // Лесной журнал. 1885. № 1. С. 37–58.

20. Арнольд Ф. К. К истории русского государственного лесного управления // Лесной журнал. 1886. № 6. С. 540–557.

21. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семеновская тип. (И. А. Ефрона), 1890. Т. II (3). 495 с.

22. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства Государственных Имуществ. 1837–1887. Ч. III: Государственные имущества. СПб.: Паровая скоропеч. Яблонский и Перотт, 1888. 286 с.

23. Столетие учреждения Лесного департамента. 1798–1898. СПб.: Типолитогр. Ю. Я. Римана, 1898. 251 с.

24. Исторический очерк развития С.-Петербургского лесного института. 1803–1903. СПб.: Гос. тип., 1903. 157 с.

25. Моисеев Н. А. Лидеру лесоуправления в России, профессору М. М. Орлову – 150 лет со дня рождения (1867–1932) // Известия высших учебных заведений. Лесной журнал. 2017. № 5. С. 9–20.

26. Орлов М. М. Об основах русского государственного лесного хозяйства. Пг.: Десятая гос. тип., 1918. 132 с.

27. Орлов М. М. Основы лесоохранения в России: доклад Всероссийскому съезду в С.-Петербурге лесовладельцев и лесохозяев по обсуждению лесоохранительного закона. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911. 69 с.

28. Орлов М. М. Очерки по организации лесного опытного дела в России // Труды по лесному опытному делу. Вып. 57. Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1915. 97 с.

References

1. Yurkovskij A. V., Tugutova D. A. Issledovanie pravovoj kategorii "interesy" vo vzaimosvyazi s pravovymi kategoriyami "nuzhda" i "potrebnost'": na primere Rossijskoj Federacii i gosudarstv Severo-Vostochnoj Azii [The study of the legal category "interests" in relation to the legal categories and "need" and "need": on the example of the Russian Federation and the states of Northeast Asia]. *Sovremennaya nauchnaya mysl' = Modern Scientific Thought*, 2016, no. 2, pp. 254–264.

2. Blinnikov R. V. Pravovoj rezhim zemel' gosudarstvennogo lesnogo fonda v Rossijskoj Federacii. Diss. kand. yurid. nauk [Legal regime of the lands of the State Forest Fund in the Russian Federation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 206 p.

3. Vrangel' V. Istoriya lesnogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii. S prisoedineniem Ocherka istorii korabel'nyh lesov Rossii [History of forest legislation of the Russian Empire. With the addition of an Essay on the History of Russian ship forests]. St. Petersburg, Privileg. tip. Fishera, 1841. 156 p.

4. Arnol'd F. K. Istoriya lesovodstva v Rossii, Francii i Germanii [History of forestry in Russia, France and Germany]. St. Petersburg, Izd. A. F. Marksa, 1895. 403 p.

5. Tokmakov I. Kratkij obzor materialov k istorii Lesovodstva, po dokumentam Moskovskih arhivov [A brief overview of materials on the history of Forestry, according to the documents of the Moscow Archives]. St. Petersburg, Tip. Kancelyariya SPb. Gradonachal'nika, 1887. 8 p.

6. Rybalkin A. I. Istochniki i istoriografiya lesnogo dela v Rossijskoj imperii [Sources and historiography of forestry in the Russian Empire]. Voronezh, Voronezh St. Ararian Univ. named after Petr I, 2013. 206 p.

7. Shelgunov N. V. Istoriya russkogo lesnogo zakonodatel'stva [History of Russian forest legislation]. St. Petersburg, Tip. M-va gos. imushchestv, 1857. VIII, 378 p.

8. Vedrov S. O lesoohranenii po russkomu pravu: Issled. Sergeya Vedrova [About forest protection under Russian law: Research. Sergei Fedorov]. St. Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K°, 1878. IV, 224 p.

9. Romanovskij M. G. Kurs russkogo lesnogo zakonodatel'stva [Course of Russian forest legislation]. St. Petersburg, A. F. Devrien, 1881. IV, 353 p.

10. Gajkovskij F. A. Lesnoe zakonovedenie [Forest law studies]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1895. X, 178, 72 p.

11. Kon'shin A. Yu. Ob otvetstvennosti za lesnye narusheniya i o poryadke privlecheniya k onoj [On responsibility for forest violations and on the procedure for bringing them to justice]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha, 1889. 362 p.

12. Malevich B. Les i lesoustrojstvo. Ocherk iz praktiki lesoustroitel'nyh i ocenochnyh rabot [Forest and forest management. An essay from the practice of forest management and appraisal works]. Moscow, Tip. Tov-va I. D. Sytina, 1903. 239 p.

13. Ettingen A. Sbornik vazhnejshih uzakonenij o lesah, nahodyashchihsya v chastnom vladenii [Collection of the most important laws on privately owned forests]. Revel', Izd. Franca Klyuge, 1898. 208 p.

14. Arnol'd F. K. K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya [To the history of the Russian State Forest Management]. *Lesnoj zhurnal = Forest Journal*, 1883, no. 1, pp. 4–16.

15. Arnol'd F. K. K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya [To the history of the Russian State Forest Management]. *Lesnoj zhurnal = Forest Journal*, 1883, no. 9, pp. 457–468.

16. Arnol'd F. K. K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya [To the history of the Russian State Forest Management]. *Lesnoj zhurnal = Forest Journal*, 1883, no. 10, pp. 503–522.

17. Arnol'd F. K. K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya [To the history of the Russian State Forest Management]. *Lesnoj zhurnal = Forest Journal*, 1883, no. 12, pp. 635–648.

18. Arnol'd F. K. K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya [To the history of the Russian State Forest Management]. *Lesnoj zhurnal = Forest Journal*, 1884, no. 2, pp. 73–91.

19. Arnol'd F. K. K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya [To the history of the Russian State Forest Management]. *Lesnoj zhurnal = Forest Journal*, 1885, no. 1, pp. 37–58.

20. Arnol'd F. K. K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya [To the history of the Russian State Forest Management]. *Lesnoj zhurnal = Forest Journal*, 1886, no. 6, pp. 540–557.

21. Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, Semenovskaya tip. (I. A. Efrona), 1890, vol. II (3). 495 p.

22. Istoricheskoe obozrenie pyatidesyatiletnej deyatel'nosti Ministerstva Gosudarstvennyh Imushchestv. 1837–1887. Ch. III: Gosudarstvennye imushchestva [Historical review of the fifty-year activity of the Ministry of State Property. 1837–1887. Part III: State property]. St. Petersburg, Parovaya skoropech. Yablonskij i Perott, 1888. 286 p.

23. Stoletie uchrezhdeniya Lesnogo departamenta [The centenary of the establishment of the Forest Department]. 1798–1898. St. Petersburg, Tipolitogr. Yu. Ya. Rimana, 1898. 251 p.

24. Istoricheskij ocherk razvitiya S.-Peterburgskogo lesnogo instituta [Historical sketch of the development of the St. Petersburg Forest Institute]. 1803–1903. St. Petersburg, Gos. tip., 1903. 157 p.

25. Moiseev N. A. Lideru lesoupravleniya v Rossii, professoru M. M. Orlovu – 150 let so dnya rozhdeniya (1867–1932) [The leader of forest management in Russia, Professor M. M. Orlov - 150 years since his birth (1867–1932)]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Lesnoj zhurnal = Proceeding of Higher educational Institutions. Forest magazine*, 2017, no. 5, pp. 9–20.

26. Orlov M. M. Ob osnovah russkogo gosudarstvennogo lesnogo hozyajstva [About the basics of the Russian state forestry]. Petrograd, Desyataya gos. tip., 1918. 132 p.

27. Orlov M. M. Osnovy lesoohraneniya v Rossii: doklad Vserossijskomu s"ezdu v S.-Peterburge lesovladel'cev i lesohozyaev po obsuzhdeniyu lesoohranitel'nogo zakona [Fundamentals of forest protection in Russia: report to the All-Russian Congress of Forest Owners and Forest Owners in St. Petersburg on the discussion of the forest protection law]. St. Petersburg, Tip. M. A. Aleksandrova, 1911. 69 p.

28. Orlov M. M. Ocherki po organizacii lesnogo opytnogo dela v Rossii [Essays on the organization of forest experimental business in Russia]. *Trudy po lesnomu opytnomu delu = Proceedings on forest experimental business,* is. 57. Petrograd, Tip. M. A. Aleksandrova, 1915. 97 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Никифоров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-0853-0842

Sergey A. Nikiforov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Sociocultural Service, Southwest State University Kursk, Russian Federation,
e-mail: s.nikiforoff@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-0853-0842

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-239-251

CC BY 4.0

Роль М. Д. Бутина (1835-1907) в приобщении жителей Байкальской Сибири к искусству во второй половине XIX – начале XX века

В. В. Ткачев[1] ✉

[1] Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса 1, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

Актуальность *статьи заключается в том, что проводится анализ архивных документов, которые раскрывают жизнь и деятельность М. Д. Бутина (1835-1907), историю создания художественной коллекции во второй половине XIX – начале XX века. Представленные материалы не публиковались и не анализировались отечественными исследователями. Работа подтверждает то, что М. Д. Бутин участвовал в создании благоприятных условий для знакомства жителей с предметами искусства. Исследование позволяет раскрыть содержательную сторону художественных событий в городах Байкальской Сибири.*

Цель *работы заключается в том, чтобы определить роль М. Д. Бутина в приобщении жителей Байкальской Сибири к искусству во второй половине XIX – начале XX века.*

Задачами *данной работы являются: на основе документов Государственного архива Иркутской области провести анализ статей и заметок в городских газетах, афиш, объявлений о жизни и деятельности М. Д. Бутина; выделить трудности и особенности в процессе создания художественной коллекции нерчинского купца.*

Методология. *Статья опирается на принципы историзма, системности и научной объективности. Используется историко-генетический и проблемно-хронологический методы.*

Результаты. *В исследовании по материалам Государственного архива Иркутской области восстановлена история создания художественной коллекции М. Д. Бутина во второй половине XIX – начале XX века. Отмечено то, что Михаил Дмитриевич поддерживал деятельность общественных организаций, научные экспедиции, проведение художественных выставок и других просветительских мероприятий в регионе.*

Выводы. *В результате исследования было доказано то, что деятельность М. Д. Бутина влияла на процесс приобщения жителей к предметам искусства в Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX века. В статье проведён анализ содержательной стороны не исследуемых ранее исторических источников, что даёт возможность рассмотреть общественную деятельность М. Д. Бутина, историю создания художественного собрания с разных сторон.*

Ключевые слова: *История Сибири; Байкальская Сибирь; городская культура; городское общество; художественная жизнь.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование: *Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-21-322 «Художественная жизнь в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: история и особенности развития».*

Для цитирования Ткачев В. В. Роль М. Д. Бутина (1835-1907) в приобщении жителей Байкальской Сибири к искусству во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 239–251. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-239-251.

Поступила в редакцию 20.08.2021 Принята к публикации 23.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Ткачев В. В., 2021

The Role of M. D. Butin (1835-1907) in Introducing the Inhabitants of Baikal Siberia to Art in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries

Vitaliy V. Tkachev[1] ✉

[1]Irkutsk State University
1 K. Marx str., Irkutsk 664003 Russian Federation

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Abstract

The relevance *of the article lies in the analysis of archival documents that reveal the life and work of M. D. Butin (1835-1907), the history of the creation of an art collection in the second half of the 19th - early 20th centuries. The presented materials have not been published or analyzed by domestic researchers. The work confirms that M. D. Butin participated in creating favorable conditions for acquaintance of residents with objects of art. The study allows to reveal the meaningful side of artistic events in the cities of Baikal Siberia.*

The purpose *of the work is to determine the role of M. D. Butin in introducing the inhabitants of Baikal Siberia to art in the second half of the 19th - early 20th centuries.*

The objectives *of this work are: on the basis of documents from the State Archives of the Irkutsk region to analyze articles and notes in city newspapers, posters, announcements about the life and work of M. D. Butin; to highlight the difficulties and peculiarities in the process of creating an art collection of the Nerchinsk merchant.*

Methodology. *The article is based on the principles of historicism, consistency and scientific objectivity. Historical-genetic and problem-chronological methods are used.*

Results. *The study, based on the materials of the State Archives of the Irkutsk Region, reconstructs the history of the creation of the art collection of M. D. Butin in the second half of the 19th - early 20th centuries. It was noted that Mikhail Dmitrievich supported the activities of public organizations, scientific expeditions, art exhibitions and other educational events in the region.*

Conclusions. *As a result of the study, it was proved that the activities of M. D. Butin influenced the process of familiarizing residents with art objects in Baikal Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries. The article analyzes the content of previously unexplored historical sources, which makes it possible to consider the social activities of M. D. Butin, the history of the creation of an art collection from different angles.*

Keywords: *History of Siberia; Baikal Siberia; urban culture; urban society; M. D. Butin; artistic life.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding: *The research was supported by Irkutsk State University, project N 091-21-322 "Artistic life in the cities of Baikal Siberia in the second half of the XIX - early XX centuries: history and features of development".*

For citation: Tkachev V. V. The Role of M. D. Butin (1835-1907) in Introducing the Inhabitants of Baikal Siberia to Art in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 239–251. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-239-251.

Received 20.08.2021 Accepted 23.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Современные отечественные исторические исследования направлены на изучение общественной деятельности купечества в городах Байкальской Сибири (Иркутской губернии и Забайкальской области) во второй половине XIX – начале XX в. Рассматривается и другая сторона, которая раскрывает жизнь отдельных представителей семейных династий. Данные работы показывают то, как куп-

цы взаимодействовали с обществом. Известно, что они участвовали в создании, поддерживали общественные организации: Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (далее – ВСОИРГО), Общество распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, Общество любителей музыки и литературы, Иркутское общество художников и др. Научные труды публикуют уникальные документы, которые показывают участие купечества в городских мероприятиях: выставках, лекциях, концертах. Источники подтверждают то, что огромные денежные средства от купцов поступали и на реализацию научных исследований, просветительских проектов.

Нерчинский и иркутский купец М. Д. Бутин участвовал в процессе формирования художественной жизни Байкальского региона, приобщения городского общества к произведениям искусства. Михаил Дмитриевич собирал картины, рисунки, эскизы, скульптуры и другие предметы, которые представляли особую ценность. Он привлекал к участию в просветительских мероприятиях и жителей региона, т. к. считал это полезным для развития интеллектуального потенциала сибирского общества. На настоящий момент не существует подробных трудов, рассматривающих с разных сторон то пространство, которое было создано М. Д. Бутиным в данный период. Общественную деятельность Михаила Дмитриевича стоит рассматривать отдельно, т. к. исторические документы сохранили записи о том, что в отличие от других он стремился создавать общедоступные площадки (музеи и галереи), где городское общество знакомилось с художественными полотнами сибирских и западных мастеров. Также впервые в данной работе предпринята попытка рассмотреть сюжеты того, как коллекция Михаила Дмитриевича формировалась, каким образом происходило общение купца с другими представителями городского общества.

Методология

Исследование основано на принципе историзма, что даёт возможность объективно определить особенности в организации М. Д. Бутиным художественных мероприятий в Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в. Использование системного подхода позволяет провести анализ обширного круга источников фондов научной организации ВСОИРГО, входящие в состав Государственного архива Иркутской области. Историко-генетический метод направлен на раскрытие сюжетов, связанных с историей формирования художественной коллекции М. Д. Бутина в Нерчинске. Проблемно-хронологический метод даёт возможность проследить жизнь и деятельность Михаила Дмитриевича с разных сторон и определить взаимосвязь исторических событий с развитием художественного пространства региона, влияние купца на городское общество Байкальской Сибири.

В настоящем исследовании используются материалы фонда ВСОИРГО (ГАИО. Ф. 293), входящие в состав Государственного архива Иркутской области. В фонде сохранились не только документы о деятельности общественной организации, но и статьи, заметки о М. Д. Бутине. Также в собрание входят научные труды самого выдающегося исследователя о экономическом, социальном, культурном развитии Забайкальской области и всего Байкальского региона во второй половине XIX – начале XX в.

Результаты и их обсуждение

Жизнь и деятельность М. Д. Бутина изучали многие сибирские исследователи. В научных трудах В. П. Шахерова, Н. И. Гавриловой, О. В. Пешкова и многих других рассматривается экономическая сторона деятельности нерчинского и иркутского купца, история торгового до-

ма «Братьев Бутиных», но о его коллекции живописи сообщается мало [1; с. 132–181; 2, с. 15, 22; 3, с. 24–27; 4, с. 119–144]. В 2006 г. выходит монография О. В. Ушаковой, где впервые во всех подробностях был представлен духовный, культурный рост Михаила Дмитриевича, его влияние на общественную жизнь Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. [5, с. 42–43] Историк отмечает то, что многие документы о жизни М. Д. Бутина ещё не изучены, требуют особого подхода при анализе. О истории формирования коллекции купца в Нерчинске в работе можно узнать, но о том, какие предметы были представлены в этом собрании, сложно проследить. О. В. Ушакова в исследовании отмечает то, что многие материалы по отдельным сюжетам утрачены, поэтому возникают затруднения при восстановлении исторических событий.

Историю развития художественного пространства Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в., научную и выставочную деятельность общественных организаций рассматривали многие историки в своих статьях и монографиях [6, с. 148–154; 7, с. 16–18]. Так о проведении художественных выставок в музее ВСОИРГО, городском общественном собрании, деятельности сибирских художников можно познакомиться в научных трудах А. Д. Фатьянова, Т. Г. Ларевой, Ю. П. Лыхина, Е. С. Манзыревой и других исследователей [8, с. 21–26; 9, с. 81–82; 10, с. 348–349; 11, с. 8–10; 12, с. 4–6; 13, с. 294–299]. Особенно стоит выделить работы А. Д. Фатьянова, которые были посвящены анализу широкого круга источников: писем, переписки, официальных документов творческих организаций и т. д. В книгах «Судьба сокровищ» (1967 г.) и «Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии» (1995 г.) рассматривается подробная история появления картин иностранных художников в Иркутском областном художественном музее В. П. Сукачева. Также искусствовед рассматривал деятельность отдельных мастеров в ВСОИРГО [14, с. 19–20; 15, с. 123; 16, с. 51–54].

Деятельность общественных организаций изучал в своих трудах Ю. П. Лыхин [17, с. 35–38; 18, с. 122–126]. Он собрал уникальный материал о жизни и творчестве сибирских и иностранных мастеров и организации художественных выставок в Иркутске в начале XX в. Также необходимо упомянуть о том, что общественной и научной деятельности ВСОИРГО посвящена монография иркутских исследователей, в которой фрагментарно представлены сюжеты, связанные с развитием художественного пространства Байкальского региона [19, с. 20–22]. Вопросы о том, как происходил процесс приобщения городского общества к произведениям искусства, поднимались настоящим автором в прошлых номерах данного журнала [20, с. 216–227].

Таким образом, сибирские исследователи представили жизнь и деятельность М. Д. Бутина, историю «торгового дома «Братьев Бутиных» в своих трудах. Однако в современной исторической науке не существует работ о том, каким образом коллекция Михаила Дмитриевича влияла на формирование художественного пространства Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Используя архивные документы, данное исследование направлено на то, чтобы восстановить историю создания художественного собрания М. Д. Бутина в Нерчинске.

Результаты и их обсуждение

В городском обществе Байкальской Сибири коллекционеры нашли своё главное место как носители культуры, определённых взглядов, исследователи региона. Они отмечали в своих воспоминаниях то, что художники выражали свои взгляды через произведения искусства: портреты, городские пейзажи и т. д. Коллекционеры писали о том, что многие про-

блемы мастеров поднимались на встречах с местной властью на общественных собраниях. Художники стремились улучшить своё положение в обществе. Они хотели создать творческие объединения, определиться с местом для показа своих живописных работ, создавать городские галереи и музеи. Также и говорили от том, что необходимо улучшить сферу художественного образования. Отдельные аспекты, связанные с развитием художественной жизни Байкальской Сибири, можно найти в сохранившихся источниках личного происхождения коллекционеров: В. П. Сукачева, М. Д. Бутина, П. П. Баснина, П. Т. Баснина и др. [21, с. 112–114; 22, с. 12–15]

Купечество участвовало в художественных мероприятиях и поддерживало общественные организации. Большие вложения вносились в научные экспедиции и просветительскую деятельность ВСОИРГО. В 1854 г. был создан музей при ВСОИРГО, где демонстрировались предметы искусства [23, л. 1]. Научное объединение проводило выставки, просветительские лекции, экспедиции по изучению региона с участием известных сибирских и иностранных художников.

Во второй половине XIX – начале XX в. в коллекциях известных сибирских купеческих династий особое место занимают предметы искусства, раскрывающие особенности разных стилистических направлений, школ живописи. Иркутск, Верхнеудинск, Кяхта являлись известными каналами для реализации торговых отношений с центром и со многими странами запада и востока. Иркутские, Верхнеудинские, Нерчинские купцы привозили из Франции, Китая разные предметы, которые носили особую ценность. Коллекции В. Н. Баснина (1799–1876), А. М. Сибирякова (1849–1933), В. П. Сукачева (1849–1920), М. Д. Бутина (1835–1907) пополнялись редкими тканями, полотнами, рисунками, эскизами, статуэтками и украшениями. Известно, что в коллекции В. П. Сукачева находились полотна отечественных художников, которые являлись представителями нового демократического направления реалистического искусства в Российской империи. Также в собрании можно найти и картины немецких художников В. Векса, А. Тамма, француза Н. Пуссена, австрийца А. Ригера, итальянца Амиратто и многих других представителей западноевропейских направлений в живописи. В. П. Сукачев привозил не только оригиналы, но и копии работ мастеров, что тоже являлось для региона уникальным событием.

Картины являлись составной частью интерьеров купеческих усадеб Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Многие посещали дома известных людей города и знакомились с произведениями искусства. Коллекционеры особенно обращали свои взгляды на художественные полотна, изображающие природу Сибири: леса, реки и озёра. Так во многих домах встречались пейзажи, раскрывающие историю региона. Многократно на полотнах художники изображали Байкал и его окрестности. Также можно увидеть в интерьерах и портреты членов купеческой семьи, руководящих лиц Сибири (губернаторов, генерал-губернаторов), которые мастера создавали по заказу владельцев домов. Таким образом, формировался особый образ о культуре, искусстве Российской империи и других стран. Предметы становились объектами сосредоточения внимания жителей Иркутской губернии и Забайкальской области.

Коллекционеры Байкальской Сибири активно знакомились с творчеством многих центральных художников, поддерживали связь и с местными творческими объединениями. Собрание частных галерей пополнялись новыми предметами изобразительного искусства. На выставках демонстрировались художественные полотна из коллекций сибирских купцов. Посетители знакомились с такими работами. Формировалось представление у

жителей городов о творчестве художников, направлениях в живописи, социальных, экономических, политических проблемах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Многие коллекционеры отмечали в своих воспоминаниях то, что сибирские мастера выражали свои взгляды через произведения искусства. Широкий спектр важных проблем поднимался и на встречах с местной властью на общественных собраниях. Обсуждались вопросы по созданию городских галерей и музеев, улучшению сферы художественного образования. Многие аспекты, связанные с развитием художественной жизни Байкальской Сибири, участием в мероприятиях представителей творческой интеллигенции, можно найти в источниках периодической печати.

В современной исторической науке особое внимание отведено изучению жизни и деятельности представителей купеческих династий, которые занимались общественной деятельностью. Формирование их интересов к актуальным и важным темам необходимо раскрывать в более подробном исследовании, т. к. всё это влияет на развитие интеллектуальной среды. Историками было замечено то, что в городах Байкальской Сибири создаются благоприятные условия для формирования культурного пространства: увеличивается численность населения, развиваются торговые отношения с другими регионами и т. д.

Научную и просветительскую работу общественных организаций Байкальской Сибири поддерживал М. Д. Бутин. Он собирал предметы искусства, книги и другие материалы, которые послужили основой для формирования в Забайкальском регионе художественного пространства. Также Михаил Дмитриевич поддерживал и художников. В результате такой работы создавались благоприятные условия для творческого роста мастеров и приобщения жителей Забайкалья к искусству.

Бутин Михаил Дмитриевич (1835–1907) – нерчинский и иркутский купец 1-й гильдии, коммерции советник, известный общественный деятель, с 1870 г. член ВСОРГО. М. Д. Бутин является автором известных трудов по экономическим, социальным, культурным вопросам: «Исторический очерк сношений русских с Китаем» (1871), «Письма из Америки» (1872), «Описание привилегированного устройства передвижения по рельсам и цепным подъёмам торфов и золотосодержащих песков» (1882), «К вопросу об улучшении благосостояния жителей Забайкальской области» (1886), «Николаевский чугуноплавильный, железоделательный и механический завод» (1891), «Сибирь. Её дореформенные суды и условия ведения торговых и промышленных дел до сооружения Сибирской железной дороги» (1900), «Интересы Забайкалья и Приамурского края в таможенном и железнодорожных вопросах» (1903) и др.

Михаил Дмитриевич родился в семье нерчинского купца 3-й гильдии Дмитрия Михайловича. Предпринимательской деятельностью начал заниматься вместе с братом Николаем в качестве приказчика в фирме крупнейших забайкальских купцов Кандинских. В 1866 г. выступил в качестве соучредителя открытого в Нерчинске «Торгового дома братьев Бутиных», развернувшего широкие операции по торговле хлебом, вином и мануфактурными товарами. Братьям принадлежали Николаевский (1872–1896) и Лучихинский (1892–1896) металлургические заводы, три винокуренных и один солеваренный завод, около 50 золотых приисков в Забайкальской, Амурской и Приморской областях, паровые суда на Амуре, Ангаре, Селенге. В 1872 г. организовал поездку в США, где посетил Нью-Йорк, Джорж-Таун, Чикаго, Сакраменто, Сан-Франциско, Вашингтон, штат Колорадо. На принадлежащих ему приисках постепенно вводятся усовершенствованные золотопромывательные ма-

шины, паровые двигатели; на Капитолинском и Дарасунских приисках – конно-железные дороги.

Выгодным приобретением «Торгового дома» явилась покупка в 1874 г. Николаевского железоделательного завода. Выплавка чугуна была доведена до 200 тыс. пудов, выделка железа и изделий из него – до 150 тыс. пудов в год. За 1876/1877 – 1883/1884 гг. завод давал 1 436 569 руб. прибыли.

1870-е гг. стали периодом расцвета «Торгового дома бр. Бутиных». Совместно с братом Николаем Михаилу Дмитриевичу принадлежала крупная недвижимость в Сретенске, Благовещенске, Чите, Верхнеудинске, Иркутске и Нер-чинске, оцененная в 1884 г. в 650 тыс. руб.

В 1867 г. на средства М. Д. Бутина в Нерчинске открылась телеграфная станция, в 1868 г. – городская общественная библиотека и женское Софийское училище в память рано умершей жены.

М. Д. Бутин выступал не только талантливым руководителем предприятий, стремящимся к внедрению прогрессивных технологий, но и изобретателем. Дипломы на звание члена многих научных обществ, на медали и ордена разных стран, полученные за «содействие наукам и просвещению», составляли огромную книгу. Большую серебряную медаль Парижской выставки 1878 г. М. Д. Бутин получит за изделия принадлежавшего ему Николевского железоделательного завода. За усовершенствование золотопромывательной машины и её модель, представленную на Московской политехнической выставке в 1879 г., М. Д. Бутин получил золотую медаль общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

В 1871 г. «Торговым домом бр. Бутиных» была предпринята научная экспедиция по исследованию нового, более выгодного пути из Нерчинска по Восточной Монголии через Долон-Нор и Губэй-Коу на Пекин и Тянь-Дзинь. Русское географическое общество высоко оценило «торгово-ученую экспедицию», наградив М. Д. Бутина серебряной медалью.

В своих трудах М. Д. Бутин обращал своё внимание на условия, которые помогали создать культурные центры в Забайкалье. Они являлись местами для приобщения жителей к произведениям искусства. В 1885 г. он писал: «Хотя в числе различных вопросов, предложенных для обсуждения в предстоящем втором съезде Господин губернатор Приамурского края, не значится специального вопроса о золотопромышленности, а таковой очевидно вошёл в программу IV отдела вопроса съезда, но имея в виду значение его, вообще для Забайкалья, долгом считаю, между прочими соображениями, коснуться в настоящей записке и вопроса о золотопромышленности. Известно, что Забайкалье представляет огромную площадь с разнообразного естественного культурного при малочисленном населении находящемся в общем в слабой степени развития. Между тем естественное богатство этой площади и прекрасные задатки населения дают твёрдое основание, что всякое улучшение для них, несомненно, принесёт не только местную, но и общегосударственную пользу» [24, л. 2].

М. Д. Бутин изучал экономическое состояние региона, которое влияло на культурное развитие общества. Он писал о том, что одна из лучших местностей Забайкалья – это Заяблонная часть. Богатство культуры её неисчерпаемо. Большая часть области по почвенным условиям может быть превосходно выполняется под разного рода хлебопашество, обильно вознаграждающее труд. Огромные пространства являются лучшими для скотоводства у жителей. Залежи рудных и рассыпанным золотом, серебром и другими драгоценными металлами составляют неисчерпаемый источник богатства. В силу климатических условий, а главное малонаселённости и вышеуказанного состояния наличного населения, а также отсутствия капиталов

и предприимчивости хороших сообщений способов сбыта, хлебопашество в нём мало развито, а существующее без всякого применения к нему повышенных приспособлений и естественные богатства охраны мало тронуты. Население не только не пользуется своими богатствами даже для удовлетворения многих своих насущных потребностей, которые поэтому должны ими приобретаться.

Исследователь сделал заметку в своём труде о том, что в Заяблонной части Забайкалья хлебопашество находится в самом младенческом состоянии. Огромные пространства сибирской земли по малочисленности рабочих рук не возделываются. О своеобразиях ирригации полей, усовершенствованных земледельческих орудиях, население не использует никакого понятия. М. Д. Бутин предлагал то, что необходимо было вводить в оборот, заниматься просветительской деятельностью во всех сферах.

Семья М. Д. Бутина проживала в богатом каменном доме, расположенном на центральной улице Нерчинска. Сооружение этого здания началось в середине 1860-х гг. на бывшей территории усадьбы протоирея Кирилла Суханова. Во дворце М. Д. Бутина мавританского стиля размещалось большое собрание живописи, скульптуры, книг (библиотека насчитывала 25–30 тыс. томов), минералов, монет. Картины в большинстве были привезены из Франции. Частично поступили и от иркутского купца Н. Н. Пежемского (русские и иностранные монеты, большое количество минералов, окаменелостей, раковин и старинных вещей). Рассматривая старые фотографии комнат дворца, можно заметить, что в коллекции находились портреты, пейзажи, натюрморты. Так в собрании хранился портрет Марии Александровны Бутиной, работа художника Н. Е. Маковского, портрет Петра I, изображение Иисуса Христа и Девы Марии и т. д. На стене одной из комнат можно было увидеть огромный витраж «Архангел Михаил поражает дьявола» работы Мюнхенской мастерской (1857).

Е. С. Манзырева упоминает в своих трудах о нескольких работах, которые входили в собрание М. Д. Бутина: «картины П. Н. Рязанцева, С. Вронского, предметы декоративно-прикладного искусства Китая (вазы, курильницы, скульптуры, фарфоровые изделия и другие), мраморные копии образцов греческой и римской скульптуры, копии картин Т. А. Неффе "Купальщица в гроте", Б. Э. Мурильо "Снятие Христа с креста" и "Христос с ягненком", А. А. Корреджо "Святое семейство" и другие, выполненные неизвестными художниками» [25, с. 59–64].

Многие иностранные и местные гости посещали дворец М. Д. Бутина. Сохранилось достаточно много воспоминаний о том, как жила купеческая семья в Нерчинске [26, л. 4]. Как писал американский журналист Джон Кеннан: «Попасть в этот замечательный дворец было для меня настоящим чудом. Когда я увидел в роскошном зале самое большое зеркало в мире, я стал протирать себе глаза, чтобы удостовериться, что я не сплю. Кто бы ожидал увидеть в глуши Восточной Сибири такой богатый дом с паркетными полами, шелковыми занавесками, дорогими обоями, с мягкими персидскими коврами, позолоченной мебелью, крытою атласом, старыми фламандскими картинами, галереей фамильных портретов, с оранжереей… Редко встречал подобное соединение пышности с тонким вкусом» [27, л. 7].

Данная коллекция послужила основой для создания в 1886 г. общественной библиотеки и публичного музея в Нерчинске. В 1930-е гг. предметы краеведческого музея были выброшены в сарай и в другие, не пригодные для хранения места бывшим председателем городского совета М. Ф. Пастуховым по причине смены власти в регионе. Часть картин и ваз удалось сохранить при передаче в Читинский областной краеведческий музей им. А. К. Кузнецова. Таким обра-

зом, историю отдельных предметов купеческой коллекции ещё предстоит восстановить исследователям.

М. Д. Бутин выделял большие деньги на экспедиции в Сибири, Китай, Монголию, в которых принимали участие сибирские художники. Так в одной экспедиции участвовал нерчинский художник Прокопий Николаевич Рязанцев. Он создал работу «Благословение Шеретуя», портреты жителей населённых пунктов: Нерчинска, Кяхты, Благовещенска. Большие средства поступали от М. Д. Бутина для научной и просветительской деятельности ВСОРГО [28, л. 26].

Таким образом, деятельность Михаила Дмитриевича способствовала экономическому, культурному развитию Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в. М. Д. Бутин изучал особенности культуры коренных народов, природные богатства Забайкалья, историю Сибири, Китая, Монголии, организовывал научные экспедиции, собирал уникальные, редкие предметы искусства. В результате долгой работы Михаил Дмитриевич создал большую коллекцию живописи, скульптуры, книг, редких монет, минералов и т. д. Для жителей Нерчинска открыл общественную библиотеку и публичный музей.

Выводы

Таким образом, события второй половины XIX – начала XX в. способствовали развитию общественного мнения об искусстве, творчестве известных мастеров. В данный период для жителей Байкальской Сибири проводились выставки, просветительские мероприятия, экскурсии, работали музеи и частные галереи. Формировалась система художественного образования и просвещения. Постепенно расширялся кругозор знаний об истории, культуре, природных богатствах Российской империи. Появляется большое количество площадок для демонстрации посетителям живописных полотен. Образуются общественные организации. Так М. Д. Бутиным в Нерчинске создаётся общедоступный музей. В результате знакомства с произведениями искусства общество активно проявляло интерес к актуальным социальным проблемам. Жителей Байкальской Сибири волновали социальные, политические, экономические, культурные перемены, которые происходили во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX – начале XX в. сибирские коллекционеры участвовали в важном художественном процессе (в том числе и М. Д. Бутин) в формировании представлений жителей Байкальской Сибири о предметах изобразительного искусства. На основе коллекций, каталогов, литературы возможно рассмотреть основные вопросы, которые поднимались в сибирском обществе. Это проблемы, связанные с развитием художественного образования в регионе, доступности людей к искусству, открытием музеев и частных галерей, отношением местной власти к художественному пространству. Исследование показало то, что жизнь и деятельность М. Д. Бутина ещё до конца не изучены и требуют поиска новых исторических документов, которые позволят определить основные этапы формирования художественной коллекции и музейного пространства Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Список литературы

1. Шахеров В. П. Социально-демографические характеристики городского населения Иркутской губернии // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков: коллективная монография. Иркутск: Оттиск, 2019. 612 с.

2. Шахеров В. П. Иркутск купеческий : история города в лицах и судьбах. Хабаровск : Приамурские ведомости, 2006. 176 с.

3. Гаврилова Н. И. Сибирский американец // Земля Иркутская. 2000. № 12. С. 24–27.

4. Пешкова О. В. Деятельность торгового дома «Братья Бутины» // Сибирский город XVIII – начала XX веков: сборник статей / отв. ред. В. П. Шахеров. Вып. 4. Иркутск: Оттиск, 2002. С. 119–144.

5. Ушакова О. В. Михаил Дмитриевич Бутин. Предприниматель и меценат Забайкалья (60-е гг. XIX – начало XX в.). Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 2006. 296 с.

6. Паликова Т. В. Формирование музейного пространства городов Забайкалья рубежа XIX–XX веков // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 1(39). С. 148–154.

7. Паликова Т. В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. 258 с.

8. Ларева Т. Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX – начала XXI века. Иркутск: Принт Лайн, 2015. 615 с.

9. Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель: в 2-х т. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2014. Т. 1. 815 с.; Т. 2. 817 с.

10. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.

11. Токарев В. П. Изобразительное искусство Сибири XIX в. Новосибирск: Наука : Сиб. изд. фирма, 1973. 561 с.

12. Токарев В. П. Художники Сибири XIX в. Новосибирск: Наука : Сиб. изд. фирма, 1993. 113 с.

13. Манзырева Е. С. Художественная жизнь в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Байкальские встречи – VIII: историко-культурное наследие региона как фактор социально-экономического развития: материалы Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры, 2014. С. 294–299.

14. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 187 с.

15. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 112 с.

16. Фатьянов А. Д. Владимир Сукачев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 344 с.

17. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. 334 ч.

18. Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год): библ. словарь. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2000. 407 с.

19. Дамешек Л. М. Музей ВСОРГО: история формирования коллекции и выставочная деятельность (1851–1931 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 82 с.

20. Ткачев В. В. Организация художественных мероприятий Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 216–227.

21. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 542 с.

22. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 559 с.

23. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 293. Оп. 1. Д. 2.

24. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 603.

25. Манзырева Е. С. История зарождения художественных выставок и музейных коллекций в городах Восточной Сибири (XIX – нач. XX в.) // Научное наследие И. И. Соктоевой в свете актуальных проблем современного изобразительного искусства: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения И. И. Соктоевой. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 2018. С. 59–64.

26. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 282.

27. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 809.

28. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 325.

References

1. Shaherov V. P. Social'no-demograficheskie harakteristiki gorodskogo naseleniya Irkutskoj gubernii [Socio-demographic characteristics of the urban population of the Irkutsk province]. Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialah gorodov Irkutskoj gubernii XIX – nachala XX vekov [State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX – early XX centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2019. 612 p.

2. Shaherov V. P. Irkutsk kupecheskij: istoriya goroda v licah i sud'bah [Irkutsk merchant : the history of the city in faces and destinies]. Habarovsk, Priamurskie vedomosti Publ., 2006. 176 p.

3. Gavrilova N. I. Sibirskij amerikanec [Siberian American]. *Zemlya Irkutskaya = Irkutsk Land*, 2000, no. 12, pp. 24–27.

4. Peshkova O. V. Deyatel'nost' torgovogo doma "Brat'ya Butinyh" [Activity of the trading house "Butin Brothers"]. Sibirskij gorod XVIII – nachala XX vekov. Sbornik statei [Siberian city of the XVIII – early XX centuries. Collection of articles]; ed. by V. P. Shaherov. Is. 4. Irkutsk, Ottisk Publ., 2002, pp. 119–144.

5. Ushakova O. V. Mihail Dmitrievich Butin. Predprinimatel' i mecenat Zabajkal'ya (60-e gg. XIX – nachalo XX v.) [Mikhail Dmitrievich Butin. Entrepreneur and philanthropist of Transbaikalia (60s of the XIX] early XX century)]. Novosibirsk, Novosibir. kn. izd-vo, 2006. 296 p.

6. Palikova T. V. Formirovanie muzejnogo prostranstva gorodov Zabajkal'ya rubezha XIX–XIX–XX vekov [Formation of the museum space of the cities of Transbaikalia of the turn of the XIX-XX centuries]. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of socio-economic development of Siberia*, 2020, no. 1(39), pp. 148–154.

7. Palikova T. V. Razvitie kul'tury gorodov Zabajkal'skoj oblasti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The development of the culture of the cities of the Trans-Baikal region (the second half of the XIX - the beginning of the XX century)]. Ulan-Ude, Dorzhi Banzarov Buryat St. Univ. Publ., 2008. 258 p.

8. Lareva T. G. Istoriya izobrazitel'nogo iskusstva Pribajkal'ya XX – nachala XXI veka [The history of fine art of the Baikal region of the XX - beginning of the XXI century]. Irkutsk, Print Lajn Publ., 2015. 615 p.

9. Chirkov V. F. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII – nachala XXI vv. [Fine art of Siberia of the XVII – early XXI centuries]. Tobol'sk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2014, vol. 1. 815 p.; Vol. 2. 817 p.

10. Koshman L. V. Gorod i gorodskaya zhizn' XIX stoletiya: social'nye i kul'turnye aspekty [The city and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 446 p.

11. Tokarev V. P. Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XIX v. [Fine art of Siberia of the XIX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. izd. firma, 1973. 561 p.

12. Tokarev V. P. Hudozhniki Sibiri XIX v. [Artists of Siberia of the XIX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. izd. firma, 1993. 113 p.

13. Manzyreva E. S. Hudozhestvennaya zhizn' v Vostochnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX v. [Artistic life in Eastern Siberia at the end of the XIX – beginning of the XX century]. *Bajkal'skie vstrechi – VIII: istoriko-kul'turnoe nasledie regiona kak faktor social'no-ekonomicheskogo razvitiya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Baikal meetings – VIII: historical and cultural heritage of the region as a factor of socio-economic development. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Ulan-Ude, East Siberian St. Institute of Culture, 2014, pp. 294–299.

14. Fat'yanov A. D. Hudozhniki, vystavki, kollekcionery Irkutskoj gubernii [Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1995. 187 p.

15. Fat'yanov A. D. Sud'ba sokrovishch [The fate of the treasure]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1967. 112 p.

16. Fat'yanov A. D. Vladimir Sukachev [Vladimir Sukachev]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1990. 344 p.

17. Lyhin Yu. P. Hudozhestvennaya zhizn' Irkutska (pervaya chetvert' XX veka) [The artistic life of Irkutsk (the first quarter of the XX century)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy" Publ., 2002. 334 p.

18. Lyhin Yu. P., Kryuchkova T. A. Ikonopiscy, mastera i hudozhniki Irkutska (XVII vek – 1917 god) [Icon painters, masters and artists of Irkutsk (XVII century – 1917)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy" Publ., 2000. 407 p.

19. Dameshek L. M. Muzej VSORGO: istoriya formirovaniya kollekcii i vystavochnaya deyatel'nost' (1851–1931 gg.) [VSORGO Museum: the history of the collection formation and exhibition activity (1851–1931)]. Irkutsk, IGU Publ., 2013. 82 p.

20. Tkachev V. V. Organizaciya hudozhestvennyh meropriyatij Vostochno-Sibirskim otdelom Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Organization of artistic events by the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the second half of the XIX – early XX century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the South-west State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 216–227.

21. Romanov N. S. Letopis' goroda Irkutska za 1881–1901 gg. [Chronicle of the city of Irkutsk for 1881–1901]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1993. 542 p.

22. Romanov N. S. Letopis' goroda Irkutska za 1902–1924 gg. [Chronicle of the city of Irkutsk for 1902-1924]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1994. 559 p.

23. GAIO (Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti) [The State Archive of the Irkutsk region], f. 293, op. 1, d. 2.

24. GAIO, f. 293, op. 1, d. 603.

25. Manzyreva E. S. Istoriya zarozhdeniya hudozhestvennyh vystavok i muzejnyh kollekcij v gorodah Vostochnoj Sibiri (XIX – nach. XX v.) [The history of the origin of art exhibitions and museum collections in the cities of Eastern Siberia (XIX – beginning XX century)]. *Nauchnoe nasledie I. I. Soktoevoj v svete aktual'nyh problem sovremennogo izobrazitel'nogo iskusstva. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya I. I. Soktoevoj* [Scientific heritage of I. I. Soktoeva in the light of actual problems of modern fine art. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the birth of I. I. Soktoeva]. Ulan-Ude, Dorzhi Banzarov Buryat St. Univ. Publ., 2018, pp. 59–64.

26. GAIO, f. 293, op. 1, d. 282.

27. GAIO, f. 293, op. 1, d. 809.

28. GAIO, f. 293, op. 1, d. 325.

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачев Виталий Викторович, аспирант кафедры истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Tkachev V. Vitaliy, Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-252-259

CC BY 4.0

Форма одежды и знаки отличия Комитета морских экскурсий в начале XX века

Т. Н. Лысак[1] ✉

[1] Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
ул. Мичурина 1, г. Воронеж 394087, Российская Федерация

✉ e-mail: tatyana_lysak@mail.ru

Резюме

Актуальность *статьи состоит в том, что после поражения в Русско-японской войне 1904–1905 годов государственные и общественные деятели стали искать дальнейшие пути для полноценного развития Российского Императорского флота. В России до Первой мировой войны формируется целый ряд общественных военно-морских организаций: Лига обновления флота, Общество офицеров флота, Российский морской союз. Созданный в структуре Лиги обновления флота Комитет морских экскурсий ставит своей задачей повсеместную популяризацию военно-морских знаний и дела среди населения российского государства.*

Цель *статьи – анализ причин создания формы одежды и знаков отличия для проведения учебных плаваний и торжественных мероприятий правлением Комитета морских экскурсий в начале XX века.*

Задачи*: при помощи документов Российского архива Военно-морского флота проанализировать процесс создания форменной одежды и знаков отличия для членов и учеников общественной военно-морской организации; рассмотреть деятельность Комитета морских экскурсий, направленную на реализацию образовательных программ по обучению учащихся средних учебных заведений основам военно-морского дела; проанализировать меры, предпринимаемые военно-морской общественной организацией для популяризации знаний о море среди жителей российских губерний.*

Методология. *В работе использовались традиционные и общенаучные методы вместе с историко-ситуационным подходом при исследовании особенностей форменной одежды и знаков отличия российской общественной военно-морской организации в начале XX века.*

Результаты. *В результате охарактеризованы: форменная одежда для командного состава нижних чинов, форменная одежда для командного состава учебных судов, форменная одежда для воспитанников в учебном плавании, форменная одежда для экскурсантов в учебном плавании, наградная система знаков отличия, наградные именные дипломы и специальные наградные вымпелы для маломерных плавсредств. Отсюда видны цели, имевшиеся у правления Комитета экскурсий при формировании системы форменной одежды и знаков отличия в начале XX века.*

Выводы*. Сформированная система форменной одежды и знаков отличия должна была привлечь в ряды российской общественной военно-морской организации новых любителей изучения морского дела с целью их последующей профессиональной ориентации.*

Ключевые слова: *военно-морская общественная организация; Русско-японская война; Морское министерство; учебное плавание; Комитет морских экскурсий.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Лысак Т. Н. Форма одежды и знаки отличия Комитета морских экскурсий в начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 252–259. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-252-259.

Поступила в редакцию 18.08.2021 Принята к публикации 17.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Лысак Т. Н., 2021

The Uniform and Insignia of the Committee of Sea Excursions in the Early Twentieth Century

Tatyana N. Lysak[1] ✉

[1]Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I
1 Michurina str., Voronezh 394087, Russian Federation

✉ e-mail: tatyana_lysak@mail.ru

Abstract

The relevance *f the article is that after the defeat in the Russo-Japanese war of 1904 – 1905, state and public figures began to look for further ways for the full-fledged development of the Russian Imperial Fleet. Before the First World War, a number of public naval organizations were formed in Russia: the Fleet Renewal League, the Society of Fleet Officers, the Russian Maritime Union.*

The purpose *of the article is to analysis of the reasons for the creation of uniforms and insignia for conducting training cruises and celebrations by the board of the Committee of Sea Excursions in the early twentieth century.*

Objectives*: with the help of the documents of the Russian Archive of the Navy (RGA of the Navy), to analyze the process of creating uniforms and insignia for members and students of the public naval organization; to consider the activities of the Committee of Sea Excursions aimed at the implementation of educational programs for teaching secondary school students the basics of naval affairs; to analyze the measures taken by the naval public organization to popularize knowledge about the sea among the residents of the Russian provinces.*

Methodology. *The work used traditional and general scientific methods together with an istrico-situational approach in the study of the features of uniforms and insignia of the Russian public naval organization in the early twentieth century.*

Results. *As a result, the following are characterized: uniforms for the command staff of the lower ranks, uniforms for the command staff of training vessels, uniforms for pupils in training swimming, uniforms for tourists in training swimming, an award system of insignia, award personal diplomas and special award pennants for small-sized watercraft. This shows the goals that the board of the Excursions Committee had when forming the system of uniforms and insignia at the beginning of the twentieth century.*

The conclusions. *The formed system of uniforms and insignia was supposed to attract new lovers of studying maritime affairs to the ranks of the Russian public naval organization for the purpose of their subsequent professional orientation.*

Keywords: *naval public organization; Russo-Japanese war; Maritime Ministry of Russia; educational navigation; Committee of sea excursions.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Lysak T. N. The Uniform and Insignia of the Committee of Sea Excursions in the Early Twentieth Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 252–259. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-252-259.

Received 18.08.2021 Accepted 17.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Проигранная Русско-японская война 1904–1905 гг. привела к закономерному росту реваншистских настроений среди офицеров и адмиралов флота. Специалисты, ученые и общественные деятели пытались выяснить причины поражения от японского императорского флота. Одновременно в работах С. С. Абамелек-Лазарева [1], И. П. Азбелева [2], Н. Н. Беклемишева [3; 4; 5; 6; 7; 8], П. И. Белавенца [9; 10; 11], Л. Ф. Добротворского [12; 13], Н. Н. Карлинского [14] и Н. Л. Кладо [15; 16] рассматривались дальнейшие пути развития российского флота.

Отечественные теоретики и практики военно-морского дела спорили о размере бюджета Морского министерства России. Они говорили о необходимости усиления военно-морской разведки [17, с. 174] и учета мирового опыта судостроения [18, с. 118]. Отдельным вопросом стояло развитие русского торгового судоходства.

Возникают новые общественные военно-морские организации:

– Лига обновления флота.

– Общество офицеров флота.

– Российский морской союз.

Созданные военно-морские общественные организации влияют на развитие отечественной судостроительной программы. Они находят широкую поддержку у представителей правящей императорской фамилии и в правительственных кругах Российской империи. До Первой мировой войны общественные военно-морские организации оказывают серьезное влияние на российское военно-морское ведомство. Например, члены военно-морских общественных организаций давали советы руководству Морского министерства России и утраивали совместные заседания с Депутатами Государственной Думы по вопросам реализации строительства Российского Императорского флота.

Именно в такой ситуации в структуре Лиги обновления флота формируют Комитет морских экскурсий, который должен был знакомить население России с основами военно-морского дела. Особенное внимание созданная военно-морская популяризаторская организация уделяла учащимся средних учебных заведений.

Методология

Автор статьи использует в работе материалы фондов Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), город Санкт-Петербург. Одновременно использовался ряд малоизвестных научных исследований специалистов и теоретиков российского военно-морского дела, относящихся к началу XX в. Важное место при подготовке научной статьи заняли уставные и делопроизводственные документы.

Для достижения в научной работе максимально возможной научной объективности использовался метод историзма. В свою очередь, применение комплексного подхода к исследованию вопросов, связанных с историей Комитета морских экскурсий, потребовало привлечение метода системности.

Проблемно-хронологический метод позволил восстановить достоверную последовательность истории принятия специальной формы и знаков. Использование проблемно-хронологического метода помогло последовательно реконструировать конкретные исторические события, связанные с введением формы и специальных знаков отличия для участников летних учебных плаваний.

Результаты и их обсуждение

Комитет морских экскурсий представлял собой общественную организацию, созданную в 1908 г. [19, с. 1], для популяризации военно-морского образования и знаний о военно-морском деле среди населения Российской империи [20, с. 1].

Главной задачей общественной военно-морской организации стало формирование экскурсий по Финскому заливу и Балтийскому морю для учащихся средних российских учебных заведений. С 1908 по 1914 г. летние обучающие плавания посетили сотни гимназистов, кадетов, учащихся реальных и коммерческих училищ. Многие из них впоследствии связали свой жизненный путь с военно-морской службой.

Для придания своей общественной деятельности большего резонанса правление Комитета морских экскурсий утвердило в российском военно-морском ведомстве в 1912 г. собственную форму одежды:

1) все постоянные члены Комитета морских экскурсий должны были носить специальную фуражку темно-синего цвета со сложной серебряной эмблемой общественной организации;

2) для учредителей и почетных пожизненных членов предлагался темно-синий пиджак с количеством нашивок, отражавших их иерархический статус среди других членов Комитета морских экскурсий;

3) определенное количество нашивок предназначалось для командира учебного судна, его старшего помощника и младшего механика [21, д. 15. л. 5];

4) для младших механиков полагался серебряный, а не золотой галун;

5) в свою очередь, членам правления Комитета морских экскурсий полагались золотые, а не темно-синие пуговицы;

6) для высшего руководства Комитета морских экскурсий в торжественных случаях предполагалась праздничная треуголка и фрак с отворотами, где располагалась эмблема общественной организации.

Наибольшее внимание правление Комитета морских экскурсий уделило форме воспитанников в период летних учебных плаваний по Финскому заливу и Балтийскому морю:

1) форменная белая рубашка нижних чинов Российского императорского флота;

2) форменные парусиновые башмаки нижних чинов Российского императорского флота;

3) форменные тельняшки нижних чинов Российского императорского флота;

4) форменные черные брюки нижних чинов Российского императорского флота.

Вероятно, такой набор предполагал для воспитанника учебного судна условия, максимально приближенные к реальной военно-морской службе.

Однако в случае посещения отечественного, а тем более иностранного порта воспитанник учебного судна надевал парадную форму, которая радикально преображала его внешний вид:

1) спортивная темно-синяя фуражка с серебряным значком общественной организации;

2) парадные белые брюки;

3) парадная белая рубашка с отложным воротником;

4) черный кушак для пояса;

5) длинный форменный темно-синий галстук.

На ленточках форменной фуражки гражданских лиц, находящихся в учебном плавании, писали их статус на судне Комитета морских экскурсий – воспитанник или экскурсант.

Интересно, что нижние чины учебных судов Комитета морских экскурсий и в плавании, и при посещении порта носили собственную стандартную военно-морскую форму [21, л. 6]. Как уже отмечалось выше, командный состав учебных судов тоже имел собственное улучшенное обмундирование, причем как рабочий, так и парадный вариант формы.

Единственным существенным отличием формы нижних чинов учебных судов стали надписи на бескозырках, обозначавшие их принадлежность к Комитету морских экскурсий, т. е. к общественной организации, а не военно-морскому флоту.

Еще одним важным отличием для Комитета морских экскурсий стал специальный отличительный знак, вручавшийся его членам, наиболее проявившим себя на поприще военно-морской пропаганды среди населения Российской империи. Однако существовал и ряд исключений для лиц, которым вручали упомянутый знак в любом случае:

1) лиц императорской фамилии;

2) видных адмиралов и офицеров;

3) частных лиц, предоставивших общественной организации весомые денежные пожертвования.

Упомянутый отличительный знак имел две степени – золотую и серебряную. Оба знака были выполнены в форме семиконечной звезды. Присутствовал на

них и морской якорь. В зависимости от степени отличительный знак различался и размерами. На нем выбивали девиз Комитета морских экскурсий: «Разделяя, море соединяет» [22, с. 146].

Для чеканки отличительных знаков правлению Комитета морских экскурсий пришлось даже провести дополнительный денежный сбор. Все получившие отличительный знак имели еще к нему именной диплом.

На награждение почетным знаком двух степеней Комитета морских экскурсий имели право:

1) учредители общественной организации;

2) покровители общественной организации;

3) пожизненные члены общественной организации;

4) почетные члены общественной организации;

5) ревнители общественной организации [23, л. 30–33].

Среди обладателей отличительного знака Комитета морских экскурсий были представители политической и общественной элиты Российской империи в начале XX в.

Отдельно для поклонников водного спорта и благотворителей предлагалось награждение специальным вымпелом Комитета морских экскурсий, который можно было поднимать на яхте или любом другом собственном плавучем средстве [21, л. 6].

Выводы

Таким образом, общественная военно-морская организация в начале XX в. обладала разветвленной системой символики, которую составляли: форменная одежда для ее членов, форменная одежда для командного состава нижних чинов, форменная одежда для нижних чинов учебных судов, форменная одежда для воспитанников в учебном плавании, форменная одежда для экскурсантов в учебном плавании, наградная система знаков отличия, наградные именные дипломы и специальные наградные вымпелы для маломерных плавсредств. Причем варианты форменной одежды для ряда членов Комитета морских экскурсий могли существовать в повседневном и парадном вариантах.

Подобный подход к символике и системе наград со стороны военно-морской общественной организации свидетельствует об активной деятельности правления Комитета морских экскурсий по популяризации названия общественной организации в Российской империи. Нельзя не отметить, что при выстраивании моделей форменной одежды и наградной системы руководство общественной военно-морской организации старалось учитывать интересы не только правящей элиты, но и широких слоев населения Российской империи.

Главной задачей российской военно-морской общественной организации являлось привлечение в её ряды новых сторонников. Речь шла, прежде всего, о молодых людях, получавших среднее образование. В период летних учебных плаваний происходила их профессиональная ориентация, и значительное количество практикантов выбирало в будущем карьеру на кораблях военно-морского или судах торгового флота. Здесь эффектная форменная одежда представляла собой дополнительный мотивирующий стимул для овладения основами военно-морского дела.

Список литературы

1. Абамелек-Лазарев С. С. Сказания иностранцев о русской армии в войну 1904–1905 гг. СПб.: Тип. «Родник», 1912. 301 с.

2. Азбелев И. П. Об образовании под флагом Российского морского союза приютов для мальчиков-бродяжек с целью подготовки личного состава для военного и коммерческого флота со специальными познаниями // Труды Российского морского союза. 1910. Вып. 1. С. 1–10.

3. Беклемишев Н. Н. Война на Дальнем Востоке: Отчет по стратегии занятиям 1900 г. на курсе военно-морских наук при Николаевской морской академии. СПб.: Тип. Мор. мин-ва, 1900. 178 с.

4. Беклемишев Н. Н. Воображаемая война России с Японией в декабре 1895 года: Стратегическая задача на Курсах военно-морских наук при Николаевской морской академии. СПб.: Тип. Морск. мин-ва, 1896. 31 с.

5. Беклемишев Н. Н. Значение фран-масонства для флота. СПб.: Экон. типолит., 1907. 16 с.

6. Беклемишев Н. Н. О корабле – школе юнгов: доклад Н. Н. Беклемишева. СПб.: Экон. типолит., 1910. 14 с.

7. Беклемишев Н. Н. О морской катастрофе. СПб.: Типолит. Шредера, 1907. 12 с.

8. Беклемишев Н. Н. О Русско-японской войне на море. СПб.: Типолит. Шредера, 1907. 110 с.

9. Белавенец П. И. Значение флота в истории России. СПб.: Якорь, 1909. 280 с.

10. Белавенец П. И. Значение флота в истории России. Пг.: Якорь, 1916. 304 с.

11. Белавенец П. И. Нужен ли нам флот и значение его в истории России. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. 280 с.

12. Добротворский Л. Ф. Какой флот необходим России? СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1904. 61 с.

13. Добротворский Л. Ф. Минный или слепой линейный флот? СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. 62 с.

14. Карлинский Н. Н. Какой России строить флот? // Труды Российского морского союза. 1908. Сентябрь–октябрь. С. 3–32.

15. Кладо Н. Л. Значение морской силы. СПб.: Экон. типолит., 1900. 10 с.

16. Кладо Н. Л. Сила и состав современного флота. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов., 1903. 74 с.

17. Гуринов С. Л. Разведывательные данные о японском флотоводце, контр-адмирале Сигэто Дева накануне Русско-японской войны 1904–1905 годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 4. С. 173–179.

18. Гуринов С. Л. Становление российской военно-морской разведки в Японии во второй половине XIX в. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т.11, № 1. С. 117–125.

19. Петербургский комитет морских экскурсий. Устав Комитета морских экскурсий. СПб., 1909. 4 с.

20. Отчет секретаря Комитета морских экскурсий за 1910-й год. СПб., 1910. 10 с.

21. РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-Морского флота). Ф. 1265. Оп. 1. Д. 15.

22. Доценко В. Д., Бойнович А. Д., Купрюхин В. А. Знаки и жетоны Российского императорского флота, 1696–1917. СПб.: Полигон, 2004. 240 с.

23. РГА ВМФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 8.

References

1. Abamelek-Lazarev S. S. Skazaniya inostrancev o russkoj armii v vojnu 1904–1905 gg. [Tales of foreigners about the Russian army in the war of 1904–1905]. St. Petersburg, Tip. "Rodnik" Publ., 1912. 301 p.

2. Azbelev I. P. Ob obrazovanii pod flagom Rossijskogo morskogo soyuza priyutov dlya mal'chikov-brodyazhek s cel'yu podgotovki lichnogo sostava dlya voennogo i kommercheskogo flota so special'nymi poznaniyami [About the formation of shelters for vagrant boys under the flag of the Russian Maritime Union in order to train personnel for the military and commercial fleet with special knowledge]. *Trudy Rossijskogo morskogo soyuza = Proceedings of the Russian Maritime Union*, 1910, is. 1, pp. 1–10.

3. Beklemishev N. N. Vojna na Dal'nem Vostoke: Otchet po strategii zanyatiyam 1900 g. na kurse voenno-morskih nauk pri Nikolaevskoj morskoj akademii [The War in the Far East: A report on the strategy of classes in 1900 at the course of Naval Sciences at the Mykolaiv Naval Academy]. St. Petersburg, Tip. Mor. min-va, 1900. 178 p.

4. Beklemishev N. N. Voobrazhaemaya vojna Rossii s Yaponiej v dekabre 1895 goda: Strategicheskaya zadacha na Kursah voenno-morskih nauk pri Nikolaevskoj morskoj akademii [The imaginary war of Russia with Japan in December 1895: A strategic task at the Courses of Naval Sciences at the Nikolaev Naval Academy]. St. Petersburg, Tip. Morsk. min-va, 1896. 31 p.

5. Beklemishev N. N. Znachenie fran-masonstva dlya flota [The importance of Freemasonry for the Navy]. St. Petersburg, Ekon. tipolit., 1907. 16 p.

6. Beklemishev N. N. O korable – shkole yungov: doklad N. N. Beklemisheva [About the Jung School ship: a report by N. N. Beklemishev]. St. Petersburg, Ekon. tipolit., 1910. 14 p.

7. Beklemishev N. N. O morskoj katastrofe [About the sea disaster]. St. Petersburg, Tipolit. Shredera, 1907. 12 p.

8. Beklemishev N. N. O Russko-yaponskoj vojne na more [About the Russian-Japanese war at sea]. St. Petersburg, Tipolit. Shredera, 1907. 110 p.

9. Belavenec P. I. Znachenie flota v istorii Rossii [The importance of the fleet in the history of Russia]. St. Petersburg, Yakor' Publ., 1909. 280 p.

10. Belavenec P. I. Znachenie flota v istorii Rossii [The importance of the fleet in the history of Russia]. Petrograd, Yakor' Publ., 1916. 304 p.

11. Belavenec P. I. Nuzhen li nam flot i znachenie ego v istorii Rossii [Do we need a fleet and its significance in the history of Russia]. St. Petersburg, T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1910. 280 p.

12. Dobrotvorskij L. F. Kakoj flot neobhodim Rossii? [What kind of fleet does Russia need?]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1904. 61 p.

13. Dobrotvorskij L. F. Minnyj ili slepoj linejnyj flot? [Mine or blind battle fleet?]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1908. 62 p.

14. Karlinskij N. N. Kakoj Rossii stroit' flot? [What kind of Russia should build a fleet?]. *Trudy Rossijskogo morskogo soyuza = Proceedings of the Russian Maritime Union*, 1908, September-Oktober, pp. 3–32.

15. Klado N. L. Znachenie morskoj sily [The value of sea power]. St. Petersburg, Ekon. tipolit., 1900. 10 p.

16. Klado N. L. Sila i sostav sovremennogo flota [The strength and composition of the modern fleet]. St. Petersburg, Tip. Gl. upr. udelov, 1903. 74 p.

17. Gurinov S. L. Razvedyvatel'nye dannye o yaponskom flotovodce, kontr-admirale Sigeto Deva nakanune Russko-yaponskoj vojny 1904–1905 godov [Intelligence data about the Japanese naval commander, Rear Admiral Shigeto Deva on the eve of the Russian-Japanese War of 1904-1905]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo =*

Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 2019. vol. 9, no. 4, pp. 173–179.

18. Gurinov S. L. Stanovlenie rossijskoj voenno-morskoj razvedki v Yaponii vo vtoroj polovine XIX v. [The formation of Russian naval intelligence in Japan in the second half of the XIX century]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 117–125.

19. Peterburgskij komitet morskih ekskursij. Ustav Komiteta morskih ekskursij [St. Petersburg Committee of Sea Excursions. Charter of the Committee of Sea Excursions]. St. Petersburg, 1909. 4 p.

20. Otchet sekretarya Komiteta morskih ekskursij za 1910-j god [Report of the Secretary of the Committee of Sea Excursions for 1910]. St. Petersburg, 1910. 10 p.

21. RGA VMF (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voenno-Morskogo Flota) [Russian State Archive of the Navy], f. 1265, op. 1, d. 15.

22. Docenko V. D., Bojnovich A. D., Kupryuhin V. A. Znaki i zhetony Rossijskogo imperatorskogo flota [Signs and tokens of the Russian Imperial Navy], 1696–1917. St. Petersburg, Poligon Publ., 2004. 240 p.

23. RGA VMF, f. 1265, op. 1, d. 8.

Информация об авторе / Information about the Author

Лысак Татьяна Николаевна, аспирант, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: tatyana_lysak@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-3733-4357

Tatyana N. Lysak, Post-Graduate Student, Voronezh State University Agricultural University named after Emperor Peter I, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: tatyana_lysak@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-3733-4357

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-260-273

CC BY 4.0

Детские музыкальные школы Среднего Поволжья в 50–60-е годы XX века

И. Н. Суетин[1] ✉

[1]Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова
площадь Ленина 4/5, г. Ульяновск 432071, Российская Федерация

✉ e-mail: piazzolla73@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В Российской Федерации на современном этапе остаются нерешенными ряд проблем в образовательной сфере, в частности на уровне учреждений дополнительного образования детей и взрослых. Прогрессивным изменениям в данной области может помочь изучение и дальнейшее внедрение в практику опыта предшествующих поколений.*

Цель *настоящей статьи состоит в исторической реконструкции особенностей организации и функционирования детских музыкальных школ Среднего Поволжья в 1950–60-е годы.*

Задачи исследования: *проанализировать актуальные для 50–60-х годов XX столетия нормативные правовые акты в сфере отечественного образования в целом и музыкального образования в частности; изучить опубликованные и неопубликованные материалы, содержащие информацию об особенностях организации образовательной деятельности и учебно-воспитательного процесса в детских музыкальных школах Среднего Поволжья в 1950–60-е годы; выявить степень эффективности функционирования детских музыкальных школ Среднего Поволжья в 50–60-е годы XX века.*

Методология. *Источниковая база исследования включает опубликованные материалы (нормативные правовые акты, сборники документов, научные труды) и материалы архивов. В работе использовались научные методы, характерные для исторических исследований: историко-генетический, сравнительно-исторический и др.*

Результаты. *Исследование показало, что в 1950–60-е годы в детских музыкальных школах Среднего Поволжья на высоком уровне осуществлялась организация учебно-образовательного процесса. Изучение опубликованных источников и архивных документов позволило выявить степень эффективности функционирования детских музыкальных школ региона в 50–60-е годы XX столетия.*

Вывод. *Результаты исследования могут выступать базой для дальнейшего изучения проблемы организации и развития музыкально-образовательных учреждений в России и послужить совершенствованию системы музыкального образования в отдельных регионах страны на современном этапе с учетом исторического опыта.*

Ключевые слова: *детские музыкальные школы; учебно-образовательный процесс; Среднее Поволжье.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Суетин И. Н. Детские музыкальные школы Среднего Поволжья в 50–60-е годы XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 260–273. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-260-273.

Поступила в редакцию 12.08.2021 Принята к публикации 16.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Суетин И. Н., 2021

Children's Music Schools of Middle Volga in the 50s – 60s of the XX Century

Ilya N. Suetin[1] ✉

[1]Ulyanovsk State Pedagogical University I. N. Ulyanova
4/5 Lenin square, Ulyanovsk 432071, Russian Federation

✉ e-mail: piazzolla73@gmail.com

Abstract

Relevance. *In the Russian Federation at the present stage, a number of problems in the educational sphere are not resolved, in particular, at the level of institutions of additional education of children and adults. Progressive changes in this area can help study and further implementation in the practice of the experience of previous generations.*

The purpose of this article *consists in the historical reconstruction of the characteristics of the organization and functioning of children's music schools of the Middle Volga region in the 1950s – 1960s.*

The objectives of the study: *to analyze the regulatory legal acts in the field of domestic education as a whole and musical education for the 1950s – 1960s in general, in particular; explore published and unpublished materials containing information on the peculiarities of organizing educational activities and the educational process in children's Middle Volga Schools in the 1950s – 1960s; to identify the effectiveness of the functioning of children's music schools of the Middle Volga region in the 1950s – 1960s.*

Materials and methodology. *Source research base includes published materials (regulatory legal acts, collections of documents, scientific works) and archives materials. The paper used scientific methods characteristic of historical research: historical and genetic, comparative historical and other.*

Results. *The study showed that in the 1950s – 1960s, an educational and educational process was carried out at high levels of the Middle Volga region at a high level. The study of published sources and archival documents made it possible to reveal the effectiveness of the functioning of children's music schools in the 1950s – 1960s.*

Conclusion. *The results of the study may act as a basis for further studying the problem of organizing and developing music and educational institutions in Russia and serve as an improvement in the system of musical education in certain regions of the country at the present stage, taking into account historical experience.*

Keywords: *children's music schools; educational process; 1950s - 1960s; the average Volga region.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Suetin I. N. Children's Music Schools of Middle Volga in the 50s - 60s of the XX Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 260–273. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-260-273.

Received 12.08.2021 Accepted 16.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

На сегодняшний день в России не решены многие проблемы в области образования, в том числе в сфере дополнительного образования творческой направленности. Исследователь О. В. Стульникова в целях совершенствования системы отечественного образования на современном этапе предлагает пересмотреть отношение государства к решению вопроса общедоступности образования, улучшения качества обучения и воспитания на всех его ступенях, повышения эффективности муниципального и государственно-общественного управления в данной сфере, удовлетворения потребности в его бюджетном финансировании [1, с. 3–4]. Отечественный правовед Д. А. Пашенцев считает, что позитивным изменениям в данной сфере мешают недофинан-

сирование и коррупция. По мнению ученого, не полностью решены и другие задачи: создание доступности образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья; осуществление гарантий в области общедоступности и бесплатности образования; искоренение дискриминации в сфере образования по религиозному, имущественному, национальному, социальному и иным признакам [2, с. 10–12]. Очевидно, что требуется разработка эффективной государственной стратегии, направленной на совершенствование системы образования, способствующей развитию и сбалансированной работе образовательных учреждений.

Цель настоящей статьи состоит в исторической реконструкции особенностей организации и функционирования детских музыкальных школ Среднего Поволжья в 1950–60-е годы.

Методология

Источники настоящего исследования представлены документами из хранилищ государственных и муниципальных архивов Среднего Поволжья и опубликованными материалами. Работа проводилась с опорой на научные методы, характерные для исторических исследований (сравнительно-исторический, историко-генетический и др.).

Результаты и их обсуждение

В 1950–60-е гг. в стране происходило интенсивное развитие сельского хозяйства и промышленности, культуры и науки, быстрыми темпами улучшалось материальное благосостояние трудящихся. Все это стало возможным в том числе благодаря государственной политике, направленной на совершенствование системы образования, удовлетворение потребностей советских граждан в доступном и качественном просвещении и образовании, нормативно-правовому регулированию в данной сфере.

Базовые положения в сфере советского образовательного права в этот период содержались в ст. 121 Конституции СССР 1936 г. Согласно Основному Закону страны: «Граждане СССР имеют право на образование. Это право обеспечивается всеобще-обязательным восьмилетним образованием, широким развитием среднего общего политехнического образования, профессионально-технического образования, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством, всемерным развитием вечернего и заочного образования, бесплатностью всех видов образования, системой государственных стипендий, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся»[1]. Идентичные положения можно увидеть в Конституции РСФСР 1937 г. (ст. 125)[2].

Важную роль для развития системы отечественного образования имело принятие в 1958 г. Закона СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». В документе отмечалось: «В СССР осуществлена подлинная культурная революция. Советская школа сыграла в ней решающую роль, способствовала подъему культуры народов нашей многонациональной Родины. В результате последовательного осуществления ленинской национальной политики все народы в Советской стране имеют школу на родном языке, для всех открыт широкий доступ к просвещению и культуре, осуществлено всеобщее семилетнее обучение, широкое развитие получило среднее, профессионально-техническое и высшее образование, небывалыми тем-

[1] Конституция СССР (Основной закон) от 5 декабря 1936 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4094.htm (дата обращения: 29.07.2021).

[2] Конституция РСФСР (Основной закон) от 21 января 1937 г. URL: https://consti-tution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/ (дата обращения: 29.07.2021).

пами развиваются наука, литература, искусство»[1]. Вместе с тем в настоящем законе перечислялись и недостатки: «Несмотря на выдающиеся достижения в развитии советской школы и в подготовке кадров специалистов для всех отраслей народного хозяйства и культуры, наша общеобразовательная, средняя специальная и высшая школы отстают от требований коммунистического строительства, имеют серьезные недостатки. Главным из них является известный отрыв обучения от жизни, слабая подготовленность оканчивающих школы к практической деятельности» [1].

Детские музыкальные школы Среднего Поволжья до 1953 г. курировались комитетом по делам искусств при Совете Министров РСФСР, а впоследствии Министерством культуры РСФСР. Согласно Положению о Министерстве культуры РСФСР[2], данная структура осуществляла руководство развитием театрального, музыкального, хореографического, изобразительного, декоративно-прикладного, эстрадного искусства и культурно-просветительной работой в РСФСР. В докладе директора детской музыкальной школы № 1 г. Казани Р. Л. Полякова 1957 г., посвященному двадцатипятилетнему юбилею учебного заведения, отмечалось: «Вступая во вторую четверть века своего существования, которая совпадает со знаменательной датой 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, детская музыкальная школа №1 ставит перед собой задачу – неустанно трудиться над повышением своего мастерства в деле воспитания учащихся, будущих строителей коммунизма, которые должны знать лучшие традиции классической музыки, понимать высокие идейно-художественные цели искусства социалистического реализма» [3, л. 76].

Итак, анализ документов показал, что на законодательном уровне в 1950–60-х гг. декларировались: всеобщность и общедоступность образования; осуществление образовательной деятельности в соответствии с принципами связи обучения с жизнью, непрерывности и преемственности образовательных программ. Правительственная политика по нормативному регулированию в образовательной сфере была направлена на предоставление образовательного продукта высокого качества, воспитание учащихся в духе советской идеологии. Обучающимся государственных образовательных учреждений, в том числе музыкального профиля, гарантировались: высокий уровень материально-технического оснащения учебной деятельности; осуществление процесса обучения с опорой на свободу творчества; содействие в продолжении профессионального образования.

Определить эффективность подходов к организации образовательной деятельности в детских музыкальных школах Среднего Поволжья в 50–60-е годы XX века поможет изучение архивных документов и опубликованных материалов. Есть сведения, что учебные заведения региона в этот период испытывали трудности с удержанием контингента. Согласно архивным документам, в Володарской детской музыкальной школе г. Ульяновска (1954 г.) значительный отсев учащихся происходил из-за отсутствия у них собственного музыкального инструмента [4, л. 28].

Известно, что в Ульяновской городской детской музыкальной школе №1 в 1955/1956 учебном году существовала нехватка педагогов по классам фортепиано, баяна, теории музыки, поэтому педагогическая нагрузка у имеющихся преподавателей была завышенной, что мешало полноценной работе по сохранности контингента [5, л. 17]. Показатели отсева

[1] Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР: Закон СССР от 24 декабря 1958 г. URL: http://www. libussr.ru/doc_ussr/usr_5337.htm (дата обращения: 29.07.2021).

[2] Положение о Министерстве культуры РСФСР: [утв. Постановлением Совета Министров РСФСР 25 декабря 1970 г. № 720]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_7450.htm (дата обращения: 29.07.2021).

обучающихся в детских музыкальных школах г. Ульяновска в 1954/1955 и 1968/1969 учебных годах (рис. 1) [4, л. 181; 6, л. 1; 7, л. 13; 8, л. 1] указывают на то, что положение дел по данному направлению с течением времени только усугублялось.

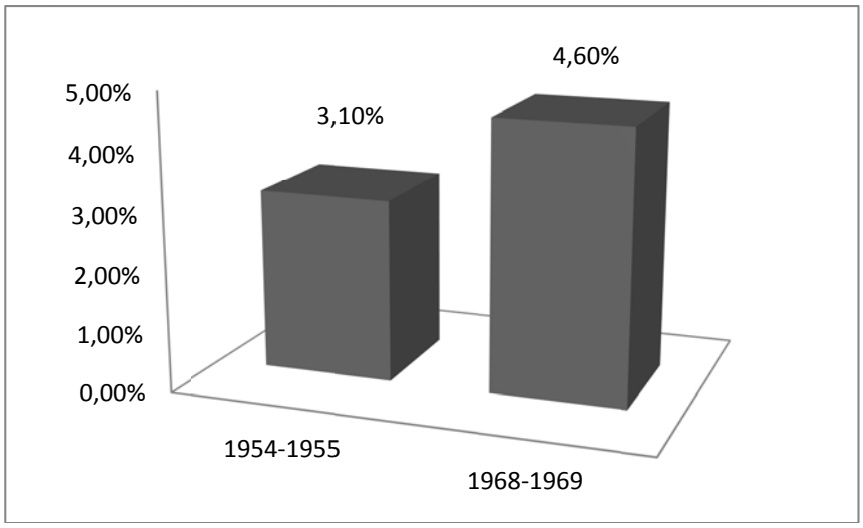

Рис. 1. Показатели отсева контингента учащихся в детских музыкальных школах г. Ульяновска в 1954/1955 и 1968/1969 учебных годах

Fig. 1. Account indicators of student contingent in children's music schools Ulyanovsk in 1954/1955 and 1968/1969 academic years

В справке о работе детских музыкальных школ г. Казани от 21 марта 1956 г. содержится информация о том, что в учебных заведениях существовал ряд проблем, связанных с организацией образовательной деятельности и учебно-воспитательного процесса: «Методические объединения еще не стали центром организации методической работы школ, работу проводят периодически и не оказывают должную повседневную методическую помощь школам. Неудовлетворительно организован контроль со стороны директоров, завучей школ и отдела культуры за качеством преподавания уроков, а также недостаточно ведется работа с молодыми педагогами по повышению качества преподавания отдельных дисциплин. Большой ущерб в постановке учебно-воспитательной работы наносит массовое совместительство педагогов и директоров школ. Музыкальное училище и консерватория не оказывают помощь школам в вопросах повышения квалификации педагогов и методической работе. В некоторых школах родительские комитеты работают неудовлетворительно, на них редко ставятся вопросы о воспитании учащихся. Установлены случаи, когда отдельные педагоги преподавания уроков проводят меньше 45 минут, записи педагогами в дневниках иногда делаются небрежно, неразборчиво, педагоги и директора школ мало бывают на дому у учащихся. Открытые уроки, как правило, проводятся силами опытных педагогов старшего поколения, молодыми педагогами они проводятся редко. Школы недостаточно имеют репертуар произведений татарских композиторов, а имеющийся репертуар зачастую используется в неизданном виде и при исполнении теряет художественную ценность. Средств на издание детского татарского репертуара отдел культуры не имеет, а Союз советских композиторов этим вопросом не занимается на протяжении ряда лет. Школы имеют большую нужду в музыкальных

инструментах, особенно в роялях и баянах. Существует необходимость в капитальном ремонте существующего музыкального инвентаря. Школы работают в стесненных производственных условиях, отсутствует возможность организовать дополнительные учебные классы и обеспечить нормальную организацию учебного процесса» [9, с. 150–151].

Таким образом, можно выделить следующие проблемы в работе детских музыкальных школ Среднего Поволжья 1950–60-х гг., которые препятствовали эффективной реализации права обучающихся на образование: кадровая неукомплектованность; недостаточный уровень выполнения учебной нагрузки педагогическими работниками, перегруженность работающих преподавателей (большой объем внутреннего и внешнего совместительства), некомпетентность педагогического персонала и халатность в работе преподавателей; недостаточность материально-технического оснащения образовательной деятельности и учебно-воспитательного процесса (отсутствие необходимого числа (необходимой площади) учебных и концертных аудиторий, дефицит музыкальных инструментов, неукомплектованность библиотек и др.).

Несмотря на существование недостатков в работе детских музыкальных школ региона, исследованием было установлено, что усилия государства, руководителей и педагогических работников учебных заведений в этот период были направлены на решение существующих проблем. В частности, был реализован принцип общедоступности образования. На фоне урбанизации и роста численности населения страны[1] в этот период остро стоял вопрос, связанный с расширением сети образовательных учреждений, в частности в малых городах и сельской местности. Так, на сессии Верховного Совета РСФСР в октябре 1960 г. обсуждался вопрос «О состоянии и мерах по улучшению культурного обслуживания сельского населения РСФСР», по итогам которой было принято решение в ближайшие пять лет организовать в каждом районном центре и крупном поселке детскую музыкальную школу с отделением для взрослых и обеспечить данные образовательные организации необходимыми кадрами [10, с. 43]. Анализ статистических сведений показал, что данная задача постепенно решалась. Если к концу 1950-х гг. в СССР функционировало 816 детских музыкальных школ [11, с. 179], то к началу 1970-х гг. в стране насчитывалось 5234 подобных учреждения [10, с. 43].

Если в 1950-х гг. детские музыкальные школы в Среднем Поволжье существовали в основном в городах или крупных районных центрах (до 1959 г. в Ульяновской области подобные учебные заведения существовали только в городах Ульяновске, Мелекессе, Барыше) [12, с. 309]; к 1957 г. в Татарской АССР из 17-ти подобных учреждений 9 находилось в г. Казани и 8 в районных центрах (Альметьевске, Бавлах, Бугульме, Буинске, Зеленодольске, Лениногорске, Мензелинске, Чистополе) [9, с. 153–154]), то к концу 1960-х гг. ситуация изменилась. Согласно статистике с 1950-го по 1970-й г. в Ульяновской области количество детских музыкальных школ увеличилось в 10 раз (рис. 2), подобные учреждения появились во всех районных центрах и крупных поселках [12, с. 309–310]. В Чувашской АССР в 1950–60-е гг. было открыто 24 подобных учреждения, а общая их численность увеличилась в 9 раз (рис. 3) [13, с. 142]. Таким образом, в этот период проблема общедоступности начального музыкального образования в Среднем Поволжье решалась эффективно.

[1] СССР. Население. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/106/951.htm (дата обращения: 29.07.2021).

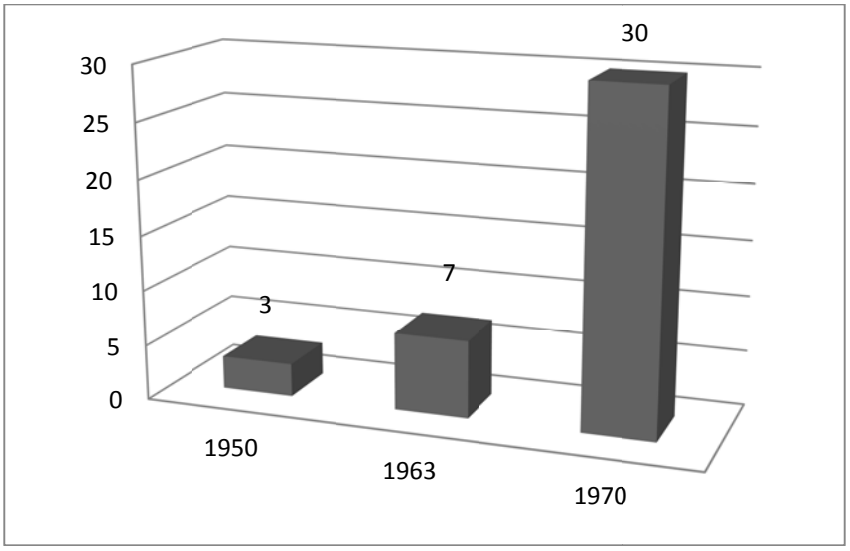

Рис. 2. Динамика численности детских музыкальных школ в Ульяновской области с 1950-го по 1970-й год

Fig. 2. Dynamics of children's music schools in the Ulyanovsk region from 1950s to 1970

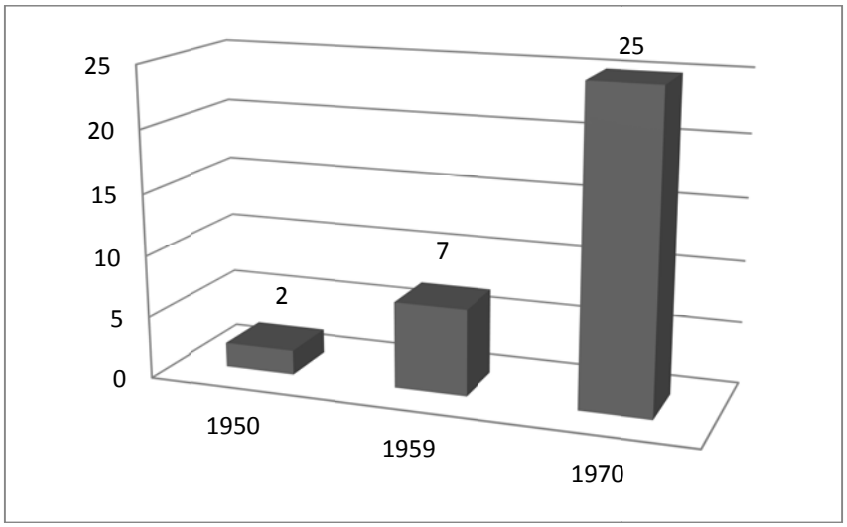

Рис. 3. Динамика численности детских музыкальных школ в Чувашской АССР с 1950-го по 1970-й год

Fig. 3. Dynamics of children's music schools in the Chuvash ASSR from 1950s to 1970

Реализовать принцип непрерывности образования стало возможным благодаря различным направлениям деятельности руководящих и педагогических работников детских музыкальных школ региона: музыкально-просветительской работе, профориентационным мероприятиям, сотрудничеству со внешними профильными учебными заведениями, работе с контингентом и др. Согласно отчету детской музыкальной школы г. Мелекесса, в 1963/1964 учебном году при активном участии педагогического коллектива образовательной организации проводилась работа по повышению качества эстетического воспитания обучающихся общеобразовательных организаций муниципалитета. Лекциями и концертами было охвачено большинство местных средних школ. Был разработан и регулярно организовывался семинар для работников школьных учреждений, учителей младших классов, на котором разучивались песни, читались лекции об искусстве,

проводились практические занятия [4, л. 35]. Известно, что в детской музыкальной школе р. п. Чердаклы Ульяновской области в 1969 г. музыкально-просветительские и профориентационные мероприятия были организованы в общеобразовательных организациях, на предприятиях по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции [15, л. 35–36].

Одним из доказательств эффективности функционирования детских музыкальных школ Среднего Поволжья в 1950–60-е гг. является качество образовательных услуг, которое зависело от многих факторов. Во-первых, от профессионального уровня педагогических работников. Есть сведения, что к середине 1950-х гг. значительный процент преподавателей подобных учебных организаций региона не имел завершенного профессионального образования – статистика по учебным заведениям г. Ульяновска [16, л. 171; 17, л. 110] и г. Казани [9, с. 149] представлена на диаграммах (рис. 4–5). Впоследствии (вторая половина 1950–60-е гг.) происходит повышение образовательного уровня педагогов детских музыкальных школ, что подтверждает статистика по учебным заведениям г. Ульяновска [5, л. 41; 6, л. 45; 16, л. 60, 171; 17, л. 110] (рис. 6).

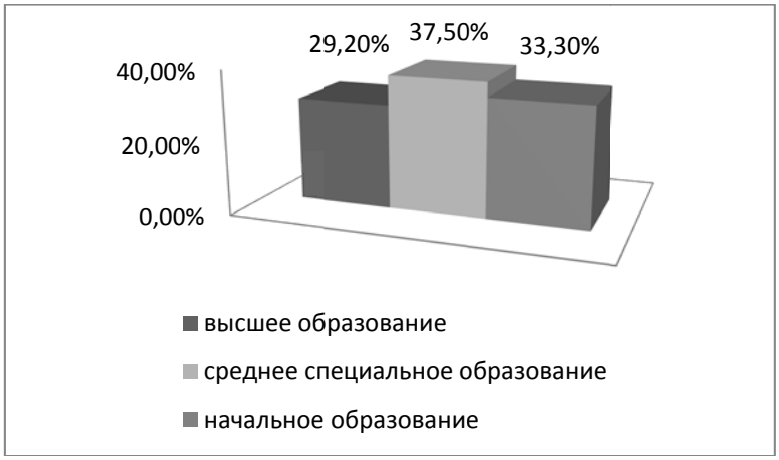

Рис. 4. Особенности профессионального ценза педагогов детских музыкальных школ г. Ульяновска (1954–1955 гг.)

Fig. 4. Features of the professional cencing of teachers of children's music schools of Ulyanovsk (1954–1955)

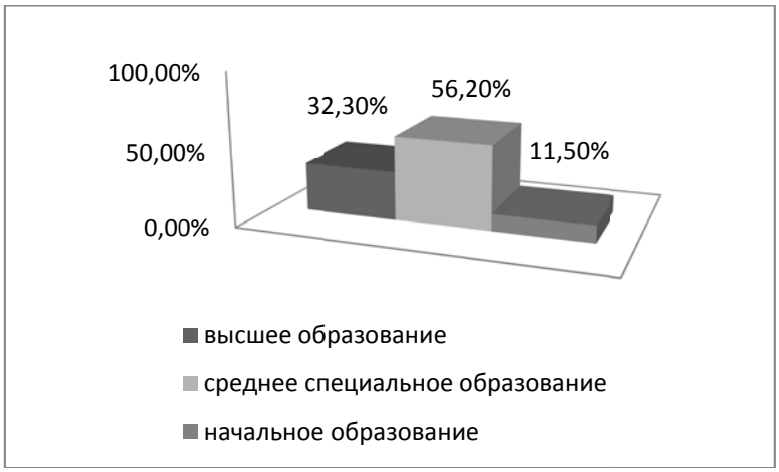

Рис. 5. Особенности профессионального ценза педагогов детских музыкальных школ г. Казани (1956 г.)

Fig. 5. Features of the professional cencing of teachers of children's music schools of Kazan (1956)

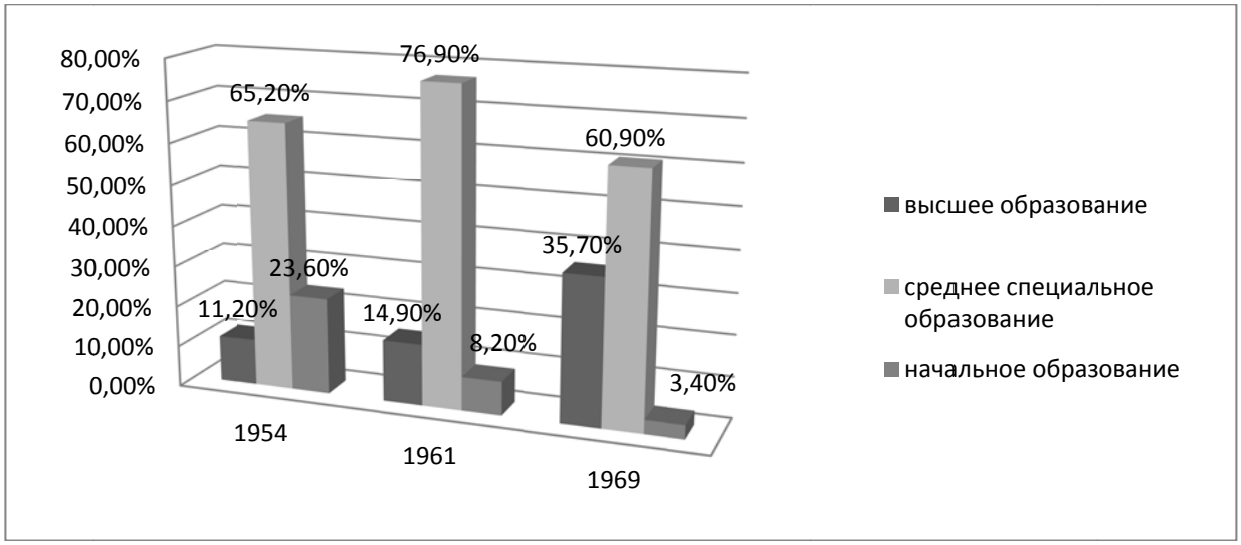

Рис. 6. Динамика образовательного уровня педагогов детских музыкальных школ г. Ульяновска (1954–1969 гг.)

Fig. 6. Dynamics of educational level of teachers of children's music schools of Ulyanovsk (1954–1969)

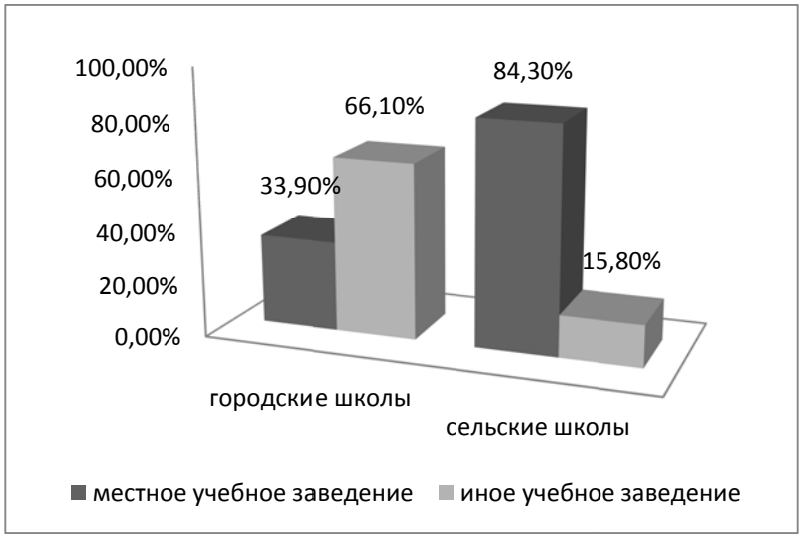

Рис. 7. География получения образования педагогами городских и сельских детских музыкальных школ Ульяновской области в 1963–1969 гг.

Fig. 7. Geography of obtaining education by teachers of urban and rural children's music schools of the Ulyanovsk region in 1963–1969

В 1960-х гг. значительный процент педагогического персонала детских музыкальных школ, особенно в сельской местности, был представлен выпускниками местных средних специальных учебных заведений. Статистические данные по учебным заведениям Ульяновской области 1963–1969 гг. [7, л. 60–61; 11, л. 55–57; 18, л. 2; 19, л. 7–10; 20, л. 19; 21, л. 93] позволили вывести следующую диаграмму (рис. 7).

Во-вторых, повышению качества оказываемых образовательных услуг в детских музыкальных школах региона способствовало усовершенствование программного обеспечения. В начале 1950-х гг. появились типовые учебные планы по всем

направлениям подготовки. В частности, учебные планы 1951 г. по специальностям «Контрабас» и «Духовые и ударные инструменты» были рассчитаны на 4 года обучения и подразумевали прохождение следующего набора дисциплин: «Специальный класс», «Элементарная теория музыки», «Сольфеджио», «Хоровой класс», «Оркестровый класс», «Общее фортепиано», «Музыкальная литература». Следует отметить, что значительный объем часов отводился на «Специальный класс» и «Оркестр». По многим предметам предусматривалось прохождение промежуточной аттестации в форме экзамена [4, л. 175–176]. Учащиеся по классам народных инструментов и арфы обучались 5 лет. Особенностями данных курсов являлось то, что экзамены по оркестру и хору не проводились, а аттестацию воспитанников преподаватель мог проводить самостоятельно (без комиссии). Наиболее способные учащиеся в обязательном порядке посещали оркестр, но по желанию проходили такие дисциплины, как хор и ансамбль [4, л. 177–178].

Учебный план 1961 г. переориентировал направленность работы детских музыкальных школ страны в сторону массового общего музыкального образования. Значительное количество часов отводилось таким дисциплинам, как игра в ансамбле, чтение нот с листа, аккомпанирование. В некоторых классах были отменены переводные экзамены и зачеты. С 1967 г. был утвержден новый план, который вводил в учебный процесс факультативы (дирижирование, хор и др.). По всем дисциплинам учебного плана существовали типовые учебные программы: «Музыкальная литература» (1967), «Сольфеджио» (1967), «Специальное фортепиано» (1968), «Сольное пение. Вокальный ансамбль» (1968) и др.

В-третьих, на повышение качества образования повлияло совершенствование методической работы педагогов. Так, в 1966/1967 учебном году в детской музыкальной школе р. п. Карсун (Ульяновская область) регулярно проводились открытые уроки и взаимопосещения занятий. Преподаватели изучали периодическую печать (газеты, журналы), содержащую статьи по актуальным проблемам методики преподавания («Советская культура», «Советская музыка», «Музыкальная жизнь») [20, л. 54–55]. Чтение лекций на методические темы и взаимопосещения занятий были характерны для педагогов р. п. Тереньга Ульяновской области (1968–1969 гг.). Преподавателей, в частности, интересовали темы, связанные со значением ансамблевой игры в воспитании учащихся, особенностями работы с начинающими пианистами, постановочными моментами в обучении игре на домре, методикой записи музыкального диктанта [21, л. 7–10; 22, л. 55–57].

Педагоги некоторых учебных заведений разрабатывали и внедряли авторские методики. Например, в детской музыкальной школе №1 г. Ульяновска в 1965/1966 учебном году применяли слуховой метод обучения в начальных классах (первом и втором). Ознакомившись с опытом детской музыкальной школы №31 Фрунзенского района г. Ленинграда педагоги Р. А. Фахрутдинов и Ф. М. Дерябина на каждом уроке стали уделять часть времени подбору по слуху. Позже преподаватели провели показательный урок, на котором подбирали на слух с учениками первого класса. Проверка подтвердила пользу данного метода: он способствовал развитию слуха, прививал любовь к музыке, вырабатывал самостоятельность в выучивании произведения [23, л. 8].

В детской музыкальной школе р. п. Карсун Ульяновской области в 1966/1967

учебном году проводилась работа по развитию у учащихся самостоятельного мышления. Для этого им каждую четверть педагоги давали произведения для самостоятельного разбора и разучивания. На классных собраниях после они исполняли эти произведения, проводили анализ своей игры. В этом им помогали преподаватели [20, л. 54–55].

Показательным примером может быть опыт организации работы педагогов детской музыкальной школы р. п. Чердаклы Ульяновской области Т. Ф. Гордеевой и Н. П. Замковой в 1969 г. Из отчета учебного заведения следует, что у каждого учащегося имелся собственный индивидуальный план и характеристика музыкальных способностей. План был составлен на основе типовой программы по специальному инструменту (баяну) для учреждения начальной музыкальной профессиональной подготовки. На уроках педагоги значительное время уделяли работе над упражнениями, этюдами, гаммами, произведениями классической, народной и советской музыки. Пристальное внимание уделялось правильной работе меха и пальцев, фразировке произведения, развитию чувства ритма и выразительности исполнения. Перед тем как работать над полным исполнением произведений обеими руками одновременно, в младших классах пьесы разучивались отдельно правой и левой рукой. Практиковались подбор произведений по слуху и чтение нот с листа. Регулярность приобрели занятия в оркестре [24, л. 15].

Помимо вышеперечисленных направлений по организации образовательной деятельности, реализации права обучающихся на образование способствовала работа педагогов с родителями обучающихся. Так, преподаватели детской музыкальной школы р. п. Карсун Ульяновской области (1966/1967 учебный год) часто посещали родителей учеников на дому с целью проведения разъяснительных бесед. Кроме того, педагогами выявлялись условия, созданные родителями для домашних репетиций учащихся [20, л. 55]. В детской музыкальной школе р. п. Тереньга Ульяновской области (1969 г.) с целью увеличения контроля за воспитанниками проводились регулярные встречи с родителями. На собраниях обсуждались вопросы посещаемости, успеваемости и дисциплины (непосредственно каждого ученика). В начале учебного года был выбран родительский комитет, призванный помогать в работе педагогического персонала. На мероприятия данного общественного объединения приглашали тех родителей, чьи дети систематически пропускали занятия, имели слабую предпрофессиональную подготовку [21, л. 3].

Выводы

В 1950–60-е гг. к основным механизмам повышения эффективности организации образовательной деятельности и учебно-воспитательного процесса в детских музыкальных школах Среднего Поволжья относились: решение проблемы общедоступности образования (расширение сети учебных заведений), что позволило удовлетворить растущие потребности населения региона в доступном музыкальном образовании, как в городах, так и в сельской местности; создание условий для непрерывности процесса получения образования, что выражалось в музыкально-просветительской пропаганде и профориентационных мероприятиях среди учащихся, сотрудничестве с профильными учреждениями, наставничестве; повышение качества образовательной деятельности и учебно-воспитательного процесса, связанных с ростом профессионального уровня педагогических работников, усовершенствованием программного обеспечения, увеличением требований к учебной и воспитательной деятельности преподавателей (методической работе, работе с родителями обучающихся, внеклассной работе).

Список литературы

1. Стульникова О. В. Конституционное право граждан на образование и проблемы его реализации в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 225 с.

2. Пашенцев Д. А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 8–13.

3. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1297. Оп. 1. Д. 67.

4. УГА (Ульяновский городской архив). Ф. 12. Оп. 1. Д. 9.

5. УГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 19.

6. УГА. Ф. 12. Оп. 2. Д. 6.

7. УГА. Ф. 12. Оп. 2. Д. 9.

8. УГА. Ф. 12. Оп. 2. Д. 14.

9. Развитие музыкального образования в Татарстане: сборник документов / отв. сост. Л. В. Горохова; сост.: О. В. Федотова, Н. А. Шарангина; под общ. ред. Д. И. Ибрагимова. Казань: Гл. арх. упр-е при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2011. 216 с.

10. Волк П. Л. Парадоксы музыкального образования в России (анализ системы с 30-х г. по 90-е г. XX в.) // Искусство и образование. 1999. № 2. С. 42–47.

11. Аракелова А. О. О развитии начального музыкального образования в России // Проблемы музыкальной науки. 2012. № 1(10). С. 176–181.

12. Суетин И. Н. Система музыкального профессионального образования в России в XX веке (на материалах Симбирской губернии – Ульяновской области): дис. … канд. пед. наук. Ульяновск, 2014. 310 с.

13. Иванова Н. И. Историко-педагогический анализ развития музыкального образования в Чувашии второй половины XIX-XX веков: дис. … канд. пед. наук. Чебоксары, 2004. 243 с.

14. ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. Р-3049. Оп. 3. Д. 16.

15. Муниципальный архив Чердаклинского района Ульяновской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 21.

16. УГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 8.

17. УГА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12.

18. ГАУО. Ф. Р-3920. Оп. 1. Д. 4.

19. ГАУО. Ф. Р-3920. Оп. 1. Д. 6.

20. Муниципальный архив Карсунского района Ульяновской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2.

21. Муниципальный архив Тереньгульского района Ульяновской области. Ф. 44. Оп. 1. Д. 72.

22. Муниципальный архив Тереньгульского района Ульяновской области. Ф. 44. Оп. 1. Д. 78.

23. ГАУО. Ф. Р-3049. Оп. 3. Д. 34.

24. Муниципальный архив Чердаклинского района Ульяновской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 92.

References

1. Stul'nikova O. V. Konstitucionnoe pravo grazhdan na obrazovanie i problemy ego realizacii v sub"ektah Rossijskoj Federacii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [The constitutional right of citizens to education and the problems of its implementation in the subjects of the Russian Federation. Cand. legal sci. abstract diss.]. Saratov, 2008. 225 p.

2. Pashencev D. A. Pravo na obrazovanie i problemy ego realizacii [The right to education and the problems of its realization]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences*, 2014, no. 2, pp. 8–13.

3. Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan [National Archive of the Republic of Tatarstan]. F. R-1297, op. 1, d. 67.

4. UGA (Ul'yanovskij gorodskoj arhiv) [Ulyanovsk City Archive], f. 12, op. 1, d. 9.

5. UGA, f. 12, op. 1. d. 19.

6. UGA, f. 12, op. 2. d. 6.

7. UGA, f. 12, op. 2. d. 9.

8. UGA, f. 12, op. 2. d. 14.

9. Razvitie muzykal'nogo obrazovaniya v Tatarstane. Sbornik dokumentov [Development of music education in Tatarstan. Collection of documents]; ed. by L. V. Gorohova; sost.: O. V. Fedotova, N. A. Sharangina; ed. by D. I. Ibragimova. Kazan': Gl. arh. upr-e pri Kabinete Ministrov Respubliki Tatarstan, 2011. 216 p.

10. Volk P. L. Paradoksy muzykal'nogo obrazovaniya v Rossii (analiz sistemy s 30-h g. po 90-e g. XX v.) [Paradoxes of Music Education in Russia (analysis of the system from the 30s to the 90s of the XX century)]. *Iskusstvo i obrazovanie = Art and Education*, 1999, no. 2, pp. 42–47.

11. Arakelova A. O. O razvitii nachal'nogo muzykal'nogo obrazovaniya v Rossii [On the development of primary music education in Russia]. *Problemy muzykal'noj nauki = Problems of music Science*, 2012, no. 1(10), pp. 176–181.

12. Suetin I. N. Sistema muzykal'nogo professional'nogo obrazovaniya v Rossii v XX veke (na materialah Simbirskoj gubernii – Ul'yanovskoj oblasti). Diss. kand. ped. nauk [The system of musical professional education in Russia in the XX century (based on the materials of the Simbirsk province - Ulyanovsk region). Cand. ped. sci. diss.]. Ul'yanovsk, 2014. 310 p.

13. Ivanova N. I. Istoriko-pedagogicheskij analiz razvitiya muzykal'nogo obrazovaniya v Chuvashii vtoroj poloviny XIX–XX vekov. Diss. kand. ped. nauk [Historical and pedagogical analysis of the development of music education in Chuvashia in the second half of the XIX-XX centuries. Cand. ped. sci. diss.]. Cheboksary, 2004. 243 p.

14. GAUO (Gosudarstvennyj arhiv Ul'yanovskoj oblasti) [State Archive of the Ulyanovsk region], f. R-3049, op. 3, d. 16.

15. Municipal'nyj arhiv Cherdaklinskogo rajona Ul'yanovskoj oblasti [Municipal Archive of the Cherdaklinsky district of the Ulyanovsk region], f. 3, op. 2, d. 21.

16. UGA, f. 12, op. 1, d. 8.

17. UGA, f. 12, op. 1, d. 12.

18. GAUO, f. R-3920, op. 1, d. 4.

19. GAUO, f. R-3920, op. 1, d. 6.

20. Municipal'nyj arhiv Karsunskogo rajona Ul'yanovskoj oblasti [Municipal Archive of the Karsunsky district of the Ulyanovsk region], f. 4, op. 1, d. 2.

21. Municipal'nyj arhiv Teren'gul'skogo rajona Ul'yanovskoj oblasti [Municipal Archive of the Terengulsky district of the Ulyanovsk region], f. 44, op. 1, d. 72.

22. Municipal'nyj arhiv Teren'gul'skogo rajona Ul'yanovskoj oblasti [Municipal Archive of the Terengulsky district of the Ulyanovsk region], f. 44, op. 1, d. 78.

23. GAUO, f. R-3049, op. 3, d. 34.

24. Municipal'nyj arhiv Cherdaklinskogo rajona Ul'yanovskoj oblasti [Municipal Archive of the Cherdaklinsky district of the Ulyanovsk region], f. 3, op. 2, d. 92.

Информация об авторе / Information about the Author

Суетин Илья Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ экономики и правоведения, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Российская Федерация,
e-mail: piazzolla73@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-2792-9085,
Researcher: AAH-1589-2020

Ilya N. Suetin, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Economics and law, Ulyanovsk State Pedagogical University I. N. Ulyanova, Ulyanovsk, Russian Federation,
e-mail: piazzolla73@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-2792-9085,
Researcher: AAH-1589-2020

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-274-282

CC BY 4.0

Становление единой трудовой школы в России в 1918–1922 годы (по материалам Государственного архива Курской области)

М. В. Соловьянова[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: solo_sks@mail.ru

Резюме

Актуальность *исследования заключается в показе положительного опыта становления трудовой школы в России. Она имеет теоретическую и практическую направленность, потому как, во-первых, данный вопрос не был ранее глубоко исследован и, во-вторых, современная школа имеет явные проблемы с организацией трудового воспитания. Положительный опыт обучения и трудового воспитания в 1918–1922 годах позволит найти решение сегодняшних проблем.*

Целью *статьи является исследование становления единой трудовой школы Курской губернии в соответствии с Положением о единой трудовой школе и Основными принципами единой трудовой школы.*

Задачи *вытекают из цели статьи и заключаются в том, чтобы раскрыть исторические условия формирования единой трудовой школы после Октября 1917 года, дать характеристику трудовому методу образования, произвести анализ организации системы обучения в единой трудовой школе в соответствии с нормативными документами советской власти.*

Методология. *Работа базируется на методах анализа и синтеза, а также историко-сравнительном, историко-правовом, историко-педагогическом методах.*

Результаты. *Курская губерния с приходом советской власти активно влилась в масштабные изменения в сфере просвещения. При строительстве системы образования с «чистого листа» существовало множество проблем, связанных с разрухой и голодом в условиях Гражданской войны и политики «военного коммунизма». Одним из основных методов обучения являлся трудовой метод. Организация труда в школе строилась сообразно индивидуальным особенностям и возрасту школьников. При школах создавались условия для ведения сельскохозяйственных работ.*

Выводы. *Опыт создания и деятельности единой трудовой школы имел положительный результат. Заложенные в первые годы советской власти принципы трудовой школы в последующие годы расширились. Труд прочно вошел в систему ценностей советских школьников. Положительный опыт обучения и воспитания в 1918–1922 годах является актуальным и на сегодняшний день.*

Ключевые слова*: единая трудовая школа; советская власть; народное образование; трудовой метод; летняя школа.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи*.

Для цитирования: Соловьянова М. В. Становление единой трудовой школы в России 1918–1922 годы (по материалам Государственного архива Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 274–282. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-274-282.

Поступила в редакцию 25.08.2021 Принята к публикации 21.09.2021 Опубликована 22.10.2021

© Соловьянова М. В., 2021

The Formation of a Unified Labor School in Russia 1918–1922 (Based on the Materials of the State Archive of the Kursk Region)

Marina V. Solovyanova[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: solo_sks@mail.ru

Abstract

The relevance *of the study is to show the positive experience of the formation of a labor school in Russia. It has a theoretical and practical orientation, because, firstly, this issue has not been thoroughly investigated before and, secondly, the modern school has obvious problems with the organization of labor education. The positive experience of training and labor education in 1918-1922 will allow us to find a solution to today's problems.*

The purpose *of the article is to study the formation of the unified labor school of Kursk province in accordance with the Regulations on the unified labor school and the Basic Principles of the unified labor school.*

The objectives *follow from the purpose of the article and are to reveal the historical conditions of the formation of a unified labor school after October 1917, to characterize the labor method of education, to analyze the organization of the training system in a unified labor school in accordance with the normative documents of the Soviet government.*

Methodology*. The work is based on methods of analysis and synthesis, as well as historical-comparative, historical-legal, historical-pedagogical methods.*

Results*. Kursk province, with the advent of Soviet power, actively joined in large-scale changes in the field of education. During the construction of the education system from a "clean slate", there were many problems associated with the devastation and famine in the conditions of the civil war and the policy of war communism. One of the main methods of training was the labor method. The organization of work in the school was built according to the individual characteristics and age of students. Conditions for agricultural work were created at schools.*

Conclusions*. The experience of creating and operating a unified labor school had a positive result. The principles of the labor school laid down in the first years of Soviet power expanded in subsequent years. Labor has firmly entered the system of values of Soviet schoolchildren. The positive experience of education and upbringing in 1918-1922 is still relevant today.*

Keywords*: unified labor school; Soviet power; public education; labor method; summer school.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Solovyanova M. V. The Formation of a Unified Labor School in Russia 1918–1922 (Based on the Materials of the State Archive of the Kursk Region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(5): 274–282. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-274-282.

Received 25.08.2021 Accepted 21.09.2021 Published 22.10.2021

***

Введение

Воспитание неразрывно связано с трудовым процессом. В связи с перестройкой всех общественных сфер в конце XX в. из школ «ушел» общественно-полезный труд, который сегодня зачастую соотносят с понятием заработка [1, с. 295]. Поиск ориентиров для нового поколения россиян определяет актуальность исследования организационного становления единой трудовой школы после Октября 1917 г.

Этой проблеме посвящена представленная статья.

Методология

Статья базируется на методах анализа и синтеза, а также историко-

сравнительном, историко-правовом, историко-педагогическом методах. Историко-сравнительный метод дает возможность исследовать и сравнивать явления в разные исторические периоды. Историко-правовой – позволяет изучить явление с точки зрения его правового происхождения и процесса развития. Историко-педагогический метод формирует общее представление теоретического и практического исторического опыта в области представленной темы и гарантирует получение результата, способствующего решению проблемы на современном уровне.

В качестве источников использованы документы, сохранившиеся в фондах Государственного архива Курской области, а также нормативные документы, вышедшие в первые годы советской власти. Кроме того, автором к исследованию привлечена периодическая печать 1918–1922 гг.

Результаты и их обсуждение

С приходом большевиков к власти в 1917 г. основным видом воспитательного процесса в школах стало трудовое воспитание, которое являлось составной частью советской идеологии. Основными ее понятиями, помимо трудового воспитания, были коллективный труд, социальное равенство, честь, совесть, нравственность, любовь к родине и др. Советская школа должна была воспитать моральную, гармонично развитую личность, защищающую принципы советской власти. Считалось, что такую личность можно воспитать только в единой трудовой школе. Воспитанием подрастающей личности занималась педагогическая интеллигенция [2, с. 64].

Воспитательный процесс проходил через трудовую деятельность в единой трудовой школе. Основными нормативными документами были «Положение о единой трудовой школе РСФСР» и «Основные принципы единой трудовой школы РСФСР». Первый документ был утвержден ВЦИК 30 сентября 1918 г., второй – 16 октября 1918 г. [3, с. 5]

На смену школам, существовавшим до Октября 1917 г., приходила единая трудовая школа, которая предусматривала две ступени овладения знаниями: от 8 до 13 лет (1-я ступень) и от 13 до 17 лет (2-я ступень). Огромную роль в обучении и воспитании стал играть труд. Исходя из того, что трудовая деятельность человека есть важнейшая составляющая его духовно-нравственного развития, только в труде формируется внутренний мир человека, самосознание, развиваются личностные качества [4, с. 395], советская власть стала внедрять трудовое воспитание.

Создание советской школы проходило в условиях Гражданской войны. Школы по понятным причинам находились в состоянии выживания, не имея порой самого необходимого. Труд в этот временной период явился основным источником самообеспечения и самосохранения.

Обращение к трудовому обучению и воспитанию в школе было повсеместным. Общественно-полезный труд воспринимался не обузой для школьников, а как возможность творческого проявления, развития задатков ребенка, раскрытия духовного потенциала [5, с. 42]. Первый нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский по этому поводу отмечал важную роль единой трудовой школы в развитии коллективизма, справедливости, ее соответствие интересам народа [6, с. 30]. Труд являлся главным элементом просвещения, и вся воспитательная работа с подрастающим поколением в единой трудовой школе проводилась в коллективном труде [7, с. 44].

В Курской губернии реализацией принципов новой советской школы занимался Губернский отдел народного образования (ГУБОНО) [8, л. 60]. В курских школах после установления советской власти развернулась политико-просветительная работа [9, с. 17], в которой труд провозглашался главной ценностью. Труд

чествовали на различных внешкольных мероприятиях, устраивались выставки, отражающие трудовую деятельность учащихся [10, с. 163].

Единая трудовая школа формировала новую личность, гражданина «свободной республики», воспитывала привычки к организованной работе и общественной дисциплине, знакомила воспитанника с важнейшими видами человеческого труда и сотрудничества, расширяла умственный кругозор путем научного освещения разных видов и моментов человеческого труда.

Городские школы активно использовали фабричную и заводскую промышленность, а сельские школы – сельскохозяйственное производство в колхозах и совхозах. Для школьников 1-й ступени трудовое воспитание подавалось как игра, для 2-й ступени – как трудовая кооперация.

На основании поставленных большевиками задач школы стремились, чтобы труд учеников был разносторонним, социально-организованным, воспитывающим в душе ребенка чувства коллективизма и товарищеской солидарности. Школьники убирали класс, было организовано ежедневное дежурство, работали на пришкольных участках [11, с. 41–42]. Также с этой целью была разработана система летних практик.

Акцент был сделан на производительный труд, понимаемый как конкретное производство, доступность и полезность которого близка и понятна детям. Труд являлся политехническим, направленным не на усвоение какого-либо определенного вида труда, а на общее ознакомление с основными приемами, формами, материалами и орудиями производства [12, с. 4].

Несмотря на отсутствие единой стратегии в обучении при создании советской школы, финансовых средств, голод, лишения, трудовой энтузиазм, поддерживаемый лозунгами большевиков, не иссякал. В этом во многом сыграла роль трудовая дисциплина [13, л. 4].

Все виды трудовой деятельности были четко распределены в течение всего учебного года. В соответствии с этим распределением учащиеся Курской губернии весной, летом и осенью занимались сельскохозяйственными работами. Участие в летних сельскохозяйственных работах проходило в двух направлениях: в виде систематической деятельности для детей, свободных от домашних летних работ, и в виде эпизодической деятельности по воскресным и праздничным дням для детей, принимающих участие в летних домашних работах.

Те, кто не занимался домашними сельскохозяйственными работами, трудились в школьном хозяйстве, у остальных теоретические занятия проходили в соответствии с их домашним бытом. В зимний период трудовая деятельность проходила в школьных мастерских или на фабриках, которые брали шефство над школами.

В школах, несмотря на связанные с военным периодом сложности, создавалась материальная база для трудового воспитания [14, л. 66].

Учащиеся охотно включались в трудовую деятельность. На школьных советах, линейках они с гордостью докладывали о своих трудовых достижениях, рассказывали о лучших учениках, особо потрудившихся на пришкольных участках. Так, 29 сентября 1921 г. в Букреевской школе был заслушан отчет, как школьники собрали 2 пуда яблок в школьном саду [15, л. 28].

Курские школьники оказывали помощь своему учебному заведению, вели заготовку дров на зиму, ремонт школьных зданий и школьной мебели. Не все проходило гладко, бывали и конфликты. Так, в протоколе № 5 заседания школьного совета Советской школы 2-й ступени города Курска от 5 мая 1920 г. зафиксировано обсуждение вопроса о передаче в школьный фонд садового участка граж-

данки Корольковой. В протоколе оговаривается, что предоставленная земля уже засеяна владелицей, и она ее не отдаст школе, т. к. эта земля является единственным источником существования для нее с семьей. На школьном совете было решено отказаться от данного земельного участка [16, л. 46].

Весной 1920 г. в обращении Губотдела Народобраза к школьным советам был поднят вопрос об организации так называемых летних школ. В частности, в обращении говорилось: «Центральным предметом Новой Школы является человеческая жизнь и человеческий труд <…> Летняя школа есть, прежде всего, трудовая школа, самая богатая по материалу» [14, л. 64].

Школьный отдел Губсоцвоса указывал на то, что при каждой школе должны быть опытный сад и огород, по мере возможности должны быть опытное поле, пчелы, показательный хлев, молочная ферма, луг и часть леса.

Такая форма работы была нова, потому на местах требовали разъяснений. Заведующий школьным отделом Губсоцвоса М. Троицкий в своем выступлении по поводу организации летних школ указывал: «Здесь нет классов, уроков, звонков, а только организация труда и досуга целого коллектива…» [17, с. 9–10].

Благоприятным условием для становления трудовой школы являлось введение школьного коллектива в естественную природную обстановку. В уездных городах и фабрично-заводских районах Курской губернии организовывались центральные интершкольные участки. На таких участках работали отдельные группы учащихся, образовавшиеся из состава нескольких школ. Учителя-наставники из трудовых коллективов разрабатывали планы работы, создавали заготовки, макеты, алгоритмы действий. В сельских школах Курской губернии школьники работали на полях, приобщались к коллективной сельскохозяйственной деятельности.

Вся деятельность привлеченных наставников ориентировалась на принципы советской власти [18, с. 398].

К работе со школьниками привлекали лучших членов трудовых коллективов. В обращениях к ним звучали такие слова: «Работник, если только он продумал и прочувствовал трудовую школу и согласился с нами, когда мы говорим, что новая школа должна создать цельные, с развитыми социальными инстинктами личности и заложить в них фундамент социалистического мировоззрения. А сколько такой работник может сделать в этом направлении в летней школе, как сможет обогатить ум ребенка, закалить его волю, и разбудить в нем высокие, самоотверженные, альтруистические чувства!» [19, л. 64].

В школах регулярно организовывались общественно-полезные работы, устраивались «недели чистоты», недели библиотеки и т.д. Учителя проводили беседы, тематические вечера о трудовом воспитании, устраивали конкурсы на «трудовые» темы, на доску почета помещали самых трудолюбивых школьников. Принципы единой трудовой школы были отражены и в создаваемых в школах внеклассных объединениях – кружках, секциях.

Не обходились без участия школьников советские трудовые субботники. Трудовыми субботниками сопровождались почти все «красные» дни. В обращении к Уездным Отделам Наробраза говорится: «На 4–5 сентября [1920 года. – *Авт.*] назначается Международный День Молодежи. 4-е сентября выльется во Всероссийский субботник Молодежи, 5-е

сентября будет посвящено демонстрации молодежи…» [19, л. 4].

Несомненно, советская школа базировалась на новых политических принципах [20, с. 24]. Трудовая школа «обслуживала» идеологию советской власти. «От работника просвещения, – говорилось в установочных документах, – требуется мужество повести решительную борьбу с традициями старой школы в самом себе, среди населения и учащихся <…> Для работника трудовой школы проявление этого революционного мужества является лишь исполнением их великого долга пред революционной страной, который уже три года остается неоплаченным. И этот долг не только долг чести, но и от исполнения его зависит все будущее советской России» [21, с. 13].

В дальнейшем сельские школы Курской губернии ориентировались на установки, обозначенные в Постановлении СНК РСФСР от 25 сентября 1929 г. «Об организации начального сельскохозяйственного образования в сельских школах и об улучшении постановки сельскохозяйственного образования в школах крестьянской молодежи» [22, с. 1063]. В Курской губернии воплощались принципы единой школы, спущенные Наркомпросом на места [23, с. 136].

Основы трудовой школы, заложенные в первые годы Советской власти, в последующие годы только расширялись [24, с. 209]. В курских школах появились «тимуровцы», которые всегда были готовы прийти на помощь ветеранам Великой Отечественной войны и труженикам тыла, в школах и в домах культуры активно велась кружковая работа, работали учебно-производственные комбинаты. Учебно-производственные комбинаты, которые в расписании учащихся школ выделялись как УПК, существовали на протяжении всего советского периода. Один день в неделю в старших классах в расписании ставилось УПК. Занятия проводились и теоретические, и практические на предприятиях. По окончании школы сдавались экзамены, выдавалось удостоверение о приобретении профессии. Труд прочно входил в систему ценностей советских школьников [25, с. 215].

Выводы

Опыт создания и деятельности единой трудовой школы имел положительный результат. Заложенные в первые годы Советской власти принципы трудовой школы в последующие годы расширились. Положительный опыт обучения и воспитания в 1918–1922 гг. является актуальным и на сегодняшний день.

Список литературы

1. Шошин М. А Сущность трудового воспитания в современных условиях // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. С. 295–300.

2. Коган Л. Н. Интеллигенция: слой специалистов или духовная элита общества? // Российская интеллигенция: XX век: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1994. С. 64–65.

3. Богуславский М. В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. 1957. № 3. С. 5–22.

4. Макаренко А. С. Сочинения: в 7 т. Т. 4: Воспитание в труде. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1957. 552 с.

5. Филлипова Л. Г. Проблемы трудового воспитания в современной школе // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 3 (18). С. 41–43.

6. Луначарский А. В. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению // А. В. Луначарский о народном образовании. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 559 с.

7. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, 1917–1941 гг. / отв. ред. Н. П. Кузин [и др.]. М.: Педагогика, 1980. 456 с.

8. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-409. Д. 1. Оп. 4. Л. 60.

9. Варавин И. К. Курская губернская партийная организация в борьбе за подъем политико-просветительной работы (1921–1925) // Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963. С. 17–49.

10. Соловьянова М. В., Ларина О. Г. Деятельность губернских отделов народного образования в Курском крае в 1917–1920-е годы // Научное мнение. 2013. № 8. С. 163–167.

11. Крупская Н. К. Школьное самоуправление. М.: Просвещение, 1964. 207 с.

12. Организация труда в школе (тезисы) // Народное просвещение. 1921. № 4. С. 4–7.

13. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 3. Д. 83. Л. 4.

14. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 47. Л. 64–66.

15. ГАКО. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 50. Л. 28.

16. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 70. Л. 46.

17. О летней школе (тезисы) // Народное просвещение. 1921. № 2. С. 9–10.

18. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41: Май-ноябрь 1920. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. С. 398–408.

19. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 14. Л. 4.

20. Федюкин С. А. Партия и интеллигенция. М.: Политиздат, 1983. 238 с.

21. Летние занятия в трудовой школе // Народное просвещение. 1921. № 1. С. 13.

22. Об организации начального сельскохозяйственного образования в сельских школах и об улучшении постановки сельскохозяйственного образования в школах крестьянской молодежи: постановление СНК РСФСР от 25/IX 1929 г. // Еженедельник НКП РСФСР. 1929. № 42, ст. 1063.

23. Соловьянова М. В. Становление системы образования в первые годы советской власти (на материалах Курской губернии) // Современное право. 2008. № 11. С. 136–141.

24. Балицкий И. И. Образовательная политика в условиях социально-культурной трансформации советского общества в 1920–1930-х гг. // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С. 208–213.

25. Гребнев И. В., Сомова Д. В. Трудовое воспитание в советской школе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 3 (39). С. 215–223.

References

1. Shoshin M. A Sushchnost' trudovogo vospitaniya v sovremennyh usloviyah [The essence of labor education in modern conditions]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2009, no. 1, pp. 295–300.

2. Kogan L.N. Intelligenciya: sloj specialistov ili duhovnaya elita obshchestva? [Intelligentsia: a layer of specialists or the spiritual elite of society?]. Rossijskaya intelligenciya: XX vek.

Tezisy dokladov i soobshchenij [Russian intelligentsia: XX century. Abstracts of reports and messages]. Ekaterinburg, Ural. St. Univ. 1994, pp. 64–65.

3. Boguslavskij M. V. Reformy rossijskogo obrazovaniya XIX–XX vv. kak global'nyj proekt [Reforms of Russian education of the XIX-XX centuries. as a global project]. *Voprosy obrazovaniya = Education issues*, 1957, no. 3, pp. 5–22.

4. Makarenko A. S. Sochineniya. T. 4. Vospitanie v trude [Essays. Vol. 4. Education in work]. Moscow, Izd-vo Akad. Ped. nauk RSFSR, 1957. 552 p.

5. Fillipova L. G. Problemy trudovogo vospitaniya v sovremennoj shkole [Problems of labor education in a modern school]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Mari State University*, 2015, no. 3 (18), pp. 41–43.

6. Lunacharskij A. V. Rech' na I Vserossijskom s"ezde po prosveshcheniyu [Speech at the I All-Russian Congress on Education]. A. V. Lunacharskij o narodnom obrazovanii [A.V. Lunacharsky on public education]. Moscow, Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR Publ., 1958. 559 p.

7. Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoj mysli narodov SSSR, 1917–1941 gg. [Essays on the history of the school and pedagogical thought of the peoples of the USSR, 1917-1941]; ed. by N. P. Kuzin, eds. Moscow, Pedagogika Publ., 1980. 456 p.

8. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (GAKO) [The State Archive of the Kursk Region (GAKO)], f. R-409, d. 1, op. 4, l. 60.

9. Varavin I. K. Kurskaya gubernskaya partijnaya organizaciya v bor'be za pod"em politiko-prosvetitel'noj raboty (1921–1925) [Kursk Provincial Party organization in the struggle for the rise of political and educational work (1921–1925)]. *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes], is. 2. Kursk, 1963, pp. 17–49.

10. Solov'yanova M. V., Larina O. G. Deyatel'nost' gubernskih otdelov narodnogo obrazovaniya v Kurskom krae v 1917-1920-e gody [Activity of provincial departments of public education in the Kursk Region in the 1917-1920-ies]. *Nauchnoe mnenie = Scientific opinion*, 2013, no. 8, pp. 163–167.

11. Krupskaya N. K. Shkol'noe samoupravlenie [School self-government]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. 207 p.

12. Organizaciya truda v shkole (tezisy) [Organization of work at school (theses)]. *Narodnoe prosveshchenie = National Enlightenment*, 1921, no. 4, pp. 4–7.

13. GAKO, f. R-309, op. 3, d. 83, l. 4.

14. GAKO, f. R-309, op. 2, d. 47, l. 64–66.

15. GAKO, f. R-310, op. 1, d. 50, l. 28.

16. GAKO, f. R-309, op. 2, d. 70, l. 46.

17. O letnej shkole (tezisy) [About the summer school (theses)]. *Narodnoe prosveshchenie = National Enlightenment*, 1921, no. 2, pp. 9–10.

18. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works]. Vol. 41: Maj-noyabr' 1920. 5th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1974, pp. 398–408.

19. GAKO, f. R-309, d. 14, op. 2, l. 4.

20. Fedyukin S. A. Partiya i intelligenciya [The Party and the intelligentsia]. Moscow, Politizdat Publ., 1983. 238 p.

21. Letnie zanyatiya v trudovoj shkole [Summer classes at a labor school]. *Narodnoe prosveshchenie = National Enlightenment*, 1921, no. 1, pp. 13.

22. Ob organizacii nachal'nogo sel'skohozyajstvennogo obrazovaniya v sel'skih shkolah i ob uluchshenii postanovki sel'skohozyajstvennogo obrazovaniya v shkolah krest'yanskoj molodezhi:

postanovlenie SNK RSFSR ot 25/IX 1929 g. [On the organization of primary agricultural education in rural schools and on improving the formulation of agricultural education in the schools of peasant youth: resolution of the SNK of the RSFSR of 25/IX 1929]. *Ezhenedel'nik NKP RSFSR = Weekly of the NCP of the RSFSR*, 1929, no. 42, st. 1063.

23. Solov'yanova M. V. Stanovlenie sistemy obrazovaniya v pervye gody sovetskoj vlasti (na materialah Kurskoj gubernii) [Formation of the education system in the first years of Soviet power (based on materials of the Kursk province)]. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2008, no. 11, pp. 136–141.

24. Balickij I. I. Obrazovatel'naya politika v usloviyah social'no-kul'turnoj transformacii sovetskogo obshchestva v 1920–1930-h gg. [Educational policy in the conditions of socio-cultural transformation of Soviet society in the 1920s-1930s.]. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*, 2013, no. 4, pp. 208–213.

25. Grebnev I. V., Somova D. V. Trudovoe vospitanie v sovetskoj shkole [Labor education in the Soviet school]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2015, no. 3 (39), pp. 215–223.

Информация об авторе / Information about the author

Соловьянова Марина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: solo_sks@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-4136-7066

Marina V. Solovyanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Sociocultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: solo_sks@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4136-7066

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

> УДК 004.9:519.8
>
> **Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия**
>
> **А.Л. Иванов**[1] ✉
>
> [1]Юго-Западный государственный университет
> ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация
>
> ✉ e-mail: ivanov@gmail.com
>
> **Актуальность**. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.
> ...
> **Ключевые слова:** агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/**